

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

1 · 1989

ЯНВАРЬ · ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Е. ЗЕЛЕНИН (*и. о. главного редактора*)
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
Г. Д. КОМКОВ,
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ, И. И. МИНЦ,
В. П. НАУМОВ,
А. П. НОВОСЕЛЫШЕВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
И. В. РУСИНОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 923-56-93

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. Ye. ZELENIN (*Editor-in-chief ad interim*)
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
G. D. KOMKOV,
V. Ya. LAVERYCHEV, I. I. MINTS,
V. P. NAUMOV,
A. P. NOVOSELTSEV,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
I. V. RUSINOV

Address:

19, Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 923-56-93

Managing Editor *Yu. V. Mochalova*, tel. 924-29-31

**РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.**

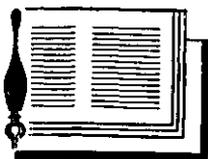
Технический редактор *Гликина Л. И.*

Сдано в набор 06.10.88   Подписано к печати 28.12.88   А-13409   Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать   Усл. печ. л. 18,2   Усл. кр.-отт. 463,0 тыс.   Уч.-изд. л. 21,1   Бум. л. 7,0
Тираж 25000 экз.   Зак. 4729

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

М. А. СВИЩЕВ

ОПЫТ НЭПА И РАЗВИТИЕ МЕЛКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Принятие законов об индивидуальной трудовой деятельности и о кооперации стало важным рубежом в развитии экономической мысли и практики хозяйствования. В плане теоретическом это означает признание того факта, что при социализме существует многообразие форм собственности. В области хозяйственной практики новые законы свидетельствуют об отказе от попыток насытить рынок потребительскими товарами и услугами, опираясь только на возможности крупных государственных предприятий. Тем самым была признана необходимость и создана правовая основа для роста мелкого производства. В силу этого изучение закономерностей его функционирования в рамках социалистической экономики представляется чрезвычайно актуальным. К сожалению, у обществоведов не оказалось весомого теоретического задела как в разработке теоретических проблем, так и в изучении долговременных тенденций развития мелкого производства. Поэтому первые шаги по использованию мелкого производства для преодоления несбалансированности платежеспособного спроса и предложения, смягчения дефицита потребительских товаров приходится делать, опираясь главным образом на здравый смысл и практику хозяйствования.

Какой вклад могут внести историки в разработку научно обоснованной политики по отношению к мелкому производству?

Сейчас, размышляя о тех изменениях, которые происходят в хозяйственной жизни страны, часто подчеркивают их сходство с мероприятиями новой экономической политики. Действительно, широкое использование товарно-денежных отношений, экономических рычагов управления во многом созвучно идеям проводимой в соответствии с решениями июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС радикальной экономической реформы. Из этого делается вывод, что можно взять отдельные хозяйственные структуры периода нэпа и перенести их в нынешние условия. В частности, в периодической печати нередко встречаются предложения возродить синдикаты как органы оптовой торговли. При таком подходе задача историков состоит в том, чтобы максимально точно ус-

---

Свищёв Михаил Александрович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

тановить, как функционировали тогда те или иные хозяйственные структуры.

В 20-е гг. экономика развивалась на основе товарно-денежных отношений. Связи осуществлялись через рынок, где в качестве самостоятельных контрагентов встречались государственные предприятия, мелкие товаропроизводители города, крестьянские хозяйства, кооперативы. Инструментами регулирования являлись налоги, цены, кредиты. Планирование не носило характера директивной «разверстки» заданий, а представляло собой определение контрольных цифр развития народного хозяйства. Важным средством поддержания рыночного равновесия служил государственный бюджет, создавались специальные централизованные фонды для целевого финансирования крупных проектов. Несомненно, в народном хозяйстве страны имелись тогда значительные элементы саморегулирования.

Сложный путь общественно-экономического развития страны привел нас к пониманию того, что сверхцентрализация, всеобъемлющее директивное планирование пагубны для современного народного хозяйства. Суть перестройки и заключается в создании динамичной, гибкой экономики, содержащей внутренние стимулы развития. Функционированию саморегулирующихся экономических систем присущи определенные закономерности, изучение которых чрезвычайно важно для разработки теории и практики перестройки. В этой связи опыт нэпа представляет огромный интерес. По сути дела то была единственная попытка (если не считать проводимых в последние десятилетия в ряде социалистических стран экономических реформ) создать способное к саморегулированию народное хозяйство в условиях обобществления основной части средств производства.

Обращаясь к опыту нэпа, нужно, конечно, учитывать, что современная экономика стала качественно иной по сравнению с существовавшей в 20-е гг. Принципиально изменилась с тех пор структура народного хозяйства, ликвидирована многоукладность, важнейшее место среди инструментов управления заняло планирование с целым арсеналом присущих ему методов. Возросла сложность экономики, усилилась взаимосвязанность отдельных ее компонентов, глубже стала интеграция в мировое хозяйство. Исчезло среднее крестьянство, в интересах союза с которым осуществлялись важнейшие мероприятия нэпа. Общество в целом решает сейчас иные социально-политические задачи. Поэтому просто вмонтировать хозяйственные структуры того периода в сегодняшнюю экономику нельзя. Нэп был целостной системой хозяйствования, которая вводилась в определенных исторических условиях. В том времени невозможно искать готовые рецепты решения сегодняшних проблем. При общности глубинных закономерностей, действующих в экономике, конкретные методы регулирования рынка, механизмы, обеспечивающие взаимодействие отраслей хозяйства в нынешних условиях, должны быть совершенно иными.

Наиболее важной задачей исследователей, занимающихся изучением народного хозяйства 20-х гг., является анализ закономерностей функционирования экономики этого периода. Только существенное углубление наших представлений о происходивших тогда процессах позволит реализовать те возможности, которые открывает использование исторического опыта для понимания сегодняшней ситуации.

Мелкое производство по своей экономической природе может существовать и развиваться только в условиях саморегулирующейся эконо-

мики. Поэтому для понимания процессов, происходящих сейчас в сфере мелкого производства, естественно обратиться к опыту нэпа. Но, конечно, характер мелкого производства с тех пор существенно изменился. Механически переносить представления о частном предпринимательстве периода нэпа на происходящие сейчас процессы нельзя. Внешняя похожесть ряда форм, поиск прямых аналогий могут в данном случае оказать дурную услугу. Нам важно постигнуть внутреннюю логику и взаимоотношенность принятых тогда в этой области мер.

В исторической науке изучение мелкого производства периода нэпа традиционно велось в двух направлениях. Во-первых, предметом исследования являлась политика КПСС и Советского государства по отношению к городским средним слоям, ход осуществления ленинского кооперативного плана, процесс социалистического преобразования мелкой промышленности и торговли¹. Во-вторых, изучались методы контроля, ограничения и вытеснения нэпманской буржуазии из народного хозяйства, характер и формы классовой борьбы в 20-е гг., положение рабочих частных предприятий, деятельность профсоюзов и рабоче-крестьянской инспекции по защите трудящихся от капиталистической эксплуатации². По каждому из направлений исследований накоплен большой фактический материал и сделаны интересные обобщения.

Однако в современных условиях под влиянием хозяйственной практики возникла необходимость в расширении проблематики исследований и повышении их теоретико-методологического и методического уровня. Следует пересмотреть существующие представления о потенциальных возможностях мелкого производства, его роли в экономике. В углубленной разработке нуждаются вопросы сравнительной эффективности мелкого и крупного производства в отдельных отраслях (с учетом различий в уровне их технической вооруженности), результаты развития народного хозяйства страны в 20-е гг. за счет использования частной промышленности и торговли. В научной литературе имеет место недооценка принципиального указания В. И. Ленина о возможности «оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном)...»³

В историографии изучение частного сектора обрывается обычно на рубеже 20—30-х гг., когда завершился процесс ликвидации капиталистических элементов. Но ведь мелкое производство продолжало существовать в различных формах. На протяжении 30—50-х гг. именно личное подсобное хозяйство во многом обеспечивало существование сельского населения. В рамках теневой экономики, где, по расчетам специа-

---

¹ Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности. М., 1969; Лебакова Э. Р. Опыт КПСС по приобщению мелкой буржуазии города к строительству социализма. М., 1970; Чумак А. Ф. Исторический опыт КПСС по социалистическому преобразованию мелкой промышленности. Харьков, 1971; Степин А. П. Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. М., 1975; Гречкина Э. Р. Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976; Дмитриенко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И. Партия и кооперация. М., 1978 и др.

² Морозов Л. Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (из истории ликвидации капиталистических элементов города). 1926—1929. М., 1960; Погорельский В. П. Политика КПСС в отношении частного капитала в промышленности и торговле СССР. 1917—1927. М., 1960; Трифионов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923). Ч. II. Подготовка экономического наступления на нэпманскую буржуазию. Л., 1969; Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920 — начало 30-х годов. М., 1978 и др.

³ Ленин В. И. ПСС, т. 43, с. 233.

листов, производилось товаров и услуг на 14—16 млрд. руб., мелкое производство дожило до наших дней⁴. Однако нет исследований, в которых рассматривались бы вопросы о том, как мелкое производство эволюционировало под воздействием административно-запретительных мер, как существование теневой экономики сказывалось на развитии народного хозяйства в целом.

Уже неоднократно указывалось на ограниченность и недостаточную точность информации о частном секторе в период нэпа. Такое состояние источниковой базы обусловлено высокой подвижностью мелкого производства, почти полным отсутствием отчетной документации, которая могла бы послужить основой статистических обобщений. К искажениям информации приводило и стремление некоторых предпринимателей избежать государственного контроля, добиться уменьшения налогов, скрыть истинный характер своей деятельности. Тем не менее вовлечение в научный оборот имеющихся материалов (прежде всего налоговой статистики, результатов обследования мелкой промышленности в 1925—1929 гг.⁵), совершенствование методов анализа, позволяющих извлекать скрытую информацию, в принципе дают возможность глубоко и разносторонне охарактеризовать структуру и механизм функционирования частного сектора народного хозяйства в 20-е гг. Задача состоит в том, чтобы в конкретно-исторических исследованиях полнее реализовать информационный потенциал этих источников.

В данной статье предпринимается попытка взглянуть на современные народнохозяйственные проблемы, возникающие в связи с развитием мелкого производства, исходя из опыта нэпа. В центре исследования находятся три вопроса: может ли мелкое производство в новых условиях оказать существенное влияние на состояние экономики, какое место оно должно занять в народнохозяйственном механизме, чем обусловливаются высокие доходы, получаемые в сфере мелкого производства. Основная цель статьи — привлечь внимание к этому кругу вопросов. Очевидно, что эффективная их разработка может вестись только совместными усилиями представителей различных обществоведческих дисциплин.

Росту мелкого производства в современных условиях во многом могут способствовать индивидуальная трудовая деятельность и кооперативы. Первоначально большее развитие получила система индивидуального труда, по существу сложившаяся и оформившаяся еще в рамках теневой экономики. Но с принятием ряда мер, поставивших в более благоприятные условия экономической деятельности кооперативы (возможность пользоваться кредитами, производить оптовые закупки сырья, приобретать технику, иметь счет в банке), их число стало возрастать. По существу сложилось два типа кооперативов. Одни, входящие в Центросоюз, практически ничем не отличаются от государственных предприятий относительно формирования цен, распределения доходов, оплаты труда. Другим кооперативам, возникшим в 1986—1988 гг., свойственна ориентация производственной деятельности на рыночную конь-

---

⁴ Болонский В., Головин С. Развитие индивидуальной трудовой деятельности. — Плановое хозяйство, 1987, № 7, с. 88.

⁵ Свищев М. А. Налоговая статистика как источник для изучения социальной структуры города в первые годы нэпа. — История СССР, 1985, № 6; Гребениченко С. Ф. Массовые источники по истории мелкой промышленности СССР 1920-х годов (материалы обследований мелких предприятий и промыслов 1925 г.). — Источниковедение массовых источников. Сб. статей. М., 1988.

конктуру, жесткая связь между результатами работы и доходами, реальное самоуправление.

В данной статье автор основное внимание сосредоточил на развитии индивидуальной трудовой деятельности. По своему экономическому поведению лица, занимающиеся индивидуальным трудом, близки к кооперативам второго типа. И те, и другие действуют в условиях рынка и реальной конкуренции. В результате закономерности формирования цен на продукцию, распределения доходов и т. п. оказываются схожими. Поэтому можно считать, что механизмы функционирования индивидуальной трудовой деятельности присущи всей сфере мелкого производства.

В научно-публицистической литературе широко обсуждается сейчас вопрос о том, какие социально-экономические процессы, протекавшие в стране в последние годы, сделали необходимым законодательное разрешение индивидуального труда. Этому была посвящена большая часть доклада председателя Госкомитета по труду и социальным вопросам И. И. Гладкого на сессии Верховного Совета СССР⁶, а также многочисленные публикации в газетах и журналах⁷. Содержащаяся в них подробная характеристика сути Закона об индивидуальной трудовой деятельности и причин, вызвавших его к жизни, избавляет от необходимости затрагивать в статье эти сюжеты.

В настоящее время система индивидуального труда переживает период становления и еще не обрела устойчивых, определенных форм. То, какой она станет, во многом зависит от политики по отношению к ней со стороны государства. Сейчас можно говорить только об отдельных тенденциях, проявляющихся в развитии индивидуальной трудовой деятельности. Они могут существенно изменяться по мере того, как будет разворачиваться перестройка хозяйственного механизма. По сути дела, индивидуальный труд через несколько лет должен будет «встраиваться» в совершенно иную экономику. Поэтому однозначные ответы на поставленные выше вопросы дать нельзя. Опыт нэпа позволяет предвидеть, как поведет себя мелкое производство в различных условиях, при различной политике по отношению к нему, но наивно думать, что на основе изучения прошлого можно дать точный прогноз развития того или иного социального явления. Речь должна идти только о предполагаемых вариантах процессов, которые могут протекать в сфере индивидуального труда, и о том, как будет осуществляться взаимодействие с государственными предприятиями в зависимости от общей экономической ситуации. Таких вариантов можно наметить достаточно много, так как народное хозяйство в целом находится сейчас на этапе радикальных преобразований.

* * *

В научной литературе 20-х гг. было сформулировано положение о том, что частный сектор в условиях товарно-денежных отношений пред-

---

⁶ Правда, 1986, 20 ноября.

⁷ Губарев В. Основано на личном труде.— Советская Россия, 1986, 22 ноября; Сухарев А. Рубль в одном измерении.— Коммунист, 1986, № 10; Труд индивидуаль- ный — польза общая.— Там же, № 18; Л а ц и с О. Индивидуальный труд в современной социалистической экономике.— Коммунист, 1987, № 1; Ш о х и н А. Индивидуальная трудо- вая деятельность: проблемы и перспективы.— Политическое самообразование, 1987, № 2; П о п о в Г. Перестройка экономики и индивидуальный труд.— Наука и жизнь, 1987, № 9; Индивидуальный труд.— Известия, 1987, 9—10 сентября и др.

ставляет опасность для строительства социализма, поскольку мелкое производство с неизбежностью порождает капиталистические элементы. Тревогу при этом вызвал даже не рост численности крупных предпринимателей, а то, что они сосредоточивали в своих руках значительные денежные и материальные ресурсы и получали за счет этого возможность воздействовать на положение в экономике. Такие взгляды, как казалось, находили подтверждение в совершенно бесспорных фактах влияния частного сектора на розничные цены, заготовки сырья, сбыт промышленной продукции. Тезис об угрозе заставлял активнее проводить политику, направленную на ускоренное вытеснение и ликвидацию частной промышленности и торговли.

В современной историографии также зачастую ставится знак равенства между уровнем концентрации капитала и силой частного сектора. В связи с этим чрезвычайно важным оказывается вопрос о том, как далеко зашло в период нэпа формирование слоя капиталистических предпринимателей. Возьмем для анализа данные за 1925—1926 гг., когда в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и ослабления налогового нажима частный сектор в городе достиг вершины своего развития, и тенденции буржуазного накопления проявлялись наиболее отчетливо.

Как известно, в период нэпа наиболее прочные позиции частные предприниматели занимали в сфере обмена: к середине 20-х гг. в их руках находилась четверть всего товарооборота страны и более половины розничной торговли⁸, в которой было сосредоточено около 60% всех финансовых ресурсов частного сектора⁹. «В области торговли, — писал в 1926 г. академик С. Г. Струмилин, — частному капиталу у нас было предоставлено наиболее широкое поприще для соперничества с общественным сектором нашего хозяйства. Здесь он мог выявить все преимущества столь прославленной идеологами мелкой буржуазии „частной инициативы“ и „частного интереса“ в противовес общественной инициативе и общественным интересам советского строя»¹⁰.

К середине 20-х гг. 73% торговцев приобрели патенты I и II разрядов. На их предприятия — лотки и киоски — приходилась треть всего частного товарооборота, наемная рабочая сила составляла 0,4% всех занятых лиц. Патентов III разряда, которые давали право открывать небольшие магазины, было 23%. В них торговали главным образом сами владельцы и члены их семей, доля наемного труда не превышала 25%. Только 4% торговых заведений IV—V разрядов носили капиталистический характер. Они основывались преимущественно на наемном труде, хотя рядом с рабочими и служащими в большинстве случаев трудился и владелец¹¹.

В промышленности частный сектор был представлен ценовыми, мелкими и кустарно-ремесленными предприятиями, доля которых в общем объеме индустриального производства составляла около 19%. Ценовых предприятий, насчитывающих не менее 16 рабочих при наличии механического двигателя, было в 1925/26 г. 1915; в среднем на каждом из них работал 21 человек¹². Эти небольшие мастерские, которые лишь

⁸ Патентная торговля СССР за 1925/26 г. М., 1929, с. 4—32.

⁹ Миигулин И. Пути развития частного капитала. М., 1927, с. 139—140.

¹⁰ Струмилин С. Г. Статистика и экономика. М., 1929, с. 451.

¹¹ Рассчитано по: Частная торговля, промышленность и личные промысловые занятия на Украине. Харьков, 1929, табл. 101—124.

¹² Статистический справочник СССР. 1928. М., 1929, с. 324, 500, 214.

чуть-чуть поднялись выше черты, отделявшей, согласно принятым в статистике критериям, фабрично-заводскую промышленность от мелкой, не шли ни в какое сравнение с государственными предприятиями, насчитывавшими в среднем по 273 рабочих. Поистине огромным было число кустарно-ремесленных заведений. Обследование 1925 г. зафиксировало 1 882 408 производственных единиц, на каждую приходилось в среднем по 1,3 работника. Доля наемного труда составляла 6,5% от общей численности занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности лиц¹³. Стоимость основных производственных фондов на одном частном предприятии, считая цензовые и кустарно-ремесленные, составляла в среднем 362 руб.¹⁴

Объективно условия нэпа благоприятствовали росту капиталистического производства и торговли. В крестьянской стране, какой являлась Россия, важнейшую роль в экономике играл мелкотоварный уклад. Крупная промышленность была разрушена за годы войны и интервенции. Это отдавало рынок в руки мелкого производителя, который в первые годы нэпа по существу не сталкивался с конкуренцией. До 1924 г. продолжались инфляционные процессы, в обращении находилось несколько параллельных валют с разным обеспечением, что открывало простор для спекуляции на курсе денежных знаков. Социалистические предприятия еще не имели опыта хозяйствования, не было налаженной системы финансового контроля. Частный предприниматель, выступавший в роли посредника, агента по сбыту продукции, заготовителя, широко пользовался этим, наживаясь за счет государства. Такая ситуация была на руку хитрому, расчетливому, изворотливому дельцу, стремившемуся разбогатеть любым путем. Однако сколько-нибудь значительной и устойчивой группы предпринимателей капиталистического типа так и не сложилось.

В целом на эксплуатации наемного труда основывалось около 20 тыс. торговых заведений, 2 тыс. цензовых и 19 тыс. мелких промышленных предприятий¹⁵. Во всем населении доля предпринимателей капиталистического типа равнялась 0,2%¹⁶.

Конечно, в частном секторе имелись владельцы и очень крупных состояний. В 1925/26 г. было зафиксировано 6 предприятий, стоимость основных производственных фондов каждого из которых составляла в среднем 760 тыс. руб.¹⁷. В Москве и Ленинграде в 1926/27 г. проживало 855 человек, имевших годовой доход свыше 20 тыс. руб.¹⁸. Но такие большие состояния, быстро складывавшиеся за счет мошенничества, воровства, взяточничества, также быстро и исчезали. В середине 20-х гг. среди крупных нэпманов не было ни одного, не привлекавшегося к уголовной ответственности. Расчеты показывают, что их состав ежегодно обновлялся больше чем на половину. В руках предпринимателей капиталистического типа находился приблизительно 1% наци-

---

¹³ Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927, с. 102.

¹⁴ Статистический справочник СССР. 1927. М., 1928, с. 237.

¹⁵ Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 1930-х годов. М., 1979, с. 115.

¹⁶ Доклад Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР. М., 1929, с. 74.

¹⁷ Статистический справочник СССР. 1928, с. 458.

¹⁸ Подоходное обложение физических лиц в 1926/27 г. М., 1929, с. 87.

онального дохода¹⁹. Естественно, они не могли сколько-нибудь существенно воздействовать на народное хозяйство.

Основной фигурой частного сектора на всем протяжении 20-х гг. был мелкий предприниматель, на долю которого приходилось 75% торговых оборотов и 87% промышленного производства²⁰. Его образ жизни существенно не отличался от быта основной массы населения, как это часто представляется. Если принять размер душевого потребления в семьях рабочих за 100%, то в семьях кустарей и ремесленников он будет равен 134, а владельцев торгово-промышленных предприятий — 251%²¹. Незначительны были различия в обеспеченности жильем (не более 10—12%)²². Основным фактором, препятствовавшим росту рядов предпринимателей капиталистического типа, была целенаправленная политика Советского государства. Рабочий класс прочно держал в своих руках политическую власть, крупную промышленность, транспорт — мощные рычаги воздействия на мелкое производство и торговлю.

На протяжении 20-х гг. гибко использовался широкий арсенал методов регулирования частного сектора. Важное место среди них занимало налогообложение, посредством которого могло изыматься до 90% доходов частных предпринимателей²³. В результате доля налогов в обороте частной торговли составляла 8,1%, а в обороте государственных и кооперативных предприятий — 1,60—1,62%²⁴. Кроме того, предприниматели должны были вносить повышенную арендную и квартирную плату, плату за обучение детей и т. д. В 1924/25 г. эти платежи составляли 170,1 млн. руб.²⁵

Законодательство ограничивало сферу деятельности частных предпринимателей жесткими рамками. Они не могли открывать предприятия с числом рабочих более 20, выступать посредниками между государственными и кооперативными организациями. Эти запреты дополнялись системой административных мер регулирования предпринимательской деятельности. По решению хозяйственных органов могла приостанавливаться продажа частным предприятиям изделий государственной промышленности, определенных видов сырья, перевозка по железным дорогам грузов, принадлежащих промышленникам и торговцам.

В условиях всестороннего контроля за темпами и размерами накопления средств предпринимателями легальных возможностей для быстрого обогащения не существовало. Поэтому история буржуазного накопления в СССР, как писал известный публицист Ю. Ларин, была историей буржуазного воровства в разных формах и видах²⁶. Однако при всем размахе, который приобрели в первые годы нэпа хищения госу-

¹⁹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.—Л., 1927, с. 7; Доклад Комиссии СНК..., с. 76.

²⁰ Мелкая и кустарная ремесленная промышленность СССР к 1925 г.— Труды ЦСУ, т. XXXIII, вып. 2. М., 1928; Статистический ежегодник за 1925/26 год. М., 1928, с. 100—101.

²¹ Баланс народного хозяйства СССР за 1923/24 г.— Труды ЦСУ, т. 29. М., 1926, с. 128, 154, 156.

²² Статистический справочник СССР. 1928, с. 820.

²³ Частный капитал в народном хозяйстве СССР, с. 198.

²⁴ Жирмунский М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927, с. 164.

²⁵ Частный капитал в народном хозяйстве СССР, с. 192.

²⁶ Ларин Ю. Указ. соч., с. 7.

дарственного имущества, подлоги, аферы с участием подкупленных служащих (в 1921—1923 гг. путем незаконных сделок в руки частных предпринимателей перешло 150—200 млн. руб.), борьба с этим явлением была относительно проста²¹. Она велась путем улучшения работы хозяйственных организаций, совершенствования контроля, укрепления правоохранительных органов. Уже к 1924 г. число подобных преступлений значительно уменьшилось.

Вся хозяйственная практика нэпа показывает, что возможно эффективно регулировать размеры и темпы частного накопления, препятствовать появлению устойчивой группы предпринимателей капиталистического типа. Сегодня возможность контролировать мелкое производство тем более очевидна. Это объясняется прежде всего тем, что общественная собственность на средства производства, существовавшая в 20-е гг. в рамках одного из укладов, стала господствующей экономической формой. Сложилась всеобъемлющая система финансового и административного контроля, ликвидирована стихия рынка. Важно и то, что для проявления частной инициативы современное законодательство ставит гораздо более узкие рамки, чем в 20-е гг. Поэтому не приходится опасаться, что Закон об индивидуальной трудовой деятельности приведет к концентрации крупных денежных и материальных ресурсов в руках отдельных лиц, росту социальной дифференциации до опасных пределов.

Однако и в нынешних условиях необходима выработка эффективных и гибких мер, направленных на регулирование мелкого производства. Необходимо сформировать действенную систему контроля, которая в то же время не стесняла бы производителей мелочной регламентацией. Предстоит разработать такие принципы налогообложения, которые выравняли бы величину чистого дохода от занятий различными видами деятельности, позволяли бы изымать сверхприбыль, полученную за счет конъюнктуры рынка, стимулировали бы рост производства. Эти задачи сложны и их окончательное решение возможно лишь после проверки на практике различных вариантов.

Что же позволяло частному сектору в 20-е гг. влиять на положение в народном хозяйстве? Ведь в период нэпа его удельный вес был невелик, а размеры частных предприятий незначительны. Нельзя назвать ни одного предпринимателя, который мог бы хоть в какой-то степени сравниться с воротилами дореволюционного времени.

Дело, вероятно, в том, что мелкое производство и торговля выполняли в экономике особые функции. Они были сильны там, где нужно было обслуживать множество обособленных потребителей, быстро приспосабливаться к конъюнктуре рынка и где преимущества крупного производства не могли полностью проявиться. В то же время низкий уровень технического развития ряда отраслей, сезонный характер работы делали нерентабельным создание крупных предприятий. Это было характерно прежде всего для легкой и пищевой промышленности, торговли. Именно там, где не было конкуренции со стороны социалистических предприятий, успешнее всего действовал частный сектор.

В области производства предприниматели были заняты главным образом изготовлением товаров широкого потребления. В 1925/26 г. на их долю приходилось 32% общего выпуска этих изделий. Частная торговля играла важную роль в снабжении населения. В середине 20-х гг.

---

²¹ Мингулин И. Указ. соч., с. 47.

через нее проходило 50% всей промышленной продукции, предназначенной для массового потребления, и 75% продуктов питания, поступавших в города²⁸.

Частная торговля являлась посредником между государственными предприятиями и потребителем. Ее преобладание на рынке превращало частный сектор в важнейший фактор формирования уровня цен. В погоне за прибылью предприниматели забирались в глухие уголки сельских районов, где не существовало даже кооперативных магазинов. В 1925/26 г. в 26% деревень действовали только частные торговцы. Они вели заготовку сырья, сбывали промышленную продукцию²⁹.

В период нэпа частный сектор имел возможность воздействовать на экономику за счет концентрации в одной, но чрезвычайно важной для обеспечения нормального функционирования народного хозяйства сфере. Благодаря разветвленной сети частных торговых и промышленных предприятий предприниматели смогли в значительной степени взять в свои руки обслуживание широкого рынка. В результате без учета уровня цен частной торговли, величины дохода мелкого производителя оказалось невозможным регулировать заработную плату рабочих и служащих, устанавливать отпускные цены на изделия государственной промышленности, определять политику на сырьевом рынке.

Социалистический сектор был вынужден конкурировать с частным в той области, где его позиции в силу объективных причин были слабее. Для этого нужно было взять на себя функции, которые выполнялись частными предпринимателями. Даже при условии вложения дополнительных средств в легкую и пищевую промышленность, торговлю, на переориентацию производства достижение этой цели было сопряжено с народнохозяйственными издержками, ухудшением снабжения населения. Уровень развития производства 20-х гг. предполагал наличие адекватных форм организации труда — мелкой промышленности и торговли, эффективность которых была выше.

Следует отметить, что законодательные акты, административные меры, налоги и тарифы, которые были действенными средствами ограничения доходов крупных предпринимателей, не позволяли регулировать мелкое производство и торговлю. На протяжении 20-х гг. неоднократно предпринимались попытки направить развитие частного сектора в определенные отрасли промышленности, вытеснить посредников с рынка сельскохозяйственного сырья, установить предельную величину наценки на продаваемые товары, но добиться этого командными методами не удалось. Напротив, это лишь обостряло экономические трудности, потребности же хозяйствования все равно прокладывали себе дорогу через любые барьеры.

За последние 20 лет мы не раз имели возможность убедиться в недостаточной действенности административно-запретительных мер. В обстановке, когда не существовало четкой системы законодательного регулирования индивидуального труда, открывался широкий простор для правовой самодеятельности местных органов власти. Расширительно толковались запретительные статьи законодательных актов. В целом по союзным республикам было дополнительно запрещено 54 вида кустарно-ремесленной деятельности. По сути дезавуированной оказа-

²⁸ Ларин Ю. Указ. соч., с. 124, 184.

²⁹ Статистика Украины, сер. XII. Статистика торговли, т. 3, вып. 2. Харьков, 1928, с. 133, 271.

лась ст. 17 Конституции СССР, которая разрешала занятия кустарно-ремесленным промыслом и оказание услуг населению. В итоге число лиц, имевших патенты в канун принятия Закона об индивидуальной трудовой деятельности, было весьма незначительным (около 100 тыс. человек, или 0,08% всех занятых в народном хозяйстве)³⁰. При этом теневая экономика процветала, следом за ней шли ее неизбежные спутники — коррупция и хищения. Несмотря на усилия правоохранительных органов, практически не было ликвидировано ни одного вида промыслов или услуг, пользующихся спросом (будь то репетиторство, производство запчастей для автомобилей, оказание медицинской помощи и др.).

В годы нэпа частным торговцам и промышленникам удавалось успешно обходить большинство запретов и избегать контроля со стороны финансовых органов благодаря небольшим размерам их предприятий, которые меньше, чем крупные, нуждались в налаженных каналах сбыта продукции, кредитах, источниках сырья. Этому способствовала и высокая мобильность частных предпринимателей, которые легко меняли вид занятий под воздействием хозяйственной конъюнктуры. Расчеты, сделанные на основе статистики налогообложения по Украине, показывают, что 50% всех предприятий существовало менее 2 лет, каждое полугодие 25% владельцев торгово-промышленных заведений не возобновляло патент³¹. В большинстве случаев они продолжали предпринимательскую деятельность в другой сфере. Жизненные пути торговцев и промышленников периода нэпа очень извилисты: оставаясь в рамках частного сектора, многие из них за какие-нибудь 5—6 лет умудрялись сменить по десятку занятий. Переход из отрасли в отрасль облегчался тем, что, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., 37% лиц, для которых предпринимательская деятельность была основной, получали доходы от торговли и промыслов в других сферах³².

Распространенное в историографии представление о том, что возможность мелких предпринимателей влиять на положение в экономике объясняется концентрацией в их руках крупных денежных и материальных ресурсов, нуждается в существенном уточнении. Традиционно исследователи, изучающие частный сектор, оперируют такими показателями, как его удельный вес в отдельных отраслях, доля в товарообороте, сумма капиталов. Государственные и частные предприятия сравниваются по величине валового оборота, числу работающих, стоимости оборудования. В результате вырисовывается картина чрезвычайной слабости частного сектора, остается неясным, что же позволяло ему достаточно эффективно воздействовать на народное хозяйство.

Представляется, что значение частной промышленности и торговли определялось прежде всего тем, какую роль они играли в системе связей, существовавших в народном хозяйстве. Поэтому необходимо сосредоточить усилия на раскрытии механизма взаимодействия мелкого предпринимательства с государственными и кооперативными организа-

---

³⁰ Правда, 1986, 20 ноября; Советская Россия, 1986, 22 ноября; Советская юстиция, 1987, № 2, с. 86; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Стат. ежегодник. М., 1986, с. 391.

³¹ Рассчитано по: Частная торговля, промышленность и личные промысловые занятия на Украине. Харьков, 1929, табл. 101—124. Методику расчета см.: Тезисы докладов совещания «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984, с. 183—185.

³² Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1930, с. 2, 118—119.

дцами, крестьянскими хозяйствами, потребителями, на анализе возникающих при этом противоречий. (Следует заметить, что решение подобной научной задачи связано с преодолением значительных трудностей как в плане поиска необходимой информации, так и в плане разработки соответствующего методического инструментария.)

Такой подход к изучению частного сектора периода нэпа позволяет по-иному взглянуть на процессы, происходящие сейчас в экономике. В сфере индивидуального труда при нормальных условиях не могут сложиться крупные состояния. Но мелкое производство и сегодня занимает определенное место в народном хозяйстве. До принятия соответствующего закона индивидуальным трудом в рамках теневой экономики занималось 17—18 млн. человек (по другим данным, 17% всего трудоспособного населения), что в пересчете дает 1,7—2 млн. среднегодовых работников³³. Несомненно, что в нынешних, более благоприятных условиях размах индивидуальной трудовой деятельности станет еще шире. Ведь в настоящее время неудовлетворенный спрос населения только на бытовые услуги составляет 5—6 млрд. руб., а при сохранении существующего положения в ближайшие годы он может достичь 10 млрд. руб.³⁴

Сейчас трудно прогнозировать, как сложится ситуация на рынке потребительских товаров и услуг. Возможно, что в некоторых случаях государственные предприятия окажутся менее конкурентоспособными и будут потеснены, часто даже без борьбы за потребителя. Скажем, в строительстве индивидуального жилья частник и сейчас является монополистом, так как нет государственных организаций, выполняющих такие работы³⁵. В областях, связанных с удовлетворением повседневных потребностей населения, укрепится положение мелкого производства. Поскольку в сфере индивидуального труда осуществляются главным образом заключительные операции по обработке полуфабрикатов и сырья, то в сфере распределения мелкое производство будет играть большую роль, чем об этом можно судить по данным о числе занятых лиц и трудозатратах. Выпуск готовой продукции позволяет использовать в своих интересах конъюнктуру рынка.

В первые годы нэпа мелкое производство и торговля способствовали оживлению народного хозяйства. С его помощью удалось за короткий срок обеспечить население простейшими потребительскими товарами, наладить снабжение городов продовольствием, товарообмен с деревней, т. е. решить важнейшие хозяйственно-политические задачи, стоявшие перед страной. Превратить частное предпринимательство в силу, способствовавшую делу социалистического строительства, позволило то, что мелкая промышленность и торговля через систему сбыта, снабжения, кредита включались в единый народнохозяйственный механизм. Целая сеть учреждений служила посредниками между государственными органами, хозяйственными организациями, частными предприятиями, связывала воедино их интересы.

Продукция крупной промышленности, предназначенная для широкого потребления, поступала на рынок через синдикаты или непосредственно реализовывалась трестами. Частная торговля закупала 14,6% валового производства трестов и 16% товаров, проходивших через синдика-

³³ Политическое самообразование, 1987, № 2, с. 53.

³⁴ Плановое хозяйство, 1987, № 7, с. 88.

³⁵ Коммунист, 1987, № 1, с. 78.

ты. С учетом перепродаж внутри торговой сети это составляло около 40% товарооборота частного сектора³⁶.

Специфическим хозяйственным органом периода нэпа были товарные биржи, на которых заключались сделки между государственными предприятиями, кооперативными организациями, частными торговцами и промышленниками. Биржи должны были облегчать социалистическим предприятиям деятельность в условиях рынка. Здесь устанавливались единые цены на продукцию, произведенную в различных социальных секторах, происходил обмен товарами³⁷. В 1923/24 г. через биржи проходило 80% всей оптовой торговли, их оборот составлял более 3 млрд. руб. На долю частных предпринимателей приходилось 14—16% стоимости всех покупок и 6—9% продаж³⁸.

Выдачу ссуд и учет векселей промышленников и торговцев осуществляли 280 обществ взаимного кредита, капитал которых складывался из взносов их членов, которых в 1926 г. насчитывалось 85 415. Эти общества выступали посредниками в получении кредитов для частного сектора в Госбанке, Промбанке, коммунальных банках и распределении их между предпринимателями. Таким путем было получено около 15% всех средств, обращавшихся в частной торговле³⁹. Кроме того, на основе коммерческого кредита предприниматели в 1925/26 г. приобрели до 30% всех товаров⁴⁰.

Как только связь между секторами насильственно разрывалась, в народном хозяйстве возникали кризисные явления. Так произошло во второй половине 1923/24—начале 1924/25 г., когда был взят курс на реализацию продукции государственной промышленности только через кооперацию. В результате удельный вес частных лиц в обороте трестов за несколько месяцев снизился с 14,7 до 2,1%⁴¹. Предприниматели начали лихорадочный поиск нелегальных путей снабжения. Возникла особая категория лиц, которые выстаивали очереди у московских магазинов, скупали и перепродавали товары частным торговцам. Те, в свою очередь, отправляли его в провинцию, где дефицит был еще острее⁴². В некоторых случаях товар закупался партиями непосредственно в государственных торгах или кооперативных союзах. По подсчету Наркомторга, непосредственно с фабрик и через оптовую торговлю частный предприниматель получал 10,7% всего объема производства, но доля его в снабжении розничного рынка составляла около 40%. Это достигалось за счет нелегальной скупки 7% товаров, поступавших в кооперацию, и 20—22% товаров, распространявшихся через систему торгов⁴³. Перепродажи привели к ухудшению снабжения, росту цен, взяточничеству. Был издан специальный приказ о борьбе с ними по линии ВСНХ и ГПУ, подписанный Ф. Э. Дзержинским⁴⁴. В то же время целые сельские районы, обслуживавшиеся частной торговлей, вообще остались без товаров.

³⁶ Статистический ежегодник СССР. 1928. М., 1929, с. 344—345; Рязов Н. Н. Вытеснение частного посредника из товарооборота. М., 1930, с. 35.

³⁷ Биржа и рынки. Т. I—II. М., 1924, с. I—IX.

³⁸ Статистический справочник СССР. 1927. М., 1928, с. 339, 342.

³⁹ Мингулин И. Указ. соч., с. 120, 119.

⁴⁰ Частная торговля в СССР. М., 1927, с. 118.

⁴¹ Жирмунский М. М. Указ. соч., с. 129.

⁴² Крон Ц. М. Частная торговля в СССР. М., 1926, с. 119.

⁴³ Жирмунский М. М. Указ. соч., с. 133—135.

⁴⁴ Там же, с. 137.

Негативное воздействие на экономику политики ускоренного вытеснения частного сектора выявилось очень быстро. Уже через 9 месяцев продажа торговцами продукции государственной промышленности стала расширяться. Правления синдикатов, отвечая на анкету комиссии ВСНХ по изучению частного капитала, предлагали довести долю товаров, реализуемых через частную торговлю, до 25—30%. Ограничения должны были коснуться только дефицитной продукции⁴⁵.

В 1927—1928 г. снабжение частной торговли опять сократилось. За один год ее доля в закупках у трестов и синдикатов упала в 3,6 раза⁴⁶. В условиях хозяйственных затруднений конца 20-х гг. основной задачей являлось не увеличение сбыта и улучшение снабжения, а более или менее равномерное распределение имевшихся запасов. Исчезла экономическая потребность в существовании частной торговли. Основными методами регулирования сферы обращения становились порайонные планы завоза и генеральные договора между промышленностью и торговыми организациями, которые устанавливали, где, в каком количестве и по каким ценам должна реализовываться та или иная продукция. В 1927/28 г. они охватывали около 70% всей товарной массы, поступавшей на рынок⁴⁷. Наряду с этим возникла практика вне рыночного распределения ряда промышленных товаров, которая постепенно распространилась на все важнейшие предметы потребления.

По мере того, как расширялась сфера действия административных методов регулирования экономики, ликвидировались хозяйственные органы, через которые осуществлялось взаимодействие обобществленного и частного секторов. В 1927 г. из 70 товарных бирж было ликвидировано 56, а вскоре прекратили свою деятельность и остальные⁴⁸. Синдикаты с 1928 г. стали включаться в отраслевые производственные объединения, т. е. из самостоятельных хозрасчетных органов оптовой торговли превратились в подразделения промышленности. В конце 1927 г. было запрещено плановое снабжение частных предпринимателей и предоставление им ссуд⁴⁹. В 1930 г. закрылись общества взаимного кредита.

Предприниматели пытались компенсировать утрату контактов с обобществленным сектором экономики за счет укрепления связей внутри частного хозяйства. Приблизительно с 1926/27 г. стал складываться «замкнутый круг» (как его назвал Ю. Ларин), который включал скупщиков сельскохозяйственного сырья, владельцев перерабатывающих мелких предприятий и кустарно-промышленных заведений, торговцев, обеспечивающих сбыт продукции⁵⁰. Процесс производства и обращения нигде не соприкасался с социалистическим сектором, что позволяло исключить контроль со стороны государства, а значит увеличить накопление. «Замкнутый круг» мог действовать при условии преобладания частных предпринимателей на рынке сельскохозяйственного сырья, в снабжении мелкого производителя и сбыте его продукции. Он был подорван коллективизацией деревни и кооперированием кустарей и ремесленников, введением в 1930 г. высокого налога на торговлю продукцией мелкой промышленности.

⁴⁵ Частный капитал в народном хозяйстве СССР, с. 18.

⁴⁶ Статистический ежегодник СССР. 1928, с. 701.

⁴⁷ История социалистической экономики СССР, т. III. М., 1977, с. 447.

⁴⁸ История социалистической экономики СССР, т. II. М., 1976, с. 155.

⁴⁹ Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Указ. соч., с. 191, 195.

⁵⁰ Ларин Ю. Указ. соч., с. 294.

Другим путем восстановления связей частной промышленности и торговли с обобщественным сектором экономики было коррумпирование сотрудников советских финансовых органов. Процессы 1927—1929 гг. в Нижнем Новгороде, Туле, Луганске, Одессе, Харькове, Смоленске, Ленинграде, Астрахани показали, что предприниматели пытались создать необходимые условия для своей деятельности за счет подкупа отдельных звеньев государственного аппарата⁵¹. Эти попытки были пресечены действиями правоохранительных органов.

В работах политэкономов указывается, что вся существующая в обществе система производственных отношений должна находить отражение в хозяйственном механизме, благодаря чему достигается его целостность и эффективность⁵². В том хозяйственном механизме, который стал складываться к концу 20-х гг., не было места частной промышленности и торговле. Мелкое предпринимательство не исчезло, поскольку его сохранение было обусловлено объективными экономическими причинами, но отношения, существовавшие в этом секторе народного хозяйства, начали деформироваться, что привело к возникновению теневой экономики. В результате хозяйственный механизм утратил свою целостность, а значит менее эффективным стало управление экономикой.

Сегодня одни исследователи считают, что индивидуальная трудовая деятельность сможет успешно развиваться только в том случае, если будет в полном объеме осуществлена радикальная экономическая реформа⁵³. Другие полагают, что юридическое разрешение мелкого производства никак не связано с изменениями, происходящими в системе управления народным хозяйством⁵⁴.

Индивидуальный труд может существовать в рамках теневой экономики, действующей вопреки тем целям и задачам, которые ставит перед собой наше общество, а может превратиться, по выражению академика А. М. Румянцева, в «субформу» социалистических отношений собственности⁵⁵. Опыт нэпа показывает, что достичь этого удастся только в том случае, если тысячами нитей кооперации связать индивидуальную трудовую деятельность с обобщественным производством, включить ее в общий хозяйственный механизм. Следует признать, что органически войти в экономику, основанную на директивном планировании и жесткой централизации, она не сможет. В народном хозяйстве нет даже органов, которые бы обеспечивали стыковку интересов государственных предприятий с индивидуальным трудом. Существующая система распределения ресурсов, оценки результатов хозяйственной деятельности отторгает мелкое производство. Но как нельзя уничтожить его административными запретами, так и невозможно придать ему желаемую форму, не создавая для этого соответствующих условий. Не следует в данном случае питать иллюзий относительно действенности указаний и инструкций — они могут помочь или помешать, но не в состоянии изменить существо дела.

---

⁵¹ Морозов Л. Ф. Указ. соч.

⁵² Черковец В. Производительные силы, производственные отношения, хозяйственный механизм. — Коммунист, 1986, № 16, с. 59.

⁵³ Попов Г. Указ. соч., с. 7—9.

⁵⁴ Лацис О. Указ. соч., с. 81.

⁵⁵ Румянцев А. М. Ответы на вопросы редакции журнала «Коммунист». — Коммунист, 1987, № 7, с. 27—28.

Перспективы развития индивидуальной трудовой деятельности определяются тем, как будет реализовываться радикальная экономическая реформа, которая предусматривает повышение регулирующей роли товарно-денежных отношений, повышение хозяйственной самостоятельности предприятий, перевод их на хозрасчет и самфинансирование, замену карточного распределения средств производства оптовой торговлей. Реформа, нацеленная на решение стратегических задач совершенствования социалистической экономики, создает условия и для формирования такой индивидуальной трудовой деятельности, которая отвечает потребностям современного этапа развития нашего общества.

К сожалению, пока попытки связать индивидуальную трудовую деятельность с общественным производством непоследовательны и малоэффективны. Так, например, промышленные предприятия получили право самостоятельно реализовывать ту часть продукции, которая не включена в госзаказ, но лишь по безналичному расчету. Поэтому для того, чтобы продать частнику станок, нужно получить от министерства согласие считать его «товаром народного потребления» (так реализуются сейчас грузовики Камского автомобильного завода). Предприятия не могут заключать договора с лицами, занимающимися индивидуальным трудом, частник не имеет возможности пользоваться кредитом. Даже вопрос о выдаче патента решается специальной комиссией при исполкоме местного Совета, которая в каждом конкретном случае определяет, насколько необходим данный вид деятельности. Почему на него не может ответить сам потребитель? На практике существование бюрократической экспертизы приводит к появлению небольшого числа производителей-монополистов. В результате всего этого возрождаются худшие черты теневой экономики.

Следует отметить также, что перспективы развития индивидуальной трудовой деятельности определяются не только ходом радикальной экономической реформы, но в более широком плане — всей общественно-политической ситуацией в стране. В условиях бюрократической сверхцентрализованной системы управления мелкое производство не может существовать без правовых гарантий. В этой связи решения XIX Всесоюзной партийной конференции, предусматривающие демократизацию политической системы СССР, расширение полномочий Советов, наметившие путь к созданию правового государства, будут иметь важное значение и для развития индивидуальной трудовой деятельности.

От общей экономической ситуации зависит и то, какой механизм формирования доходов сложится в сфере мелкого производства. Как известно, доходом владельца средств производства, не эксплуатирующего наемный труд, является «заработная плата, которую он, за вычетом собственно издержек, уплачивает сам себе»⁵⁶. Ее величина может существенно варьироваться в зависимости от колебаний рыночной конъюнктуры, специфики отрасли производства, квалификации работника. Имеющиеся данные свидетельствуют о значительной дифференциации доходов кустарей и ремесленников в годы нэпа. Ниже всего они были в тех отраслях производства, где не требовалась высокая квалификация, а спрос удовлетворялся полностью (добыча камня, обработка дерева). В производстве продовольственных про-

---

⁵⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 25, ч. II, с. 370.

дуктов, одежды, обуви доходы были на 10—20% больше. На 60—70% выше оплачивался квалифицированный труд кустарей, занимавшихся изготовлением металлоизделий, инструментов, продукции, требующей художественной отделки⁵⁷. Таким образом, почти двукратные различия в заработке мелких товаропроизводителей обуславливались главным образом различиями в качестве труда.

Нужно учитывать, что доход кустарей и ремесленников в среднем не превышал заработной платы рабочего фабрично-заводской промышленности, но при этом продолжительность рабочего дня составляла 10—12, а в некоторых промыслах — даже 14—16 часов⁵⁸. Постепенно ухудшалось положение мелких товаропроизводителей относительно других групп населения. За 1924/25—1926/27 гг. заработная плата рабочих возросла на 39%, служащих — на 44%, а доход городских и сельских кустарей — лишь на 22—25%⁵⁹.

Иным было положение основной массы частных торговцев, доход которых складывался из разности между покупной и продажной ценой за вычетом издержек обращения. Обычно в капиталистическом обществе он устанавливается приблизительно на уровне прибыли производителя. В середине 20-х гг. доходы торговцев в нашей стране были выше, чем у других предпринимателей. Так, разносчики, владельцы маленьких магазинчиков и киосков, работавшие сами или с членами семьи, имели доход на 79% выше, чем кустари без найма. Торговцы низших разрядов, прибегавшие к найму, получали прибыль в 2,8 раза большую, чем кустари, использующие наемный труд, и на 15—16% большую, чем владельцы мелких промышленных предприятий. Доходы торговцев увеличивались быстрее, чем доходы представителей других групп населения. За 1924/25—1926/27 гг. прибыль владельцев торговых заведений низших разрядов возросла на 54—55%, а мелких промышленников и кустарей — на 20—30%. Прибыль торговцев-капиталистов увеличилась на 26%, а владельцев цензовых предприятий — уменьшилась⁶⁰.

Большая доходность частной торговли была обусловлена существованием высоких продажных цен. На протяжении 1923—1925 гг. сохранялось устойчивое соотношение розничных цен социалистического и частного секторов. Сельскохозяйственная продукция стоила у нэпмана на 5—10%, а промышленные товары на 15—20% дороже, чем в кооперации. Дальнейшее повышение цен частной торговли сдерживалось конкуренцией государственных и кооперативных магазинов. Поскольку социалистический сектор занимал прочные позиции в оптовой торговле и был относительно слаб в розничной, то именно здесь частнику удавалось максимально взвинчивать цены. Из всей накладки на отпускную цену синдикатов, достигавшей в 1924/25—1925/26 гг. 36—48%, $\frac{2}{3}$ приходилось на долю розничного торговца⁶¹.

Начиная с 1926/27 г. цены частной торговли стали расти, в то время как в государственных и кооперативных магазинах они оставались

⁵⁷ Рассчитано по: Частная торговля, промышленность и личные промысловые занятия на Украине. Ч. III. Харьков, 1929.

⁵⁸ Белкин Г. А. Рабочий вопрос в частной промышленности. М., 1926, с. 87—92.

⁵⁹ Доклад Комиссии СНК по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929, с. 81.

⁶⁰ Там же, с. 80—81.

⁶¹ Жирмунский М. М. Указ. соч., с. 156, 164.

на прежнем уровне или даже снижались. Если в 1925/26 г. разрыв индексов составлял 31 пункт, то к 1928/29 г. он достиг 130. Промышленные товары в 1925/26 г. в частных магазинах продавались на 17%, а в 1928/29 г. на 53% дороже, продовольственные — соответственно на 14% и 47%⁶². Особенно поднялась цена хлеба: в 1928 г. изпман продавал его в 2,3, а в Москве даже в 3,2 раза дороже, чем государственные магазины.

Рост цен в частном секторе был следствием обострения хозяйственных трудностей. Пленум ЦК ВКП(б), проходивший 6—9 апреля 1926 г., отметил, что «страна вступила в длительный период несоответствия продукции промышленности более быстро растущему как производственному, так и потребительскому спросу, результатом чего явился обостренный товарный голод на промышленные изделия»⁶³. В 1925/26 г. доход городского населения вырос на 34,8%, а производство предметов потребления — лишь на 25%, в 1926/27 г. — соответственно на 12,4% и 4,3%. За годы первой пятилетки фонд заработной платы превысил плановые предположения в 2 раза, а намечавшиеся рубежи выпуска предметов потребления не были достигнуты⁶⁴. Во второй половине 20-х гг. возник устойчивый дефицит на ряд товаров. По подсчету Наркомторга, уже в 1926 г. неудовлетворенный спрос на хлопчатобумажные ткани составлял около 150—200 млн. руб., на обувь — 70, на шерстяные ткани — 40, на металлоизделия — 50 млн. руб.⁶⁵

В этих условиях курс на сохранение низких розничных цен в государственной и кооперативной торговле объективно вел к тому, что диспропорция между платежеспособным спросом и предложением увеличивалась. На частном рынке стала преобладать «цена предложения». Суть этого явления состоит в том, что «если спрос на данный вид товаров больше, чем предложение, то — в известных границах — один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене»⁶⁶. Господство на рынке «цены предложения» позволяло предпринимателям, действовавшим в сфере обмена, перераспределять в свою пользу доходы населения. Это выражалось в увеличении торговой накладки на каждый рубль продаваемого товара. Только за 1927/28 г. отношение дохода к обороту возросло на 35 пунктов для крупных и на 17,5 пунктов для мелких торговцев. Население переплачивало предпринимателям сверх стоимости этих же товаров в государственной и кооперативной торговле свыше 700 млн. руб. в год. В результате сокращение товарооборота частного сектора не приводило к уменьшению доходов предпринимателей: за 1927/28 г. оборот снизился на 23,8%, а их прибыль возросла на 7,8%,

⁶² Рассчитано по: Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период. 1921—1928. М., 1972, с. 164.

⁶³ КПСС в резолюциях..., т. 3. М., 1970, с. 312—313.

⁶⁴ Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г. М., 1928, с. 466—468; Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1934, с. 170—179.

⁶⁵ Микоян А. Диспропорция и товарный голод. — Большевик, 1926, № 23—24, с. 29—30.

⁶⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 212.

в следующем году оборот уменьшился на 42,4%, а доходы — лишь на 12,3%⁶⁷.

Распределение ресурсов частного сектора по отраслям промышленности и предметам торговли определялось конъюнктурой рынка. Предприниматели охотно вкладывали средства туда, где ощущался недостаток сырья, товарный голод (кожевенное, маслобойное, мукомольное производства, торговля мануфактурой). Чем острее был дефицит, тем успешнее их предприятия могли конкурировать с государственными, тем выше была прибыль.

По мере расширения вне рыночного распределения частному предпринимателю становилось легче взвинчивать цены. В капиталистическую торговлю стекались средства населения, не имевшие товарного покрытия. Частный магазин, который снабжался в конце 20-х гг. весьма извилистыми, часто противозаконными путями, оказывался единственным местом, где можно было купить дефицитные или нормированные товары.

Устойчивое превышение спроса над предложением привело к появлению особых по своей социальной природе нетрудовых доходов, возможность извлечения которых не основывается непосредственно на частной собственности на средства производства. Развитие частного сектора народного хозяйства в период нэпа подтверждает справедливость предположения Я. А. Певзнера о том, что эксплуатация может возникнуть «не только в процессе производства, но и в процессе обращения — прежде всего и главным образом на основе дефицита»⁶⁸.

Сейчас актуальным является вопрос о том, чем обусловлены высокие заработки людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. К сожалению, в процессе обсуждения он часто подменяется другим: каков в принципе должен быть доход в этой сфере по сравнению с заработком в общественном производстве. Т. И. Заславская считает, что поскольку индивидуальный труд высокоэффективен, предполагает инициативу, сопряжен с известным экономическим риском, то и доход здесь должен быть больше. С другой стороны, отмечается, что общественное производство является более прогрессивным, а значит и участие в нем должно оплачиваться выше. Низкая производительность труда обуславливает малую доходность мелкого производства⁶⁹.

Представляется, что механизм формирования доходов в сфере индивидуального труда нуждается в более глубоком изучении. При этом нужно исходить не из того, каким он должен быть, а опираться на анализ реальных тенденций экономического развития. В настоящее время в тех областях, где разрешена индивидуальная трудовая деятельность, ситуация напоминает конец 20-х гг. Покупатель гоняется за продавцом товаров или услуг и в силу этого на рынке преобладает «цена предложения». Конечно, в современных условиях дефицит носит другой характер, чем

⁶⁷ Рассчитано по: Статистика Украины, сер. XII. Статистика торговли, т. 3, вып. 2 (128). Харьков, 1928, с. 47, 137; вып. 3 (180). 1930, с. 7, 38; вып. 206. 1931, с. 1, 29; Статистика Украины, сер. VI. Финансовая статистика, т. 4, вып. 1 (79). Харьков, 1926, с. 2—3; вып. 2 (146). 1928, с. 2—9; вып. 3 (186). 1930. См. также: Рязанов Н. Н. Вытеснение частного посредника из товарооборота. М., 1930, с. 71.

⁶⁸ Певзнер Я. А. Радикальная экономическая реформа и вопросы политической экономии. — Коммунист, 1987, № 11, с. 56.

⁶⁹ Заславская Т. И. Человеческий фактор развития экономики. — Коммунист, 1986, № 13, с. 67; Материалы дискуссии по статье Т. И. Заславской. — Коммунист, 1986, № 17, с. 64, 66. См. также: Батыгин Г. С. «Добродетель» против интереса (заметки об отражении распределительных отношений в массовом сознании). — Социологические исследования, 1987, № 3.

в период нэпа. Спрос опережает предложение модных, престижных, высококачественных изделий, в то время как рынок насыщен простейшими потребительскими товарами, которые уже не удовлетворяют возросшие потребности населения. Однако влияние дефицита на величину дохода от индивидуального труда остается сходным. Заработок в этих условиях зависит не столько от полезности произведенной продукции, эффективности труда, сколько от конъюнктуры рынка. Сегодня высокие заработки лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, достигаются во многом благодаря дефициту. Нехватка многих потребительских товаров настолько остра, что существование независимых производителей практически не сказывается на уровне цен — рынок далек от насыщения и вся их продукция находит сбыт. Поэтому цены устанавливаются, исходя не из издержек производства, а из той предельной величины, которую покупатель в состоянии заплатить.

Универсальным средством, которое позволяет регулировать доходы лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, считается налогообложение. В печати, в частности, высказывалось пожелание «восстановить былой авторитет фининспектора»⁷⁰. Однако эффективность такого метода регулирования в значительной степени определяется общей экономической обстановкой. При благоприятных условиях для сбыта продукции вся сумма налога может быть переложена на потребителя путем повышения цен. В результате доходы все равно останутся высокими. Наличие у населения значительных сбережений, не обеспеченных товарами или услугами, создает благоприятные условия для подорожания изделий, произведенных в сфере индивидуального труда. Снижения цен удастся добиться только в том случае, если будет преодолен недуг, который терзает сейчас всю экономику, — дефицит. Рост дороговизны может вызываться не только нехваткой того товара, который непосредственно изготавливается в порядке индивидуальной трудовой деятельности, но и дефицитом ресурсов, необходимых для обеспечения производства: сырья, полуфабрикатов, инструментов, помещений. При известной бюрократической ловкости можно даже создать нехватку разрешений на право заниматься индивидуальным трудом, что также приведет к повышению цен.

Разрешение индивидуальной трудовой деятельности — мера давно назревшая и необходимая. Однако нужно учитывать, что принятие соответствующего закона — лишь первый шаг на этом пути. Индивидуальный труд поможет сгладить острые противоречия в сфере потребления, сбалансировать платежеспособный спрос и предложение товаров и услуг. Нельзя недооценивать и значение общего оздоровления климата в стране, которое последует в случае ликвидации теневой экономики. Исчезнет материальная основа деформаций в сфере распределения, коррупции, разного рода хищений. Будет нанесен сильный удар по так называемой «двойной морали».

Но развитие индивидуальной трудовой деятельности ставит целый ряд хозяйственно-организационных, экономических и социальных проблем. Во-первых, нужно создать систему контроля и регулирования индивидуального труда. Пока в ней используются главным образом меры административно-запретительного характера, что делает ее громоздкой, бюрократической и неэффективной. Предстоит добиться того, чтобы в

---

⁷⁰ Коммунист, 1986, № 10, с. 108.

основе системы регулирования лежали экономические методы. Во-вторых, индивидуальный труд должен включиться в единый хозяйственный механизм страны. Для этого нужны специальные органы, обеспечивающие взаимодействие государственных предприятий с мелким производством. В-третьих, и это, пожалуй, наиболее сложное, предстоит глубокие изменения в системе оплаты труда. Сложилась парадоксальная ситуация: заработок людей, занятых на государственных предприятиях, имеющих высокую квалификацию, неизмеримо ниже, чем у тех, кто занят в сфере мелкого производства, хотя там преобладает неквалифицированный труд. Когда принимался Закон об индивидуальной трудовой деятельности, то предполагалось, что к ней обратятся в основном те, кто по разным причинам не может быть занят в общественном производстве: пенсионеры, студенты, домохозяйки. На деле же получилось наоборот: патенты приобретают главным образом люди наиболее активных трудоспособных возрастов. При существующем разрыве в уровне оплаты неизбежен отток из общественного производства самых деятельных и энергичных работников, снижение их профессионального уровня. Путь решения этой проблемы — создание на государственных предприятиях гибкой системы оплаты, учитывающей различия в количестве и качестве труда, что позволит наиболее квалифицированным специалистам зарабатывать не меньше, чем в сфере мелкого производства.

Наше общество на современном этапе его развития имеет все необходимое для того, чтобы избежать негативных последствий развертывания мелкого производства. Задача состоит в том, чтобы превратить его в средство упрочения социалистической экономики. Для этого нужно уметь предвидеть возникновение диспропорций и находить средства их преодоления до того, как они обострятся. В этом может помочь знание закономерностей функционирования частного сектора народного хозяйства в 20-е гг.

В. А. ПЕРЕЖОГИН

ИЗ ОПЫТА РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ МОСКВЫ (60—80-е гг.)

Проблема интеграции науки с производством, впервые сформулированная и научно обоснованная К. Марксом еще более ста лет назад, во второй половине XX в. превратилась в одну из наиболее острых и ключевых. В число главных, объективно необходимых ее выдвинула развернувшаяся в этот период научно-техническая революция, потребовавшая осуществления коренных преобразований в экономике. Определяя пути решения назревшей задачи на этапе совершенствования социалистического общества, XXVII съезд КПСС постановил «осуществить энергичный поворот науки к нуждам технического перевооружения народного хозяйства, теснее сомкнуть ее с производством, использовать в этих целях новые, оправдавшие себя формы интеграции и взаимодействия, ускорить внедрение результатов исследований в практику, повысить отдачу академических и отраслевых институтов, научного потенциала вузов, улучшить подготовку научной смены»¹.

В свете требований съезда партии радикально изменить положение дел с внедрением в практику достижений науки и техники важное значение приобретает изучение опыта работы научно-производственных объединений как одной из наиболее эффективных форм соединения науки с производством, возникших в конце 60-х гг. Отмечая результаты, достигнутые передовыми НПО, и их роль в развернувшейся перестройке, М. С. Горбачев на июньском (1985 г.) совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса указал на необходимость «придать новый импульс всей работе по развитию сети крупных научно-производственных объединений, которые должны стать подлинными форпостами научно-технического прогресса»². Появление НПО было связано с попыткой осуществить экономическую реформу в середине 60-х гг. и обусловлено необходимостью совершенствования социалистической экономики на основе внедрения в народное хозяйство новейших достижений науки и техники. Их прототипом были производственные объединения, среди которых наибольших успехов достигли те, где имелись крупные лаборатории, конструкторские бюро, научные подразделения.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 г. «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» министерствам и ведомствам рекомендовалось создавать научно-производственные объединения для разработки и

Пережогин Виталий Афанасьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 102, 103.

² Правда, 1985, 12 июня.

внедрения в короткие сроки новейших образцов машин, оборудования, приборов и других промышленных изделий³.

Предполагалось, что в НПО будут обеспечены реальные условия для устранения ведомственных барьеров, организационной разобщенности между научными и производственными коллективами, научное учреждение выступит в качестве ведущей, головной организации не только в разработке технических новшеств, но и как непосредственный руководитель внедрения его в практику, создадутся благоприятные условия для координации сил и средств, оптимального взаимодействия между всеми звеньями ранее разорванной цепи «наука — техника — производство», возникнут новые типы производственных коллективов, основанные на творческом содружестве ученых, конструкторов, инженеров, рабочих. Все это должно обеспечить разработку и внедрение в кратчайшие сроки высокоэффективных комплексов машин, оборудования, приборов и материалов, определяющих научно-технический прогресс. Такое предназначение НПО в хозяйственном механизме страны закреплено за ними и в новом законе «О государственном предприятии (объединении)» от 30 июня 1987 г. Как головная научно-исследовательская организация в отрасли НПО несет полную ответственность за научно-технический уровень выпускаемой в народном хозяйстве по его профилю продукции⁴.

Первые научно-производственные объединения возникли в 1967—1968 гг. почти одновременно в Ленинграде, Львове, Москве, Одессе и других городах. В Москве в 1970 г. действовало более десяти НПО, в 1975 г. — 21, в 1980 г. — 40, в 1985 г. — 46, что составляло соответственно 15, 20, 20,8 и 19,5% общего количества НПО в стране⁵. В большинстве своем НПО столицы занимают положение головных организаций в отрасли и достигнутые ими результаты имеют не только региональное, но и общесоюзное значение.

Как известно, экономические реформы середины 60-х гг. не были реализованы. Однако, несмотря на это, за двадцатилетнюю историю существования московских научно-производственных объединений ими наработан определенный опыт. Представляют интерес практические формы их деятельности, позволившие, несмотря на застой в развитии страны, добиться определенных успехов.

На протяжении почти двух десятилетий существовали и работали раздельно два флагмана литейного машиностроения — Всесоюзный научно-исследовательский институт литейных машин (ВНИИлитмаш) и завод литейных машин «Красная Пресня». Усилия обоих коллективов были направлены на решение единой задачи: автоматизации литейного процесса на производстве. Находясь на одной территории, они тесно сотрудничали друг с другом, однако отсутствие единого руководства, ответственного за создание, внедрение и производство новых машин, вело к многочисленным производственным помехам и неурядицам, не способствовавшим ускорению научно-технического прогресса в литейном машиностроении. В июле 1967 г. предприятия вошли в научно-производственное объединение «ВНИИлитмаш». Завод литейных машин «Красная

---

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 7. М., 1970, с. 125.

⁴ Правда, 1987, 1 июля.

⁵ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. сб. М., 1987, с. 86; Москва в цифрах. 1986. М., 1986, с. 84; Суздалева Т. Р. На ключевых позициях. М., 1986, с. 57.

Пресня» был переименован в Московский опытный завод «Красная Пресня» и стал опытно-экспериментальной базой института по изготовлению и обработке литейного автоматического оборудования.

Основные усилия ученых и производственников были направлены на разработку таких автоматических линий, где последовательно и непрерывно, без использования малопроизводительного и тяжелого ручного труда осуществлялись бы все главные этапы литейного процесса. Такие линии, каждую из которых с полным правом можно назвать настоящим заводом, были спроектированы, изготовлены их образцы. Учитывая трудности, с которыми встретятся заказчики при сборке и освоении нового оборудования, коллектив НПО «ВНИИлитмаш» в 1971 г. выступил с инициативой оказать помощь шести заводам страны, получившим литейные автоматические линии, в быстрейшем доведении их до проектной мощности. Партийная организация объединения обратилась в партийные организации заводов-потребителей с предложением принять совместные социалистические обязательства по скорейшему монтажу, отладке и пуску новой техники в промышленную эксплуатацию.

Для практического осуществления взятых обязательств были созданы комплексные бригады из сотрудников института, наладчиков опытного завода и рабочих завода-потребителя, которые становились единым коллективом на время освоения нового оборудования. В процессе наладки собственных машин работники НПО обучали персонал завода-потребителя приемам работы на автоматическом комплексе, устраняли неполадки в работе оборудования, разрабатывали рекомендации по лучшему использованию сложных агрегатов. Тесные контакты с производственниками, знание их потребностей в той или иной технике позволяли сотрудникам ВНИИлитмаша точнее определять направление своих исследований, способствовали лучшей координации действий научных организаций в целом по всей отрасли. В числе первых предприятий, где успешно были внедрены автоматические линии, были заводы «Станколит» и им. Владимира Ильича. Досрочное освоение проектных мощностей автоматических линий позволило в 1971 г. дополнительно получить 56 тыс. т высококачественного литья⁶.

В 1972 г. коллективы ВНИИлитмаша и опытного завода «Красная Пресня» приняли обязательство оказать помощь 10 заводам по скорейшему пуску в эксплуатацию изготовленного автоматического оборудования и внедрению новых технологических процессов⁷. В последующие годы это начинание стало для коллектива НПО «ВНИИлитмаша» правилом. Только за счет досрочного внедрения выпущенной объединением новой техники на заводах страны за 1971—1974 гг. была получена экономия в размере около 3 млн. руб.⁸

Благодаря осуществлению организационно-технических мероприятий, направленных на сближение науки с производством, удалось значительно сократить сроки создания нового оборудования: в течение девятилетней пятилетки весь цикл работ от начала проектирования до внедрения новой модели автоматической линии уменьшился с 5 до 3 лет⁹.

---

⁶ Московский парт. архив (далее — МПА), ф. 69, оп. 49, д. 7, л. 58, 59; оп. 46, д. 7, л. 258.

⁷ Там же, оп. 47, д. 1, л. 148.

⁸ Там же, оп. 49, д. 27, л. 74.

⁹ Там же, л. 72.

Инициатива коллектива НПО «ВНИИлитмаш» по досрочному освоению проектной мощности выпускаемой новой техники была поддержана многими научно-исследовательскими организациями Москвы¹⁰.

Став головной организацией отрасли, НПО «ВНИИлитмаш» обобщал и координировал всю научно-исследовательскую работу по литейному машиностроению и новой технологии. Совершенствуя связи с заводами страны, завод «Красная Пресня» постепенно переходил на производство только новых образцов литейных машин, передавая их серийное производство другим предприятиям.

В 1960—1965 гг. в стране было произведено 25 автоматических линий, из которых 20 пришлось на долю краснопресненцев, в 1965—1970 гг. — соответственно 101 и 51, в 1971—1975 гг. — 650 и 33¹¹. Экономисты подсчитали, что внедрение в производство разработок НПО только за 1971—1974 гг. дало стране экономический эффект около 200 млн. руб.¹²

В результате активной и плодотворной деятельности ученых и производственников НПО «ВНИИлитмаш» в работу по перевооружению литейных цехов страны и совершенствованию технологических процессов литья были вовлечены почти все машиностроительные министерства.

Примером превращения НПО в головной, ведущий научно-технический центр отрасли является и деятельность научно-производственного объединения «Агроприбор», созданного в июле 1970 г. в составе Всесоюзного научно-исследовательского института приборов и техники измерений в сельском хозяйстве, Центрального опытно-конструкторского и проектно-технологического бюро приборостроения и опытного приборостроительного завода¹³. В задачу объединения входили научно-исследовательские работы по изысканию новых методов измерения и анализа сельскохозяйственной продукции, создание на их основе экспериментальных и опытных серий контрольно-измерительных приборов и средств автоматизации, организация серийного производства готового оборудования для массового внедрения в практику сельского хозяйства.

По разработкам института и конструкторского бюро завод наладил выпуск экспериментальных образцов и опытных партий приборов, обеспечивая ежегодно сельскохозяйственную науку и производство оборудованием более 30 наименований общей численностью свыше 5 тыс. единиц. Всего за годы девятой пятилетки было внедрено в сельское хозяйство 15 комплексных лабораторий и более 150 наименований различных приборов и лабораторного оборудования¹⁴. Использование их в практике сельского хозяйства позволило улучшить качество семенного материала и условия хранения продукции, существенно повысить культуру сельскохозяйственного производства, получить общий экономический эффект в сумме более 2,5 млрд. руб.¹⁵

Следует отметить, что при создании объединения предполагалось охватить его влиянием в основном центральные районы европейской части СССР. Однако в целях осуществления единой агротехнической политики в областях с различными климатическими условиями были созданы филиалы «Агроприбора» по обслуживанию Крыма и Красно-

¹⁰ Там же, оп. 46, д. 9, л. 15.

¹¹ Там же, д. 20, л. 57.

¹² Там же, оп. 49, д. 7, л. 32.

¹³ Там же, ф. 2710, оп. 1, д. 33, л. 120.

¹⁴ Там же, д. 33, л. 88; д. 32, л. 12.

¹⁵ Там же, д. 32, л. 12.

дарского края, Украины и Молдавии, Белоруссии и Прибалтики, Средней Азии. Более того, разработки НПО «Агроприбор» использовались многими предприятиями сельскохозяйственного производства Польской Народной Республики и Венгерской Народной Республики¹⁶.

Более активная роль НПО в научно-технической революции сдерживалась командно-бюрократической системой управления, невниманием к экономическим методам руководства и человеческому фактору.

Сам факт слияния научных и производственных коллективов в единый комплекс в этих условиях не обеспечивал достижения целей, поставленных перед НПО. Так, по замыслу Министерства химической промышленности, образованному в 1970 г. НПО «Пластик» предназначалась роль флагмана в создании и внедрении прогрессивных технологических процессов по переработке пластмасс и выпуску новых образцов изделий из этого материала. Оно возникло на базе одного из отделений НИИ пластмасс и Специального конструкторско-технологического бюро «Машприборпластик» (г. Харьков), составивших научную часть НПО, а также Дорогомиловского химического завода им. М. В. Фрунзе, Карачаровского завода пластмасс, Загорского опытного завода пластических масс, вошедших в производственную часть объединения. В его московских подразделениях было 1137 научных и инженерно-технических работников, из которых 41% имели высшее и 40% среднее техническое образование¹⁷.

Однако «Пластик» не вышел в лидеры научно-технического прогресса в своей отрасли. В интересах ведомства, увеличения валовых показателей НПО было возглавлено Дорогомиловским химзаводом. Научная часть объединения, которую предполагалось развернуть в научно-исследовательский институт, вскоре лишились СКТБ «Машприборпластик», переданного в другое ведомство.

Заводы «Пластика», как и до создания НПО, были загружены выпуском самой обычной серийной продукции для промышленных предприятий. И хотя на Дорогомиловском химзаводе производительность труда к началу 1973 г. выросла на 23,4% при сокращении численности промышленно-производственного персонала, новые образцы изделий составляли не более 10% общего выпуска продукции НПО¹⁸.

Подобная ситуация, к сожалению, сложилась и в ряде других НПО, где научные подразделения постепенно превращались в «придаток» производства.

Как и все преобразования в экономике 60-х гг., организационно-юридическое объединение научных и производственных подразделений не было последовательным. Во многих случаях единым научно-производственным и хозяйственным комплексом они считались лишь по форме, а по существу входящие в них предприятия оставались разными организациями с отдельными каналами финансирования, сохранением прежней ведомственной подчиненности, отдельным планированием научно-исследовательской и производственной работы, различными источниками оплаты труда и материального стимулирования ученых и работников производства внутри НПО. Достижения передовых НПО убедительно показывают, что в тех случаях, когда руководителям и коллективам удавалось освободиться от обручей бюрократизма и формализма, они

---

¹⁶ Там же, д. 33, л. 88; Управление исследованиями, разработками и внедрением новой техники. М., 1977, с. 243.

¹⁷ Суздалева Т. Р. Указ. соч., с. 76.

¹⁸ Московская правда, 1980, 3 сентября.

достигали серьезных успехов. Примером тому может служить плодотворная деятельность НПО «Союзстекломаш».

До создания этого НПО предприятия и организации стекольного машиностроения страны были малочисленны, разрознены, технический уровень их производства и качество выпускаемых машин не отвечали требованиям сегодняшнего дня. Собственными силами действующие заводы не в состоянии были удовлетворить растущие потребности отрасли в современном высокопроизводительном оборудовании. После тщательного анализа положения дел министерство пришло к выводу, что наиболее реальный и эффективный путь решения проблемы — образование научно-производственного объединения.

В состав «Союзстекломаш» вошли Всесоюзный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт стекольного машиностроения (ВНИИПКИстекломаш) в Москве, Проектно-конструкторский и экспериментальный филиал ВНИИПКИстекломаша в Одессе, московский завод «Стеклоагрегат» и орехово-зуювский завод им. Барышникова. Руководящим звеном в объединении стал головной институт отрасли. В объединении было осуществлено единое, сквозное планирование научно-исследовательских работ, проектно-конструкторских и технологических разработок, а также опытно-экспериментальных и пусконаладочных работ. В целях сокращения сроков создания и внедрения новой техники был внесен целый ряд существенных изменений в саму систему прохождения технического новшества от исследования до серийного выпуска. До создания научно-производственного объединения разработанная ВНИИПКИстекломашем техническая документация поступала на завод-изготовитель, как правило, без учета технической и технологической готовности производственной базы этого предприятия к внедрению нового изделия. Заводские конструкторы и технологи затрачивали значительное количество времени на ее изучение и изменение с целью приспособления к условиям своего предприятия, что не только затягивало внедрение, но нередко приводило к утрате технического и экономического эффекта новшества.

Чтобы исключить «доработку» и обеспечить непрерывность процесса «наука — производство», руководители «Союзстекломаша» для решения каждой научно-технической темы стали создавать специальные комплексные конструкторско-технологические бригады. В них входили специалисты как института, так и предприятия, что позволило объединить усилия при решении заданной проблемы на всех этапах — от замысла до его практического осуществления, без задержки приступать к созданию опытных образцов, а иногда даже к выпуску опытно-промышленной серии. Новая система организации труда позволила на каждой разработке экономить от одного до полутора лет¹⁹.

Коренным образом был преобразован и порядок проведения научно-технических разработок. Поэтапное проведение разработок заменили параллельным, при котором в то время, когда конструкторское бюро разрабатывало узлы новой машины, технические службы, исходя из заданных технических характеристик, подготавливали соответствующие технологии, и к моменту, когда опытно-экспериментальное производство завершало окончательное испытание нового изделия, основное производство было готово к запуску его для массового выпуска. Это ускорило создание и внедрение каждой машины на 6—8 месяцев.

¹⁹ Вопросы изобретательства, 1972, № 1, с. 43.

Постоянное творческое общение ученых и производственников в создании новой техники позволило глубоко прорабатывать все вопросы конструирования и технологии, значительно повышалось качество разработок, увеличивало количество тем, выполненных на уровне изобретений. Только в течение 1971 г. было создано и внедрено несколько десятков поточных линий и машин, получивших высокую оценку научно-технической общественности, среди них машина для обработки кромок листовых стекол, конвейерная машина для выработки стеклотары, устройство для разделения листов армированного стекла и др.

Чтобы облегчить всем заводам отрасли освоение нового оборудования, создаваемого «Союзстекломашем», в составе последнего были образованы отдел внедрения новой техники и отдел технологии механизированных процессов выработки стеклоизделий.

В соответствии с договорными обязательствами на постановку нового оборудования, сотрудники отделов еще в ходе его создания выезжали на соответствующие предприятия и подготавливали разработчикам необходимые данные о месте размещения создаваемой техники, о соотношении ее с общим технологическим процессом, о своевременном внесении необходимых изменений в разрабатываемый проект. Они участвовали в установке нового оборудования и сдаче его заводу-потребителю в полной готовности в соответствии с проектной мощностью, помогали в подготовке кадров для работы на новом оборудовании.

Практика работы «Союзстекломаша» убедительно показала, что в результате ликвидации организационных разрывов между стадиями цикла «наука — производство», совмещения их по времени и параллельного выполнения многих работ процесс создания и освоения серийного выпуска новых машин сократился в полтора — два раза. Резко возрос их удельный вес в общем выпуске продукции. В 1974 г. он достиг 60%²⁰. Аналогичные методы работы использовались и особенно эффективно используются в настоящее время в НПО «Иваново — София», «Союзгазавтоматика» и других ведущих научно-производственных объединениях страны.

Интересен опыт работы НПО «Союзнаучплитпром», созданного в 1971 г. Перед объединением стояла задача проведения исследований и выбора наиболее перспективных направлений развития деревообрабатывающей промышленности, создания новых машин и материалов и оснащения ими промышленных предприятий отрасли. По разработкам ученых, конструкторов и технологов «Союзнаучплитпрома» на предприятиях, вошедших в состав объединения, была освоена технология изготовления древесноволокнистых плит сухим способом, технология обработки и склеивания заготовок из древесины хвойных пород, березы и др. Уже к 1975 г. эти новые прогрессивные процессы обработки древесины успешно применялись на 105 предприятиях Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности и на 67 предприятиях смежных отраслей²¹.

В составе «Союзнаучплитпрома» имелось специальное пусконаладочное подразделение, которое выполняло работы по монтажу нового оборудования, наладке и отработке прогрессивных технологий, по совершенствованию организации производства. Благодаря активному влиянию коллектива НПО на повышение научно-технического уровня пред-

²⁰ Московская правда, 1975, 29 января.

²¹ Таксир К. И. Управление промышленностью СССР. М., 1977, с. 204.

приятый отрасли выпуск древесностружечных плит на тех же производственных площадях удалось увеличить в 1973 г. по сравнению с 1971 г. на 175%²².

Широко распространялся в отрасли опыт производственных предприятий, входивших в состав НПО «Союзнаучплитпром». Они, как правило, первыми внедряли научные разработки ученых и осваивали их серийное производство, поэтому их практические советы и рекомендации значительно облегчали и ускоряли организацию массового производства новых изделий на других предприятиях. Так, передовой опыт Московского (Подрезково) экспериментального завода древесностружечных плит и деталей НПО «Союзнаучплитпром» стал предметом обсуждения в ЦК КПСС от 28 декабря 1971 г.²³ По документации, разработанной проектно-конструкторским бюро завода в Подрезково были модернизированы 23 предприятия Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

За период девятой и начало десятой пятилетки объем научно-исследовательских работ в НПО «Союзнаучплитпром» вырос в 3 раза, экономический эффект — в 2,9 раза, объем пусконаладочных работ — в 3,5 раза. Здесь примерно вдвое сократились сроки выполнения научных работок и в 2—3 раза повысилась экономическая эффективность на рубль затрат²⁴.

Больших успехов достигло НПО «Спектр» — головная организация в области создания и внедрения средств неразрушающего контроля за качеством продукции. Разработанная в объединении аппаратура применяется на предприятиях более 20 отраслей промышленности. В черной металлургии активно внедрялись приборы, позволяющие за короткие промежутки времени находить дефекты в стальном листе, трубах и другой продукции. Строители получили прибор, контролирующий качество бетона²⁵. В НПО «Криогенмаш», названном в числе передовых на июньском (1985 г.) совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, сроки создания новой техники за десятую и одиннадцатую пятилетки сократились в 2,5—3 раза. В ежегодных производственных планах новая техника составляла 70—80%. Благодаря плодотворной деятельности ученых и производственников этого объединения наша страна полностью освобождена от импорта криогенного оборудования²⁶.

Таким образом, возникнув в 1967—1968 гг., научно-производственные объединения столицы в период девятой пятилетки стали одной из основных организационных форм интеграции науки с производством.

30 декабря 1975 г. Совет Министров СССР утвердил «Положение о научно-производственном объединении», определив его задачи, структуру и правовой статус²⁷. К этому времени в Москве действовало 21 НПО.

Практика работы передовых НПО столицы показала, что крупные объединения способны связать отраслевую и вузовскую науку с произ-

²² Там же, с. 140.

²³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 8. М., 1972, с. 627, 628.

²⁴ Экономические проблемы ускорения научно-технического прогресса. М., 1980, с. 134; Правда, 1975, 14 октября.

²⁵ Экономическая газета, № 41, октябрь 1981; Московская правда, 1984, 27 сентября.

²⁶ Правда, 1986, 12 марта.

²⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 11. М., 1977, с. 65—93.

водством, обеспечить их органическое сочетание, ускорить темпы научно-технического прогресса. Одно из обязательных условий их эффективной деятельности — руководящая роль научных подразделений, их непосредственное участие во всех этапах создания нового изделия, преодоление бюрократических порогов управления.

Казалось бы, успешно преодолев период становления и официально утвердившись в качестве основного звена в организационном соединении науки с производством, НПО в последующие годы должны были в полную силу проявить свои потенциальные возможности. Москва располагала для этого самыми благоприятными условиями. В середине 70-х гг. в сфере науки и научном обслуживании столицы трудилось 900 тыс. чел., или почти $\frac{1}{3}$ часть всех работающих москвичей. В городе действовало 830 научных учреждений, в которых работала четвертая часть всей численности научных сотрудников страны. В их составе находилась почти треть всех докторов и пятая часть кандидатов наук страны²⁸. В столице производилась примерно треть всех фундаментальных исследований и половина всех прикладных научно-технических разработок СССР²⁹. Здесь имелась и мощная индустриальная база — свыше тысячи промышленных предприятий.

Однако негативные явления в экономике, имевшие место на рубеже 70—80-гг., отразились и на развитии НПО. Процесс образования новых научно-производственных объединений замедлился. Если в период десятой пятилетки число московских НПО увеличилось на 19 единиц, то за одиннадцатую пятилетку — всего на шесть³⁰. Как отмечалось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, создание НПО натолкнулось на ведомственные барьеры и территориальные границы, на стремление вышестоящих органов включить в объединения научно-исследовательские институты и предприятия лишь своего министерства, а то и только своего главка³¹.

Так, например, расположенные рядом НИИ резиновой промышленности и производственное объединение «Каучук» работали раздельно, хотя заводское оборудование и технологические процессы нередко были еще довоенного образца. В глубоком прорыве в начале 80-х гг. оказались московские шелковые комбинаты им. П. П. Щербакова, им. Я. М. Свердлова, «Красная роза», тогда как в городе находился ВНИИ по переработке химических волокон. В московских научно-исследовательских институтах Минсельхозмаша работало 5 тыс. сотрудников, а технический уровень производства на заводе «Моссельмаш» был настолько низок, что москвичи туда работать не шли.

«Возникла парадоксальная ситуация,— отмечалось в докладе Н. И. Рыжкова на седьмой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 29 июня 1987 г.,— при которой даже внутри министерства ведомственность не позволяет создавать полнокровные производственные и научно-производственные объединения. Дело дошло до того, что практически непреодолимым препятствием для объединения предприятий стало подчинение заводов разным главкам одного и того же министерства»³².

²⁸ Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976, с. 165; Московская правда, 1976, 24 апреля.

²⁹ 10 пятилеток Москвы. М., 1981, с. 284.

³⁰ Москва в цифрах. М., 1986, с. 84.

³¹ Правда, 1987, 26 июня.

³² Правда, 1987, 30 июня.

В ряде случаев, отдавая дань моде или уступая давлению сверху, НПО создавались поспешно, механически, без глубокого технико-экономического обоснования. Входявшие в их состав НИИ, КБ и заводы продолжали решать разноплановые задачи, сохраняли хозяйственную самостоятельность. В тяжелое положение, например, было поставлено созданное в 1986 г. НПО «ВНИИэлектропривод», в состав которого помимо института вошло три предприятия, выпускавших серийную продукцию в Москве, Калининне и в Комсомольске (Ивановская обл.). Положение осложнялось тем, что заводы хронически не выполняли план и выпускали продукцию, не имеющую к электроприводу никакого отношения³³.

На рубеже 70—80-х гг. отчетливо проявились грани между благополучными и прозябающими НПО. На состоявшейся в феврале 1976 г. XXII конференции Московской городской организации КПСС было отмечено, что в городе накоплен положительный опыт творческого сотрудничества научных и производственных коллективов, в том числе и в рамках НПО. Однако возможности научного и производственного потенциала Москвы использовались еще далеко не полностью³⁴.

Провозглашенный апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС курс на ускорение социально-экономического развития потребовал использовать научно-производственные объединения для прямого их назначения — определять завтрашний день в развитии научно-технического прогресса. Первым шагом в решении этой задачи должно стать усиление ответственности НПО за технический уровень новых изделий.

Большие и ответственные задачи перед НПО как центрами научно-технического прогресса поставлены решениями XXVII съезда партии. Отмечая ключевую роль науки и техники в качественном преобразовании производительных сил, XXVII съезд КПСС постановил: «...Расширить сеть научно-производственных объединений, нацеливая их на создание и широкое внедрение новых поколений оборудования и технологических комплексов, постоянное совершенствование техники и технологии производства»³⁵.

После XXVII съезда КПСС в деятельности НПО появились признаки более последовательного решения стоящих перед ними проблем.

В условиях перестройки НПО «Химавтоматика», совершенствуя взаимосвязи ученых с производственниками, отказалось от формального деления на науку и промышленность, создав из входящих в объединение конструкторских бюро и их опытных участков ряд научно-производственных комплексов. При этом труд исследователей, конструкторов, инженеров и рабочих стали оценивать по единому конечному показателю — качеству готового прибора. Это позволило помимо образцов быстрее наладить выпуск мелких серий новых изделий³⁶.

На высокие темпы обновления производства вышло НПО «Темп». За 1986—1987 гг. здесь заменено 34% оборудования. В НПО «Электронмаш» в 1989 г. более 60% выпускаемой продукции будет соответствовать мировому уровню. В 1987 г. этот показатель был менее 15%³⁷.

³³ Московская правда, 1987, 19 июня.

³⁴ МПА, ф. 4, оп. 184, д. 2, л. 189—202.

³⁵ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 282.

³⁶ Московская правда, 1988, 4 февраля.

³⁷ Там же, 14 января.

Уверенно, инициативно и продуктивно работают научно-производственные объединения: Всесоюзный научно-исследовательский институт металлургического машиностроения (ВНИИметмаш), Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков (ЭНИМС), Центральный научно-исследовательский институт технологии машиностроения (ЦНИИТмаш), «Квант», «Электротехпром» и др. Благодаря их помощи машиностроителями столицы изготавливается каждый пятый промышленный робот, треть всех станков с ЧПУ, каждый восьмой комплект автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки, более 40% гибких производственных модулей различного технологического назначения и свыше половины персональных ЭВМ³⁸.

И все же только пятая часть действующих НПО оправдывает свое назначение первопроходцев научно-технического прогресса³⁹. Остальные по существу выполняют функции косметического омоложения существующих машин. Более десяти лет функционирует, например, столичное НПО хлебопекарной промышленности, но технический уровень пекарен изменился мало. Сколько-нибудь заметного качественного скачка в условиях труда в этой отрасли не произошло. Отечественные машины для приготовления и разделки теста, дозирочные устройства, печи для выпечки хлеба безнадежно устарели. Заводы не оснащены измерительной аппаратурой, отсутствуют даже датчики температуры и влажности. Из 29 видов технологического оборудования, созданных во ВНИИХП в течение одиннадцатой пятилетки, в серию пошло лишь 16, из которых только 6 аттестованы по высшей категории качества. Внедрение разработок, выполненных ВНИИХП за этот период, позволило повысить производительность труда в отрасли всего на 3,1%. Не удивительно, что больше трети оборудования, закупаемого московскими хлебозаводами, — импортного происхождения⁴⁰. Нельзя занести в список ускорителей научно-технического прогресса и НПО «Норпласт», экономический эффект в котором ниже одного рубля на рубль затрат⁴¹.

Причины слабой эффективности деятельности многих НПО далеко не просты. Истоки их кроются прежде всего в командно-административных методах руководства экономикой и наукой, в сложности и новизне решаемых задач, несовершенстве организационной структуры, недостаточной отлаженности и изученности хозяйственного механизма НПО.

Много новых проблем возникает в связи с переходом отраслей промышленности на хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Существует, например, реальная опасность, что в погоне за прибылью НПО начнут переключаться на решение в основном текущих, сиюминутных запросов и потребностей заказчиков. А кто будет работать на перспективу, на завтрашний день? Предприятия вряд ли согласятся финансировать поисковые исследования, экономическая эффективность которых трудно предсказуема. Не приведет ли это к превращению НПО из лидеров научно-технического прогресса в заводские лаборатории, скатыванию их на путь научно-технического обслуживания промышленных предприятий?

Большой ущерб внедрению технических новинок, созданных в НПО, наносила ориентация руководителей ряда предприятий на закупку го-

³⁸ Там же, 24 февраля.

³⁹ Там же, 1987, 21 июля.

⁴⁰ Там же, 18 июня.

⁴¹ Там же, 1985, 26 ноября.

товой техники за рубежом. Не желая рисковать, утруждать себя лишними хлопотами и заботами по доведению отечественных машин до образцов мирового уровня, они находили массу причин и доводов для отказа от реализации даже самых заманчивых предложений отечественных исследователей.

В значительной мере результативность и эффективность НПО зависела от научного потенциала НИИ, возглавившего объединение, уровня работы его управленческого аппарата. Многие руководители оказались неподготовленными для организации такого серьезного дела: не хватает хозяйственных навыков и экономических знаний, инициативности и предприимчивости, личной смелости и ответственности; у ряда институтов не оказалось достаточного научного задела, необходимого для перехода на качественно новый уровень работы.

Поскольку создание принципиально новой техники и прогрессивных технологий в условиях научно-технической революции происходит, как правило, на стыке разных направлений науки и отраслей промышленности, стали возникать всесоюзные и межотраслевые НПО. В 1985 г. Министерство химического машиностроения создало Всесоюзное научно-производственное объединение (ВНПО) «Криотехника», в котором соединило все действующие в этой области НПО и заводы. Головной организацией стало известное НПО «Криогенмаш», выпускавшее примерно половину (по объему и номенклатуре) криогенной техники. ВНПО позволило соединить достоинства всех слившихся подразделений и отчасти устранить присущие отдельным из них недостатки. Так, в Одесском НПО «Кислородмаш» имеется хороший технологический институт, но слабо развита конструкторская служба. В Московском НПО «Гелий-маш» — маломощное опытное производство. В Омском НПО «Микрокриогенмаш» — мало конструкторов и нет исследователей. На Свердловском заводе кислородного машиностроения — слабое КБ и нет науки. С созданием ВНПО сильные подразделения стали работать на всех. Сложение усилий дало возможность при той же численности сотрудников решать более широкий круг задач и проводить единую техническую политику на всех предприятиях подотрасли⁴².

Большой заряд творческих возможностей в решении ключевых проблем технического прогресса заложен в межотраслевых научно-технических комплексах (МНТК), рожденных современной практикой социалистического хозяйствования. Их с полным правом можно назвать ответом научных и производственных коллективов на требования перестройки, поскольку сформированная в них новая система взаимодействия науки с производством обеспечивает широкий простор для эффективного использования научного потенциала. В отличие от НПО они обеспечивают интеграцию науки с производством на более широкой межведомственной основе. Включение в состав МНТК возглавляющих их академических институтов поднимает их деятельность на качественно новый уровень. По глубине и сложности поставленных проблем они призваны фактически вести работы с исчерпывающей фундаментальностью, но прикладной направленности.

В рамках МНТК меняется сам характер взаимоотношений между партнерами, так как стержневой основой их объединения является решение заданной ключевой проблемы на одном из главных направле-

---

⁴² Известия, 1986, 19 августа.

ний научно-технического прогресса. На выполнении этой задачи сосредоточивается вся мощь научно-производственного потенциала входящих в МНТК НИИ, КБ и предприятий.

Из 23 межотраслевых комплексов, действующих в народном хозяйстве страны на 1 января 1988 г., половина находится в столице⁴³. За неполные два года существования МНТК решены в основном организационные вопросы их формирования, уточнена структура, рассмотрены и утверждены положения их деятельности, научные программы и планы производства, намечены меры по развитию необходимой экспериментально-производственной базы.

Однако в ходе организации и выполнения поставленных задач межотраслевые комплексы натолкнулись на клубок нерешенных до конца вопросов: не преодолена ведомственная обособленность организаций и предприятий, вошедших в их состав; производственная база предприятий не подготовлена к выпуску намеченных изделий, не сбалансированы планы; поставщики несвоевременно доставляют комплектующие детали и т. д. Из-за отмеченных и ряда других причин МНТК «Технологические лазеры», например, не выполнил производственную программу 1986 г.: вместо 15 лазерных установок потребителям были отправлены только 4. В аналогичном положении оказался МНТК «Робот», который также подвели партнеры⁴⁴.

Таким образом, итоги работы научно-производственных объединений Москвы за два десятилетия их функционирования дают основание утверждать, что рождение этой организационной формы соединения науки с производством явилось важным шагом на пути создания действенного механизма внедрения в практику социалистического строительства новейших достижений науки и техники. Достижения передовых НПО столицы показали, что путем сложения сил научных и производственных коллективов в едином комплексе удалось существенно улучшить все основные экономические показатели: сроки разработки, темпы роста производительности труда⁴⁵. Деятельность НПО в значительной степени способствовала улучшению качества выпускаемой продукции. В Москве из общего числа наименований изделий с государственным Знаком качества свыше 70% приходится на долю НПО. Увеличивается выпуск конкурентоспособной продукции на уровне лучших мировых образцов⁴⁶.

Появление НПО было закономерным и объективным явлением в развитии экономики страны в условиях научно-технической революции, назревшей необходимостью ускорения научно-технического прогресса. Заложённые в них принципы интеграции науки с производством создавали благоприятные условия для плодотворной деятельности научных и производственных коллективов в создании новейших образцов техники и прогрессивной технологии.

Однако успехи и достижения научно-производственных объединений были далеко не всеобщими и равнозначными. Зародившись и развиваясь в условиях застойных явлений в экономике страны, многие из них не смогли преодолеть сдерживающие силы торможения, косности, рутины и бюрократизма, полностью раскрыть свои потенциальные возможности. Весь пройденный НПО путь указывает на несовместимость новой формы интеграции науки и производства с грузом торможения.

⁴³ Московская правда, 1987, 9 августа; Правда, 1988, 24 января.

⁴⁴ Правда, 1987, 8 июня; Московская правда, 1987, 27 мая.

⁴⁵ Московская правда, 1979, 15 сентября; 1983, 27 октября.

⁴⁶ Там же, 1984, 7 августа.

М. А. БЕЗНИН

МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ КОЛХОЗНОЙ СЕМЬИ В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ (1959—1965 гг.)

Социальные аспекты экономической политики приобрели в настоящее время особую актуальность. XXVII съезд КПСС выдвинул задачу повышения внимания к социальным вопросам развития общества¹. В последние десятилетия в некоторых сельских районах страны обострилась социально-демографическая ситуация. Изучение истоков этого явления представляет не только чисто научный, но и практический интерес. Развитие тяжелой ситуации в деревне определялось наряду с экономическими факторами условиями воспроизводства рабочей силы, уровнем доходов и потребления, условиями жизни людей. Наиболее остро отмеченные проблемы заявили о себе в Российском Нечерноземье.

Семилетка в истории аграрной подсистемы социалистического общества характеризовалась рядом специфических черт. В этот период резко сократились темпы роста сельскохозяйственного производства в стране. В первые годы семилетки не были сделаны достаточные капитальные вложения в сельское хозяйство, система закупочных цен на продукцию отрасли не отвечала задачам стимулирования темпов роста сельскохозяйственного производства. Правда, в 1962 г. закупочные цены на скот, птицу, некоторые продукты земледелия были повышены, что несколько улучшило финансовое положение колхозов. Однако в целом система цен, существовавшая в 1958—1964 гг., не давала возможности покрывать производственные затраты, обеспечивать необходимую рентабельность хозяйств². В особо трудном положении находились колхозы Российского Нечерноземья. Большое социально-экономическое значение в жизни села имел переход в 50—60-х гг. на денежную систему оплаты труда колхозников. Широкое распространение эта практика получила с 1956 г. Однако в конце 50-х — первой половине 60-х гг. другой важнейший канал обеспечения материального достатка колхозников — личное подсобное хозяйство — стал государством ограничиваться, что было следствием переоценки возможностей общественного сельскохозяйственного производства, его способности в тот период удовлетворить потребности и государства, и сельского населения³. Для обоснования этих ограничений высказывались также опасения относительно неоправданного увеличения доходов колхозников при росте оплаты труда в артели и сохранении прежних размеров приусадебных хозяйств. Эти

Безнин Михаил Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории СССР Вологодского государственного педагогического института.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 44.

² См.: Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1970). М., 1973, с. 475, 480.

³ См.: Тюрин А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. М., 1982, с. 173—174.

и другие обстоятельства определили противоречивый характер социального развития крестьянства в годы семилетки, в том числе их материального благосостояния.

Проблема материального благосостояния крестьянства может рассматриваться с учетом условий развития общественного производства, личного подсобного хозяйства, сферы торговли, бытового обслуживания. Однако еще большее значение имеет ее изучение в плане влияния перечисленного комплекса факторов на семью колхозника. В статье акцент делается именно на таком подходе. В. Б. Островским выдвинута задача выработки единой методики исследования материального благосостояния крестьянства, в основе которой лежали бы бюджетные обследования. В данной и других статьях автор использует такую методику⁴. Хотя источники возможности бюджетных обследований в целом неплохо показаны в экономической и статистической литературе⁵, материалы бюджетных обследований послевоенного периода крайне слабо используются пока в советской аграрной историографии. В большей степени они вовлечены в научный оборот историками рабочего класса⁶.

Источниковую базу данной работы составляют материалы бюджетных обследований семей колхозников*. Используются первичные материалы обследований, сводки и группировки бюджетов, аналитические записки по ним.

В статье анализируются совокупные, натуральные и денежные доходы колхозной семьи, уровень и структура расходов, потребления. Рассматривается их территориальная специфика, выделяются «экономические группы» крестьянства, отличающиеся показателями материального благосостояния.

Поскольку основным объектом исследования в статье является семья колхозника, необходимо рассмотреть главные параметры ее развития (табл. 1).

В течение семилетки во всех охваченных бюджетным обследованием областях Нечерноземья происходило уменьшение размеров колхозной семьи. По РСФСР в целом за 1959—1965 гг. в расчете на 100 хозяйств число всех членов семьи колхозника уменьшилось с 392 до 365 человек. В начале периода лишь три обследованные области по этому показателю превосходили среднероссийский — Вологодская (400 чел.), Кировская (394 чел.) и Орловская (413 чел.). Наиболее многочисленной была группа областей с показателем от 370 до 385 членов семьи на 100 хозяйств: Ленинградская, Московская, Рязанская, Горьковская и Свердловская. В Смоленской области этот показатель был самым низким (333 чел.), невысок он был и в Калининской области (343 чел.). Сокращение размеров семьи в течение исследуемого периода происходило весьма неравномерно и не везде в одинаковых масштабах. Посто-

⁴ См.: Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981, с. 262—263; Социально-экономическое развитие северной деревни (Советский период). Вологда, 1988, с. 35—71, 138—167.

⁵ М а т ю х а И. Я. Статистика бюджетов населения. М., 1967; его же. Статистика жизненного уровня населения. М., 1973; Левин А. И., Яркин А. П. Экономика потребления: вопросы теории управления, прогнозирования. М., 1984 и др.

⁶ См., напр.: Алексеев В. В., Букин С. С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980.

* По РСФСР за 1959—1965 гг. обследованном было охвачено от 11 до 13 тыс. семей, по 10 областям Нечерноземья — около 5 тыс., в пределах одной области — как правило, 500 семей колхозников.

янством этой тенденции и достаточно высокими темпами сокращения отличаются Вологодская, Ленинградская, Калининская, Рязанская, Горьковская и Орловская области. На востоке региона, в Кировской и Свердловской областях, процесс шел менее активно, причем в Кировской области после 1961 г. размеры семьи стабилизируются и даже несколько увеличиваются. В области с самыми малочисленными колхозными семьями — Смоленской — с 1963 г. размер семьи тоже стабилизируется.

Сокращалось и количество наличных членов семьи. Если в 1959 г. имелась группа областей со средним размером семьи (наличных членов) на 100 хозяйств 336—358 человек (Вологодская, Горьковская, Кировская, Орловская, Свердловская), то в 1965 г. количество наличных членов составляло по всем областям лишь 253—329.

Рассмотрим перемены в численности трудоспособного населения, престарелых, детей и подростков. Главной тенденцией в Нечерноземье в изучаемое семилетие стало уменьшение количества трудоспособных мужчин и женщин (см. табл. 1). Произошло это во всех обследованных областях, за исключением Московской, где в 1959—1962 гг. росло количество мужчин в расчете на 100 семей, и Смоленской, в которой последний показатель оставался стабильным. Число трудоспособных женщин сокращалось быстрее, чем мужчин. В результате в конце периода сблизилась численные показатели трудоспособных женщин и мужчин в расчете на 100 семей. В целом ряде областей (Калининская, Смоленская, Кировская, Свердловская) количество трудоспособных мужчин в расчете на 100 семей было весьма стабильным. К 1965 г. типичным становится следующее положение. По количеству наличных трудоспособных мужчин (на 100 семей) выделяются три зоны: к первой относятся окраинные северные и западные обследованные области (Вологодская, Ленинградская, Калининская и Смоленская — в пределах 50 чел. на 100 семей); ко второй — области Центрального района (Рязанская и Горьковская — в пределах 55 чел. на 100 семей); третью группу составляют области южной и восточной окраин Нечерноземья, в которых данный показатель превышает 60 человек (Орловская, Кировская и Свердловская области). По числу трудоспособных женщин на 100 семей выделяются Северо-Запад и Калининская область (немного менее 80 чел. на 100 семей) и все остальные обследованные области (82—90 чел.) За небольшими исключениями повсеместно росла доля престарелых и инвалидов в составе наличного сельского населения. Число детей и подростков на семью уменьшилось за семилетие в Вологодской, Ленинградской, Калининской, Орловской областях, однако во второй половине периода эта тенденция была характерна для всех областей.

Важнейшим показателем материального благосостояния являются доходы семьи. У крестьянства они состоят из двух основных частей — натуральной и денежной. Натуральная часть формировалась в основном из двух источников — поступлений продуктов из колхоза и от личного подсобного хозяйства. Рассмотрим структуру и основные тенденции изменений натуральных доходов колхозников Нечерноземья в конце 50-х — первой половине 60-х гг. (табл. 2, 3). Ассортимент поступлений продуктов от приусадебного хозяйства шире, чем из колхоза. Он включает молоко и яйца **. Продукция животноводства поступала в

** В бюджетных обследованиях поступления из колхоза молока и яиц тоже учитываются, однако их абсолютные размеры так малы, что этот учет следует признать символическим. То же можно сказать и о поступлениях мясных продуктов.

семьи колхозников почти исключительно от своего хозяйства. Иное дело — с продуктами растениеводства. Среди поступлений этой группы выделяются зерновые, картофель и овощи.

Приоритет в удовлетворении потребностей колхозников по зерновым в течение всего периода принадлежал поступлениям из колхоза. По РСФСР за период с конца 50-х до середины 60-х гг. они уменьшились в абсолютных размерах с 1 до 0,5 т на хозяйство в год. Особенно быстро сокращались размеры этих поступлений в начале семилетия, с 1963 г. они стабилизировались. Мало изменился за 1959—1965 гг. приход зерна от приусадебного хозяйства: он остался в пределах от 40 до 55 кг в расчете на семью.

Наибольшие размеры поступлений зерновых из колхозов в течение всего периода были зафиксированы в Орловской и Свердловской областях — в пределах 1 т на хозяйство. Иногда этот показатель здесь резко сокращался (так было в 1960 и 1963 гг. в Орловской области), иногда значительно возрастал (в 1959 г. в Свердловской области), что следует связывать прежде всего с итогами работы колхозов в эти годы. При стабильных больших размерах поступлений зерновых из колхоза для этих областей было характерно сохранение малых объемов их производства в личном подсобном хозяйстве (в среднем, до 5 кг в расчете на хозяйство в год).

Значительные поступления зерновых из колхоза (от 500 до 900 кг) были в 1959 г. в Калининской, Рязанской, Горьковской и Кировской областях. Однако в дальнейшем ситуация здесь менялась. В Кировской области резко сократились выдачи зерна колхозникам, к середине 60-х гг. стабилизировавшиеся и составившие примерно 150 кг на хозяйство. В меньших масштабах (примерно в 2 раза) сократились выдачи зерна из колхоза в Калининской, Рязанской и особенно в Горьковской области. По поступлениям зерна от приусадебного хозяйства среди этой группы областей выделяется Кировская, где в течение семилетки они составляли, как правило, более 100 кг в расчете на хозяйство. В Калининской и Горьковской областях размеры поступлений зерна от своего участка в среднем на хозяйство были примерно от 10 до 20 кг, в Рязанской — до 8 кг.

Вологодская, Ленинградская, Смоленская и Московская области характеризовались относительно небольшими размерами поступлений колхозникам зерна из колхоза в начале семилетки и стабильно малым (кроме Вологодской области) производством зерна в личном подсобном хозяйстве. При этом в Ленинградской и Вологодской областях выдачи зерна из колхоза резко сократились за рассматриваемый период.

Стабильными в течение семилетки были поступления картофеля от приусадебного земледелия (табл. 3) — около 2,5 т на хозяйство колхозника в среднем по России. В обследованных областях Нечерноземья сборы картофеля на хозяйство значительно превосходили среднероссийские показатели. Лишь в Московской и Кировской областях они регулярно были ниже 3 т, в Вологодской — в течение четырех из семи лет держались на уровне около 3 т. Очень высокими были поступления картофеля из личного подсобного хозяйства в Смоленской (как правило, выше 4,5 т) и Орловской (чаще около 5 т) областях. В других областях типичным был сбор от 3 до 4 т на хозяйство. Следует отметить, что зафиксированные в таблице 3 весьма значительные в ряде областей колебания поступлений картофеля со своего участка по годам свидетельствуют не о тенденции увеличения или сокращения объемов его вы-

ращивания, а в большей степени отражают колебания его урожайности по зонам. Так, в 1962 г. в Смоленской области поступление картофеля на одно хозяйство оказалось самым малым за семилетие, в Орловской же — самым большим; на следующий год этот показатель в первой области был близким к среднему, в другой — наименьшим за весь период. Постоянно наблюдающаяся нивелировка зонных колебаний в среднероссийской статистике по годам семилетки показывает устойчивый интерес колхозного крестьянства к выращиванию в своем приусадебном хозяйстве картофеля.

Стабильным было и производство овощей в личном подсобном хозяйстве. Однако если показатели производства картофеля на одно хозяйство в Нечерноземье были выше среднероссийских, то овощей, за небольшим исключением, — наоборот. Так, в среднем по РСФСР в одном приусадебном хозяйстве колхозника за семилетку овощей выращивалось от 4 до 5,8 ц, в большинстве же областей Нечерноземья — 2—3 ц. Лишь в Рязанской области начиная с 1961 г. этот показатель превышал, а в Орловской в конце семилетки был близок к среднему по республике. В Горьковской области на одно хозяйство производилось в среднем от 3,5 до 5 ц овощей в год, в ряде других областей за отдельные годы валовой сбор также достигал 4 и более центнеров (Калининская, Смоленская, Московская). В некоторых областях Нечерноземья за семилетие обнаружилась тенденция сокращения производства овощей в приусадебном хозяйстве, это относится прежде всего к Вологодской, Ленинградской, Калининской областям.

В небольших количествах картофель и овощи поступали колхозникам из колхоза. За 1959—1965 гг. в среднем по РСФСР поступление картофеля на одно хозяйство сократилось в два раза. Поступление овощей осталось на прежнем уровне. Сравнительно большими поступлениями картофеля из колхоза выделяются Калининская, Московская, Рязанская, Горьковская, Орловская области (примерно 200 и более килограммов в расчете на хозяйство), низкими (менее 100 кг) — Вологодская область и очень низкими (менее 10 кг) — Свердловская область. Повсеместно в Нечерноземье заметно прослеживалась тенденция сокращения этих поступлений.

Значительными размерами поступлений овощей из колхоза в хозяйства колхозников отличались Московская, Рязанская и Орловская области (как правило, свыше 100 кг на хозяйство), очень малыми — Вологодская, Калининская, Смоленская области (менее 10 кг). Лишь в Орловской области эти поступления заметно возросли к концу семилетки и стабилизировались в пределах 2—3 ц.

Животноводческая продукция поступала в семьи колхозников почти исключительно от приусадебного хозяйства. Из обследованных бюджетных сводок лишь по одному продукту (мясо) в одной области (Кировская) зафиксированы сколько-нибудь значительные поступления из колхоза (табл. 2) — от 3,7 до 5,5 кг на хозяйство в год.

Стабильным было в тот период производство мяса, молока и яиц в личном подсобном хозяйстве колхозников РСФСР. Подверженное годичным колебаниям производство мяса и сала в среднем составляло в год 150 кг в расчете на хозяйство, поступления молока — 1,1—1,2 тыс. л, яиц — 800—900 шт. в год (см. табл. 3). Большинство областей Нечерноземья (кроме Московской) по производству молока в расчете на одно хозяйство колхозника превосходили среднероссийский показатель, аб-

солютно все уступали в производстве яиц и большинство (кроме Смоленской, Рязанской и Орловской) — в производстве мяса.

Материалы бюджетных обследований не дают оснований говорить о росте или сокращении поступлений мяса и сала в семьи колхозников от своего хозяйства в течение семилетки, по ним можно судить лишь о колебаниях этих поступлений по годам, порой значительных. Однако уровень этих поступлений в пределах зоны был весьма различен: в Орловской области среднегодовое производство мяса и сала за 1959—1965 гг. в расчете на хозяйство колхозника составило 201 кг, в Смоленской — 181, в Рязанской — 158, в Кировской — 138, в Калининской — 133, в Свердловской — 124, в Ленинградской — 117, в Горьковской — 103, в Вологодской — 103, в Московской — 95 кг. Меньшими были различия среди областей зоны в производстве молока на одно обследованное хозяйство колхозника; лишь в Московской (значительно) и Ленинградской (в меньших размерах) этот показатель сокращался в течение семилетки. В Вологодской области в середине периода также произошло его уменьшение, однако к концу семилетки производство молока здесь составило 1500—1600 л в расчете на хозяйство в год. В Калининской, Смоленской и Орловской областях оно равнялось (а порой и превышало) 1,5 тыс. л; в Рязанской, Горьковской и Кировской — от 1,2 до 1,5 тыс. л; в Свердловской — стабильно около 1,2—1,3 тыс. л. В северных и западных окраинных областях Нечерноземья (Вологодская, Ленинградская, Смоленская) фиксируется наименьшее в зоне производство яиц в приусадебном хозяйстве: в расчете на один двор колхозника — от 450 до 600 шт. в год; в Рязанской и Орловской областях оно было самым высоким — от 650 до 850 шт.; остальные области имели средние по сравнению с этими полярными зонами показатели.

Помимо натуральных доходов бюджет колхозной семьи имел и денежную часть поступлений. Формировалась она в основном из денежной оплаты труда за работу в колхозах, зарплаты членов семей колхозников в государственных и кооперативных организациях, пенсий, пособий и других поступлений от государства, а также путем продажи части поступившей в семью сельхозпродукции. Бюджетная статистика свидетельствует, что в 1959—1965 гг. для России и Нечерноземья характерно постепенное увеличение денежных доходов колхозной семьи, что связано прежде всего с переходом в колхозах на денежную оплату труда.

Однако уровень и источники доходов весьма различаются в областях Нечерноземья (см. табл. 4). Самые высокие денежные доходы имели семьи колхозников Московской области, к 1962 г. они достигли здесь 1727 руб. в расчете на семью. Источники формирования этих поступлений ясно указывают на тенденции общей эволюции крестьянского хозяйства в этой области. Так, здесь был зафиксирован один из самых низких и быстро уменьшавшийся размер денежных поступлений от продажи скота и птицы. Это полностью согласовалось с динамикой натуральных поступлений продукции животноводства от личного подсобного хозяйства (табл. 3), т. е. у колхозников Московской области наблюдалось сокращение натуральных и денежных поступлений от приусадебного животноводства, прежде всего от продажи скота. Напротив, уровень денежных поступлений от продажи продуктов сельского хозяйства здесь являлся одним из самых высоких при значительных объемах личного производства и поступлений из колхоза продукции растениеводства, особенно овощей. Однако не доходы от продажи части натуральных поступлений выделяют Московскую область и объясняют самый высокий

денежный приход в семьи колхозников, а значительно бóльшие, чем в других областях Нечерноземья, денежные поступления за работу в колхозе, и особенно за труд в государственных и кооперативных организациях. По последнему показателю доходы семьи подмосковного колхозника в среднем более чем в 2 раза превосходили доходы семей колхозников в других областях зоны, кроме Ленинградской. В целом же денежная оплата труда за работу в колхозах, а также в государственных и кооперативных организациях составила в расчете на семью колхозника Московской области в 1962 г. 74% всех денежных поступлений, причем первый показатель незначительно и не всегда превышал второй.

На втором месте в зоне по уровню денежных доходов колхозной семьи в начале периода была Ленинградская область, причем она немного уступала в этом отношении Московской и значительно превосходила все остальные области. К 1962 г. ситуация существенно изменилась: денежные доходы московских колхозников значительно возросли, а доходы ленинградских колхозников остались стабильными и практически Ленинградская область по этому показателю сравнялась с другими областями, поскольку в последних он вырос. Объясняется это в значительной степени разницей в динамике заработной платы колхозников, которая мало увеличилась в Ленинградской области, в Свердловской же, например, выросла более чем в 2 раза. В других областях зоны (кроме Горьковской) также фиксируются значительные приросты зарплаты за труд в колхозе. Совокупные денежные доходы колхозников поднялись в номинальном исчислении в большинстве областей Нечерноземья к 1965 г. примерно до 1200 руб. в год на семью.

В ряде областей (Вологодская, Ленинградская, Калининская, Смоленская, Кировская) денежные доходы, полученные колхозной семьей от работы в колхозе, достигли к концу семилетки уровня 600 руб. в расчете на семью, что составляло около половины всего прихода денег; в Свердловской области они превысили 900 руб. В этой группе окраинных нечерноземных областей (за исключением Вологодской и Ленинградской) фиксировался низкий уровень поступлений денег от работы членов семей колхозников в государственных и кооперативных организациях, в 1965 г. исчислявшийся, как правило, 100—150 руб. в расчете на семью в год. Большие доходы колхозников Вологодской и Ленинградской областей за работу в государственных и кооперативных организациях давали им возможность сократить продажу сельхозпродукции, в отличие от колхозников четырех других окраинных областей, где размеры этих продаж в денежном выражении приблизились к концу пятилетки к 300 руб.

В Рязанской, Горьковской и Орловской областях были наименьшими в расчете на семью денежные доходы от работы в колхозе, не превысившие к концу семилетки 500 руб. Чуть выше, чем в большинстве окраинных областей Нечерноземья, был уровень доходов от работы в государственных и кооперативных организациях. Поэтому средний уровень совокупных денежных доходов в 1100—1200 руб. здесь достигался за счет значительно больших продаж сельскохозяйственных продуктов, достигших к 1965 г. объема 350—440 руб. Причем в Рязанской и Горьковской областях в течение всего семилетия эта часть доходов превышала денежные поступления за работу в колхозе; за исключением 1964—1965 гг. такое же положение было и в Орловской области.

В большинстве областей зоны увеличились за семилетку денежные поступления в колхозную семью за счет пенсий и пособий, составлявшие

к 1965 г. около 10% прихода денег. В небольших размерах деньги поступали, как правило, и за выполнение для односельчан некоторых видов кустарно-ремесленных работ.

Анализ натуральных и денежных доходов колхозников был бы неполным без выявления соотношения между ними. Фиксируется такое соотношение в рамках расчетов показателя «совокупного дохода». В него включаются поступления денег наличными и от реализации продуктов, а также натуральные поступления, оцененные по государственным розничным ценам. Наличие такого показателя позволяет сравнить «абсолютные» размеры доходов и определить в них долю натуральных и денежных поступлений. ЦСУ РСФСР за 1965 г. рассчитало совокупный доход в среднем на семью колхозника по 8 областям Нечерноземья. По РСФСР он составил 1820 руб. (в ценах 1965 г.) на семью колхозника в год; доля натуральных поступлений, оцененных по государственным розничным ценам, составила 37%. Наибольшим среди 8 областей Нечерноземья совокупный доход был в 1965 г. в Свердловской области — 2100 руб. (доля натуральных поступлений — 32%), средний уровень его (1800—2000 руб.) имели Орловская, Рязанская и Смоленская области (натуральные поступления составили соответственно 48, 40 и 45%). В Вологодской, Горьковской, Калининской и Кировской областях совокупный доход был в пределах от 1620 до 1680 руб. в год (натуральные поступления — 33, 38, 36, 38%)⁷. Таким образом, центр, север и восток Нечерноземья выделяются как районы с более низкой (до 40%) долей натуральных поступлений в составе «совокупного дохода», в то время как в юго-западных областях эта доля превышала в 1965 г. 40%.

В целом в РСФСР и в Нечерноземье в конце 50-х — начале 60-х гг. шел процесс увеличения доли доходов от колхоза; к 1963 г. она достигла 35—39% совокупного дохода. При этом доля денежных поступлений в общем доходе от колхоза составила 80—90% в Вологодской, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Кировской областях; значительно более низкой (50—60%) она была в Орловской, Рязанской и Горьковской. Натуральная оплата труда в колхозах последней группы областей была еще очень значительной. Только в Вологодской и Ленинградской областях в 1963 г. чистая продукция приусадебного хозяйства составляла около 40% совокупного дохода, во всех других — 45—50%⁸. Абсолютно преобладала в ней (по стоимости) продукция животноводства⁹.

Характеризуя рост совокупного и денежного дохода, следует иметь в виду изменения цен. Расчеты в сопоставимых ценах показывают, что процесс увеличения доходов крестьянской семьи шел в период семилетки крайне медленно и неравномерно. Так, за 1958—1963 гг. совокупный доход в РСФСР вырос лишь на 3% (в сопоставимых ценах 1958 г.). Причем с 1962 г. он стал даже снижаться, в 1963 г. упал до 97% к 1962 г. (за счет сокращения дохода от колхоза на 2%, от личного подсобного хозяйства — на 2% и поступлений от государственных и кооперативных организаций — на 8%)¹⁰.

Все предыдущие расчеты доходов строились в среднем на одну семью колхозника, что скрывает разницу «экономических групп» внутри

⁷ Рассчитано по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 8049, л. 17, 27, 37, 47, 56, 64, 68, 76, 92.

⁸ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 3234, л. 50, 52, 55.

⁹ Там же, л. 56, 58.

¹⁰ Там же, л. 69.

крестьянства. Распределение обследуемых семей по размеру дохода на семью и на члена семьи показывает, что такая разница существовала на протяжении всей семилетки. Так, расчеты по 23 областям РСФСР за 1965 г. дают следующую картину: доля крестьянских хозяйств с годовым доходом на семью до 1000 руб. составляла 17%, от 1000 до 1800 руб.— 30%, от 1800 до 2800 руб.— 35%, свыше 2800 руб.— 17% ¹¹.

Таким образом, почти половина семей имела совокупный доход ниже среднего уровня, шестая часть — доходы, в 2 раза уступающие средним. Решающее влияние на уровень благосостояния оказывал размер семьи. Учет этого показателя приводит к следующей дифференциации семей: с размером дохода на члена семьи до 300 руб. было 6% семей, от 300 до 420 руб.— 14%, 420—600 руб.— 30%, 600—900 руб.— 34%, 900—1200 руб.— 12%, свыше 1200 руб.— 4% ¹². Первые три группы, большинство семей в которых имели уровень доходов на члена семьи ниже среднего, составляли половину всех обследованных семей.

Доходы колхозных семей в Нечерноземье имели свою специфику. В Вологодской и Горьковской областях в 1965 г. около 60% семей имели годовой доход до 1800 руб. на семью, здесь же было и наибольшее количество семей с размером дохода на одного члена до 600 руб.— 53%. Такой же (на члена семьи) показатель был и в Кировской области, хотя с доходом на семью до 1800 руб. здесь было около половины хозяйств колхозников, что характерно также для Калининской и Рязанской областей. Но если в последней количество семей с душевым совокупным доходом до 600 руб. в год составляло 43%, в Калининской области — лишь пятую часть. Наименьшее количество семей с доходом до 1800 руб. было в Орловской (37%), Смоленской (34%) и Свердловской (41%) областях; здесь фиксируется и сравнительно малое количество семей с душевым доходом до 600 руб.— соответственно 42, 31 и 37%. Почти 80% семей колхозников Калининской области в 1965 г. имели доход на члена семьи свыше 600 руб., причем абсолютно преобладает группа с доходом от 600 до 900 руб. (44% всех семей). Именно этот доход (600—900 руб. на душу) был наиболее типичным для колхозников восьми обследованных областей: от 30 до 40% семей имели такой уровень поступлений. Вообще же «средняков» (включая группы с доходом от 420 до 900 руб.) было в названных областях Нечерноземья от 60 до 70%. Наибольшее число семей с душевым доходом свыше 900 руб. фиксируется в 1965 г. в Калининской области (35%), в Смоленской области этот показатель также был высок (32%). В Орловской, Рязанской и Свердловской областях таких семей было 22—26%, а в Вологодской, Горьковской и Кировской — от 11 до 16% ¹³.

При определении уровня благосостояния колхозников важными показателями являются уровень и структура расходов семьи. В таблицах 5—6 приведены основные статьи денежных расходов, важнейшие показатели товарных приобретений колхозников Нечерноземья за семилетие. Значительная доля натуральных поступлений шла на потребление колхозной семьи, часть из них продавалась с целью получения денег. Сопоставление данных таблиц 4 и 5 показывает, что уровень приобретений прямо зависел от денежных доходов колхозников. Приоритетной статьей денежных расходов колхозников оставалась в течение 1959—

¹¹ Рассчитано по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 8051, л. 5.

¹² Там же.

¹³ Рассчитано по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 8051, л. 10, 15, 19а, 24, 29, 34, 39, 97.

1965 г. покупка продуктов сельского хозяйства, а также продовольственных и непродовольственных промышленных товаров. Везде в Нечерноземье абсолютно и в денежном отношении возросла покупка хлеба и хлебобулочных изделий. Хлебный баланс колхозной семьи в этот период продолжал меняться: шел процесс сокращения выращивания хлеба в личном подсобном хозяйстве и выдач его из колхоза, росла продажа хлеба в государственной и кооперативной торговле, причем темпы покупки хлебных изделий стимулировались расширением его использования на корм скоту. К концу семилетия приобретение хлеба в большинстве областей Нечерноземья вышло на уровень 700—800 кг в среднем на семью, лишь в Вологодской области этот показатель был значительно выше, а в Орловской и Свердловской областях — более чем в 2 раза ниже. Причем среднероссийский уровень большинство областей зоны превосходило в 2 раза. Существенно возросло (кое-где в 2 раза и более) приобретение колхозниками сахара. И, наконец, значительно, особенно в окраинных областях Нечерноземья, увеличилась покупка водки и ликеро-водочных изделий. Следует отметить неслучайность выделения в статистических сводках приобретений этой группы продуктов, именно они составляли большую часть продовольственных приобретений на селе в этот период. Кроме них еще следует выделить растительное масло, чай, рыбные продукты.

В целом расходы на продовольствие (продукты сельского хозяйства, хлеб, продовольственные промышленные товары) везде в Нечерноземье превышали в 1965 г. 43% всех денежных расходов, кроме Орловской и Свердловской областей, в которых значительно меньшими были покупки хлеба. В некоторых областях (Московская, Ленинградская, Вологодская) они приблизились или превзошли 50% денежных затрат. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по мере роста денежных доходов прежде всего росли затраты именно на продовольствие. Учитывая также преимущественное использование натуральных поступлений на личное потребление, следует сделать вывод о примате «продовольственной проблемы» среди материальных устремлений колхозников в этот период. В целом по РСФСР в 1965 г. семьи, траты которых на питание не превышали половины общего расхода, было 44%; таким же этот показатель был в Смоленской области, меньшим (33—37%) — в Калининской, Орловской, Рязанской, Горьковской, Кировской областях, самым малым в Вологодской (20%), наибольшим — в Свердловской (54%). Самым большим было число семей с долей расхода на питание в размере 50—70% всех расходов: в среднем по РСФСР и в Смоленской области — 47%, в Калининской, Орловской, Рязанской, Горьковской, Кировской — 50—56%, в Свердловской — 41%, в Вологодской — 64%. Остальные семьи тратили на питание еще большую часть своих доходов¹⁴. При этом ясно фиксируется увеличение доли расходов на питание в группах с наименьшими размерами доходов на одного члена.

Второй по значению статьей денежных расходов колхозников были затраты на покупку непродовольственных промышленных товаров. К концу семилетки в большинстве областей Нечерноземья они составляли 300—350 руб. в расчете на семью, лишь в Московской (к 1962 г.) и Свердловской (с 1964 г.) областях превышали 500 руб. Рост их, од-

¹⁴ Рассчитано по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 8051, л. 1, 6, 11, 16, 20, 25, 30, 35, 93.

нако, за 1959—1965 гг. был весьма незначительным, а в Ленинградской и Горьковской областях вообще не наблюдался. Интересно отметить, что именно эти две области характеризуются наибольшей стабильностью совокупных денежных расходов за семилетие. Видимо, это обстоятельство определяло и стабильность расходов на промтовары. Среди покупок непродовольственных промтоваров выделяются приобретения тканей и обуви, причем покупка тканей сокращалась в течение семилетки, обуви же — росла. В целом конец 50-х — начало 60-х гг. характеризуются на селе увеличением затрат на покупку готовой одежды, белья, трикотажных изделий и уменьшением расходов на покупку тканей. В 1965 г. в большинстве областей Нечерноземья расход денег на покупку тканей составлял 20—30 руб. на семью колхозника в год, готовой одежды — 90—120 руб., обуви — 40—50 руб., культуртоваров — 20—30 руб., мебели и предметов домашнего обихода — 20—40 руб.; лишь в Свердловской области, где денежные доходы были значительно большими, эти расходы превышали указанный уровень¹⁵. Небольшие размеры затрат на приобретение товаров культурно-бытового назначения определяли сравнительно малое их наличие у сельского населения. Так, по данным специального обследования Статистического управления Вологодской области, на 1 июля 1965 г. в среднем на 100 семей колхозников в собственности имелось: 1 стиральная машина, 30 электроутюгов, 65 швейных машин, 16 мясорубок, 45 велосипедов и мотовелосипедов, 26 радиоприемников и радиол, 2 телевизора, 2 фотоаппарата, 3 аккордеона, 208 наручных и настольных часов¹⁶.

Невысокий уровень обеспечения колхозников промтоварами непродовольственной группы объясняется в тот период прежде всего небольшими возможностями колхозной семьи в реализации этих потребностей. В 1965 г. по РСФСР половина обследованных семей затратила на непродовольственные промтовары менее пятой части совокупных расходов семьи. В Вологодской, Калининской, Рязанской, Смоленской, Горьковской областях таких семей было около 70%, чуть меньше (60—65%) их насчитывалось в Орловской и Кировской областях и лишь в Свердловской области — около 40%. У абсолютного большинства остальных семей доля расходов на непродовольственные промтовары не превышала 30%¹⁷.

Небольшой уровень расходов на покупку скота и птицы свидетельствует о воспроизводстве приусадебного животноводства в основном в рамках своего хозяйства. Сократились налоги и сборы с сельского населения. Очень невысокими остались расходы на оплату личных услуг населения: к концу семилетия они превысили 50 руб. на человека в год лишь в Московской, Ленинградской и Свердловской областях.

Одна из важнейших характеристик материального благосостояния колхозников — потребление продуктов питания (табл. 7). Стабильным в течение семилетки было потребление в личном питании хлебных продуктов (от 180 до 210 кг в год на члена семьи), лишь в Московской и Ленинградской областях наблюдается некоторое снижение этого показателя. Более низкими нормами потребления хлеба выделялась в течение рассматриваемого периода Орловская область. Отчасти это объясняется, видимо, самыми большими здесь по сравнению с другими

¹⁵ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 8052, л. 86.

¹⁶ Там же, д. 7899, л. 32.

¹⁷ Рассчитано по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 8051, л. 2, 7, 12, 17, 21, 26, 31, 36, 94.

обследованными областями нормами потребления картофеля — от 242 до 325 кг на человека в год. Вообще в регионе картофель оставался наряду с хлебными продуктами важнейшим видом продовольствия. Потребление его более 200 кг на человека в год регулярно фиксируется в Ленинградской, Калининской, Смоленской, Московской, Орловской, Рязанской областях. В Горьковской области расход картофеля составлял 160—188 кг. На севере и востоке Нечерноземья потребление картофеля в расчете на 1 члена семьи колхозника было наименьшим в зоне — до 150 кг, причем в Вологодской и Кировской областях оно заметно снижалось в течение семилетки. Несколько изменилось за 1959—1965 гг. потребление колхозниками овощей. В среднем по РСФСР оно, как и прежде, равнялось примерно 80 кг в год на человека. Близким к среднероссийскому показателю потребление овощей было в центре Нечерноземья — в Московской, Рязанской, Горьковской областях, значительным — в Орловской области, наименьшим — на северо-западе зоны.

Продукция животноводства была представлена в рационе сельского жителя в основном мясными и молочными продуктами, яйцами. Душевое потребление колхозниками молока и продуктов его переработки во всех обследованных областях Нечерноземья было стабильным и превышало среднероссийские показатели. В Ленинградской и Калининской областях оно регулярно превышало 400 л на человека в год, в большинстве других находилось в пределах от 300 до 350 л, а в Московской, Рязанской и Горьковской — чаще опускалось несколько ниже 300 л. Стабильной была и среднероссийская статистика потребления мяса и мясопродуктов, что характерно и для Нечерноземья, кроме Калининской и Свердловской областей, где в последние годы семилетки душевое потребление мяса возросло. Однако среднегодовое потребление мясных продуктов в расчете на 1 члена семьи колхозника было различным: в Смоленской области оно составило 55 кг, в Орловской — 48, в Рязанской — 43, в Московской — 43, в Калининской — 41, в Ленинградской — 40, в Кировской — 34, в Свердловской — 34, в Вологодской — 29, в Горьковской — 25 кг. Сравнение этих показателей с вышеприводимыми расчетами среднегодового производства мяса в личном подсобном хозяйстве показывает, что уровень его потребления в основном прямо зависит от производства в приусадебном хозяйстве, хотя московские колхозники производили в расчете на хозяйство в среднем за год семилетки мяса наименьшее количество, а по потреблению его были на четвертом месте. Объясняется это значительно большими денежными доходами колхозников Московской области и лучшими возможностями приобретения мясных продуктов в Москве.

Увеличилось за семилетие потребление яиц. К 1965 г. в большинстве областей Нечерноземья оно составляло от 150 до 200 шт. на человека в год.

Показателем улучшения питания колхозников служит рост душевого потребления таких продуктов, как рыба, растительные жиры, сахар. Относительные показатели этого роста порой весьма значительны (см. табл. 7), притом, однако, что абсолютные размеры потребления, как правило, были значительно ниже физиологических норм. Вместе с тем именно прирост потребления этих продуктов является наиболее заметным показателем улучшения питания колхозников за семилетие.

Абсолютные размеры продовольственного потребления находились в прямой зависимости от доходов колхозной семьи. В 1964 г. по РСФСР

среднедушевое потребление колхозниками мяса составило 36 кг, в группе с годовым доходом на члена семьи до 300 руб. оно равнялось 19 кг, свыше 1200 руб. — 68 кг; по молоку соответственно — 262, 146 и 525 л¹⁸. Аналогичная ситуация прослеживается и в Нечерноземье. Так, в Рязанской области в 1965 г. в группе колхозников с доходом на члена семьи более 1200 руб. потребление мяса было выше в 5,5 раз, рыбы — в 3,5 раза, молока и молочных продуктов — в 4,6 раза, яиц — в 5,3 раза, сахара и кондитерских изделий — в 2,2 раза, чем в группе с доходом до 300 руб.¹⁹ В том же году в Вологодской области обследование 371 семьи колхозников показало, что среднедушевое потребление мяса у них составляло 27 кг, молока — 361 кг, яиц — 142 шт. Среди них было 13 семей с годовым доходом на члена семьи до 300 руб., потребление названных продуктов у них составило соответственно 20 и 176 кг, 62 шт.; 54 семьи с доходом 300—420 руб. и потреблением — 18 и 252 кг, 78 шт.; 127 семей с доходом 420—600 руб. и потреблением — 25 и 331 кг, 124 шт.; 137 семей с доходом 600—900 руб. и потреблением — 34 и 469 кг, 197 шт.; 36 семей с доходом 900—1200 руб. и потреблением — 47 и 633 кг, 301 шт.; 4 семьи с доходом свыше 1200 руб. и потреблением — 62 и 739 кг, 289 шт.²⁰ Хотя большинство семей, таким образом, можно отнести к разряду среднеобеспеченных и имеющих близкие к средним нормы потребления продовольствия, обращает на себя внимание и группа с малыми (до 420 руб.) размерами доходов и потребления. Следует в этой связи отметить, что в основном эта дифференциация касается потребления наиболее недостававшей в стране животноводческой продукции.

Таким образом, исследование проблемы материального благосостояния колхозников Нечерноземья в 1959—1965 гг. позволяет сделать следующие выводы. За семилетие доходы колхозной семьи росли очень медленно и неравномерно. Основными источниками их были доходы от колхоза и личного подсобного хозяйства, постепенно доля первой группы увеличивалась. При сокращении натуральных выдач из колхоза крестьяне всеми силами, даже в условиях необоснованных государственных ограничений величины личного подсобного хозяйства, стремились сохранить производство в нем в прежних объемах. Несколько выросли денежные доходы колхозной семьи, в основном от работы в колхозе, кое-где ради увеличения денежных поступлений колхозникам пришлось пойти на увеличение продаж продуктов сельского хозяйства. Большую часть совокупного и денежного расходов крестьянство в этот период использовало для продовольственного самообеспечения. Тем не менее уровень потребления в несколько раз уступал физиологическим нормам, особенно по животноводческой продукции. Следствием этого было превышение норм потребления картофеля и хлебных продуктов. Ассортимент продовольствия, покупаемого в государственной и кооперативной торговле, был очень ограничен. Отчасть рост закупок продовольствия был связан с необходимостью восполнить (за счет хлеба) недостаток кормов для скота. Покупки непродовольственных промышленных товаров при крайне ограниченной доле расхода на них имели в основном целью обеспечить семьи колхозников одеждой и обувью. Других предметов (культурно-бытового назначения и т. п.) приобреталось крайне мало.

¹⁸ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 3234, л. 117—118.

¹⁹ Там же, д. 7899, л. 173.

²⁰ Там же, л. 35.

Колхозная семья в Нечерноземье в 1959—1965 гг.*

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Число обследованных семей											
1959	11 307	505	504	482	480	437	483	460	552	483	436
1960	11 259	505	504	482	480	437	482	470	552	483	436
1961	13 223	548	504	525	504	500	521	599	552	525	424
1962	13 112	548	504	524	504	500	520	591	552	525	399
1963	12 493	548	504	524	504	н. св.	518	599	552	525	398
1964	12 365	546	504	524	504	»	517	599	552	525	398
1965	12 348	548	н. св.	507	504	»	517	599	552	525	397
Число всех членов семьи (на 100 хозяйств)											
1959	392	400	378	343	333	370	384	383	394	413	382
1960	386	388	357	329	336	358	375	377	383	407	378
1961	383	374	343	318	325	352	366	383	378	402	379
1962	377	372	332	310	321	352	360	371	372	394	375
1963	373	363	321	302	318	н. св.	355	361	379	385	367
1964	368	358	314	297	314	»	347	350	377	377	365
1965	365	352	н. св.	294	318	»	348	346	381	369	361
Число наличных членов семьи (на 100 хозяйств) **											
1959	343	337	327	279	280	312	327	336	339	358	345
1960	340	325	315	275	287	318	324	334	332	353	346
1961	341	314	305	270	290	319	317	337	327	348	350
1962	336	310	298	263	287	325	310	329	322	341	345
1963	334	305	285	258	284	н. св.	304	322	330	336	336
1964	330	304	277	256	279	»	298	313	325	330	332
1965	329	302	н. св.	253	281	»	300	312	326	326	329
Из них трудоспособных мужчин 16—59 лет											
1959	72	66	66	58	51	63	63	67	68	73	69
1960	69	60	66	57	52	66	63	63	64	71	68
1961	67	54	61	55	53	69	57	60	60	70	66
1962	65	52	59	53	53	73	53	58	57	67	65
1963	64	52	54	53	51	н. св.	52	58	60	66	65
1964	63	50	53	50	49	»	51	57	59	63	65
1965	64	51	н. св.	52	51	»	55	56	62	64	67
Трудоспособных женщин 16—54 лет											
1959	113	108	107	96	101	107	110	127	112	120	102
1960	107	102	98	92	98	108	101	117	105	114	97
1961	102	96	90	88	94	106	96	110	98	106	97
1962	97	91	90	84	91	105	91	100	96	100	93
1963	94	85	83	84	88	н. св.	88	94	96	95	87
1964	91	79	77	80	86	»	85	92	93	91	87
1965	89	76	н. св.	78	85	»	82	90	88	88	85
Престарелых и инвалидов I и II группы											
1959	55	52	61	57	54	61	56	52	51	56	61
1960	56	53	60	55	56	55	57	51	51	55	59
1961	55	53	63	54	53	52	58	51	52	56	52
1962	57	55	55	55	53	51	61	54	50	59	52
1963	60	57	60	56	57	н. св.	62	56	55	62	52
1964	61	63	64	59	59	»	62	55	57	63	52
1965	64	70	н. св.	60	61	»	66	58	62	68	53

Таблица 1 (продолжение)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Детей и подростков до 16 лет											
1959	103	111	93	68	74	81	98	90	108	109	113
1960	108	110	91	71	81	89	103	103	112	113	122
1961	117	110	91	73	90	92	106	115	117	116	135
1962	117	112	94	71	90	96	105	117	119	115	135
1963	116	111	88	66	88	н. св.	102	113	120	113	132
1964	114	111	83	66	84	»	99	109	116	112	127
1965	112	104	н. св.	63	85	»	98	107	114	107	123

* Таблица составлена по: ШГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 8168, л. 85—86; оп. 32, д. 7258, л. 1—2; д. 11807, л. 1—2; оп. 35, д. 3423, л. 1—2; д. 8052, л. 43—44. Показатели, рассчитанные на 100 хозяйств, округлены до целых; порядок перечисления областей соответствует их расположению в статистических сводках; круг обследованных хозяйств в 1961 г. несколько изменился, за 1963—1960 гг. в этой и следующих таблицах представлены данные по «старой сети» обследования; данные по РСФСР базируются на материалах бюджетных обследований, проводившихся в 24—26 АССР, краях и областях РСФСР.

** С 1963 г. — число человеко-месяцев проживания дома.

Таблица 2

Поступление продуктов сельского хозяйства из колхозов на 1 хозяйство (кг) *

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Зерновые сырые и переработанные											
1959	983	251	162	530	391	417	566	718	955	931	1339
1960	824	93	89	428	479	217	480	760	294	683	1018
1961	715	53	11	220	377	147	481	602	72	1065	1025
1962	756	55	9	283	258	173	481	575	164	1007	1065
1963	509	81	6	259	271	н. св.	227	504	174	726	970
1964	581	35	16	224	226	»	322	484	137	1029	1002
1965	552	15	н. св.	343	356	»	233	660	158	1198	939
Картофель											
1959	127	54	139	267	158	447	338	367	255	114	10
1960	95	86	67	298	263	396	260	266	124	211	1
1961	111	38	51	315	123	419	402	363	240	218	1
1962	72	34	28	83	46	327	364	193	102	237	6
1963	73	47	107	154	33	н. св.	226	261	131	194	3
1964	81	92	76	276	108	»	282	329	174	189	—**
1965	62	26	н. св.	97	104	»	161	276	175	75	2
Овощи и бахчевые											
1959	90	3	145	1	3	231	228	66	31	93	52
1960	85	2	28	—	1	285	140	43	18	149	14
1961	93	5	15	0	1	246	136	81	20	221	29
1962	126	2	3	0	0	208	227	130	19	267	23
1963	95	4	21	0	1	н. св.	97	78	18	193	15
1964	99	5	4	—	0	»	141	34	25	295	15
1965	88	2	н. св.	1	0	»	132	59	17	202	10

Таблица 2 (продолжение)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Мясо и сало											
1959	0,4	0,1	0,4	0,2	0	—	0	1,1	5,5	0,1	0,2
1960	0,4	0,1	0,1	0	0,1	0,1	0,2	0,3	4,9	0	0
1961	0,3	0,1	0	0	—	0	0,4	0,2	3,7	0	0
1962	0,3	0	0	0,1	—	0,1	0,7	0,1	3,8	0,1	0
1963	0,4	0	—	0,1	—	н. св.	1,2	0,0	4,7	0	0
1964	0,3	0	—	0	0	»	0,4	0,1	3,8	0,1	—
1965	0,3	—	—	—	—	»	0,1	0,1	4,9	0,1	—

* Таблица составлена по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 8168, л. 87—88; оп. 32, д. 3263, л. 75—76; д. 7268, л. 3—4; д. 11807, л. 3—4; оп. 33, д. 3423, л. 3—4; д. 8052, л. 45—46. Показатели округлены до целых единиц, кроме поступлений «мяса и сала», округленных до десятых долей.

** Данные бюджета имеют незначительную величину.

Таблица 3

**Поступление продуктов сельского хозяйства из приусадебного хозяйства
(кг на 1 хозяйство) ***

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Зерновые сырые											
1959	38	60	3	21	6	0	3	22	174	1	2
1960	55	44	4	19	7	1	3	10	112	5	3
1961	45	36	4	21	5	1	6	6	59	5	3
1962	40	45	2	23	4	0	8	20	137	5	4
1963	40	48	3	19	4	н. св.	2	15	110	1	1
1964	54	40	1	15	3	»	4	10	99	6	1
1965	54	53	н. св.	19	1	»	2	14	111	3	1
Картофель											
1959	2552	3123	3569	2997	4528	2882	3160	2955	2784	3724	4643
1960	2565	2928	3721	3431	5584	2659	2768	2944	2108	5099	3231
1961	2553	1712	3417	3090	4942	2851	3253	3345	2752	4766	2774
1962	2352	2365	3324	2549	2816	2141	3626	3257	2142	5423	3330
1963	2170	2492	3337	3268	4566	н. св.	2571	3592	2463	2603	3074
1964	2685	3117	3917	3991	4916	»	3894	3634	2791	5044	3227
1965	2542	2928	н. св.	3278	6087	»	4121	3698	2791	5015	3650
Овощи и бахчевые											
1959	429	284	209	313	245	290	363	446	305	246	341
1960	576	300	271	444	472	387	500	431	270	440	216
1961	538	289	243	414	345	431	614	523	381	384	334
1962	487	275	139	296	228	279	642	429	292	343	291
1963	399	249	171	291	261	н. св.	441	340	261	218	207
1964	575	233	132	331	300	»	749	381	314	588	264
1965	455	180	н. св.	262	244	»	602	371	299	407	245
Мясо и сало											
1959	154	104	125	122	185	120	160	103	136	223	92
1960	129	103	112	111	166	94	152	84	116	166	105
1961	149	98	123	127	181	80	143	99	135	187	130
1962	154	94	116	138	203	84	175	105	135	238	138
1963	161	112	111	139	162	н. св.	193	111	154	234	141
1964	117	104	113	150	180	»	106	109	140	139	126
1965	154	105	н. св.	147	190	»	174	113	147	218	137

Таблица 3 (продолжение)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Молоко (л)											
1959	1263	1661	1664	1565	1433	1273	1482	1325	1435	1482	1237
1960	1220	1640	1645	1517	1536	996	1383	1304	1433	1618	1254
1961	1145	1421	1615	1507	1467	736	1215	1286	1338	1572	1291
1962	1177	1436	1548	1562	1518	619	1377	1348	1455	1662	1279
1963	1129	1561	1492	1542	1536	н. св.	1277	1339	1467	1572	1232
1964	1113	1546	1453	1512	1492	»	1226	1363	1476	1585	1295
1965	1177	1640	н. св.	1655	1676	»	1319	1404	1528	1803	1273
Яйца (шт.)											
1959	814	508	534	668	517	691	668	562	630	712	632
1960	833	520	467	648	496	633	652	615	657	692	626
1961	866	475	485	684	526	661	724	623	649	836	718
1962	904	500	451	644	491	647	723	577	675	873	683
1963	848	500	452	623	473	н. св.	679	531	622	811	638
1964	825	527	469	686	596	»	641	611	654	735	637
1965	865	511	н. св.	739	646	»	744	646	621	852	638

* Таблица рассчитана по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 8168, л. 89—90; оп. 32, д. 7258, л. 5—6; д. 11807, л. 3—4; оп. 35, д. 3123, л. 3—4; д. 8052, л. 45—46. Показатели округлены до целых единиц.

Таблица 4

Денежные доходы колхозников (руб., в среднем на 1 семью) *

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Весь денежный доход											
1959	949	892	1202	895	623	1379	875	1079	751	720	875
1960	926	942	1315	872	637	1529	828	1042	836	700	971
1961	952	934	1259	873	754	1557	819	966	825	787	1034
1962	1073	1000	1267	948	801	1727	929	918	951	938	1192
1963	1100	1107	1257	985	946	н. св.	989	1008	951	963	1272
1964	1129	1134	1333	1128	1058	»	1029	1051	1011	910	1358
1965	1267	1254	н. св.	1215	1235	»	1249	1145	1199	1124	1527
В том числе за работу в колхозах											
1959	373	374	440	422	196	387	160	307	343	171	368
1960	376	397	549	413	204	519	141	304	456	170	445
1961	411	386	531	421	360	574	154	240	437	212	506
1962	477	444	521	455	375	697	178	255	524	256	620
1963	515	529	558	470	510	н. св.	213	275	514	307	730
1964	575	568	630	574	549	»	290	294	538	352	814
1965	655	644	н. св.	622	654	»	432	380	671	473	943
за работу в государственных и кооперативных организациях											
1959	141	175	305	108	103	451	211	228	62	142	130
1960	145	196	315	113	106	488	204	202	63	147	155
1961	142	198	280	111	94	548	209	182	74	158	124
1962	145	204	340	119	95	587	195	163	81	153	120
1963	133	190	298	117	96	н. св.	195	163	82	149	102
1964	133	180	296	130	97	»	179	158	87	146	91
1965	142	185	н. св.	151	125	»	188	165	98	147	110

Таблица 4 (продолжение)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
от продажи скота и птицы											
1959	121	68	48	82	118	68	156	100	80	136	83
1960	101	58	62	70	118	77	127	128	83	122	76
1961	92	43	38	59	111	24	98	86	55	113	86
1962	125	41	42	85	145	29	141	107	62	223	120
1963	129	73	56	105	131	н. св.	161	136	80	199	144
1964	106	61	53	113	198	»	130	138	91	148	124
1965	116	70	н. св.	87	192	»	173	111	103	196	137
от продажи продуктов сельского хозяйства											
1959	165	125	218	132	79	286	213	215	135	144	142
1960	162	142	220	132	83	288	199	211	123	129	158
1961	174	148	236	153	86	265	218	283	157	179	186
1962	192	145	194	168	89	269	262	240	174	183	190
1963	187	158	172	185	113	н. св.	276	273	171	186	158
1964	185	161	195	203	115	»	284	300	185	150	170
1965	168	147	н. св.	197	102	»	271	280	162	151	145
пенсии, пособия и другие поступления от государства											
1959	77	78	104	64	69	106	78	95	81	80	94
1960	71	84	97	59	77	86	72	91	67	80	84
1961	72	92	97	59	64	83	76	95	63	79	83
1962	72	92	94	58	59	93	81	90	69	79	80
1963	72	85	93	67	61	н. св.	84	90	70	76	73
1964	70	91	87	63	64	»	82	91	68	77	81
1965	123	144	н. св.	116	116	»	128	141	131	118	122
прочие поступления от граждан											
1959	72	72	87	88	59	82	58	133	51	47	57
1960	72	65	72	85	50	71	87	106	44	52	54
1961	62	68	77	70	39	63	64	80	39	46	50
1962	63	75	78	63	38	53	71	62	42	43	62
1963	63	73	80	42	35	н. св.	60	72	35	46	65
1964	60	74	72	45	35	»	63	70	41	37	79
1965	62	65	н. св.	43	47	»	56	69	35	41	71

* Таблица составлена по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 5499, л. 138; д. 8168, л. 134; оп. 32, д. 3263, л. 118; д. 7239, л. 4; д. 11807, л. 66; оп. 35, д. 3423, л. 99; д. 8052, л. 82.

Таблица 5

Денежные расходы колхозников (руб. в среднем на семью) *

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Весь денежный расход											
1959	907	855	1183	855	597	1347	842	1060	707	715	871
1960	919	937	1279	873	627	1483	863	1022	824	705	958
1961	899	913	1233	842	692	1545	785	941	786	732	981
1962	1004	973	1237	896	772	1696	862	878	913	840	1150
1963	1035	1065	1219	935	869	н. св.	960	969	896	928	1196
1964	1073	1086	1277	1054	955	»	996	1034	963	859	1304
1965	1189	1195	н. св.	1145	1103	»	1155	1063	1123	1018	1440

Таблица 5 (продолжение)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
В том числе на покупку скота и птицы											
1959	39	24	35	30	39	29	48	49	35	41	28
1960	38	26	34	31	48	23	44	52	34	45	30
1961	44	23	28	33	52	18	48	51	42	56	34
1962	52	28	28	42	46	30	48	66	46	71	47
1963	49	35	35	44	63	н. св.	57	63	45	58	55
1964	51	32	35	41	63	»	54	58	52	66	57
1965	58	29	н. св.	44	59	»	57	63	54	73	69
продуктов сельского хозяйства											
1959	116	141	164	155	124	212	146	174	102	63	102
1960	127	156	177	154	130	230	145	165	162	69	131
1961	79	42	66	62	43	122	82	102	76	35	80
1962	94	51	57	57	45	140	86	86	119	35	83
1963	103	60	69	67	61	н. св.	109	98	96	44	87
1964	117	68	76	79	73	»	112	119	113	42	100
1965	117	67	н. св.	82	76	»	128	108	114	45	106
хлеба печеного и хлебобулочных изделий											
1959	29	92	126	43	41	123	68	60	23	32	19
1960	30	93	132	44	31	131	69	48	27	36	18
1961	32	117	137	57	44	147	72	58	46	39	38
1962	40	140	148	76	82	146	82	69	64	36	44
1963	40	137	135	89	92	н. св.	85	81	73	41	40
1964	44	143	147	89	95	»	96	94	95	46	42
1965	54	167	н. св.	118	117	»	112	105	123	55	51
продовольственных промышленных товаров											
1959	145	185	285	151	85	282	125	164	126	106	172
1960	151	215	312	165	88	313	137	168	148	103	192
1961	194	308	426	246	169	476	181	218	246	139	235
1962	213	332	437	273	201	544	193	206	258	159	261
1963	219	362	443	275	224	н. св.	206	215	231	176	289
1964	223	360	441	285	240	»	218	207	229	185	297
1965	256	424	н. св.	329	281	»	265	241	283	201	346
непродовольственных промышленных товаров											
1959	372	268	339	278	176	420	283	347	269	306	354
1960	376	275	379	285	196	478	274	360	303	296	390
1961	360	253	342	272	243	468	237	294	239	304	410
1962	399	261	331	267	244	507	269	260	276	353	486
1963	403	293	315	275	264	н. св.	295	289	281	386	494
1964	414	290	338	333	285	»	291	305	301	337	512
1965	449	312	н. св.	344	335	»	340	315	347	422	549
налоги и сборы											
1959	34	30	46	34	25	56	35	43	33	31	35
1960	32	29	47	32	25	58	35	38	27	27	33
1961	30	26	43	30	24	61	33	36	27	28	27
1962	29	26	41	30	24	55	31	33	27	27	27
1963	27	25	35	28	22	н. св.	29	32	26	25	24
1964	27	22	36	29	23	»	29	31	25	26	23
1965	27	21	н. св.	30	25	»	31	30	25	26	22

Таблица 5 (окончание)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
оплата личных услуг											
1959	36	30	62	30	19	69	30	32	27	23	48
1960	37	37	66	29	25	77	30	32	32	23	52
1961	39	41	67	31	28	80	29	33	29	26	58
1962	41	40	63	34	31	90	32	33	31	29	67
1963	43	37	62	35	32	н. св.	38	35	35	32	68
1964	48	43	66	44	37	»	43	41	41	33	84
1965	52	49	н. св.	44	36	»	47	43	48	36	87
прочие расходы											
1959	135	96	126	134	88	156	107	191	92	113	115
1960	128	107	133	133	84	169	131	160	94	107	112
1961	121	105	124	111	90	173	103	148	81	107	101
1962	136	96	132	118	99	185	121	124	93	129	135
1963	151	117	125	124	110	н. св.	142	155	110	167	140
1964	151	127	138	154	140	»	154	159	107	124	188
1965	176	125	н. св.	155	175	»	174	158	129	161	210

* Таблица составлена по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 5499, л. 139; д. 8168, л. 135; оп. 32, д. 3263, л. 119—130; д. 7259, л. 5—6; д. 11807, л. 67—68; оп. 35, д. 3423, л. 100—101; д. 8052, л. 83—84. Резкое сокращение в 1961 г. по сравнению с 1960 г. денежных расходов по статье «на покупку продуктов сельского хозяйства» и рост по статье «расходы на покупку продовольственных промышленных товаров» вызваны, видимо, перемещением ряда продуктов, учтывавшихся прежде в первой из названных статей, во вторую, либо параллельный учет относительных изменений по этим статьям, проводимый по сопоставимой группе продуктов, не дает таких отклонений.

Таблица 6

Покупка промышленных товаров колхозниками (в среднем на 1 семью) *

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смоленская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Хлеб печеный и хлебобулочные изделия (кг)											
1959	179	608	764	274	261	674	434	391	116	212	92
1960	175	613	763	282	187	686	429	305	130	235	92
1961	196	772	780	361	256	770	454	377	256	256	197
1962	245	919	867	491	506	742	520	461	351	234	227
1963	257	911	799	578	616	н. св.	561	546	451	281	208
1964	301	983	884	601	644	»	671	652	655	341	245
1965	335	1048	н. св.	740	736	»	738	682	745	350	268
Сахар (кг)											
1959	49	44	83	53	27	84	39	47	33	40	58
1960	53	63	96	62	31	94	49	56	42	42	63
1961	65	83	104	73	37	96	53	60	49	59	63
1962	68	93	101	81	47	101	55	56	58	58	69
1963	71	105	101	85	55	н. св.	64	62	63	63	73
1964	71	108	102	81	53	»	64	56	59	77	74
1965	79	118	н. св.	92	59	»	73	65	73	67	79

Таблица 6 (окончание)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологод- ская	Ленин- градская	Калинин- ская	Смолен- ская	Москов- ская	Рязан- ская	Горь- ковская	Киров- ская	Орлов- ская	Сверд- ловская
Водка и ликеро-водочные изделия (л)											
1959	10	14	14	8	6	12	9	12	11	8	11
1960	10	15	14	8	5	13	8	11	12	7	14
1961	10	14	15	8	6	14	7	10	11	7	14
1962	11	14	16	10	9	16	8	9	13	10	16
1963	12	17	18	10	10	н. св.	8	11	14	10	18
1964	13	18	19	13	12	»	10	12	14	10	18
1965	13	20	н. св.	15	13	»	10	12	15	11	22
Ткани (м)											
1959	41	36	24	26	20	27	32	35	37	37	44
1960	38	36	25	29	23	26	27	31	39	33	41
1961	34	29	19	23	22	21	22	28	27	29	39
1962	34	24	18	20	19	20	21	24	28	29	41
1963	33	28	16	21	23	н. св.	21	23	28	30	41
1964	30	25	14	23	24	»	18	21	25	24	37
1965	27	21	н. св.	20	22	»	17	19	22	25	36
Обувь (пар)											
1959	7	6	7	6	4	7	6	7	6	7	7
1960	7	6	7	6	5	8	5	7	6	7	8
1961	7	6	7	6	5	8	5	7	5	7	8
1962	7	6	6	6	5	8	6	6	6	7	9
1963	7	6	6	6	6	н. св.	6	7	6	7	9
1964	7	6	7	6	6	»	6	7	6	7	9
1965	8	7	н. св.	7	6	»	6	7	7	8	10

* Таблица составлена по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 5499, л. 140; д. 8168, л. 136; оп. 32, д. 3263, л. 121; д. 7259, л. 7; д. 11807, л. 69; оп. 35, д. 3423, л. 102; д. 8052, л. 85. Показатели округлены до целых единиц.

Таблица 7

Потребление колхозниками продуктов питания на 1 члена семьи за год (в кг) *

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологод- ская	Ленин- градская	Калинин- ская	Смолен- ская	Москов- ская	Рязан- ская	Горь- ковская	Киров- ская	Орлов- ская	Сверд- ловская
Хлебные продукты (хлеб в пересчете на муку, мука, крупа и макаронные изделия)											
1959	189	206	201	193	187	192	187	206	203	171	191
1960	184	206	192	186	182	174	184	209	198	175	187
1961	179	202	187	187	179	169	185	196	191	172	181
1962	176	208	182	187	183	160	187	198	192	169	178
1963	173	204	183	185	180	н. св.	180	205	194	161	182
1964	175	198	182	187	172	»	182	202	187	165	192
1965	176	213	н. св.	189	172	»	193	210	196	172	187
Картофель											
1959	188	168	228	232	282	257	217	173	132	308	132
1960	184	160	237	235	297	213	198	179	134	300	157
1961	186	147	226	234	293	217	203	175	125	325	138
1962	181	131	210	221	218	200	209	188	123	292	130
1963	166	131	199	203	187	н. св.	191	166	107	254	127
1964	176	151	209	233	231	»	206	183	113	242	140
1965	179	138	н. св.	221	234	»	206	160	108	268	139

Таблица 7 (продолжение)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологод- ская	Ленин- градская	Калинин- ская	Смолен- ская	Москов- ская	Рязан- ская	Горь- ковская	Киров- ская	Орлов- ская	Сверд- ловская
Овощи и бахчевые											
1959	78	40	53	68	51	90	82	83	56	50	54
1960	85	53	60	71	68	85	83	80	60	58	54
1961	85	49	57	80	65	93	79	80	71	70	52
1962	77	39	33	57	42	70	70	62	54	60	61
1963	71	35	41	54	48	н. св.	63	55	50	53	51
1964	82	40	43	66	58	»	75	68	54	61	59
1965	78	29	н. св.	55	49	»	78	59	46	71	58
Молоко, молочные продукты и масло в пересчете на молоко											
1959	287	346	409	423	336	305	297	304	346	274	345
1960	281	351	427	424	365	291	290	294	349	301	344
1961	261	320	404	432	325	294	266	272	327	292	329
1962	266	332	406	447	338	284	299	287	345	303	328
1963	259	360	408	436	338	н. св.	291	295	341	288	321
1964	262	345	399	432	332	»	304	304	343	313	323
1965	284	376	н. св.	482	382	»	318	317	355	331	354
Мясо, сало и мясoproductы в пересчете на мясо											
1959	39	30	38	40	58	45	46	26	37	50	28
1960	37	29	39	37	51	43	43	24	34	43	29
1961	36	27	40	37	50	41	39	22	31	43	31
1962	38	27	38	40	59	41	43	22	33	50	36
1963	41	30	41	43	53	н. св.	51	27	36	58	40
1964	36	32	42	45	55	»	39	27	34	42	38
1965	38	31	н. св.	46	58	»	42	27	35	49	38
Жиры растительные											
1959	3,3	2,2	5,4	3,1	0,8	5,6	1,9	2,2	0,4	0,9	1,3
1960	3,1	2,6	5,3	3,1	0,9	5,5	2,2	2,5	0,5	0,9	1,4
1961	3,2	2,8	5,5	3,1	0,9	6,2	2,6	2,3	0,6	1,1	1,4
1962	3,4	3,9	6,1	3,3	1,0	6,5	2,6	2,4	0,7	1,1	1,5
1963	3,7	3,9	6,3	3,4	1,7	н. св.	2,6	2,5	0,7	1,0	1,7
1964	4,1	3,9	6,4	3,7	1,5	»	2,9	2,5	0,9	1,7	2,0
1965	4,4	3,8	н. св.	3,5	1,3	»	3,4	2,7	1,1	1,6	2,0
Рыба и рыбопродукты											
1959	5,6	8,2	10,8	8,7	4,5	11,3	6,7	6,1	5,8	4,4	4,8
1960	5,7	9,9	11,9	8,3	4,5	11,3	7,4	6,0	7,4	4,9	5,7
1961	5,0	9,9	12,0	6,8	4,6	12,1	6,6	6,2	6,0	4,8	5,6
1962	5,9	12,1	14,1	9,0	6,8	15,2	7,7	6,3	7,3	5,5	6,0
1963	5,9	13,2	13,7	9,4	8,9	н. св.	8,5	7,2	7,2	6,9	6,6
1964	6,8	13,5	13,9	11,6	8,7	»	10,4	7,6	8,0	7,5	6,9
1965	7,5	15,1	н. св.	12,3	10,2	»	12,0	7,7	9,6	9,2	7,4
Яйца (шт.)											
1959	174	118	155	180	140	193	153	122	138	142	154
1960	181	129	155	190	137	182	150	138	147	142	161
1961	184	122	172	198	126	198	172	138	144	177	168
1962	192	129	160	194	127	202	173	131	152	192	167
1963	185	133	166	190	128	н. св.	170	130	138	181	168
1964	184	142	176	212	164	»	164	149	147	167	169
1965	201	148	н. св.	236	187	»	196	161	148	203	182

Таблица 7 (окончание)

Год	Республика, область										
	РСФСР	Вологодская	Ленинградская	Калининская	Смолнская	Московская	Рязанская	Горьковская	Кировская	Орловская	Свердловская
Сахар, кондитерские изделия и мед **											
1959	19	24	31	27	13	33	15	19	15	14	22
1960	20	29	36	29	14	35	18	21	18	14	23
1961	22	33	40	32	16	36	19	21	19	19	23
1962	25	36	40	37	20	37	20	20	23	20	26
1963	27	42	43	39	24	н. св.	25	23	24	23	28
1964	27	47	46	40	25	»	25	23	26	21	30
1965	26	43	н. св.	40	24	»	27	22	25	25	28

* Таблица составлена по: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 5499, л. 142; д. 8168, л. 138; оп. 32, д. 3263, л. 123; д. 7259, л. 10; д. 11807, л. 72; оп. 35, д. 3423, л. 104; д. 8052, л. 87—88. Показатели потребления округлены до целых, кроме «жиров растительных» и «рыб и рыбопродуктов», так как последние в абсолютном выражении весьма невелики; сеть обследованных в 1961 г. хозяйств несколько шире предыдущих лет, что следует учитывать при выявлении соотношения в абсолютных данных показателей 1960 и 1961 гг. (в целом же динамика остается верной, что выявляется при учете данных за 1961 г. по тому же кругу хозяйства).

** С 1962 г. графа называется «Сахар и кондитерские изделия», с 1965 г. — «Сахар (включая сахар, израсходованный на кондитерские изделия)».

По уровню материального благосостояния среди колхозников Нечерноземья заметна определенная дифференциация. Во многом это определялось разными доходами от колхозов, личного подсобного хозяйства в различных районах Нечерноземья. Однако в условиях общего низкого уровня доходов на благосостояние больше влияли размер семьи, количество детей, трудоспособных работников. Пример Калининской области, где на конец семилетки зафиксированы самая малая (из обследованных областей) семья и наименьшее количество детей при близком к средним показателям числе трудоспособных и где наибольшая доля семей относилась к группам с более высокими среднедушевыми доходами, показывает, что в подобных условиях повышается материальное благосостояние. Фактор низкого материального благосостояния в этот период прямо сказался на сокращении рождаемости на северо-западе Нечерноземья (Вологодская и Ленинградская области). Повсеместно в Нечерноземье развивался в этот период другой негативный демографический процесс — миграция жителей из села, происходившая в основном за счет лиц трудоспособного возраста или вступающих в него, особенно женщин.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРАЗИТИЗМ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ АНОМАЛИИ?

(Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством,
проституцией, бродяжничеством в 20—30-е годы)

Еще совсем недавно принято было считать, что в советское время некоторые формы отклоняющегося поведения не имели и не имеют сколько-нибудь широкого распространения. Действительно, нищенство, к примеру, превратившееся в свое время в ремесло, связывается в нашем сознании прежде всего со старой, дореволюционной Россией. «Подайте слепому убо-ого-му Христа ради!», «Благородному дворянину не откажите на пропитание!», «На пропой души, явите милость, ваше сиятельство!» — целую гамму просьб — от вопля голодного человека до развязного, нагловатого попрошайничанья «стрелка»-профессионала можно было услышать у церквей и за кладбищенскими оградами. Нищие карались по закону — подвергались тюремному заключению на срок от одного до трех месяцев. Но карать — легче, предупреждать — труднее. «От сумы, да от тюрьмы не отрекайся...» — гласит русская пословица, и действительно, в старой России тюрьма и сума символизировали тот произвол, который тяготел над каждой отдельной личностью.

Так было. Но вот уже в наше время, в совершенно иных социальных условиях мы сталкиваемся с фактами нищенства, пьянства, проституции, бродяжничества. Пригородные поезда и вокзалы, гостиницы для иностранных туристов и подвалы домов, где эти уродливые социальные явления можно наблюдать чаще всего, нередко становятся, к сожалению, «полосой отчуждения», причем не только для нас самих, но и для органов социального обеспечения, милиции, здравоохранения. Атмосфера самоуспокоенности явилась одной из главных причин, не позволивших вовремя увидеть надвигающуюся опасность, острую социальную проблему. В условиях происходящего ныне обновления всех сфер нашей жизни изучение истории борьбы с социальными аномалиями на разных этапах развития советского общества представляется крайне необходимым.

Известен вред, который приносят различные социальные отклонения. С одобрением встречаются факты, свидетельствующие об изменении положения дел в этой области. Между тем задача преодоления негативных явлений сопряжена с огромными трудностями. Многие еще надо уяснить и осознать. Обращение к опыту прошлого может во многом помочь этому. Как Советское государство реагировало на конкретные факты алкоголизма, проституции, нищенства, бродяжничества? Как оно относилось к носителям этих явлений? Насколько допустимо было репрессивно-принудительное воздействие? Попытка ответить на эти и другие вопросы в известной мере поможет подойти к раскрытию социального, нравственно-этического аспектов проблемы отклоняющегося поведения в рождающемся новом обществе.

Борьба с социальными отклонениями как явлениями вредными, способствовавшими сохранению или реставрации старых, консервативных общественных отношений, развернулась сразу же после Октябрьской революции. Советская власть объявила беспощадное преследование всякого проявления эксплуатации, взяв под защиту жертв нужды и проституции. В декрете от 26 апреля 1918 г. правительство провозгласило, что на место милостыни и благотворительности должна быть поставлена социалистическая государственная помощь¹. Стремление организовать широкую помощь «жертвам ненормальностей общественных отношений», вести решительную борьбу «со всякого рода паразитизмом и туеядством», «вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи», было зафиксировано в Программе РКП(б)², принятой VIII съездом партии.

Последствия империалистической войны и интервенции, вызвавшие обнищание народных масс, сделавшие множество людей инвалидами, а детей — сиротами, что привело к массовой беспризорности, серьезно усложнили решение этой задачи. Революция смела систему регламентаций, введенную царским правительством с целью локализации, частичного смягчения опасности, которую несло общественному порядку отклоняющееся поведение, но она не смогла одним ударом уничтожить социальные факторы, его порождающие. С переходом к новой экономической политике наблюдается рост нищенства, бродяжничества, проституции, пьянства, что было вызвано увеличением безработицы, нехваткой средств для налаживания широкой системы социального обеспечения. Многим нелегко было приспособиться к быстрым изменениям всего уклада жизни. Реакция на эти изменения населения, особенно той значительной его части, которая переселялась в города, проявлялась по-разному. С одной стороны, происходило приобщение к новым условиям жизни, а с другой — ослабление многих традиций, устоявшихся норм, тогда как новые традиции еще находились в стадии формирования. Все это приводило к определенной деморализации некоторых групп населения.

Срочная необходимость борьбы с социальными аномалиями в условиях перехода к социалистической реконструкции ставила на очередь дня вопрос о том, чтобы эта борьба велась координированно. Начиная с 1927 г. плановые органы приступили к разработке конкретных мер по предотвращению социальных отклонений³. К этому времени начали складываться определенные представления о составе деклассированного населения, о путях ослабления действия тех факторов, которые порождают алкоголизм, нищенство, бродяжничество и проституцию.

По данным Всесоюзной переписи населения в 1926 г. насчитывалось почти 150 тыс. деклассированных элементов (примерно 48 тыс. — в городских поселениях и 102 тыс. — в сельской местности). Подавляющее большинство (около 134 тыс.) составляли нищие и беспризорные (42 тыс. в городе, 92 тыс. — на селе)⁴. В виде курьеза отметим, что перепись 1923 г. учла 35 тыс. нищих (по РСФСР) и 282 проститутки (по СССР)⁵.

¹ Декреты Советской власти, т. 2. М., 1959, с. 180.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 2. М., 1983, с. 92.

³ Подробнее см.: Бордюгов Г. А. Проблемы борьбы с социальными аномалиями в первом пятилетнем плане.— Опыт планирования культурного строительства в СССР. Сб., М., 1988.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV. М., 1930, с. 172.

⁵ Административный вестник, 1925, № 12, с. 54.

С учетом специфических особенностей деклассированные элементы подразделялись на следующие основные группы:

временно испытывавшие нужду вследствие стихийных бедствий (пожара, наводнений и т. д.), длительных тяжелых болезней и т. д.;

бездомные — часть бывших воспитанников детских домов, не удержавшихся в трудовом строю, беспризорные переростки, а также женщины-одиночки без профессии, деклассированные элементы — в прошлом представители эксплуататорских слоев;

нищие — люди, обратившие нищенство в средство заработка, независимо от трудоспособности;

проститутки — женщины, для которых проституция — источник доходов.

Однако весьма не просто было выявить внутреннюю структуру каждой из этих групп: часть деклассированных элементов в социально-нравственном отношении могла еще только находиться на грани деградации; в то же время были и такие, кто уже вступил в контакт с уголовным миром, во всех группах имелось немало алкоголиков и наркоманов. Нужно было, к примеру, уточнить, кого отнести к категориям «проститутка» и «профессиональная проститутка». Можно ли было включать в последнюю категорию женщину, которая привлекает клиентов ради побочного заработка, но не сделала торговлю своим телом единственной профессией? Или женщину, которая находится на «содержании» то одного, то другого лица? Какова степень опасности представителей этих категорий с точки зрения их связи с преступными элементами и угрозы здоровью? На первый взгляд, все это может показаться малосущественным. Но именно от четкой характеристики отдельных групп деклассированных элементов самым серьезным образом зависела выработка средств борьбы с тем социальным злом, носителями которого они являлись.

В годы «военного коммунизма» рассматриваемые нами явления получили определение «социального паразитизма», не совместимого с принципами строящегося социалистического общежития. Это определение прочитывалось тогда вполне однозначно. И, естественно, что социально-паразитическими элементами поначалу занимались исключительно правоохранительные органы. Они широко применяли, часто без разбору, такую меру, как изоляция путем административной высылки или высылки по судебному приговору. Но вскоре выяснилось, что подобный метод совершенно не способствует исправлению высылаемых. Вместе с тем противоречия реальной действительности вели к росту числа социально-паразитических элементов. Все это требовало уточнения приемов и форм борьбы с этим антиобщественным злом. В начале 20-х гг., согласно действовавшему в то время законодательству, нищенство и проституция как профессии не признавались социально опасными. Одновременно подключение к борьбе с этими явлениями органов социального обеспечения, труда и здравоохранения вело к изменению взгляда на них. Они все чаще стали рассматриваться как явления, непосредственно «переплетенные» с происходящими в обществе процессами.

Изучение причин, вызывающих социальные отклонения, признание того, что борьба с ними не должна подменяться борьбой с отдельными нищими, беспризорными, проститутками, алкоголиками, выявили и неточность самого понятия «социальный паразитизм», хотя оно по-прежнему широко употреблялось. Созданная в 1921 г. при Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР Междуведомственная комиссия по борьбе с проституцией давала работникам на местах следующие разъяс-

нения: «Первый признак проституции — эксплуатация человеческой нужды (купля женского тела) — предполагает существование двух сторон — эксплуатируемых жертв (женщин) и эксплуатирующих (клиентов, пособников проституции и т. д.); первые, конечно, не могут подлежать никакому репрессивному воздействию и нуждаются лишь в социальной помощи государственной власти, клиенты проституции заслуживают, конечно, самого резкого морально-политического осуждения. Но было бы нецелесообразно делать их в настоящее время объектами судебного репрессивного воздействия (это, конечно, не относится к клиентам малолетней проституции, которые должны рассматриваться, как тягчайшие преступники), ибо в этом спутанном клубке уродливых половых отношений... пользование проституткой является нередко результатом не преступной воли, а недостаточной сознательности и непонимания творимого»⁶.

Новая мораль с трудом пробивала себе дорогу сквозь толщу вековых предрассудков. Чтобы изменить столетиями укоренившееся в общественном сознании неуважение к женщине, позволявшее низводить ее до предмета купли-продажи, необходимо было не столько предпринять меры принудительно-регулятивного характера, сколько проводить последовательную просветительную работу по формированию сознания, покончить с тем тяжелым экономическим положением, в котором находились женщины — работницы и служащие. Был сделан ряд практических шагов по уменьшению безработицы среди женщин, по охране материнства и младенчества, охране женского труда, устройству детских садов, ясель и др.

Противоположную позицию в этом вопросе поначалу занял Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. В 1922 г. в его стенах возник проект создания «милиции нравов», вызвавший единодушный отпор советской общественности. Совсем немного времени прошло с тех пор, когда в царской России экономическая и бытовая кабала жертв домов терпимости усиливалась правительственным клейменем (выдачей желтого билета — временного свидетельства для проституток в домах терпимости) и тайным политическим надзором за проститутками вне этих домов. Этот «надзор» «на деле блистал такими „тайнами“, что проститутки-одиночки не выдерживали и при ясном знании всего „тихого ужаса“, который ждал их у хозяев, массами поглощались притонами»⁷.

Против «милиции нравов» в июле 1922 г. резко выступила Клара Цеткин. Она писала, что такой институт не способен поднять нравственность, что его деятельность будет носить позорящий личность характер, широко откроет двери для преследований, мести, вымогательства, затруднит проститутке возвращение к трудовой жизни⁸. Этот протест сыграл положительную роль. Изданная Центральным административным управлением НКВД инструкция по борьбе с проституцией закрепляла приемы и формы борьбы, диаметрально противоположные тем, которые применяла «полиция нравов». Они вводились в действие с ведома Центрального совета по борьбе с проституцией; созданного в 1922 г. при Народном комиссариате здравоохранения РСФСР. Круг задач советской милиции в этой области ограничивался выявлением притонов разврата, обнару-

⁶ Материалы Междуведомственной комиссии по борьбе с проституцией. Вып. 1. М., 1921, с. 11.

⁷ Померанцев В. А. Роль советской милиции в борьбе с проституцией. — Административный вестник, 1925, № 9, с. 42.

⁸ Известия, 1922, 8 июля.

жением и задержанием лиц, промышляющих сводничеством, содержанием притонов, а также сутенеров. Всех этих лиц милиция могла привлечь к судебной ответственности по статьям 170 и 171 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающих не менее трех лет тюремного заключения. Органы милиции обязаны были принимать также меры к недопущению использования публично-увеселительных мест для целей проституции и превращения их в притоны разврата. В то же время милиция не могла при раскрытии притонов применять какие-либо непосредственные репрессивные действия по отношению к отдельным проституткам и их клиентам. В случае необходимости их можно было привлечь в качестве свидетелей по конкретному делу⁹.

Практическое осуществление этих установок проходило не без ошибок. Часто на местах воскресали формы регламентации проституции. В 1923—1924 гг. в ряде крупных городов борьба с проституцией вылилась в прямую борьбу с отдельными проститутками. Местные органы милиции нередко заимствовали формы этой борьбы из практики царской полиции: организовывались облавы, задержанные направлялись под конвоем на освидетельствование, им запрещалось посещать рестораны, кафе и т. п. Центральный совет по борьбе с проституцией вынужден был заявить открытый протест против подобных методов¹⁰.

Вопрос о том, как понимать «социальный паразитизм», снова становится предметом острого обсуждения. И вновь высказавшиеся на страницах журнала «Административный вестник» (орган НКВД) специалисты не смогли выйти за рамки самого понятия «социальный паразитизм». Однако в его прочтении наблюдался заметный сдвиг к более точному анализу. С одной стороны, сохранялось стремление не разделять социально-паразитические и социально опасные элементы¹¹. По логике сторонников такой точки зрения, бродяги, нищие, проститутки, алкоголики, если даже в настоящий момент они и не совершают преступлений, то все равно имеют к этому предрасположенность. Раз так, то эти лица должны считаться не только социально-паразитическими, но и социально опасными. Из признания равнозначности социально-паразитических и социально опасных элементов вытекал и единственно возможный метод борьбы с ними — поголовная изоляция в особых колониях в отдаленных местах страны. Во всем этом сохранялся старый взгляд на решение проблемы социальных отклонений в жизни общества.

С другой стороны, усиливается позиция сторонников выделения социально опасных элементов из числа социально-паразитических, а борьбы с ними — из борьбы с социальным паразитизмом вообще¹². На состоявшемся в начале 1926 г. совещании наркомов внутренних дел союзных и автономных республик и заседании Центрального совета по борьбе с проституцией рассматривался вопрос об упорядочении мероприятий в области борьбы с социальными отклонениями. Было отвергнуто предложение считать всех нищих, алкоголиков, проститутков, бродяг социаль-

⁹ Административный вестник, 1925, № 9, с. 44, 47.

¹⁰ См.: Броннер В. М. Борьба с проституцией в РСФСР.— В кн.: Флекснер А. Проституция в Европе. М., 1926, с. 295—296.

¹¹ Левин Д. М. Борьба с проституцией (в порядке обсуждения).— Административный вестник, 1926, № 1, с. 33—35.

¹² См.: Зайцев П. Задачи очередного съезда административных работников.— Там же, № 2, с. 8—9; Приградов-Кудрин А. К вопросу о борьбе с социальным паразитизмом и социально опасным элементом (в порядке обсуждения).— Там же, № 3, с. 5—6.

но опасными, поскольку это означало бы отождествление их с деклассированными элементами вообще.

Было решено установить в законодательном порядке право соответствующих административных органов входить в суд с представлением о признании отдельных паразитических элементов социально опасными и лишь после этого применять меры социальной защиты, предусмотренные основными положениями уголовного законодательства. В то же время была подвергнута критике практика их высылки в другие города. Более целесообразным признавалось помещение социально опасных элементов в трудовые колонии с соответствующим лечением¹³. При этом речь шла и о тех деклассированных элементах, которые вследствие дегенеративных и других явлений в психофизической сфере могли рассматриваться как больные, полуинвалиды, требующие лечебно-воспитательного вмешательства.

В 1926—1927 гг. на первый план заметно выдвигаются предупредительные меры борьбы с социальными отклонениями. В частности, принимаются меры к тому, чтобы при сокращении штатов женщины подлежали бы увольнению в последнюю очередь. Особое внимание обращается на женщин, прибывших в город в поисках заработка. Для них устраиваются общежития, выделяются специальные пособия. В ряде крупных городов возникают межведомственные комиссии по борьбе с нищенством и взрослой беспризорностью. Только за вторую половину 1926 г. в Москве через такую комиссию прошли почти 4,5 тыс. человек (1,7 тыс. были задержаны органами милиции, 2,8 тыс. явились добровольно). Им была оказана самая необходимая помощь — устройство нуждающихся в лечебные заведения, выдача единовременных пособий и т. п. Но эти меры носили паллиативный характер и по существу мало способствовали изменению положения деклассированных элементов. Из-за незначительности бюджетных средств, выделяемых органам социального обеспечения, норма выдачи пособий бродягам и нищим во многих губерниях составляла 5 руб. в месяц¹⁴, что было намного ниже прожиточного минимума в те годы. К тому же денежная помощь, часто лишь временного порядка, никак не могла заменить помощь в трудоустройстве. Вопрос осложнялся еще и неопределенностью положения об обеспечении так называемых «промежуточных контингентов» — инвалидов труда, не имеющих формального права на социальное страхование.

При всем этом обращал на себя внимание и другой симптоматичный факт, указывающий на то, что нищенство, беспризорность, проституция и алкоголизм возникают не только по причине безработицы и проблемы трудоустройства. К примеру, в Ростове-на-Дону отделы Всероссийского общества слепых могли предоставить практически всем своим членам работу в мастерских, дающую от 30 до 50 руб. ежемесячного заработка¹⁵. Однако многие слепые не желали воспользоваться этой возможностью. Для таких людей работа часто оказывалась материально невыгодной. За несколько лет профессионального нищенства они довели свое «мастерство» до такого совершенства, что, не преступая рамки закона, они подчас «зарабатывали» больше, чем могли бы заработать в той или иной артели. Но не только материальным фактором объяснялась устойчивость данного явления. Для многих нищенство стало образом жизни, привычным образом мышления, изменить который было крайне трудно.

¹³ Административный вестник, 1926, № 1, с. 7—8.

¹⁴ Там же, с. 12, 22.

¹⁵ Вопросы социального обеспечения, 1927, № 22—33, с. 8.

Социальная помощь, безусловно, не могла быть ориентирована лишь на этот слой деклассированных элементов. Не на этот слой ориентировалась и государственная программа борьбы с алкоголизмом, нищенством, беспризорностью и проституцией, заложенная в 1928—1929 гг. в первый пятилетний план. Впервые государством предпринималась попытка социального регулирования этих явлений. При этом, что важно подчеркнуть особо, сами эти явления определялись в плане не как «социальный паразитизм», а как «социальные аномалии» (греч. ἀνόμαία — отклонение от нормы, от общей закономерности)¹⁶. Это не значит, что государство освобождало себя от конкретного репрессивно-принудительного воздействия по отношению к социальным аномалиям. Но, во-первых, это воздействие могло применяться лишь там, где возникали социальная опасность, эксплуатация и угнетение личности, а во-вторых, носило подчиненный характер по отношению к мероприятиям профилактического, упреждающего характера, подрывающего сами корни социальных аномалий. Это изменение установок борьбы являлось серьезным шагом вперед в осмыслении самой природы отклоняющегося поведения. В то же время оно порождало и неоправданные иллюзии. Распространенным было представление о том, что достаточно развернуть полностью наше социалистическое хозяйство, ликвидировать безработицу, решить вопросы социального обеспечения, и «огромное большинство... отрицательных, антиобщественных явлений само собой отомрет, как отомрет и сама необходимость... в административном аппарате»¹⁷.

В 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР конкретизируют задачи борьбы с социальными аномалиями. В постановлении «О мерах борьбы с проституцией» определялись задания народным комиссариатам труда, социального обеспечения, здравоохранения, просвещения, юстиции, внутренних дел, уточнялись функции каждого из них в отношении различных категорий — безработных женщин-одиночек и девушек, покинувших детские дома по возрасту, бездомных нуждающихся женщин и женщин, вовлеченных в проституцию¹⁸. При этом подчеркивалась необходимость усиления наказания за вовлечение малолетних в половую связь, за содержание притонов, важность активизации борьбы против пособничества проституции. В постановлении «О мерах по ликвидации нищенства и беспризорности взрослых» содержались четкие разъяснения по поводу функций учреждений, занимающихся трудовым перевоспитанием нищих и беспризорных¹⁹. Одним из типов этих учреждений являлись распределители, на которые возлагалась обязанность выявлять социально-экономическое положение всех поступающих в них граждан, их медицинского освидетельствования и направления их в соответствующие учреждения. Распределители должны были организовывать для них временное жилье, оказывать единовременную материальную помощь, содействовать их возвращению на постоянное место жительства и трудоустройству. Другим типом были учреждения с мастерскими, а также сельскохозяйственные колонии для лиц, перевоспитание которых требовало длительного времени. Третий тип — учреждения трудового перевоспитания с особым режи-

¹⁶ См.: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2, ч. 2. Социальные проблемы распределения. Труд и культура. М., 1929, с. 242; Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР (1928/1929—1932/33). Т. 1. М., 1929, с. 535.

¹⁷ Административный вестник, 1929, № 5, с. 22.

¹⁸ СУ РСФСР, 1929, № 6. ст. 657.

¹⁹ Там же, ст. 659.

мом. В них направлялись лица, для которых нищенство было источником наживы, а также те из нищенствующих, которые имели связь с преступными элементами.

Деятельность перечисленных учреждений регулировалась специальным положением²⁰. В нем оговаривались сроки пребывания в них лиц так называемого аномального контингента, характер их участия в трудовом процессе, а также задачи культурно-просветительной работы с ними. Согласно положению, в эти учреждения направлялись нищие, беспризорные и проститутки, полностью или частично трудоспособные, не нуждающиеся в специальном лечении и которых не нужно было изолировать. Для них устанавливались 8-часовой рабочий день с перерывом, твердые выходные дни, 2-недельный отпуск в течение года. В случаях нарушения правил внутреннего распорядка положение предусматривало ряд наказаний, вплоть до перевода в учреждения закрытого типа с принудительным содержанием. Однако порядок пребывания в подобных учреждениях в данном положении не оговаривался.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с правительственными решениями учреждения для трудового воспитания, в том числе и закрытые, находились в ведении Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР, за исключением лечебно-трудовых профилакториев при венерологических диспансерах. Более того, эти учреждения, а также создаваемые органами социального обеспечения артели и другие трудовые коллективы приравнивались к кооперативным объединениям инвалидов, в одинаковой мере снабжались сырьем, товарами, оборудованием, кредитами²¹. Они освобождались от всех местных налогов и сборов, судебных пошлин и сборов по искам, государственных подоходного и промыслового налогов²². Наркоматами труда и социального обеспечения устанавливался также определенный порядок на бирже труда и посылки на работу лиц, вышедших из учреждений трудового перевоспитания.

В трех основных направлениях разворачивалась борьба с алкоголизмом: сокращение производства и продажи спиртных напитков, активизация лечебно-принудительных мероприятий, улучшение культурно-просветительной работы.

Выступая на V Всесоюзном съезде Советов (май 1929 г.), Г. М. Кржижановский привел конкретные расчеты об уменьшении душевого потребления водки в городах СССР на ближайшие пять лет на 70%, а в сельской местности — на 10%²³. Эти показатели были выше, чем по РСФСР, где первоначально выпуск спиртных напитков для города планировалось сократить на 50%. Установка на резкое сокращение производства и продажи спиртного была крайне важной, так как в 1928—1929 гг. в этом вопросе не было ясности. Одни решения порой не соответствовали другим. Так, в августе 1928 г. кооперативам предлагалось свертывать водочную сеть, что они в значительной степени сделали²⁴, а в апреле 1929 г. было принято решение о значительном уменьшении продажи водки (в городах — на 30% и в деревнях — на 15% по сравнению с предыдущим полугодием) и в то же время снято с кооперативов обязательство о свертывании торговли водкой²⁵.

²⁰ См.: Социальное обеспечение, 1930, № 7—8, с. 19.

²¹ Там же.

²² Постановления и распоряжения НКФ РСФСР, 1929, № 1/А/257.

²³ V съезд Советов Союза ССР. Стеногр. отчет. Бюллетень № 8. М., 1929, с. 39.

²⁴ См.: Ларин Ю. Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М., 1929, с. 8, 16.

²⁵ V съезд Советов Союза ССР. Бюллетень № 12, с. 12.

Не менее существенным являлся вывод, сделанный на заседании президиума Госплана СССР от 2 марта 1929 г., о том, что введение пять лет назад продажи водки с целью вытеснения самогона не повлияло на сокращение самогоноварения²⁶. Специально созданная комиссия Госплана констатировала: «Доход от спиртных напитков не может в перспективе представлять для государства с народнохозяйственной точки зрения сколько-нибудь эффективного источника накопления»²⁷. Об этих выводах, подтвержденных конкретными расчетами, говорил на V Всесоюзном съезде Советов председатель Общества по борьбе с алкоголизмом (ОБСА) Ю. Ларин. «Законы выкурки самогона,— отмечал он,— должны выводиться из совокупности экономических условий, они связаны с хлебными ценами и рядом других обстоятельств, а не с наличием или отсутствием на деревенском рынке водки. Выпуск водки даже ослабляет в деревне борьбу с самогоном, поскольку он создает двойственное настроение у нашего советского аппарата, который, видя, что мы сами продаем водку, не укрепляет своей воли к должной борьбе с самогонварением»²⁸. Обращалось внимание на явное противоречие в указании уменьшить продажу водки в городе — на 70%, а в деревне — на 10%. Такая практика не могла не вызвать критических настроений в среде сельского актива: «Вы, рабочие, себя в городе от водки освобождаете, а нас, крестьян, спаиваете».

Ю. Ларин напомнил участникам съезда слова из выступления И. В. Сталина перед иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. о том, что водочная монополия введена «как временная мера», что «как только найдутся в нашем народном хозяйстве новые источники для новых доходов на предмет дальнейшего развития нашей промышленности», нам удастся «сократить производство спирта до минимума, необходимого для технических целей, и затем ликвидировать вовсе продажу водки»²⁹. Делегатам съезда предлагалось в резолюции дать установку, чтобы в данной пятилетке водка фигурировала в последний раз и был взят курс на полное устранение ее в городе и в деревне³⁰. Это позволило бы не только вновь возродить трезвеннические традиции, сложившиеся за время действия «сухого закона» (1914—1924 гг.), не только добиться намеченного повышения производительности труда, но и развернуть по-настоящему борьбу с самогонварением. Однако ни в заключительном слове Г. М. Кржижановского, ни в постановлениях съезда соображения Ю. Ларина не нашли отражения. Не было подвергнуто корректировке положение о направлении алкогольной продукции в сельские районы с наибольшим распространением самогонварения.

С 1930 г. тема борьбы с алкоголизмом начинает сходить со страниц печати. Орган ОБСА — журнал «Трезвость и культура» — был переименован в «Культуру и быт». В 1932 г. ОБСА прекратило свое существование, «растворившись» в обществе «За здоровый быт», деятельность которого не была отмечена сколько-нибудь значительными мероприятиями. Не предпринималось и попыток объективного причинно-следственного анализа выполнения задач борьбы с алкоголизмом. Между тем

²⁶ См.: Новый мир, 1929, № 10, с. 90—93.

²⁷ Там же, с. 93.

²⁸ V съезд Советов Союза ССР. Бюллетень № 12, с. 12.

²⁹ Сталин И. В. Соч., т. 10. М., 1949, с. 233.

³⁰ V съезд Советов Союза ССР. Бюллетень № 12, с. 26.

это огромное социальное зло имело тенденцию к росту. Вопрос о том, «для кого допущение винной монополии было добросовестным заблуждением, для кого фактом поклонения односторонне понятой целесообразности, то есть прагматизму, делячеству, для кого готовностью „выпачкаться в грязи” якобы ради социализма»³¹, остается для историков все еще открытым.

Несколько по-иному развивалась борьба с другими социальными аномалиями.

В 1929—1930 гг. на местах при краевых, областных и окружных отделах социального обеспечения были созданы межведомственные комиссии и советы по борьбе с социальными аномалиями. В эти комиссии входили представители комиссии по борьбе с проституцией и по организации социалистического быта трудящихся, сотрудники вендиспансеров, Государственного института гигиены, общества «Друг детей», члены детской комиссии ВЦИК и др.³² В 1929 г. в Москве возникла система социального патронажа как организационная база профилактики проституции. До этого борьба с проституцией ограничивалась главным образом направлением женщин в профилактории для лечения и привлечением их к труду. Однако существующая сеть профилакториев и мастерских не могла охватить всех женщин, попавших в сети проституции.

Мероприятия по социальному патронированию — выявление беспризорных и женщин, стоящих на грани проституции, оказание им различных видов социальной помощи, опека и др. — приносили реальную пользу. В Москве опытные пункты социальной помощи были созданы на Казанском вокзале, в Бауманском и Сокольническом районных ЗАГСх, ряде отделений милиции, при женском ночлежном доме. За сравнительно небольшой срок удалось наладить учет и провести большую работу с беспризорными. К середине 1930 г. через пункты социальной помощи прошло около 1,6 тыс. женщин. Проведенное обследование дало возможность уточнить социальный состав этой категории лиц, их вид занятий. В частности, примерно 80% из них были в возрасте до 35 лет, в том числе около 5% до 16 лет. Свыше 50% направленных в социальный патронаж из пунктов социальной помощи были выходцами из деревни, 27% — из рабочей среды. Не имея определенных занятий, 105 женщин занимались профессиональным нищенством, 313 — проституцией, 298 являлись беспризорными, со случайным заработком, 60% — впадшими в нужду³³.

По примеру Москвы социальный патронаж был организован в Ленинграде, Саратове, Самаре, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Иваново-Вознесенске, Воронеже, Нижнем Новгороде. Эта служба взяла на себя ту часть работы с так называемым аномальным контингентом, которую не могла осуществить сеть специальных учреждений. Пропускная способность последних росла крайне медленно и была далека от плановых наметок. Если не брать в расчет такие относительно крупные учреждения как Свирская трудовая колония в Ленинградской области на 1,5 тыс. мест, трудовая колония им. И. П. Каляева в г. Загорске Московской области на 1 тыс. мест и некоторые другие, то на всю

³¹ Швердин С. Активизация человеческого фактора и борьба за трезвый образ жизни. — Коммунист, 1986, № 12, с. 65.

³² Социальное обеспечение, 1930, № 7—8, с. 13.

³³ Год работы социального патронажа по борьбе с женской беспризорностью и проституцией. — Социальное обеспечение, 1931, № 9, с. 15.

РСФСР приходилось 16 учреждений (ночлежные дома, приемники-распределители, мастерские, трудовые учреждения, колонии) с пропускной способностью 2,4 тыс. человек³⁴.

Об уровне работы на местах в целом свидетельствует тот факт, что работники органов социального обеспечения часто не имели общих сведений об аномальном контингенте на подведомственной территории. В ряде случаев поставленные правительством задачи бюрократически извращались. В Центральной Черноземной и Западной областях работники собесов, выдавая нищим и беспризорным ежемесячное пособие, сознавали, что такое пособие не может обеспечить прожиточного минимума, знали, что получившие пособие продолжали свои «аномальные» занятия, но боролись с этим «своими», особыми методами. Они лишали таких лиц пособий и считали это «достаточной мерой, чтобы нищие не демонстрировали себя на улице, а продолжали попрошайничать в скрытой форме»³⁵. Таким образом, вместо проведения мер по возвращению к трудовой жизни лиц, выбитых из нее по тем или иным причинам, часто на местах аномальные явления «загоняли» в подполье, в скрытые формы.

«Свои», особые формы борьбы применяли и некоторые городские органы милиции по отношению к проституткам. Они, например, пытались использовать их в интересах розыскной работы и тем самым нередко покровительствовали проституции. Были известны случаи, когда притоны использовались работниками уголовного розыска в борьбе с преступностью, а в некоторых местах даже делались попытки организовать таковые заведения в розыскных целях³⁶. Однако тесная связь сотрудников милиции с притонами разврата, с проститутками, уголовниками не только не способствовала усиленной борьбе с правонарушениями, но и морально разлагала отдельных сотрудников, прививала им определенные нравы преступной среды, подчас толкая их на соучастие в преступлениях. Подобные действия, становясь известными населению, дискредитировали административные органы в глазах трудящихся.

В 1929 г. громко прозвучали призывы к решительному отказу от «констирации» жизни притонов, публикации в печати фамилий людей, застигнутых в этих местах. Те, кто высказывал подобные предложения, искренне верили, что это послужит предостережением для других морально неустойчивых товарищей, напомнит им о небезнаказности использования социального несчастья. Поддавшись этим требованиям, НКВД возбудил даже вопрос в правительстве о привлечении к ответственности лиц, состоящих в связи с проститутками³⁷. Не получив поддержки, он тем не менее рекомендовал оглашать имена таких лиц в прессе. При этом делалась оговорка, что «административные органы, не беря на себя этих функций, в то же время должны всемерно поощрять инициативу общественности в этом вопросе»³⁸.

Подсчеты, опубликованные в 1932 г. Н. Топорковым и относящиеся, по всей видимости, к 1931 г., показали, что общее число так называемого аномального контингента снизилось по сравнению с 1926 г. в 2 раза, ориентировочно до 75 тыс. человек. Беспризорных взрослых нас-

³⁴ Социальное обеспечение, 1932, № 1, с. 17.

³⁵ Там же, 1930, № 17—18, с. 4.

³⁶ Административный вестник, 1929, № 2, с. 28—29.

³⁷ Там же, № 11, с. 59.

³⁸ Там же.

читывалось 37,5 тыс. (50%), временно впадших в нужду — 24 тыс. (32%), профессиональных проституток — 10,5 тыс. (14%) и нищих — 3 тыс. (4%)³⁹. Решающую роль в столь серьезном количественном снижении сыграло прежде всего действие таких мощных факторов, как ликвидация безработицы, увеличение жилищного фонда, широкое вовлечение женщин в производство и др. На эти факторы делалась в основном ставка и при определении задачи окончательной ликвидации в городах к 1933—1934 гг. профессионального нищенства и профессиональной проституции.

Реальность этой установки из-за отсутствия достаточных данных не поддается глубокому анализу. Отметим лишь две четко просматриваемые тенденции. С одной стороны, в составе сравнительно небольшого аномального контингента было немало социально опасных элементов, никогда не работавших, либо отвыкших от труда, сблизившихся с уголовным миром; с другой — растет удельный вес лиц (прежде всего выходцев из деревни), не утративших трудоспособности, но ставших деклассированными элементами по причине ликвидации их хозяйств в период коллективизации и из-за отсутствия жилья, ухода из колхозов, увольнений за прогулы и т. д. Число таких лиц, задержанных только в Ленинграде (в июне — августе 1933 г.), заставляет критически отнестись к подсчетам Н. Топоркова, несмотря на то, что они были сделаны раньше.

В данном случае речь идет об анализе состава 2,2 тыс. нищих и бродяг, проведенном Н. И. Маркозовым⁴⁰. Остановимся на нем подробнее. В составе этого контингента Н. И. Маркозов выделил две категории нищенствующих: инвалидная группа (812 человек, 37%) и нищенствующие, не утратившие своей трудоспособности (1408 человек, 63%). Входящие в первую группу инвалиды труда, войны или ставшие ими в результате несчастного случая, а также пожилые люди в возрасте более 65 лет, слепые, глухонемые и психически больные, как правило, проживали в инвалидных домах, в общежитиях или у своих детей или родственников. Большинство из них получали пенсию, находились на иждивении родных или работали в мастерских. Основной мотив для занятий нищенством этой категории лиц заключался в стремлении «заработать» средства на пропитание, чтобы не быть в тягость своим родственникам, а также нередко и на алкоголь.

Сам факт довольно значительного количества инвалидов среди нищенствующих в начале 30-х гг. свидетельствовал о невысоком уровне работы учреждений социального обеспечения. Недостаток сложившейся практики органов собеса состоял в том, что их работа в этом направлении была организована крайне неудовлетворительно, без достаточного охвата нуждающихся в социальной помощи и без четкого целевого назначения, без проверки достигаемых результатов. Хорошо организованная социальная помощь могла стать одним из мощных средств профилактики социальных аномалий. К тому же она обошлась бы значительно дешевле, чем трудовое перевоспитание морально опустившихся людей.

Более разнообразной и сложной по своему составу, совсем непохожей на аномальный контингент 20-х гг., была другая группа нищенствующих и бродяг. Условно она делилась на приехавших в Ленинград из

³⁹ Социальное обеспечение, 1932, № 1, с. 17.

⁴⁰ См. там же, 1934, № 1. с. 21—22.

деревень и небольших городов и не нашедших себе жилья и работы (721 чел.), бывших рабочих, уволенных за прогулы, пьянство и временно безработных (536 человек), не вовлеченных в общественный труд членов семей колхозников из окрестных деревень (151 человек). Если не иметь в виду закоренелых тунеядцев, пьяниц и других лиц, сознательно ведущих паразитический образ жизни, эта категория задержанных сравнительно быстро уменьшалась, чему способствовало внимательное рассмотрение и обсуждение каждого случая в комиссиях по борьбе с нищенством.

Казалось бы, борьба с социальными аномалиями в 30-е гг. должна была основываться на соответствующей поддержке менее устойчивых и менее благополучных групп населения, а также на трудовом перевоспитании тех лиц, которые не могут быть сразу поставлены в нормальные условия производства. Это не исключало необходимости применения в принудительном порядке и более решительных мер к тем, кто, превратив свое паразитическое существование в выгодный промысел, систематически эксплуатировал как государство, так и доверчивых граждан, и в отношении кого обычные меры трудового воспитания оказывались недейственными. Однако на практике борьба с социальными аномалиями развивалась в другом русле.

Уже в 1933 г. открыто прозвучала мысль о том, что с завершением в основном коллективизации крестьянских хозяйств, а также с ликвидацией безработицы в стране причины, порождающие социальные аномалии, устранены. Вслед за этим последовало требование пересмотреть формы работы с аномальным контингентом. В каком же направлении? Если раньше эта работа в основном была возложена на собес, то теперь, как считали некоторые, ей надо было придать политическую направленность⁴¹. По существу это означало отождествление основного аномального контингента с классово-враждебными, кулацкими и прочими элементами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В этой ситуации возникал вопрос: как быть с людьми, выбитыми из трудовой колеи болезнью, неблагоприятными жизненными обстоятельствами и бедствиями, смертью близких, на средства которых они существовали? Ведь даже оказание материальной поддержки часто удерживало их от деградации, возвращало многих к нормальной жизни. Эти же цели преследовали и различного типа учреждения органов социального обеспечения, имеющие дело с деклассированными элементами. Безусловно, такой путь был длительным, не имеющим серьезного опыта в отечественной и мировой практике. Но даже при условии высокой эффективности он мало бы что значил сам по себе. Причины отклоняющегося общественного поведения заложены в противоречиях реального бытия, в частности в отступлении от принципов социалистического строительства, а не только в «отстающем» сознании. Сведение борьбы с социальными аномалиями к административным или судебным мерам не устраняло эти «болезни» общества, а часто даже способствовало их развитию. Именно так и произошло в 30-е гг., когда усилились призывы к изоляции нищих, проституток в колониях особого режима. Социальная помощь, социальное патронирование аномального контингента, несмотря на робкие протесты общественности, стали отождествляться с буржуазной практикой «благотворительности и милостыни». Исчезает или берется в кавычки само понятие «социальные аномалии»? Если оно

---

⁴¹ Социальное обеспечение, 1933, № 9, с. 5—6.

иногда и употреблялось, то лишь по отношению к миру капитализма. В конце 30-х гг. было заявлено об окончательной ликвидации нищенства и взрослой беспризорности в нашей стране⁴².

Обратившись открыто к этим проблемам в 80-е гг., мы обнаружили, что еще слабо представляем структуру, динамику и географию социальных аномалий, причины и механизмы нарушений социальных норм. И хотя появились первые работы, содержащие научный анализ этих явлений⁴³, по-прежнему остается в силе утверждение, что в любом случае надо относить нищенство, бродяжничество, проституцию, пьянство к социально патологическим явлениям⁴⁴, а следовательно, к социально опасным. Как позитивный момент преподносят некоторые органы центральной печати попытки создать «милицию нравов» в республиках Прибалтики, в Сочи и других местах. Вопрос о новом, в рамках широкого социологического контекста прочтении понятий «социальный паразитизм» и «социальные аномалии», а значит и о выборе средств воздействия на те или иные проявления отклоняющегося поведения, таким образом, снова становится актуальным.

---

⁴² Там же, 1938, № 12, с. 10.

⁴³ См.: Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984.

⁴⁴ См.: Афанасьев В. С., Маточкин И. В. К вопросу о понятии антисоциального поведения.— Вестник Ленинградского университета, 1979, № 17, вып. 3, с. 73.

КРАХ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Земства в России возникли в период перехода от феодализма к капитализму. Их история всецело была связана с судьбой российской буржуазии. Земства прошли долгий и противоречивый путь под опекой царских бюрократов, затем, в феврале 1917 г. — краткий период политического подъема и отчаянной борьбы за власть в ходе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, наконец, период открытых столкновений с Советами в Октябрьские дни и последовавшего катастрофического крушения.

Деятельность земств привлекала внимание исследователей уже с первых лет их существования. Особенно много и охотно занимались этим либерально-буржуазные историки. Кульминационный момент в изучении земств пришелся на 1914 г., когда отмечался полувековой юбилей земского самоуправления. Именно в то время вышли самые крупные обобщающие труды¹. Почти во всех земства изобразились как идеальная (надклассовая) система управления. Такая оценка стала в дальнейшем традиционной для буржуазной историографии, в том числе и современной. Пример тому — вышедшая несколько лет назад большая работа американских историков «Земство в России. Опыт местного самоуправления»².

К сожалению, советские историки долгое время не уделяли земствам достаточного внимания. Лишь в 50—70-х гг. начали появляться работы, раскрывающие процесс подготовки земской реформы, взаимоотношения самодержавия и земства, контрреформу царского правительства, земское либеральное движение и т. д.³ Однако самый ответственный период в истории земства — 1917—1918 гг. — до сих пор остается вне поля зрения исследователей. Ему посвящено лишь две статьи, но и они раскрывают сравнительно частные вопросы⁴.

Герасименко Григорий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, руководитель кафедры истории СССР АОН при ЦК КПСС.

¹ См., напр.: Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Т. 1—4. СПб. 1909—1911; Авинов Н. Местное самоуправление. М., 1913; Белокопский И. Земское движение. СПб., 1914; Маслов С. Земство и его экономическая деятельность за 50 лет существования (1864—1914). М., 1914; Трутовский В. Современное земство. Пг., 1914; Юбилейный земский сборник. 1864—1914. Под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. Пг., 1914; Звягинцев Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915 и др.

² См.: *The Zemstvo in Russia. An experiment in local self-government.* Cambridge University Press. 1984.

³ Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964; Черменский Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг. — *История СССР*, 1965, № 5; Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; Чернуха В. Г. В. И. Ленин о земстве. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; Симонова М. С. Земско-либеральная фронда (1902—1903). — *Исторические записки*, 1973, т. 91; Шацилло К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901—1904). — Там же, 1976, т. 97; Пирумов А. Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; е е же. Земская интеллигенция в общественной борьбе. М., 1985 и др.

⁴ Абрамов П. Н. Волостные земства. — *Исторические записки*, 1961, т. 69; Сенцов А. А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления в России накануне Октября. — *Советское государство и право*, 1984, № 6.

Между тем после Февральской революции земства играли значительную роль в борьбе классов и партий за власть. Они адекватно выражали волю, интересы, цели и намерения правого крыла российского общества и активно противодействовали организациям и учреждениям, входившим в революционно-демократический лагерь. В настоящей статье делается попытка проследить историю земства в этот период и выявить главную причину крушения этого института.

Тот факт, что земское самоуправление возникло вместе с утверждением капиталистической общественно-экономической формации, но долгие годы действовало в условиях, когда политическая власть находилась в руках крепостников-помещиков, оказал определяющее влияние на классовый состав земств и их место в государственной структуре. Первая же статья «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» определяла назначение земств как вспомогательных органов. Они создавались «для заведования делами, относящимся к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда». Вместе с тем им категорически запрещалось «выходить из круга указанных им дел и вмешиваться в дела, принадлежащие кругу действий правительственных, сословных и общественных властей и учреждений»⁵. Вынужденное приспособляться к новым буржуазным отношениям, самодержавие ни с кем не намерено было делить политическую власть. И даже в хозяйственной области каждый шаг земских учреждений постоянно контролировался. Постановления земств, заключения займов, проекты смет, избрания на должности — все это рассматривалось и утверждалось министром или губернатором. «...Земство с самого начала было осуждено на то, — писал В. И. Ленин, — чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось...»⁶.

Однако, несмотря на такие крайне стеснительные рамки, земства показали себя жизнеспособными учреждениями. Они довольно успешно занимались организацией школьной системы, здравоохранения, ветеринарного дела, статистики, страхованием от пожаров. Но главным итогом реформы 1864 г. оказалась земский аппарат и его кадры. Земские собрания и управы, отделы и комиссии, созданные ими, а также армия земских работников — это был готовый механизм управления, который буржуазия могла использовать в борьбе за власть.

В период Февральской революции так и произошло. Уже 5 марта (ст. ст.) кн. Г. Е. Львов направил председателям губернских управ телеграфное распоряжение: «В целях устройства порядка внутри страны и для успеха обороны государства по обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей. Управление губернией временно возлагается на Вас в качестве губернского комиссара Временного правительства со всеми правами, представленными действующими узаконениями губернатору и с сохранением за Вами руководства работою губернской земской управы»⁷. Согласно этому акту, комиссарами Временного правительства в уездах становились председатели

⁵ Полное собрание законов Российской империи, собр. 2, т. 39, отд. 1. СПб., 1867, ст. 40457, с. 2, 3.

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 35.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1789, оп. 1, д. 157, л. 3.

уездных земских управ; за ними также сохранялись обязанности председателей уездных земских управ⁸.

В первые же дни революции Временное правительство весьма решительно сделало ставку на земства. Они оказались для него самыми близкими и надежными учреждениями. У обоих этих институтов была одна буржуазно-помещичья классовая основа, одно общественное положение, одна история. В документах МВД отмечалось, что Временное правительство использовало тогда «имеющийся в его распоряжении контингент земских деятелей, единственных (с его точки зрения.— Г. Г.) представителей организованной общественности»⁹.

Если возникновение Временного правительства было фактом, отразившим наибольшую активность столичной буржуазии в борьбе за государственную власть, то Указ 5 марта фиксировал и юридически закреплял такое же положение буржуазии на местах. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) В. И. Ленин говорил, что буржуазия «превосходно была подготовлена к принятию власти»¹⁰. Указ 5 марта — это победа российского земства, политический успех, о котором раньше оно не могло и мечтать. Впервые за всю историю своего существования земства получили политическую власть. Как только Указ поступил на места, в адрес Временного правительства хлынул от земцев поток телеграмм с выражением радости по поводу случившегося. Это был праздник на земской улице, звездный час земского движения.

Однако ликование продолжалось недолго. В тот момент, когда кн. Львов подписывал Указ, революция стремительно набирала силу и приобретала все более радикальный характер. Уже тогда земства отстали от событий и оказались на правом фланге российского общества. Интересно, если в царское время земства преследовали за то, что они опережали события, то после Февраля они уже не успевали за ними. Рабочие, солдаты и крестьяне относились к земствам как к контрреволюционным учреждениям. Очень скоро революционная волна смела циркуляр кн. Львова — одну из первых попыток Временного правительства повернуть революцию в удобное для себя русло и овладеть положением в стране. К маю 1917 г. подавляющее большинство губернских и уездных комиссаров, занявших должность в соответствии с Указом от 5 марта, были заменены выборными лицами из другой социальной среды¹¹. По мере радикализации общества революционная волна отсекала правое крыло земского движения от активной политической жизни и выдвигала на первый план представителей второго земского эшелона, так называемый «третий элемент» — земских служащих, врачей, адвокатов, учителей, инженеров и т. д. Подобно тому, как под напором революции менялся состав Временного правительства в пользу мелкобуржуазных деятелей, менялся и состав местных учреждений.

До отречения Николая II максимальную активность в борьбе за власть проявила крупная буржуазия. По политическим целям и задачам это был этап буржуазной революции, поскольку власть из рук помещиков перешла в руки крупной буржуазии. Затем поднялась колоссальная мелкобуржуазная волна, которая сделала главным действующим лицом политической жизни страны мелкую буржуазию. Эта же волна дала жизнь так

⁸ Там же.

⁹ Там же, ф. 1800, оп. 1, д. 18, л. 2.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 377.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 1800, оп. 1, д. 131, л. 2.

называемым общественным исполнительным комитетам, адекватно выражавшим интересы, цели и намерения мелкой буржуазии. По своему положению они оказались между правым крылом российского общества и революционно-демократическим лагерем. Эти комитеты появились еще в первые дни революции. Затем они быстро распространились по всей стране и существовали на губернском, уездном и волостном уровнях. По сравнению с земствами комитеты имели более широкую социальную базу и действовали более радикально, как буржуазно-демократические организации.

Об общественных исполнительных комитетах тогда много и охотно писалось в газетах и журналах, говорилось на митингах, собраниях и съездах. Довольно скоро они оказались в поле зрения политиков. Обратило на них внимание и Временное правительство. Начиная с середины марта оно издало ряд постановлений, с помощью которых попыталось подчинить их своему влиянию, превратить в средство борьбы за власть на местах¹². Мелкобуржуазный состав комитетов давал ему шансы на успех. В планах и расчетах Временного правительства комитеты занимали все более важное место. Вместе с тем Временное правительство и земства не бросило на произвол судьбы. Оно приложило немало усилий к тому, чтобы сохранить земские собрания и управы в прежнем виде, слerdжать процесс демократизации земств, защитить цензовый состав гласных. Земства продолжали бороться за политическую власть, тем более что имели для этого солидную материальную базу: капиталы, право распоряжения кредитами, разветвленное хозяйство, милицию.

В мае Временное правительство приступило к разработке крупномасштабных мер, рассчитанных на возвращение органов местного самоуправления к власти. Главной составной их частью стала земская реформа Временного правительства. Начало реформе было положено постановлениями «О производстве выборов уездных и губернских земских гласных» и «О волостном земском управлении», принятыми 21 мая 1917 г.¹³ Благодаря реформе правительству удалось создать в стране единообразную систему местного самоуправления и сохранить в ней руководящую роль так называемого «третьего элемента». Политический вес и влияние земств снова увеличились, тем более что, согласно постановлениям от 21 мая, с момента избрания волостных и уездных земских собраний упразднялись те самые общественные исполнительные комитеты, которые возникли в ходе Февральской революции¹⁴. Однако еще стремительнее возрастало влияние Советов. Летом и осенью 1917 г. классовые противоречия все более обострялись, шло размежевание общества. Советы становились признанными центрами революционно-демократического лагеря. Им противостояли и земства и думы, являвшиеся организационными центрами городской и сельской буржуазии, помещиков, верхов армии, реакционной части казачества. Что касается мелкой буржуазии, она все больше вытеснялась с политической арены. Соответственно сходило на нет и влияние мелкобуржуазных организаций, прежде всего общест-

¹² См.: Крестьянское движение 1917 г. М.—Л., 1927, с. 403—404; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 1. Минск, 1957, с. 113; ЦГАОР СССР, ф. 1788, оп. 2, д. 137, л. 32; д. 126, л. 18; д. 49, л. 2; д. 119, л. 5; д. 105, л. 21; д. 144, ч. 2, л. 181; д. 102, л. 15; д. 120, ч. 1, л. 214; Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета, 1917, 31 марта, № 23, с. 2.

¹³ Вестник Временного правительства, 1917, 25 мая, № 62(108).

¹⁴ Народная газета, 1917, 15 июня.

венных исполнительных комитетов. К осени 1917 г. они окончательно утратили свое значение.

Советы рабочих и солдатских депутатов, с одной стороны, и органы местного самоуправления — с другой, представляли два классово противоположных пути развития революции: первые — революционно-демократический, а затем пролетарский, вторые — буржуазный. Борьба между ними шла в течение всего периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В ходе этой борьбы Советы убедительно доказали, что они — «власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли»¹⁵. Осенью 1917 г. лишь незначительная часть земств оказалась в революционном лагере, подавляющее большинство их выступило вместе с буржуазией против рабочих и крестьян. «В момент Октябрьской революции, — отмечал Народный комиссариат внутренних дел, — старые органы местного самоуправления — земства и городские думы — почти повсюду находились в руках буржуазии, которая сумела в них свить себе прочное гнездо»¹⁶.

В Октябрьские дни органы местного самоуправления вступили в открытую борьбу против Советов. Эта борьба, продолжавшаяся несколько месяцев и потребовавшая от революционного народа большого напряжения сил, шла с переменным успехом. Были даже случаи, когда земствам удавалось получить власть в свои руки. Но, что характерно, у них хватало сил удержать ее лишь на короткое время. Как только они приступали к практической деятельности, сразу же обнаруживалась их классовая направленность, рабочие и крестьяне отказывали им в доверии, и власть переходила к Советам. «Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов тем и ценны особенно, — писал В. И. Ленин, — что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический тип государственного аппарата»¹⁷.

Советские органы власти на местах ясно сознавали и постоянно ощущали непримиримость земских учреждений к их политике. Тем не менее Рабоче-крестьянское правительство подошло к решению вопроса о судьбе земств и дум с большой осторожностью. Дело в том, что в их распоряжении находилась разветвленная сеть школ, больниц, ветеринарных пунктов, опытных станций, домов призрения и т. д. Решительная ломка такого аппарата могла существенно затронуть интересы миллионов людей и ухудшить их положение. Народная власть не могла пойти на это. Необходимо было разработать и провести в жизнь систему мер, направленных на укрепление и развитие Советов, подготовить кадры, отладить новый механизм управления.

Советская власть учитывала также настроения той части рабочих и особенно крестьян, которые питали еще иллюзии насчет «демократичности» старых органов местного самоуправления. Необходимо было показать буржуазную сущность земств и дум, ограниченность их демократизма, дать возможность трудящимся на собственном опыте убедиться в преимуществах Советов. Более того, первое время после Октября Совнарком пытался даже создать для земств более благоприятные условия: расширить их права, укрепить организационно и

¹⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 319.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 10, л. 10.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 203—204.

поддержать материально. Это делалось с целью улучшить работу коммунального и земского хозяйства, облегчить жизнь трудящихся масс.

Однако земства не отказались от антисоветской деятельности. Они принимали резолюции протеста, организовывали саботаж, объявляли забастовки, поднимали восстания. Но чем энергичнее вели они борьбу против Советской власти, тем быстрее теряли политический кредит и разваливались.

Первым весьма ощутимым итогом недоверия масс к земствам стал отказ вносить какие бы то ни было земские сборы. Это был вполне логичный и осознанный политический шаг. «Нет ничего удивительного, что земство не имеет денег,— говорил один из делегатов крестьянского съезда в Саратовском уезде.— Кто же понесет их, если заведомо знает, что земство идет не по тому пути, по которому надо было бы идти. Что земство сделало в облегчение народа — ничего»¹⁸. Сообщения о развале земств и земского хозяйства все в большем количестве поступали во ВЦИК, СНК, НКВД, Комиссариат местного самоуправления и другие центральные учреждения. Из Сергача Нижегородской губернии писали, например: «Служащие земства не получают жалования. Медикаментов, перевязочных средств недостает. Больницы накануне закрытия, нечем оплатить подвоз дров для школ и больниц. Недоимок за населением более 500 тысяч»¹⁹.

Упадок земской системы дошел до такой степени, что даже провести земское собрание оказывалось очень трудно. Сроки созыва многих из них переносились по несколько раз, состав обычно был неполным. Открывая Духовщинское уездное земское собрание, председатель управы Л. М. Лиличкин говорил: «Прошлой чрезвычайное собрание... носило на себе ясно выраженные следы летаргии. Ввиду этого через две недели назрели события, вынудившие управу созвать снова собрание и сказать... быть или не быть земству»²⁰. Газета «Народное дело» опубликовала информацию о том, с каким трудом работало Харьковское губернское земское собрание: «Очередное губернское земское собрание не было открыто за отсутствием кворума. Решено было работать в комиссиях, выжидая прибытия гласных. В течение следующего дня прибыло еще 7 человек, а в общем явилось 38 гласных из 93. Встал вопрос, открывать или нет собрание. Развернулись долгие прения. В итоге постановлено: собрание признает себя правомочным и приступает к разрешению вопросов, внесенных в программу настоящей сессии»²¹.

Дальнейший распад земского самоуправления грозил полным развалом сложного хозяйства и ухудшением положения трудящихся масс. Поэтому встала задача дополнить традиционную структуру Советов такими звеньями, которые могли бы вполне квалифицированно вести и земское хозяйство.

Эту работу осуществляли и СНК, и особенно НКВД, которому правительство поручило организацию управления на местах, руководство Советами и осуществление контроля за их работой. Первый обстоятельный директивный документ, получивший название «Что такое власть Советов?», СНК направил на места вскоре после победы вооруженного восстания в Петрограде. В нем разъяснялись сущность

¹⁸ Гос. архив Саратовской обл., ф. 514, оп. 1, д. 2, л. 5а.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 59, ч. 2, л. 252.

²⁰ Гос. архив Смоленской обл., ф. 409, оп. 3, д. 66, л. 7.

²¹ Народное дело, 1918, 10 марта, с. 4.

и полномочия Советов и говорилось, как следовало строить местные органы власти: «Советы,— указывалось в документе,— должны разбиваться на отделы: финансовый, городского и земского самоуправления, податный, землеустроительный, общего управления и т. д.»²² Выделяя отдел городского и земского самоуправления, Советское правительство тем самым стремилось предотвратить местное хозяйство от развала.

В период обострения борьбы между органами местного самоуправления и Советами, что было связано с созывом Учредительного собрания, НКВД опубликовал обращение «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов», в котором заявлялось о полновластии Советов и о том, что все прежние органы местного самоуправления — областные, губернские и уездные комиссары, комитеты общественной безопасности, волостные правления и пр. заменяются Советами. Вся страна, подчеркивалось в обращении, должна покрыться сетью Советов, тесно связанных между собой²³. В начале января 1918 г. НКВД принял два важных документа, направленных на упразднение органов местного самоуправления. 8 января 1918 г. в «Вестнике отдела местного управления Комиссариата внутренних дел» были напечатаны ответы на вопросы, определявшие взаимоотношения Советов и органов местного самоуправления. В частности, на вопрос: «Имеют ли Советы право распускать городские думы и земства?» — давался такой ответ: «Да, имеют, если они противодействуют Советской власти. Более того, Советы обязаны их распускать в подобных случаях, ибо никакого двоевластия на местах быть не должно»²⁴.

Затем НКВД опубликовал «Инструкцию об организации Советов рабочих и солдатских депутатов», более точно определявшую структуру Советов и их право упразднять земства и думы. Рекомендовалось при всех Советах взамен старых, отживших правительственных учреждений создавать 11 отделов или комиссариатов, в том числе — народного просвещения, врачебно-санитарные и другие с традиционно земскими видами занятий. В примечании к инструкции отмечалось: «Советам рекомендуется при образовании отделов использовать организационный аппарат земских и городских самоуправлений с соответствующими изменениями»²⁵.

Важной вехой в укреплении власти Советов явился III Всероссийский съезд Советов. Он подвел итог советскому строительству за период с октября 1917 г. по январь 1918 г. За это время Советская власть установилась на большей части страны; были распущены всероссийские центры притяжения антисоветских сил: Петроградская и Московская городские думы, Главный комитет Всероссийского земского союза, Учредительное собрание; наметился существенный сдвиг в деле совершенствования советского аппарата управления и перехода в его ведение городского и земского хозяйства.

Среди делегатов съезда была распространена анкета, в которой, в частности, следовало отразить отношение к органам местного самоуправления. В 106 из 343 заполненных анкет говорилось, что земское и городское дело «находится в непосредственном ведении Советов»²⁶. Таким

²² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 8, л. 8.

²³ Собрание узаконений и распоряжений, 1917, № 12, с. 179.

²⁴ Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел, 1918, 8 января.

²⁵ Там же, 24 января.

²⁶ Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы. М., 1963, т. 2, с. 358.

оказался фундамент, с которого Советы начали решающий этап в овладении местным хозяйством. Политической основой этой кампании послужила «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая III Всероссийским съездом Советов. В ней Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для буржуазных органов местного самоуправления в системе диктатуры пролетариата места не оставалось.

Все постановления и распоряжения Советского правительства, изданные после III Всероссийского съезда Советов, были направлены на создание единообразной системы управления пролетарского типа. 20 января 1918 г. НКВД разъяснял местным Советам, что «право участия в Советах имеют только трудовые элементы, то есть все живущие своим собственным трудом». Буржуазия, купцы, кулаки, помещики и т. п. в Советы не допускались²⁷. 24 января 1918 г. «Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел» опубликовал категорическое указание НКВД: «При существовании Советов земским и городским самоуправлениям не должно быть места. Там, где органы самоуправления не наши, где они выступают против Советской власти, они должны быть распущены, а где они работают с Советами, должны слиться с ними, дабы не было однородных органов, ведающих одной и той же работой»²⁸. Таким образом, в качестве единственной системы управления признавались только Советы. К ним переходил технический аппарат земств и дум, всевозможные сборы, налоги и кредиты. Причем Советы получали право принимать на работу всех, кто был занят в органах местного самоуправления при условии признания ими Советской власти.

Развернулось массовое упразднение органов местного самоуправления, хотя НКВД и в этот период предупреждал советских работников от бездумного и неосмотрительного отношения к делу. «Ликвидация самоуправления, — отмечал Наркомвнудел Г. И. Петровский, — должна производиться постепенно, по мере того, как Совет овладеет той работой, которая до сих пор лежала на органах самоуправления»²⁹.

Способы и темпы ликвидации земств в различных районах страны были разные. Однако нигде буржуазия не сдавала своих позиций без боя. Руководители земств не оставляли надежд на благоприятный исход борьбы и делали все, чтобы достичь своей цели.

Раньше других упразднение земств началось в Прибалтике, 30 декабря 1917 г. СНК Латвии принял соответствующее постановление³⁰. Одновременно ликвидировались земства в Эстонии. Затем этот процесс охватил западные губернии России. Типичными здесь были, например, события в Витебской губернии, где, как и в Прибалтике, земские учреждения появились сравнительно поздно и их социальная база была довольно узкой. Трудящиеся массы после победы вооруженного восстания в Петрограде приняли власть Советов. «Крестьяне, рабочие и батраки, — общалось в НКВД из Витебской губернии, — признают единственной властью власть Советов и Народных комиссаров центрального правительства»³¹. Уже в середине декабря (с 10-го по 17-е) состоялся губер-

²⁷ Там же, с. 358, 383.

²⁸ Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел, 1918, 24 января, с. 7—8.

²⁹ Там же.

³⁰ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957, с. 326.

³¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии (Февраль — октябрь 1917 г.). Документы и материалы, т. 2. Минск, 1957, с. 651.

ский съезд Советов. Он избрал единый орган власти — Витебский губернский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов — и решил упразднить земства, передав их функции губисполкому Совета³². Конкретизируя резолюцию съезда, губисполком 4 января 1918 г. постановил: «По организации уездных и городских Советов крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов и переходу власти в их руки... городские думы и земские управы, как учреждения, созданные для управления частной собственностью при капиталистическом строе, должны быть упразднены»³³.

Из Витебска пришло сообщение в НКВД о том, что земства передают дела губисполкому, а служащие распределяются по соответствующим отделам³⁴. Одновременно на имя Н. И. Подвойского была получена телеграмма от председателя Витебской губернской земской управы Кислякова: «Местный Совет распорядился взять дела губернской управы. Опасаясь гибели земского дела, прошу переговоров с Лениным и приостановки приемки»³⁵. Телеграмма была передана в НКВД, и М. И. Лацис написал на бланке: «Совету действовать в таком же направлении»³⁶. 27 января Лацис направил в Витебск телеграмму: «Вследствие поступившей жалобы на Совет о принятии дел губземуправы предлагаю действовать в принятом Советом направлении и объяснить Кислякову, чтобы скорее были переданы Совету дела и средства земской управы». 28 января губисполком принял окончательное решение — управу упразднить и все ее дела, имущество и капиталы передать в отдел земского хозяйства. Между тем председатель управы продолжал упорствовать. Он снова отправил телеграмму с просьбой «приостановить приемку впредь до переговоров с Вами» (М. И. Лацисом). Лацис ответил: «Приостановить сдачу дел управы Совету не считаю возможным»³⁷. Судьба Витебского земства была окончательно решена. Важную роль в его ликвидации сыграли поддержка, оказанная Совету со стороны рабочих и крестьян, и четкая линия НКВД, направленная на упразднение буржуазных организаций и учреждений.

Так же решительно и быстро прошла ликвидация земств в остальных западных губерниях России — Виленской, Ковенской, Могилевской, Минской. В январе—феврале 1918 г. земства там исчерпали какие бы то ни было возможности для функционирования, полностью утратили доверие масс и прекратили свое существование. Земства этих губерний, а также Прибалтики, где упразднение старых органов местного самоуправления началось раньше других и прошло относительно спокойно, мы условно отнесли к первой группе земств.

Вторую группу составили земства тех губерний, где шла вооруженная борьба против Советов, — Новгородской, Калужской, Нижегородской, Московской, Саратовской, Астраханской, Воронежской и некоторых других. В ходе этой борьбы социальные корни земства оказались подорваны, была сломлена воля земцев к сопротивлению, и Советы довольно легко смогли взять власть в свои руки. Главное, что определяло сроки упразднения земских собраний и управ здесь, была не сила противодей-

³² ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 26, л. 27.

³³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 692.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 26, л. 23.

³⁵ Там же, л. 32.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 32, 33, 42; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 852.

Ликвидация губернских земств в декабре 1917—июне 1918 г.*

	1917 г.	1918 г.						Итого
	XII	I	II	III	IV	V	VI	
Абс.	3	9	11	8	7	2	2	42
В %	7,1	21,4	26,1	19,4	16,6	4,7	4,7	100

* Таблица составлена по материалам ЦГАОР СССР, государственных архивов Псковской, Смоленской, Куйбышевской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской областей, периодической печати, а также сборников документов и материалов.

ствия, а готовность Советов к принятию сложного земского хозяйства. Практически к концу февраля 1918 г. земства в этих губерниях были полностью упразднены.

К третьей группе земств мы отнесли земства тех губерний европейской части России, в которых Советы взяли власть мирным путем. Это — земства Самарской, Тверской, Рязанской, Курской, Вятской, Орловской, Тамбовской, Тульской, Костромской, Владимирской, Ярославской и некоторых других губерний. Период ликвидации земств растянулся здесь до конца апреля 1918 г.

И последняя группа земств — земства окраин России. В этих районах упразднение земских учреждений происходило с января по июнь 1918 г. В некоторых губерниях, таких, как Енисейская и Омская, где земская система возникла летом 1917 г. и не успела упрочить свое положение, земства были ликвидированы быстро — к концу января 1918 г.³⁸ В апреле земское хозяйство перешло в ведение Советов в Алтайской губернии и Приморской области, в мае — в Семипалатинской области и Тобольской губернии, в июне — в Томской и Вологодской губерниях³⁹.

Таким оказался процесс ликвидации губернских земств в России. Динамика его представлена в таблице 1.

В обстановке острой классовой борьбы упразднялись также уездные земские собрания и управы. Уже в ноябре 1917 г. борьба за власть между Советами и земствами достигла высокого накала. Так было, например, в г. Камышине Саратовской губернии. Вопрос о власти там решался одновременно на уездном съезде крестьянских представителей и уездном земском собрании. Во время работы съезда на его заседание явилась группа земских деятелей, и один из них — председатель уездной земской управы народный социалист Т. К. Зиньковский — заявил, что уездное земство не признает власти Советов, что само оно является властью и, если Совет откажется исполнять предписания земского собрания и управы, то к нему будет применена вооруженная сила. В таком же духе управа составила текст телеграммы и разслала ее по волостям и селам уезда⁴⁰. В ответ на эти действия исполком Камышинского Совета спешно сформировал отряд красногвардейцев и в ночь с 22 на 23 ноября арестовал членов земской управы. Оставшись без руководителей, зем-

³⁸ Шейнфельд М. Б. Борьба с контрреволюционным земством в Енисейской губернии. — Ученые записки Красноярского пед. ин-та. 1957, т. 9, с. 101; ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 22-а, л. 48—49.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 4, д. 69, л. 1. 50, 108, 83; д. 70, л. 14; оп. 2, д. 125, л. 27; д. 128, л. 16.

⁴⁰ Камышинский филиал Гос. архива Волгоградской обл., ф. Р-9, оп. 1, д. 1, л. 8, 9.

ское собрание приняло резолюцию протеста и прекратило свою работу⁴¹.

Такие столкновения между Советами и уездными земствами не были тогда исключениями. Буквально в те же дни, когда разворачивались события в Камышине, Военно-революционный комитет г. Коломны Московской губернии принял решение «распустить всех гласных городского и земского самоуправления и привлечь к ответственности лиц, компрометировавших своей деятельностью Советскую власть». Одновременно упразднялись также «комиссии и комитеты, выделенные из этих органов»⁴². 23 ноября газета «Земля и воля» опубликовала извещение о том, что Ржевское уездное собрание ликвидировано большевиками⁴³. Ликвидация произошла после того, как земские гласные отказались выполнить требование Совета признать Рабоче-Крестьянское правительство. Кроме того, Совет предложил земскому собранию переизбрать явно контрреволюционного председателя управы. Все это гласные демонстративно отклонили и заявили Совету решительный протест. «Тогда один из большевиков,— сообщалось в журнале „Земское дело“,— вызвал по телефону солдат для разгона собрания. Гласные и публика покинули земский дом»⁴⁴. Аналогичные события произошли и в Бобровском уезде. «По приказу Военно-революционного комитета,— писала газета „Народное дело“,— вооруженные солдаты разогнали открывшееся Бобровское уездное земское собрание»⁴⁵.

Так поступали Советы во всех случаях, когда земства отказывались подчиниться новой власти и продолжали вести антисоветскую борьбу. 13 декабря 1917 г. Петропавловский Совет на основе декретов Рабоче-крестьянского правительства постановил: «Всякий член или орган самоуправления, выступающий против Советов как словесно, так и письменно, будет немедленно предан суду Революционного трибунала...»⁴⁶. Причем такие предупреждения не оставались пустым звуком: в тех случаях, когда земцы отказывались подчиниться новой власти и пытались продолжать антисоветскую борьбу, против них применяли вооруженную силу.

После III Всероссийского съезда Советов начался новый (основной) этап ликвидации буржуазных организаций и учреждений, в том числе земств. Как же шло упразднение уездных земских собраний и управ? Чаще всего Советы вначале вводили контроль над земствами, а затем уже приступали непосредственно к их упразднению. При этом они опирались на распоряжения вышестоящих советских органов. Например, Бугуруславский исполнительный комитет 29 января 1918 г. принял следующее решение: «Ввиду того, что по постановлению V губернского крестьянского съезда все губернские, уездные и волостные земства упразднены, отныне вместо них организуются Советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, в ведение которых переходят все хозяйственные функции бывших земств, а также их имущество и капиталы»⁴⁷. Одновременно исполком Сычевского Совета обратился к крестьянам с таким воззванием: «Октябрьская революция, низвергнув правительство

⁴¹ Пролетарий Поволжья, 1917, 3 декабря; Земское дело, 1918, № 1, с. 26.

⁴² Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы, ч. 1, с. 342.

⁴³ Земля и воля (Москва), 1917, 23 ноября.

⁴⁴ Земское дело, 1917, № 23—24, с. 489—490.

⁴⁵ Народное дело, 1918, 9 января.

⁴⁶ Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы, ч. 2, с. 278.

⁴⁷ Там же, с. 406.

буржуазии, передала власть в руки трудового народа в лице его организации — Советов. Исходя из этого основного положения, все прежние органы местного управления: областные, губернские и уездные комиссары, земства, комитеты общественных организаций, волостные земства заменяются Советами. Школы, больницы и вообще все народное хозяйство, бывшие до сих пор в руках детища помещиков — земств, переходят в руки Советов»⁴⁸. Решения об упразднении земств принимали исполкомы Советов Юрьевского уезда Костромской губернии, Нижнемоловского уезда Пензенской губернии, Бузулукского уезда Самарской губернии и др.⁴⁹ Отдельные земства безоговорочно выполняли постановления Советов. Например, 23 февраля 1918 г. земская управа Царевского уезда Астраханской губернии заслушала постановление местного Совета об упразднении земства и в тот же день сложила свои полномочия. Члены управы сообщили губернскому комиссару внутренних дел: «Мы сего числа передали членам комиссии Совета все земское хозяйство, а также находившиеся в распоряжении уездного земства казенные и другие денежные суммы, все земское имущество и инвентарь»⁵⁰.

Однако большинство земских деятелей и после III Всероссийского съезда Советов продолжали оказывать Советской власти сопротивление. При этом формы противодействия были самые разные. В одних местах, как это было в Красноярском уезде Астраханской губернии, земские управы отказывались сдавать дела Советам. В ответ на решение исполкома об упразднении земства Красноярская управа заявила, что она не может сдать «вверенного ей хозяйства до тех пор, пока ей не предложит это сделать избравший ее народ»⁵¹. В других случаях, как это было в Костромской губернии, земства пытались сорвать процесс советизации деревни и таким путем сохранить низовое звено земского самоуправления. Как писали «Известия ВЦИК», уездные управы чинят препятствия работе волостных Советов, взявших в свое ведение дела волостных земств, не выдают им денег, угрожают закрыть школы и пр.⁵² Даже в Петроградской губернии, где перевес революционных сил над контрреволюцией был подавляющим, уездные земства продолжали бороться против Советов. 18 января 1918 г. в НКВД пришла телеграмма из Гдова: «Совет Гдовского уезда организован, земская управа упразднена. Однако управа делопроизводства не сдает». М. И. Лацис немедленно предписал Совету: «Действуйте как единственная власть. Против непокорных применяйте силу»⁵³.

Некоторые управы пытались сохранить земства на том основании, что в советских законах ничего не говорилось об их упразднении. По вопросу о правовом положении земств нередко возникала переписка между земскими деятелями и сотрудниками центрального советского аппарата. 21 февраля 1918 г., например, в НКВД пришла телеграмма из Курмыша Симбирской губернии: «Признаются ли Советской властью земские и городские самоуправления? Председатель управы Шабариев». М. И. Лацис ответил: «Как городские, так и земские административные

⁴⁸ Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии в 1917—1918 гг. Сб. документов. Смоленск, 1957, с. 206.

⁴⁹ См.: ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 48, ч. 3, л. 468; оп. 4, д. 42, л. 70; д. 70, л. 6.

⁵⁰ Гос. архив Астраханской обл., ф. 1632, оп. 2, д. 665, л. 3.

⁵¹ Там же, ф. 3012, оп. 2, д. 22, л. 2.

⁵² Известия ВЦИК, 1918, 2 апреля.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 71, ч. 2, л. 231, 232.

учреждения и организации с переходом власти к Советам продолжают существовать уже лишь как отделы последних и при ликвидации их хозяйственно-технический аппарат вливается в соответствующие отделы местных Советов»⁵⁴.

Однако примером самого трудного и болезненного решения вопроса об упразднении земства явились события в Аткарском уезде Саратовской губернии. В середине декабря 1917 г. на пленарном заседании Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов говорилось о серьезном противодействии земской управы Советской власти, о ее категорическом отказе работать в контакте с Советами. 28 декабря 1917 г. исполком Аткарского Совета снова обсуждал вопрос об антисоветских акциях управы и вынес решение: «По отношению к земской уездной управе принять самые энергичные меры: явиться туда с нарядом солдат, взять все дела в ведение Совета и предложить подчиниться новой власти, то есть исполнительному комитету. Служащих же, не желающих подчиниться, уволить, а лиц сопротивляющихся немедленно арестовать». На следующий день, 29 декабря, несколько членов исполкома в сопровождении наряда солдат прибыли в здание управы и потребовали, чтобы управа сдала свои дела Совету. Управа выполнила требования, но от борьбы не отказалась. 2 января 1918 г. в исполком Совета явился председатель управы Л. П. Смирнов и сказал, что он оставляет за собой право созыва уездного земского собрания. Совет не дал согласия. Тем не менее 12 января 1918 г. собрание было создано. И хотя исполком с помощью вооруженной силы распустил его, земцы успели избрать новую управу, которая повела себя по отношению к Совету еще более непримиримо. 16 января Совет вновь обсуждал вопрос об отстранении от дела членов уездной земской управы «ввиду нежелания их работать в контакте с Аткарским Советом и непризнания власти Совета». Было решено выразить недоверие «последнему составу земской управы», избрать комиссию для ревизии всех дел управы и передачи их в ведение Совета, а также в спешном порядке провести перевыборы земского собрания. Перевыборы дали положительные результаты: вместо явно контрреволюционных элементов в земское собрание были избраны в основном представители трудящихся крестьян. Только после этого были налажены деловые отношения между Советом и земством. Более того, даже упразднение волостных земств осуществлялось уже с помощью уездной управы⁵⁵.

Показателем крайней острой борьбы, развернувшейся в ходе ликвидации земств, являлся тот факт, что и после III съезда Советов целый ряд земских собраний и управ пришлось упразднить с помощью вооруженной силы. Так случилось в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии, Козьмодемьянском уезде Казанской губернии, Макарьевском уезде Костромской губернии, Мологском уезде Ярославской губернии и др.⁵⁶ Главная причина ликвидации земств заключалась в буржуазной сущности этих учреждений. Поскольку Советы являлись политической

---

⁵⁴ Там же, д. 84, ч. 1, л. 170, 172.

⁵⁵ Гос. архив Саратовской обл., ф. 517, оп. 2, д. 1, л. 95 об., 98, 84 об., 4; д. 2, л. 4; ф. 776, оп. 1, д. 1, л. 2; ф. 566, оп. 1, д. 1, л. 4; Аткарская революционная жизнь, 1917, 24 января.

⁵⁶ Земское дело, 1918, № 2, с. 49; Народное дело, 1918, 27 января; ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 49, л. 194; оп. 4, д. 69, ч. 1, л. 29; Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Сб. документов. Чебоксары, 1957, с. 25.

Ликвидация уездных земств в ноябре 1917 — июле 1918 г.*

	1917 г.		1918 г.							Итого
	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Абс.	2	6	33	37	51	22	22	1	1	175
В %	1,1	3,4	18,8	21,1	29,5	12,5	12,5	0,5	0,5	100

* Таблица составлена по материалам ЦГАОР СССР, государственных архивов Псковской, Смоленской, Куйбышевской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской областей, периодической печати, сборников документов и материалов, а также исследовательской литературы.

формой диктатуры пролетариата, а органы местного самоуправления — буржуазными учреждениями, согласовать их политику, или хотя бы примирить ее было невозможно. Разрешить противоречия между этими органами можно было только путем ликвидации земских собраний и управ.

Чаще всего земства упраздняли из-за непризнания ими власти Советов. 31 января 1918 г. в НКВД пришла телеграмма из Твери: «В Весьегонске порядок восстановлен силою имеющихся красногвардейцев и 229-го запасного полка. Совдеп избран. Земство ликвидировано. Причина — непризнание Советской власти, формирование белой гвардии, убийство матроса. Исполнительный комитет Совета». 28 февраля 1918 г. в НКВД поступила телеграмма из Рязани: «В настоящее время в Касимовском уезде власть всецело в руках Совета. Земство, как отжившая организация и не желающая работать с уездным Советом, упраздняется». Несколько позже в телеграмме, направленной в адрес НКВД, прямо говорилось, что Касимовское уездное земство было упразднено из-за его контрреволюционной деятельности⁵⁷. Нередко в постановлениях Советов, согласно которым проводилась ликвидация земств, точно формулировались причины такого шага. В сообщении из Омска, в частности, отмечалось: «Земское и городское управление (Петропавловского уезда.— Г. Г.) упразднены, как саботировавшие. Вся власть в руках Совета»⁵⁸.

Позднее, когда уже действовал советский аппарат управления и существовали земские учреждения, последние упразднялись в связи с тем, чтобы не было дублирования в руководстве местным хозяйством. Газета «Слово народа» 24 мая 1918 г. писала именно о таком случае: «Исполнительный комитет Наровчатского уездного Совета, принимая во внимание, что функции уездной земской управы по частям перешли в ведение Совета, а также в целях сокращения расходов постановил: ликвидировать управу, приняв от нее все дела и денежные суммы»⁵⁹.

В целом ход ликвидации уездных земств представлен в таблице 2.

По сравнению с процессом ликвидации губернских земств пик упразднения уездных земств пришелся на более поздний период. Это естественно, поскольку главные события происходили в губернских центрах и они оказывали определяющее влияние на событиях в уездах.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 92, ч. 2, л. 310; д. 75, ч. 2, л. 240; оп. 4, д. 8, ч. 1, л. 47.

⁵⁸ Там же, ф. 393, оп. 4, д. 69, ч. 1, л. 76.

⁵⁹ Слово народа, 1918, 24 мая, № 4.

Возникновение волостных Советов в 1917—1918 гг.*

	1917 г.		1918 г.					Итого
	XI	XII	I	II	III	IV	V и позже	
Абс.	45	198	979	1015	572	165	39	2983
В %	1,5	6,6	32,8	34,0	19,0	5,5	2,3	100

* Таблица составлена по: Абрамов П. Н. Опросный лист волостного Совета. — Исторический архив, 1960, № 3, с. 199; Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг., с. 241, 245; Петровичева Е. М. Указ. соч., с. 231, 234; Семьянинов В. П. Великая Октябрьская социалистическая революция в деревне: вопросы истории, источниковедения, историографии. Купышев, 1986, с. 14.

Одновременно с упразднением губернских и уездных земств шел процесс ликвидации волостных земских собраний и управ. К сожалению, мы не имеем пока достоверных сведений о времени их ликвидации. До сих пор историки пользуются данными, введенными в научный оборот в 1955 г. Е. Н. Городецким. По его мнению, в декабре 1917 г. земства были упразднены в 8,2% всех волостей страны, в январе 1918 г. — в 54,2% и в феврале — в 32,2%⁶⁰. Е. Н. Городецкий считает, что массовая ликвидация волостных земств началась в декабре 1917 г. и закончилась в феврале 1918 г. Между тем многие факты свидетельствуют о том, что динамика этого процесса была более плавной, а сам процесс — более продолжительным.

В настоящее время установлено, что в подавляющем большинстве случаев волостные земства упразднялись одновременно с возникновением волостных Советов. Например, из 190 волостей Саратовской губернии, по которым сохранились сведения о времени возникновения Советов и упразднения земств, это произошло в 166 волостях (или в 87,4%)⁶¹. Такая же картина выявлена для губерний Верхнего Поволжья⁶².

Если допустить, что время возникновения волостных Советов и упразднения волостных земств более или менее совпадало, то представляется целесообразным динамику массового создания Советов крестьянских депутатов распространить и на процесс упразднения волостных земств. На сегодняшний день историки выявили время возникновения Советов в 2983 волостях. О том, как шел этот процесс по месяцам, свидетельствует таблица 3.

Буржуазные ученые, говоря о крахе земств, называют какие угодно причины, но только не социальные. Например, современный американский историк У. Розенберг считает, что это случилось прежде всего из-за бескультурья российского крестьянства и его враждебности к либеральному конституционализму, лежавшему в основе земской реформы Вре-

⁶⁰ Городецкий Е. Н. Борьба народных масс за создание советских государственных органов. — Вопросы истории, 1955, № 8, с. 31.

⁶¹ Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг. Саратов, 1974, с. 252.

⁶² Петровичева Е. М. Деревенские Советы Верхнего Поволжья в докомбедовский период. Канд. дис. М., 1986, с. 76.

менного правительства. Более того, он утверждает, что страна в целом оказалась не готовой для такой формы правления⁶³.

На самом деле главная причина поражения земств, которое они потерпели в Октябрьской революции, коренилась в их классовой сущности. Земства изначально были буржуазными учреждениями, и этот институт не выдержал открытой политической борьбы с Советами. Борьба между Советами и земствами отражала борьбу между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и буржуазией — с другой. Эта борьба со всей очевидностью вскрыла тот факт, что российский пролетариат оказался более организованным, более сплоченным, более сильным и, естественно, одержал историческую победу.

---

⁶³ The Zemstvo in Russia. An experiment in local self-government, p. 402, 403, 405, 408.

СТРУКТУРА НОВГОРОДСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ УПРАВЛЕНИЕ В 1816—1831 ГОДАХ

Проблема военных поселений слабо разработана в русской дореволюционной и советской историографии. Основное внимание уделялось главным образом сюжетам, связанным с причинами создания этих поселений и классово-политической борьбой в них. Менее всего изучены вопросы управления, структуры и хозяйственной деятельности¹. Весьма разноречивы сведения о численности военных поселенцев. Основные выводы дореволюционной историографии по данному аспекту сводятся к тому, что правительство Александра I форсировало создание военных поселений и их окончательная система сложилась к 1826 г.² Эти выводы, как и многие статистические данные, практически без существенной корректировки были заимствованы советскими исследователями³.

Актуальность изучения истории военных поселений заключается в том, что без полного и глубокого исследования всех сторон их функционирования невозможно достоверно судить об особенностях внутренней политики самодержавия в период разложения и кризиса феодально-крепостнического способа производства. Ведь в сферу военных поселений, занимавших значительную территорию, были вовлечены различные категории населения страны. Численность поселенных войск, статус отдельных категорий военных поселенцев претерпели сложную эволюцию на различных этапах существования военных поселений. Изменялись также структура и методы управления.

Обширность и многосложность проблемы, ее слабая изученность требуют детального анализа специфики отдельных периодов и этапов развития поселенной системы, ее отдельных регионов, что, в свою очередь, позволит путем интегрирования данных создать цельную картину истории военных поселений.

Заметим, что источниковая база для подобных исследований весьма обширна, при этом лишь незначительное количество архивных материалов введено в научный оборот. Большинство их находится в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА СССР)

Ячменихин Константин Михайлович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории СССР Черниговского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко.

¹ См.: Ячменихин К. М. Военные поселения в русской дореволюционной и советской историографии. — Вестник Московского университета. Сер. 8, истор., 1985, № 3, с. 63—71.

² См.: Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871, т. 6, с. 113; Шебальский П. Г. Военные поселения и граф Аракчеев. — Русский вестник, 1871, № 10, с. 488; Карцов П. П. О военных поселениях при графе Аракчееве. — Там же, 1890, № 3, с. 112.

³ См.: Евстафьев П. П. Восстание военных поселенцев Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934, с. 63—64; Окунов С. Б. История СССР. Лекции, ч. 2. Л., 1978, с. 107—108; Липовская Т. Д. Социально-экономическое положение военных поселенцев на Украине (1817—1857 годы). Днепрпетровск, 1982, с. 19.

в фонде Департамента военных поселений (ф. 405). Здесь сосредоточена основная делопроизводственная и отчетная документация высших органов управления военными поселениями. Практически не разработаны фонды управлений и штабов округов военных поселений и пахотных солдат Новгородского (ф. 398) и Старорусского уделов (ф. 399).

Часть материалов отложилась в фондах Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР), Государственного архива Новгородской области, в рукописных отделах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Из всего многообразия источников в научный оборот вводились в основном только отчеты по военным поселениям, что, вероятно, и повлияло на одностороннее освещение фактической истории военных поселений вообще и Новгородских в частности.

Сведения о том, как готовилось устройство военных поселений, о работе специального комитета по данному вопросу весьма отрывочны и разноречивы. По-видимому, активные консультации у императора происходили во второй половине 1815 г. Александр I предлагал поселить войска по примеру казачьих полков вдоль западной границы. А. А. Аракчеев выступил против, мотивируя это тем, что трудно ожидать со стороны западных государств «хищнических набегов, каким в старину подвергались казаки, поселенные на границе», а следовательно, в такого рода поселениях будет преобладать сельский элемент в ущерб военному⁴.

После длительных обсуждений решили поселить пехоту (гренадерский корпус) возле Новгорода, Елецкий и Полоцкий полки — в Могилевской губернии, а кавалерию (уланы и кирасиры) — в Слободско-Украинской, Екатеринославской и Херсонской губерниях. В С.-Петербургской губернии создавалось поселение Охтенского порохового завода. Когда встал вопрос о путях реализации данного плана, А. П. Ермолов предложил вводить военные поселения без громкой огласки, предприняв следующие меры: «назначить войскам постоянные квартиры и предоставить им полную свободу сливаться с населением страны». Под давлением Аракчеева этот вариант был отвергнут и принято решение о создании замкнутой единицы в виде округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка. Структура округа синтезировала в себе опыт поселения Елецкого пехотного полка кануна Отечественной войны 1812 г. и граничарских поселений Австрии на турецкой границе⁵.

В это же время шла интенсивная разработка проектов «Учреждения» военных поселений пехоты и кавалерии⁶. Советский историк О. Д. Багалея-Татаринова, анализируя этот обширный и во многих отношениях чисто декларативный документ, попыталась установить его автора. Однако сделать это ей не удалось⁷. П. П. Евстафьев называет его проектом Аракчеева, не поясняя при этом — был ли сам Аракчеев его автором или только руководил процессом его создания⁸.

⁴ РО ГПБ, ф. 859 (Н. К. Шильдера), карт. 31, № 17, л. 53. Краткий обзор устройства военных поселений в России.

⁵ См.: Евстафьев П. П. Указ. соч., с. 41.

⁶ Проект учреждения о военном поселении пехоты. Ч. I—III. СПб., 1817.

⁷ См.: Багалея-Татаринова О. Д. Нарис з історії військових поселень на Україні. Проект військових поселень Аракчеева 1817 р.— Наукові записки-науково-дослідчої кафедри історії української культури. Харків, 1927, № 6, с. 133.

⁸ См.: Евстафьев П. П. Указ. соч., с. 41—43.

Анализ реляций, поданных Аракчеевым на высочайшее имя, позволяет утверждать, что автором этого, как и многих других законодательных документов по военным поселениям, был один из его ближайших помощников, впоследствии начальник второго отделения Дежурства штаба отдельного корпуса военных поселений статский советник И. Ф. Самбурский. Разделы «учреждения», касающиеся вопросов обучения и воспитания кантонистов, могли быть написаны генерал-майором Е. К. Сиверсом, который был хорошо знаком с передовыми западноевропейскими педагогическими идеями того времени.

В целом введение военных поселений было составной частью внутренней политики России, правительство которой подобными мерами стремилось стабилизировать обстановку в стране. В своем идеале новая система содержания и комплектования вооруженных сил должна была в значительной мере сократить государственные расходы на содержание армии, ликвидировать рекрутские наборы в мирное время и тем самым дать толчок к ускорению развития производительных сил страны. Кроме того, по мнению А. В. Предтеченского, создавая зажиточное военно-земледельческое сословие, самодержавие пыталось расширить свою социальную базу⁹.

Новгородская губерния не случайно была избрана для поселения пехоты. Здесь проживало значительное количество государственных крестьян, намечаемых к переводу в военные поселение, хорошо были развиты земледелие и скотоводство. Губерния была богата запасами строевого леса, имела развитую систему водных и сухопутных коммуникаций¹⁰. Немаловажное значение, на наш взгляд, имела близость столицы и Грузинской вотчины Аракчеева. Учитывались и стратегические факторы — прикрытия границы, основные операционные направления на случай военных действий, дислокация 1-й армии, в полосу которой входили Новгородские поселения.

По утверждению дореволюционной историографии, военные поселения создавались очень быстрыми темпами, и к 1826 г. только в Новгородской губернии было поселено 90 (!?) батальонов пехоты, 3 артиллерийские бригады и саперный батальон¹¹. Используемые нами архивные материалы позволяют внести в данный вопрос существенные коррективы. Приступая к созданию поселений на новой основе¹², правительство Александра I решило ввести на территории будущих округов кадры (некомплектные подразделения) вторых батальонов полков 1-й гренадерской дивизии (600—700 нижних чинов). Затем предполагалось дополнить их до штатного расписания (1000 нижних чинов) за счет местных жителей и сформировать таким образом поселенные батальоны. По мере своего устройства каждый поселенный батальон должен был принять на постой и продовольственное обеспечение остальные два батальона полка, которые назывались «действующими»¹³.

⁹ См.: Предтеченский А. В. Брошюра М. М. Сперанского «О военных поселениях». — Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 265.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 16. Большое описание волостей Новгородской губернии (1817).

¹¹ См.: Богданович М. И. Указ. соч., т. VI, с. 113; Щербальский П. Г. Указ. соч., с. 488; Шепетильников В. В. Комплектование войск в царствование императора Александра I.—Столетие Военного министерства 1802—1902, т. IV, ч. 1, кн. 1. СПб., 1902, с. 114.

¹² При поселении Елецкого полка в феврале 1812 г. местные жители были полностью выселены с территории округа.

¹³ В данный период полки были трехбатальонного состава.

5 августа 1816 г. последовало несколько высочайших указов на имя начальника главного штаба, министра внутренних дел, министра финансов и новгородского гражданского губернатора о назначении второго батальона гренадерского графа Аракчеева полка для поселения в Высоцкой волости Новгородского уезда¹⁴. Получив название поселенного, батальон под командованием майора Ф. фон Фрикена 30 августа того же года выступил из столицы к месту поселения. Высоцкая волость изымалась из ведения гражданских властей и переходила в военное ведомство. С крестьян прекращался сбор государственных податей¹⁵.

По истечении некоторого времени «вживания», 18 апреля 1817 г. гренадерский графа Аракчеева полк и крестьяне Высоцкой волости «с их землями» были переведены в военное поселение¹⁶. 21 июля 1817 г. Перновский (20 июня 1818 г. переименован в гренадерский наследного принца прусского) полк, а с 12 августа того же года остальные полки 1-й гренадерской дивизии — гренадерские императора австрийского и короля прусского, а также 1-й и 2-й карабинерные — назначались для поселения в Новгородской губернии, куда и выступили кадры их вторых батальонов. После проведения ряда подготовительных мероприятий и соответствующей подготовки местных жителей к переходу в военное состояние, основанному на «Правилах», утвержденных 11 мая 1817 г., последовали указы о поселении полков 1-й гренадерской дивизии и формировании округов их поселений¹⁷. Каждый поселенный батальон территориально составлял округ поселения своего полка и являлся его административно-хозяйственным ядром. Таким образом, четыре гренадерских и два карабинерных полка 1-й гренадерской дивизии образовали округа поселения в пяти волостях Новгородского уезда по правому берегу реки Волхова и в бассейнах рек Мсты, Мшаги и Питьбы.

Как мы видим, перевод крестьян в военное поселение не был единовременным актом и продолжался от назначения батальона на поселение до издания указа о поселении полка и выделения для этого определенной волости. Только после этого и начинался собственно процесс «обмундирования» коренных жителей. Данный фактор не учитывался в историографии военных поселений¹⁸.

Весной 1818 г. из поселенных батальонов была сформирована временная бригада под командованием генерал-майора Б. Я. Княжни-на. По штатному расписанию поселенный батальон включал четыре поселенных роты, которые отстраивались отдельными поселками. Каждая рота, за исключением непоселенных нижних чинов, включала 12 поселенных унтер-офицеров и 216 рядовых поселян-хозяев.

В 1818—1819 гг. в Новгородских поселениях начались большие строительные работы. С целью сокращения государственных издержек по предложению Аракчеева вначале были сформированы два военнорабочих батальона, а затем к местам работ были переведены кадры вторых батальонов 2-й и 3-й гренадерских и ряда пехотных дивизий

¹⁴ ПСЗ, т. XXXIII, № 26389.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 163, л. 2. Копия высочайшего указа на имя Д. А. Гурьева от 5 августа 1816 г.

¹⁶ ПСЗ, т. XXXIV, № 26803.

¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 17—21. Грамоты о поселении полков в Холынской, Медведской, Пидебской и Хутынской волостях Новгородского уезда.

¹⁸ См.: Петров А. Н. Устройство и управление военными поселениями в Рос-сии.— Граф Аракчеев и военные поселения. СПб., 1871, с. 90.

1-й армии. Поселенные батальоны и войска, находившиеся на работах, составили Новгородский отряд военных поселений под командованием Княжнина (с июня 1820 г.— генерал-майора П. А. Угрюмова). Войска, находившиеся на работах, хотя и подчинялись командованию Отдельного корпуса военных поселений, но к составу поселенных не могут быть отнесены, поскольку не имели округа поселения и использовались исключительно на строительных и мелиоративных работах.

В период создания округов поселений их население, включая и прибывшие войска, составляло 4—4,5 тыс. человек в каждом. Исключение составлял лишь округ графа Аракчеева полка, где проживало только 2,5 тыс. человек. Все население округов 1-й гренадерской дивизии составляло около 23,5 тыс. человек¹⁹. К 1825 г. население данных округов увеличилось на 22% и составило 30 тыс. человек. За счет естественного прироста оно увеличилось не более чем на 10%, остальной рост произошел за счет активного перевода в округа солдат из других подразделений армии²⁰.

Таким образом, было бы ошибкой ограничивать процесс формирования округов 1-й гренадерской дивизии только периодом 1816—1818 гг.²¹, когда, по сути, он только начинался. На наш взгляд, полное поселение полка заканчивалось только после присоединения действующих батальонов к поселенному. В свою очередь, данный процесс в Новгородских поселениях зависел в основном от темпов строительства жилья и полного наделения поселян-хозяев пахотной землей и продолжался с 1820 по 1826 г.

К поселенным подразделениям с полным основанием можно отнести ряд вспомогательных частей, которые создавались по мере устройства округов дивизий. С мая 1820 г. при каждом поселенном батальоне были сформированы поселенные фурштатские роты²².

В апреле 1822 г. было утверждено «Положение о поселении саперного батальона гренадерского корпуса»²³, по которому на части земель округов гренадерских короля прусского и наследного принца прусского полков создавался округ данного батальона.

В феврале 1824 г. было принято решение о создании округов поселения 2-й и 3-й гренадерских дивизий в Старорусском уезде Новгородской губернии. Вторые батальоны этих дивизий вместе с подразделениями, находившимися на работах, составили Старорусский отряд военных поселений (командир — генерал-майор С. И. Маевский). Под поселение переходили 10 волостей (34 тыс. ревизских душ)²⁴. Старая Русса была выведена из подчинения гражданским властям с предоставлением статуса военного города²⁵. В феврале же поселенные полки стали четырех-

---

¹⁹ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 6, л. 10—11. Строевые записки по поселенным батальонам 1-й гренадерской дивизии за 1818 г.

²⁰ Там же, д. 328. Сведения к годовому отчету по военным поселениям за 1824 г.

²¹ См.: Евстафьев П. П. Указ. соч., с. 63—64; Левинтов Н. Военные поселения в России XIX в.— Исторический журнал, 1940, № 6, с. 117.

²² ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 59, л. 241—307. Положение о поселенных фурштатских ротах для поселенных пехотных полков.

²³ Там же, д. 121, л. 110—119 об.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 601, л. 37—67. Ведомости о числе душ в экономических вотчинах Старорусского уезда в 1824 г.

²⁵ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 1183. Копия указа из Правительствующего сената на имя А. А. Аракчеева.

батальонного состава — добавлялся учебный батальон, в котором проходили подготовку кантонисты перед поступлением на службу в действующие батальоны²⁶.

Анализируя итоги развития военных поселений к концу царствования Александра I, ряд исследователей пришли к выводу, что система военных поселений в это время включала треть всей русской армии (374 430 чел.) и состояла из 148 батальонов пехоты, 240 эскадронов кавалерии, 38 фушштатских рот и 14 артиллерийских бригад²⁷. В. В. Щепетильников, а вслед за ним Л. П. Богданов полагали, что эта цифра составляла 160 тыс.²⁸ По нашим подсчетам, число военных поселян (поселяне-хозяева + постояльцы) не превышало 131 тыс.²⁹ Поскольку на данном этапе развития военных поселений поселяне-хозяева проходили строевую подготовку, они с полным основанием могут быть отнесены к строевому составу армии. Следовательно, к концу царствования Александра I удельный вес поселенных войск в русской армии не превышал 14–15%, что в два раза меньше, чем принято считать в историографии военных поселений.

Такая разница в количественных данных, а также отнесение к поселенным войскам значительного числа подразделений происходит, на наш взгляд, из-за неправильного понимания таких категорий, как «поселенные войска» и «военные поселяне». К категории поселенных необходимо относить лишь те подразделения, которые имели округ поселения, стремились к переходу на собственное продовольствие и самовосполнялись за счет кантонистов. Учитывая данные критерии, Новгородские поселения в 1825 г. включали: 6 поселенных и 12 действующих батальонов 1-й гренадерской дивизии, 12 поселенных батальонов 2-й и 3-й гренадерских дивизий и 2 поселенных роты саперного батальона.

60 кадров батальонов 1, 2-го и 3-го пехотных корпусов, 3 военно-рабочих батальона и 14 артиллерийских рот (но не бригад) не могут быть отнесены к категории поселенных, хотя и были подчинены командованию Отдельного корпуса военных поселений. Можно только предположить, что эти подразделения со временем могли быть переведены в разряд поселенных, поскольку комплектовались из солдат, имевших навыки земледельческого труда, физически здоровых и «беспорочного поведения».

Николай I в рескрипте на имя Аракчеева от 19 декабря 1825 г. писал: «...Императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военные поселения для пользы государства нашего... Предполагая и вменяя себе в обязанность поддерживать устройство начатого дела, я надеюсь, что вы будете вспомоществовать в оном»³⁰. Таким образом, несмотря на то, что новый император неприязненно относился к военным поселениям и Аракчееву, провозглашался курс на развитие поселенной системы, поскольку затраченные на них средства были слишком велики, а поселения кавалерии почти полностью обеспечивали себя продовольствием и фуражом.

После инспекционной поездки по ряду округов весной—летом 1826 г. Николай I решил произвести их частичную реорганизацию. В первую

²⁶ Там же, д. 226, л. 273, 445—464.

²⁷ См.: Карцов П. П. Указ. соч., с. 112.

²⁸ Щепетильников В. В. Указ. соч., с. 114; Богданов Л. П. Военные поселения.— Вопросы истории, 1980, № 2, с. 181.

²⁹ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 2, д. 596, 619. Строевые смотры полков.

³⁰ Там же, оп. 1, л. 328, д. 652—652 об.

очередь было решено преобразовать Новгородские поселения, в которых переход на собственное продовольствие был очень медленным и болезненным. 19 ноября 1826 г. (годовщина смерти Александра I также подчеркивает преемственность политики в данном вопросе) было утверждено и объявлено в войсках «Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях»³¹, которое в значительной мере изменило структуру поселенного пехотного полка.

Основные положения данной реформы, касающиеся строевого состояния поселенных войск, можно свести к следующим моментам. Каждый поселенный пехотный полк состоял теперь из четырех батальонов — двух действующих, одного резервного и поселенного. Поселяне-хозяева освобождались от строевой службы, и их количество в поселенных батальонах удваивалось. Эта мера предпринималась с той целью, чтобы каждый поселянин-хозяин содержал не двух, а одного постояльца. П. П. Евстафьев почему-то полагает, что теперь они должны были содержать по три постояльца³². Т. Д. Липовская также трактует удвоение числа поселян-хозяев как ухудшение их материального положения³³. Авторы не учитывали того факта, что удвоение числа хозяев производилось при удвоении площади пахотных земель в округе. Вот почему Николай I предписал И. И. Дибичу: «...в округах 2-й и 3-й гренадерских дивизий... образовать округа 2-й гренадерской и гренадерской артиллерийской дивизий. После сего наименование поселенных батальонов 3-й гренадерской дивизии уничтожить»³⁴. Поскольку площадь округов поселения артиллерийской дивизии была значительно меньше площади округов поселений 3-й гренадерской дивизии, то подавляющая часть последней и послужила для удвоения пахотной земли во 2-й гренадерской дивизии.

По новому штатному расписанию в поселенных батальонах числилось по 1824 поселянина-хозяина. Непоселенные нижние чины переводились в резервные батальоны, которые в строевом отношении должны были заменить поселенные и состояли из 240 старослужащих солдат и 552 кантонистов старшего возраста (16—18 лет).

В связи с началом поселения артиллерии было утверждено «Положение о военном поселении пешей артиллерии», разработанное еще в 1823 г. генерал-майором А. Х. Эйлером при участии инженер-майора Г. С. Батенькова³⁵. Но тогда Эйлеру удалось убедить императора в целесообразности создания поселения артиллерии, поскольку это было сопряжено с трудностями обучения поселян из коренных жителей артиллерийскому делу³⁶.

Согласно данному «Положению», создавался округ поселения гренадерской артиллерийской дивизии, хозяйственным ядром которой являлась поселенная артиллерийская бригада. По мере своего устройства она должна была принять на постой, содержание продовольствием и комплектование 1, 2-ю и 3-ю гренадерские артиллерийские бригады. Поселенная бригада состояла из шести артиллерийских и одной фурушатской рот. Артиллерийская рота включала 504 поселянина-хозяина, фурушатская — 132.

³¹ Там же, д. 383, л. 359—391.

³² См.: Евстафьев П. П. Указ. соч., с. 81.

³³ См.: Липовская Т. Д. Указ. соч., с. 32.

³⁴ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 383, л. 409.

³⁵ Там же, л. 435—446.

³⁶ См.: Эйлер А. Х. Записки.— Русский архив, 1880, кн. 2, с. 378.

В феврале 1827 г. император подписал грамоты о поселении полков 2-й гренадерской (дивизионный начальник генерал-лейтенант П. А. Полуектов) и гренадерской артиллерийской (командующий артиллерией корпуса генерал-лейтенант А. П. Никитин) дивизий на новых «основаниях».

Сложнее обстояло дело с реорганизацией округов 1-й гренадерской дивизии, где уже сложилась структура поселения и завершалось строительство ротных поселков. Для удвоения состава крестьян-хозяев необходимо было изыскать дополнительные земли. Был разработан план увеличения территории округов дивизии, однако реализовать его не удалось, поскольку запасы государственных земель, примыкавших к округам, были исчерпаны, а помещики отказались продавать имения. Кроме того, расширение округов потребовало бы новых значительных затрат на проведение строительных и мелиоративных работ.

Учитывая данные факторы, правительство приняло решение о реорганизации только округов карабинерных полков дивизии. На территории двух прежних округов создавался округ поселения 1-го карабинерного полка, а для поселения карабинерного фельдмаршала князя Барклая де Толли полка (бывший 2-й карабинерный) отводились удельные Коростынская и Бурегская вотчины, в которых проживало 5656 душ мужского пола³⁷.

В связи с образованием округов 1-й и 2-й пионерных бригад в Могилевской и Витебской губерниях, округ поселения саперного батальона был ликвидирован и в виде резервной роты присоединен к округу гренадерского короля прусского полка³⁸. На территории бывшей Свинорецкой волости и ряда деревень, купленных у графини А. А. Орловой-Чесменской, в 1828—1829 гг. был образован округ военных работников в составе двух рот.

В 1828 г. 3-я гренадерская дивизия была выведена из состава 1-й армии и подчинена командующему гренадерским корпусом генералу от инфантерии кн. И. Л. Шаховскому. Разрабатывался проект ее поселения в С.-Петербургской и Псковской губерниях. В 1829 г. Николай I составил записку о переводе 25 тыс. государственных крестьян м. п. Смоленской губернии в военное поселение и комплектовании ими 2-го пехотного корпуса³⁹. Однако данным планам не суждено было реализоваться, поскольку в 1830 г. началось польское восстание и гренадерский корпус выступил в поход.

После подавления восстания военных поселян 1831 г. округа поселений гренадерского корпуса были преобразованы в округа «пахотных солдат», структура и управление которыми значительно отличались от структуры и управления округов военных поселений.

С 1826 по 1831 г. не наблюдался значительный территориальный рост Новгородских поселений (присоединено 3 волости и ряд отдельных селений), т. е. в масштабе полков и тем более дивизий новые поселения не создавались. И тем не менее поселение гренадерского корпуса было самым крупным во всей поселенной системе (10 837 кв. верст) и включало треть всей ее территории (32 007 кв. верст)⁴⁰. На данном этапе

³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 2, д. 6.

³⁸ Там же, оп. 2, д. 537, л. 80. Высочайший указ на имя И. И. Дибича от 1 марта 1828 г.

³⁹ Там же, д. 1453, л. 1—10.

⁴⁰ Там же, д. 6933, л. 269. Отчет по военным поселениям за 1831 г.

отмечается быстрый рост населения округов гренадерского корпуса: со 114 099 душ обоего пола в 1826 г. до 151 924 — в 1831 г., а по всем военным поселениям — с 374 480 до 573 700 (без учета состава действующих батальонов)⁴¹.

Следовательно, население округов гренадерского корпуса увеличилось на 33,2%, а всех военных поселений — на 53,2%. Если учесть, что естественный прирост по всем округам не превышал 1—1,5% в год, то за счет данного фактора общий прирост с учетом коэффициента ежегодного увеличения населения не мог превысить 9—10%. Оно увеличилось в основном за счет активного переселения родственников поселян из армии и гражданского ведомства, кантонистов военно-учебных заведений, покупки имений и выкупа у помещиков детей солдат и поселян.

Необходимо также отметить, что в результате реформы 1826 г. поселене-хозяева, прекратившие строевую подготовку, стали причисляться к нестроевому составу армии. Тем самым удельный вес поселений в строевом составе армии сократился до 9,4% (77,5 тыс. нижних чинов действующих и резервных батальонов и эскадронов)⁴². Выигрыш в хозяйственной сфере повлек потери в численном составе боеспособных войск.

Анализ структуры и динамики Новгородских поселений позволяет сделать вывод, что исследователи несколько преувеличивали темпы роста территории и населения, неправомочно причисляя к ним подразделения, не имевшие оседлости, т. е. смешивали понятия «поселенные войска» и «Отдельный корпус военных поселений». По нашим подсчетам, в 1831 г. в Новгородских поселениях дислоцировалось поселенных войск: 12 поселенных, 24 действующих и 12 резервных гренадерских и карабинерных батальонов; 1 поселенная и 3 действующие гренадерские артиллерийские бригады; гренадерская фуришатская бригада и округ военных работников. Непоселенные войска, подчиненные Главному штабу е. и. в. по военному поселению, включали: 6 резервных батальонов 3-й гренадерской дивизии; 36 кадров батальонов 1-го и 2-го пехотных корпусов; 8 полевых артиллерийских рот; 3 военно-рабочих батальона и 3 роты 5-го ластового экипажа. Общая численность населения и войск в округах Новгородских военных поселений к 1831 г. составляла примерно 200 тыс. человек.

Следовательно, если на первом этапе развития поселений (до 1827 г.) наблюдается их значительный территориальный рост, то на втором этапе (до 1831 г.) быстро растет население. Данная особенность выпала из поля зрения исследователей, поэтому основной процесс развития поселений относился ими только к 1816—1825 гг.

Сложная и разветвленная система военных поселений требовала совершенно нового законодательства и структуры управления. В одной воинской единице необходимо было соединить и боеспособное подразделение и хорошо отлаженный хозяйственный механизм, способный обеспечить поселенные войска продовольствием, фуражом и рекрутами. Основным директивным документом, отразившим цели военных поселений, правила перехода коренных жителей в военное состояние, права и обязанности различных категорий военных поселян, стало «Учреждение о военном поселении», разработанное отдельно для пехоты и для кав-

⁴¹ Там же, д. 155, 771, 1469, 1758, 1960. Отчеты по военным поселениям и подготовительные материалы к ним; статистические сведения Главного штаба е. и. в. по военному поселению; строевые рапорты.

⁴² Там же, д. 1463, л. 29—34. Статистические сведения, собранные вторым отделением Дежурства Главного штаба е. и. в. по военному поселению.

лерии. К 1831 г. в общей сложности было принято и имело силу около 250 нормативных документов, не считая приказов регулирующего характера.

В 1823—1825 гг. по инициативе Александра I была предпринята попытка кодификации этого значительного законодательного и инструктивного материала. После консультации А. А. Аракчеева с М. М. Сперанским в 1823 г. была создана Комиссия по составлению проекта Учреждения о военных поселениях в составе инженер-генерал-майора Ф. А. Бухмейера, статского советника И. Ф. Самбурского и инженер-майора Г. С. Батенькова (последний был рекомендован к переводу в военные поселения Сперанским)⁴³. В обязанности этой комиссии входили сбор и систематизация всего законодательства по военным поселениям. По мере готовности отдельных частей «Учреждения» они должны были вноситься на рассмотрение особого Комитета, куда входили Аракчеев, Сперанский и П. А. Клейнмихель. Комиссия не успела завершить свою работу — после ухода Аракчеева и в связи с реформой 19 ноября 1826 г. она прекратила свою деятельность. Единственным практическим результатом занятий Комиссии осталось «Введение к учреждению военных поселений», написанное Сперанским⁴⁴, которым он хотел «хотя бы несколько примирить с ними (военными поселениями.— К. Я.) общественное мнение»⁴⁵.

В 1830 г. в связи с изданием Общего свода военных постановлений было принято решение поручить Комитету (председатель — И. Ф. Самбурский) «предварительно собрать все общие постановления до военных поселений относящиеся, с самого учреждения военных поселений до сего времени изданные и имеющие ныне свое действие»⁴⁶. Реорганизация военных поселений после восстания военных поселян 1831 г. в очередной раз не позволила завершить начатую работу.

Организационная структура военных поселений, которая во многом совпадала со структурой армии, значительно предопределила и систему их управления в период 1816—1831 гг. Отличительной чертой как центральных, так и местных органов управления поселениями было сочетание в них как чисто военных функций (боевая подготовка войск), так и хозяйственных (организация строительства, транспорта, промышленности и сельского хозяйства). В принципе они в некоторой степени синтезировали функции двух главных органов управления всей армии — Главного штаба и Военного министерства.

Первыми стали создаваться местные органы управления, поскольку командиры поселенных рот, батальонов и полков не могли единолично с успехом руководить разнородными по своему характеру видами деятельности. С этой целью были образованы ротные комитеты и комитеты полковых управлений, которые занимались в основном вопросами хозяйственного развития округов. Комитеты полковых управлений 1-й грена-

---

⁴³ РО ГПБ, ф. 29, карт, 90, л. 200. Письмо М. М. Сперанского А. А. Аракчееву от 22 ноября 1822 г.

⁴⁴ В историографии оно известно под названием «О военных поселениях» (СПб., 1825).

⁴⁵ Корф М. Жизнь графа Сперанского, т. II. СПб., 1861, с. 282.

⁴⁶ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 2, д. 1983, л. 2. Предписание П. А. Клейнмихеля И. Ф. Самбурскому от 27 марта 1830 г.

дерской дивизии были образованы весной 1818 г., т. е. непосредственно после прибытия поселенных батальонов к местам расквартирования⁴⁷.

Ротные комитеты создавались «для частного разбора между военных поселян», т. е. с целью разрешения спорных правовых и хозяйственных вопросов между поселянами-хозяевами. Ротные комитеты состояли из одного унтер-офицера и трех рядовых, которые избирались поселянами-хозяевами и утверждались командиром поселенного батальона. Структура и функции комитета полкового управления были значительно сложнее: в него назначались — командир поселенного полка (председатель), командир поселенного батальона, полковой священник, командиры поселенных рот и два обер-офицера поселенного батальона. Все вопросы решались на общих собраниях большинством голосов. Комитет полкового управления был последней инстанцией для разрешения всех хозяйственных вопросов, исходящих от поселян-хозяев. Все делопроизводство сосредоточивалось в канцелярии, состоявшей из двух отделений и архива. Комитет являлся одновременно и совещательным и исполнительным органом при полковом командире.

Центральные органы военных поселений начали складываться через несколько лет после их введения. Объясняя императору причины данного факта, А. А. Аракчеев писал: «Я с намерением отлагал оное, дабы из опытов двухлетнего производства дел посредством штаба почерпнуть правила, сообразные действиям сего управления, столь же нового, как и обширного и многосложного»⁴⁸.

С началом массового строительства в округах, повлекшим значительные закупки и заготовки материалов и инструментов, привлечение больших масс войск, 25 августа 1817 г. был учрежден Комитет о строениях в округе графа Аракчеева полка под председательством Ф. А. Бухмейера в составе: Б. Я. Княжнина, Ф. фон Фрикена и архитектора Л. Руско⁴⁹. По мере расширения строительных работ в 1818 г. была введена должность «Директора работ» со штатом чиновников и инженерных офицеров. На эту должность был назначен инженер-генерал-майор Л. Л. Карбоньер⁵⁰.

Однако и этот орган не смог в должной степени обеспечить нужды строительства ввиду большого объема финансовых операций. По предложению Аракчеева и Карбоньера был учрежден Экономический комитет военных поселений (председатель — Бухмейер)⁵¹. Экономический комитет состоял из присутствия и канцелярии. Присутствие составляли председатель комитета и три «непременных» члена. Канцелярия состояла из трех столов, каждый из которых соответственно занимался сбором законов и постановлений, касающихся устройства и развития военных поселений, а также расчетами по их финансированию; заготовкой и доставкой материалов и инструментов; контролем комитетов полковых управлений и составлением сводных отчетов по всем округам. Комитет был независим от «других учреждений и лиц» и подчинялся только Аракчееву.

---

⁴⁷ Там же, оп. 1, д. 33, л. 397, 484, 486. Рапорты Б. Я. Княжнина А. А. Аракчееву от 21 и 30 марта, 3 апреля 1818 г.

⁴⁸ Там же, д. 88, л. 232 об.

⁴⁹ Там же, д. 490, л. 7—12.

⁵⁰ Л. Л. Карбоньер участвовал в проектировании и строительстве манежа на Мокшовой в Москве.

⁵¹ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 39, л. 66—146. Проект положения для Экономического комитета военных поселений от 2 января 1819 г.

Таким образом, уже образованием Экономического комитета была заложена автономия военных поселений в сфере управления, при которой даже Главный штаб е. и. в. не вмешивался в их деятельность. Такая автономия стала возможной лишь благодаря особым взаимоотношениям императора и Аракчеева. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, заставляло все министерства и ведомства оперативно, насколько позволяли условия того времени, решать вопросы поставок материалов, оборудования и рабочей силы.

Уделяя большое внимание созданию хозяйственной структуры поселений, Аракчеев никогда не забывал и о боевой подготовке войск. До окончательного соединения поселенных и действующих батальонов в единые поселенные полки все воинские подразделения сводились в отряды. По мере такого соединения структура военных поселений начинала приобретать формы, принятые в армии, т. е. происходил переход к полковому, дивизионному и корпусному членению.

Для обеспечения оперативного управления поселенными войсками в 1819 г. была введена должность начальника штаба военных поселений, на которую был назначен флигель-адъютант полковник П. А. Клейнмихель. В феврале 1821 г. все войска, подчиненные Аракчееву, получили название Отдельного корпуса военных поселений⁵². А в марте того же года было утверждено «Положение» о штабе этого корпуса⁵³. В основу его было положено Учреждение для управления большой действующей армией, и структура определялась путем синтеза правил для устройства штабов отдельных корпусов с правилами Инспекторского департамента Главного штаба е. и. в. Штаб утверждался при главном над военными поселениями начальнике и подразделялся на 3 части: квартирмейстерскую (управлялась обер-квартирмейстером отдельного корпуса), дежурство (управлялось дежурным штаб-офицером) и экономическую (управлялась директором работ). Дежурство и экономическая часть подразделялись на отделения, а отделения — на столы.

Одновременно с образованием штаба «для рассмотрения по устройству военных поселений дел, требующих общего соображения», был создан Совет главного над военными поселениями начальника⁵⁴. Совет образовывался при Аракчееве и состоял из начальника штаба (председатель), председателя Экономического комитета и директора работ. Дивизионные и отрядные начальники приглашались на заседания Совета лишь когда находились в С.-Петербурге. По мере надобности приглашались также архитекторы, художники, смотрители казенных заводов и т. д. Позже в состав Совета были введены несколько «непременных членов» — генерал-майоры Бухмейер, Сиверс, Фабр и подполковник Батеньков.

Одновременно с центральными органами управления законодательное оформление получили органы управления средним звеном — штабы поселенных дивизий⁵⁵. Штаб поселенной дивизии сохранил в основном структуру штаба пехотной дивизии, определенную § 57 Учрежде-

---

⁵² См.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, ч. X. СПб., 1908, с. 62.

⁵³ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 88, л. 232—277.

⁵⁴ Там же, л. 279—283.

⁵⁵ Там же, л. 589—605. Образование дивизионного штаба поселенной дивизии.

ния для управления большой действующей армией. Однако в связи со спецификой функционирования в него вводились должности начальника работ, старшего адъютанта, офицера свиты е. и. в. по квартирмейстерской части, аудитора и бухгалтера. Основным принципом, по которому создавался штаб поселенной дивизии, заключался в возможности управления дивизией в случае выступления в поход ее действующей части. В данном случае одна часть штаба осуществляла оперативно-тактическое руководство во время боевых действий, а другая, оставаясь в округе поселения, управляла поселенной частью дивизии.

С приходом к власти правительства Николая I стала разрушаться автономия военных поселений. 30 апреля 1826 г. последовал рескрипт на имя Аракчеева, которым «удовлетворялась его просьба» о предоставлении ему отпуска с выездом за границу на лечение. Командование поселенными войсками временно вверялось Клейнмихелю, который был обязан «о делах важных», требующих «разрешения Главного над военными поселениями начальника... относиться» к начальнику Главного штаба. Следовательно, уже с данного момента началось постепенное подчинение военных поселений общему армейскому управлению.

Осенью 1826 г. произошла реорганизация управления военными поселениями. Комитеты полковых управлений и ротные комитеты оставались в прежнем виде. Реорганизация затронула только штаб Отдельного корпуса военных поселений. Учитывая сложную структуру штаба, которая не могла быть сведена в один департамент Главного штаба е. и. в., Николай I в высочайшем указе на имя И. И. Дибича от 30 октября 1826 г. предписал: «Штаб военных поселений с его начальником и Экономический комитет присоединяю к Главному моему штабу под начальство ваше, оставляя управление сих частей на точном основании их образования...»⁵⁶. Таким образом, бывший штаб Отдельного корпуса военных поселений стал ведомственным включением в Главный штаб е. и. в., получив права его большого департамента, и стал называться Главным штабом е. и. в. по военному поселению. Все исходящие бумаги его подписывались Дибичем и скреплялись Клейнмихелем.

Анализ динамики военных поселений свидетельствует, что в их истории периода 1816—1831 гг. можно выделить два этапа: первый — 1816—1826 гг. и второй 1827—1831 гг. На первом этапе они развивались по задуманной схеме, предполагавшей сочетание занятий строевой службой и ведения хозяйства. Практика поселений пехоты доказала нереальность данной идеи, и в результате некоторых преобразований конца 1826 — начала 1827 г. происходит частичный отрыв поселенной части округов от действующей. Задуманные как паллиативная мера для стабилизации социально-экономических противоречий, военные поселения так и не вышли за рамки старых феодально-крепостнических отношений.

После 1831 г. правительство было вынуждено «либерализовать» поселенную систему. Поселения пехоты были преобразованы в округа «пахотных солдат», история которых практически не изучена и требует специального рассмотрения.

---

⁵⁶ Там же, д. 409, л. 639.

В. А. ДЬЯКОВ

**РАЗРАБОТКА УЧЕНЫМИ ПНР
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (1945—1980)**

Ученые Народной Польши внесли значительный вклад в изучение методологических и теоретических проблем исторической науки. Это не раз констатировалось в нашей специальной литературе, правда, лишь мимоходом¹. Настоящая статья представляет собой обзор важнейших работ по методологии истории, большинство которых вышло в ПНР до 1980 г.

Польша — одна из немногих стран, имеющих специализированное издание по методологическим и теоретическим вопросам исторической науки — «Хисторыка. Студиа методологичне» (выходит с 1967 г.). В предисловии редакционной коллегии к первому из вышедших томов² говорится: «Начиная издание, мы надеемся, что в нем будут публиковаться концепционные статьи, разного рода информация по методологии и теории исторической науки, а также материалы дискуссий и полемики в этой области»³. Трудно сказать, полностью ли оправдались надежды редколлегии, но в целом издание представляет несомненный интерес для специалистов⁴.

Из других продолжающихся изданий чаще и регулярнее всего освещали проблемы методологии и теории исторической науки выпускаемые Познанским университетом «Студиа методологичне»⁵. Появление этого издания обоснованно связывается с именами Е. Топольского и А. Малевского⁶. Первый номер «Студий» вышел в 1965 г. с предисловием, написанным Е. Топольским, и его же программной статьей «Интеграционный смысл исторического материализма». В соответствии с высказанными в них исходными положениями «Студий» затрагивали не только проблемы методологии науки вообще, но и проблемы, связанные с ее историей.

Дьяков Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ См., в частности: Табачников Б. Я. Проблемы новейшей истории и методологии в журнале «Квартальник хисторычны» за 1970—1976 годы. — Новая и новейшая история. 1977, № 6, с. 181—187.

² Historyka. Studia Metodologiczne. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe (PWN), t. I, 1967; t. II, 1969. Последующие тома были выпущены издательством «Ос-солиннеум»: т. III — 1972 г., т. IV — 1974 г., т. V — 1975 г., т. VI — 1976 г., т. VII — 1977 г., т. VIII — 1978 г., т. IX — 1979 г., т. X — 1980 г.

³ Historyka, t. I, s. 3.

⁴ Более подробный обзор первых томов «Хисторыки», сделанный Е. Матерницким, см.: Kwartalnik Historyczny, 1974, № 1, s. 122—125.

⁵ Studia Metodologiczne. Zeszyty poświęcone integracji nauki. № 1—20. Poznań, 1965—1980.

⁶ Об этом и о содержании первых пяти томов «Студий» см.: Grabski A.-F. Studia Metodologiczne. — Kwartalnik Historyczny, 1969, № 3, s. 683—687.

В Польше, как и в других странах, теоретическими и методологическими проблемами исторической науки занимаются не только историки, но и представители других дисциплин, особенно философы и социологи. Речь идет, в частности, о работах Е. Вятра, А. Клоссовской, Я. Щепаньского, излагающих основные понятия марксистской социологии, и С. Свежавского, рассмотревшего с этих позиций историю философии⁷.

Крупнейший польский историк межвоенного периода М. Хандельсман, много и плодотворно занимавшийся методологическими вопросами, называл себя последователем принципов «критического реализма», в которых сочетались элементы неопозитивизма и неокантианства. Большинство польских историков того времени либо не было знакомо с историческим материализмом, либо относилось к нему негативно. При всем том марксизм постепенно пробивал себе дорогу в профессиональную историческую науку. Отмечая это, М. Г. Серейский в 1966 г. писал: «Несмотря на предостережение, критику и попытки подорвать доверие к марксистской теории, знакомство с материалистическим пониманием истории среди занимающихся историей и методологией расширилось. Разумеется, это стимулировало противодействие в форме развития идеалистической философии истории, которая должна была обезопасить историков от воздействия исторического материализма, являющегося составной частью революционного мировоззрения»⁸.

С первых лет существования Народной Польши началось переиздание лучших трудов польской историографии предшествующего периода, а также зарубежной, в том числе советской исторической литературы. Постепенно создавались специальные курсы лекций по методологии истории и технике исторических исследований, которые тогда были особенно необходимы, ибо преподавателям приходилось использовать унаследованную от межвоенного периода «Хисторыку» М. Хандельсмана, перевод изданного в начале века труда Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, а то и вышедшую в Лондоне в 1954 г. «Хисторыку» эмигранта С. Косцялковского. Постепенно на смену устаревшим пришли учебные пособия, в которых исторический процесс дается с позиций диалектического и исторического материализма. Это были появившиеся в 1959—1960 гг. книги Е. Матерницкого, В. Мощенской, вышедшие в 1963 г. работы Б. Миськевича и Е. Сэрчика⁹.

Параллельно и в тесной взаимосвязи как с потребностями вузовского преподавания, так и с нуждами самой исторической науки шло развертывание исследовательской работы по методологии истории. В 1958 г. вышла в свет книга В. Кули «Размышления об истории», которая была оценена польскими специалистами как первая «попытка расчислаться с вульгаризацией марксизма в теории исторического процесса»¹⁰. Представление о содержании книги дают названия ее отдельных разделов, например: «Специфика исторического познания»; «Исторический факт и оценка его соответствия действительности»; «Объяснение человеческих действий с помощью мотивировки различными формами заинтересованности»; «Почему стоит изучать историю?»; «В чем прелесть работы историка?»¹¹.

⁷ Wiatr J. Społeczeństwo. Wstęp do socjologii systematycznej. Wyd. 5 poprawione i uzupełnione. Warszawa, PWN, 1973; Klóssowska A. Z historii i socjologii kultury. Warszawa, PWN, 1969; Szczepański J. Socjologia. Rozwój problematyki i metod. Warszawa, PWN, 1969; Świeżawski S. Zagadnienie historii filozofii. Warszawa, PWN, 1966.

⁸ Serejski M.-H. Wstęp. W: Historycy o historii. 1910—1939. Warszawa, PWN, 1966, s. 20.

⁹ Maternicki J. Wstęp do badań historycznych. Warszawa, Wyd. Uniw. W-90, 1959; Moszczenska W. Wstęp do badań historycznych. Wyd. Uniw. W-90, 1960; Miśkiewicz B. Wstęp do badań historycznych. Poznań. Wyd. Uniw. im. A. Mickiewicza, 1963; Serczyk J. Podstawy badań historycznych. Toruń. Wyd. Uniw. im. Kopernika, 1963.

¹⁰ Maternicki J. Niektóre problemy teorii i metodologii historii.—Studia Źródłoznawcze, t. XV, 1971, s. 151.

¹¹ Kula W. Rozważania o historii. Warszawa, PWN, 1958. Продолжая разработку методологических проблем, В. Куля опубликовал впоследствии еще одну солидную монографию: Kula W. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963.

В 1960 г., т. е. одновременно с упоминавшимся выше учебным пособием В. Мошён-ской «Введение в исследовательскую работу историка», появилась книга А. Малевско-го и Е. Топольского «Исследование по методологии истории»¹². Это была первая в Польше попытка рассмотрения методологических проблем в соотношении с понятийным аппаратом общенаучной методологии. Оценивая книгу, Е. Матерницкий заявил: «Хотя авторам не удалось избежать определенных упрощений, достигнутые ими результаты оказались настолько обнадеживающими, что стимулировали дальнейшие усилия, идущие в том же направлении»¹³. А. Малевский (1929—1963) был по образованию фило-софом. Отдельно либо в соавторстве с Е. Топольским он опубликовал несколько содер-жательных статей о причинном объяснении в истории и о проблеме идиографичности исторической науки (1957), об эмпирическом смысле исторического материализма (1957—1958), о применении его метода в работах польских историков (1959)¹⁴.

Десятилетие 1958 и 1968 гг. отмечено большой активностью польских ученых в раз-работке методологии истории. По подсчетам Е. Матерницкого, общий перечень доста-точно весомых работ по данной проблематике, увидевших свет в то время, включает бо-лее 100 позиций¹⁵. Сложилась основная научная среда, где исследования велись осо-бенно активно. В определенной мере ими стали Краков и Лодзь. Однако подлинное лидерство разделили между собой Варшава и Познань. Именно в этих городах почти одновременно вышли в свет два обобщающих труда, которые подвели итоги сделанному и выявили специфику каждого из научных центров в подходе к исследуемой пробле-матике. Речь идет о больших (объемом свыше 40 печ. л.) монографиях В. Мошён-ской и Е. Топольского¹⁶, которые через короткое время были переизданы вторично¹⁷, а рабо-та Е. Топольского вышла еще и на английском языке¹⁸.

Ванда Мошёнская (1896—1974) принадлежала к старшему поколению историков Народной Польши¹⁹. Е. Матерницкий, написавший большую вводную статью ко второму изданию ее книги, отметил, что в послевоенный период она «безраздельно и с полным внутренним убеждением связала свою судьбу с новым польским государством, с социа-листической идеологией, с марксизмом»²⁰. Подготовленная В. Мошён-ской монография фактически явилась итогом ее научной и преподавательской работы в Варшавском университете, возобновленной осенью 1946 г.

---

¹² Malewski A., Topolski J. *Studia z metodologii historii*. Warszawa, 1960. Об этой и других названных выше работах см.: Дуткевич Ю. Теоретические во-просы исторической науки в трудах польских ученых (1945—1965).— Советское славя-новедение, 1966, № 5, с. 125—132.

¹³ Maternicki J. *Niektóre problemy...*, s. 151.

¹⁴ Malewski A., Topolski J. О wyjaśnieniu przyczynowym w historii.— *Kwartalnik Historyczny*, 1957, № 2; Malewski A. Zagadnienie idiograficzności historii.— *Ibid.*, № 3; Malewski A. Empiryczny sens teorii materializmu historycznego.— *Studia Filozoficzne*, 1957, № 2; 1958, № 5; Malewski A., Topolski J. *Metoda materializmu historycznego w pracach historyków polskich*.— *Ibid.*, 1959, № 6. Все эти работы вклю-чены в названный выше одотомник, где текстом А. Малевского предпосла-но введением Е. Топольским введение, подробно характеризующее жизненный путь и научное творчество этого автора.

¹⁵ Maternicki J. *Niektóre problemy...*, s. 151.

¹⁶ Moszczeńska W. *Metodologii historii zarys krytyczny*. Warszawa, PWN, 1956, 366 s.; Topolski J. *Metodologia historii*. PWN, 1968, 474 s.

¹⁷ Moszczeńska W. *Metodologii historii zarys krytyczny*. Wyd. 2, poprawione rozszerzone, do druku przygotował oraz wstępem poprzedził J. Maternicki. Warszawa, PWN, 1977, 556 s.; Topolski J. *Metodologia historii*. Wyd. 2, popraw. i uzupeł. Wars- zawa, PWN, 1973, 613 s.

¹⁸ Topolski J. *Methodology of History*. Warszawa—London. PWN—Reidel Publishing Co, 1976, 690 s.

¹⁹ См.: Maternicki J. Wanda Moszczeńska (3.IX.1896—18.I.1974).— *Kwartalnik Historyczny*, 1975, № 1, s. 236—239.

²⁰ Idem. Wandy Moszczeńskiej droga do metodologii historii. W: Moszczeń- ska W. *Metodologii historii...*, wyd. 2, s. 19.

Отмечая тесную взаимосвязь проблем теории и методологии истории, В. Мошенская сосредоточила свои усилия главным образом на вопросах, относящихся к процессу исследования в исторической науке. В предисловии к монографии по этому поводу говорится: «Тезис о рассмотрении методологических проблем в аспекте взаимозависимости теории и практики исторической науки, хотя он сам по себе бесспорен, не определяет места и роли, которые следует отвести в методологии истории, с одной стороны, теоретическим, а с другой — методическим вопросам. При этом в методологических исследованиях часто нарушаются надлежащие пропорции. Чтобы избежать этого, представляется необходимым считать исходным пунктом сам процесс исследований (...). Если в проводимом таким образом анализе исследовательского процесса на первый план выступают задачи и нужды практики, то одновременно и столь же определенно выявится зависимость методических положений от положений методологических, а этих последних — от взглядов на историческое познание и сам предмет, которым оно занимается. Как можно надеяться, это позволит полностью вскрыть методологическое содержание исследовательских действий и вместе с тем сделает очевидным двустороннюю связь методики исследования с идеологией, а методологии — с теорией исторической науки»²¹.

Такое понимание задач и предмета исследования определило структуру монографии В. Мошенской и ее основное содержание. Три первых раздела («Методология истории», «История — наука о событиях прошлого», «Предмет исторического исследования») содержат изложение взглядов автора на предмет исследования в исторической науке и в методологии истории, на соотношение между теорией и методологией исторической науки, между историей и другими общественными науками. Далее идет ряд разделов, посвященных выбору предмета исследования и первым этапам его осуществления: «Источниковая база», «Дефиниция и классификация исторических источников», «Логическая последовательность процесса исследования», «Выбор предмета исследования», а также разделы об источниковой эвристике, о внешней и внутренней критике выявленных источников. Характеризуя содержание книги В. Мошенской, Е. Матерницкий писал: «Наиболее оригинальным и ценным в ней как с теоретической, так и с практической точки зрения является анализ тех этапов исследовательского процесса, которые наступают после критики источников и предшествуют установлению исторического факта»²². При этом имелись в виду разделы: «Обработка эмпирических данных», «Установление отдельных фактов», «Эмпирические суждения в истории». Последующие этапы исторического познания рассматриваются в разделах: «Научно-исследовательский инструментарий историка», «Анализ и синтез в исторической науке», «Проблема исторического синтеза». Завершается книга итоговым разделом «Задачи методологии истории в свете перспектив развития исторической науки».

Эту книгу В. Мошенская считала началом более широко задуманного труда. Это обстоятельство подчеркнул Е. Матерницкий, давая общую оценку монографии: «В книге Ванды Мошенской многие вопросы оставлены открытыми, ибо она не старалась найти решение для всех затронутых проблем, а в одних случаях ограничивалась критикой существующих взглядов, в других делала шаг вперед и формулировала программу дальнейших исследований; вообще редко ставила точку над «i» и явно этого избегала»²³.

Действительный член Польской академии наук Ежи Топольский (род. в 1928 г.) — представитель первого послевоенного поколения польских ученых. Будучи историком, он всегда серьезно интересовался пограничными с историей проблемами философии и социологии. Плодотворно занимаясь конкретно-исторической проблематикой, Е. Топольский исследовал социально-экономическую историю Польши и Западной Европы в XVI—XVIII вв. Свою монографию «Методология истории» Е. Топольский, по его собственным словам, написал «как историк, который хочет реализовать призыв к интеграции

²¹ Moszczeńska W. Metodologii historii..., wyd. 2, s. 23—24.

²² Maternecki J. Niektóre problemy..., s. 152.

²³ Idem. Wandy Moszczeńskiej droga do metodologii..., s. 18.

науки»²⁴. Действительно, на страницах книги исторический подход более или менее органично сочетается с требованиями не только философии и социологии, но также информатики, семиотики, кибернетики. Предмет методологии истории трактуется в книге весьма широко. По убеждению Е. Топольского, это, во-первых, способы познания, применяемые в историческом исследовании, или «историческая наука, рассматриваемая как ремесло историка»; во-вторых, конкретные результаты исследования, или «историческая наука, воспринимаемая в виде суммы суждений относительно изучаемой области»; в-третьих, сам предмет исторической науки, т. е. историческая действительность²⁵.

Первая часть книги Е. Топольского озаглавлена «Методология и история»; в ней говорится о предмете науки вообще, о предмете методологии истории, об истории как науке и истории как прошлом человечества. В методологии истории Е. Топольский выделяет три самостоятельные области, которые соответствуют трем указанным выше сферам методологии истории. Первая из них — «прагматическая» методология, охватывающая способы познания, которые применяются в историческом исследовании; вторая — «апрагматическая» методология, или анализ полученных в результате исследования конкретных суждений; третья — «предметная» методология, которая, по словам Е. Топольского, должна перенести в сферу исторической науки философию истории, социологические теории общественного развития, а также некоторые выводы кибернетики и других научных дисциплин, могущие представлять интерес для истории²⁶.

Во второй части монографии, озаглавленной «Модели исторического исследования. Обоснование классификаций», сделана попытка обзора, систематизации и общей оценки всех тех методологических доктрин, которые существовали у историков с глубокой древности до настоящего времени. Изложение и осмысление огромного фактического материала, собранного здесь, ведется с учетом исторического развития, но в основном по логической схеме. Выделяются следующие идейно-теоретические направления, или подходы: прагматический (древность и средневековье), критический (XVI—XVIII вв.), эрудиционно-генетический (романтики и позитивисты в XIX в.), структурный (как антитеза позитивизма), логический (неопозитивисты — К. Поппер, К. Гемпель и др.) и диалектический. Историю диалектического направления Е. Топольский начинает, вслед за американскими авторами, с арабского историка XIV в. Ибн-Хальдуна, а одним из его продолжателей называет И.-Г. Гердера. О последующем этапе в монографии Е. Топольского говорится так: «Диалектическая модель, созданная Гегелем, а затем переработанная и интегрально включенная Марксом и Энгельсом в материалистическую философию, была средством познания только для немногочисленной тогда группы историков, связанных с развивающимся рабочим движением»²⁷.

Охарактеризовав значение основных положений исторического материализма для методологии истории, Е. Топольский последующий период характеризует так: «Исторические исследования, опирающиеся на диалектическую модель познания, приобретают в мире все более широкое признание. Кроме ученых социалистических стран, значительные группы историков в других странах высказываются за марксистскую интерпретацию исторического процесса и диалектический метод. Первыми писали историю в соответствии с диалектико-материалистической моделью деятели рабочего движения, в частности, наиболее выдающийся из них — В. И. Ленин (...). После второй мировой войны наступил период большого оживления научных поисков в этой сфере. Новым стимулом для развития диалектического направления в истории стало осуждение культа Сталина, вносившего догматизм в общественные науки»²⁸.

Во всем остальном структура монографии Е. Топольского подчинена тому трехчленному внутреннему делению методологии истории, о котором уже говорилось. Третья

²⁴ Topolski J. Metodologia historii. PWN, 1968, s. 10.

²⁵ Ibid., s. 24.

²⁶ Ibid., s. 25—29.

²⁷ Ibid., s. 135.

²⁸ Ibid., s. 147.

часть посвящена «предметной» методологии, в ней идет речь о понятии «исторический факт» и спорах вокруг него, о причинности в историческом процессе, об исторических закономерностях. «Прагматическая методология» освещается в четвертой и пятой частях, где говорится о характере исторического познания, «источниковом» и «внеисточниковом» знании, о критике и интерпретации исторических фактов, о количественных методах в истории, о процедуре объяснения и синтеза в исторической науке. В последней, шестой части, посвященной «апрагматической методологии», рассматриваются: характер и средства исторического описания, его язык, понятийный аппарат, говорится об исторических суждениях, оценках и выводах, о законах исторического процесса, о соотношении истории и социологии, о задачах исторической науки.

Вполне естественно, что одновременное появление монографий В. Мошёнской и Е. Топольского вызвало большой интерес научной общественности и многочисленные отклики как в ПНР, так и за ее пределами. Историкографическая комиссия Института истории ПАН в марте 1969 г. устроила обсуждение этих книг и всей затронутой в них проблематики. Кроме авторов на обсуждении выступили А.-Ф. Грабский, Я. Жарновский, З. Рогозинский, Е. Матерницкий. Председательствовал М.-Г. Серейский. Материалы дискуссии были опубликованы в журнале «Квартальник historyczny»²⁹. Вместе с другими откликами на рассматриваемые монографии эти материалы стали немаловажным шагом в разработке методологических проблем польскими историками. Обе монографии удостоились многих похвал. Были высказаны также и существенные критические замечания и соображения, оказавшие позитивное воздействие на дальнейшую разработку проблем методологии истории³⁰.

Открывая дискуссию, М.-Г. Серейский подчеркнул, что В. Мошёнская сосредоточила свое внимание на «исследовательских и познавательных действиях историка и подвергла критическому рассмотрению принятые понятия и термины, способы исследования, методологические установки (...). Для достижения максимальной краткости и логической последовательности изложения она избегает рассмотрения литературы предмета и вообще в этом смысле часто включает тормоза»³¹. А.-Ф. Грабский, отмечая существенные различия в содержании и целях двух исследований, также указывает на относительно узкое понимание В. Мошёнской предмета методологии истории и связанное с этим сосредоточение на практическом пересмотре того, что уже было сделано³².

Выступление Я. Жарновского было посвящено исключительно монографии Е. Топольского. Солидаризировавшись с автором в понимании предмета методологии истории, Я. Жарновский отметил наличие в книге некоторых терминологических неточностей и «ошибочных положений». В частности, термин «апрагматическая методология истории» он признал неудачным, а распределение вопросов между тремя частями методологии («предметной», «прагматической», «апрагматической») назвал иногда неточным, иногда вообще неосуществимым. В тех разделах, где речь идет о фактах исторических и историкографических, Я. Жарновский обоснованно указал на отдельные положения, которые «могут создать впечатление, будто Е. Топольский воспринимает действительность как хаотическую массу слабо очерчиваемых элементов»³³.

Е. Матерницкий попытался выделить наиболее общие характерные черты двух обсуждавшихся монографий. По его мнению, для книги В. Мошёнской характерна, во-первых, тонкость анализа, во-вторых, «далеко идущая осторожность в формулировании выводов». Е. Топольский, по словам Е. Матерницкого, дает ответы на многие трудные

---

²⁹ Nad metodologią historii — polemika. — Kwartałnik Historyczny, 1970, № 4, s. 879—905. Краткую информацию о дискуссии см.: Михайлова О. М. Польские ученые обсуждают методологические вопросы исторической науки. — Вопросы истории, 1972, № 2, с. 197—199.

³⁰ Nad metodologią historii — polemika, s. 905.

³¹ Ibid., s. 880.

³² Ibid., s. 894.

³³ Ibid., s. 895—896.

вопросы, которые прежде обходились специалистами. «Даже если эти ответы не являются наилучшими, они все же не утрачивают своей ценности, ибо могут служить исходным рубежом для дальнейшего исследования»³⁴.

Свою позицию Е. Матерницкий детализировал впоследствии в уже упоминавшейся статье «Некоторые проблемы методологии истории. В связи с книгой Ежи Топольского „Методология истории“». Статья является не только рецензией, но и своего рода мини-монографией, довольно подробно излагающей собственные воззрения рецензента. О содержании статьи можно судить по имеющимся в тексте подзаголовкам: «Понятие методологии истории, ее исследовательская сфера и внутренняя структура», «Теория исторического факта», «Характер исторического познания», «Историческая истина», «Научные гипотезы и теории», «Теория источникового знания», «Критика исторических источников», «Методы установления исторических фактов».

Одно из высказанных в статье соображений общего характера связано с принятым в книге Е. Топольского делением методологии истории на «прагматическую», «апрагматическую» и «предметную», обоснованность которого вызывает у Е. Матерницкого серьезные сомнения. По мнению рецензента, при таком делении трудно или невозможно найти в методологии истории место как для тематики «эмпиричности истории», так и для теории исторического процесса. Неудобным представляется рецензенту трехчленное деление, предложенное Е. Топольским, и с точки зрения чисто практической, ибо оно заставляет автора книги несколько раз возвращаться к одним и тем же вопросам. «Вообще говоря,— пишет Е. Матерницкий,— я убежден, что так называемая „апрагматическая методология“ совершенно не нужна в качестве особого раздела методологии истории. Все проблемы, которые Е. Топольский отнес к „апрагматической методологии“, могут быть с полным успехом рассмотрены в рамках „прагматической методологии“»³⁵.

Дискуссия в журнале «Квартальник хисторычны» отразилась на вышедшем по-смертно втором издании монографии В. Мошенской. Е. Матерницкий, который осуществил его подготовку, характеризуя сделанные дополнения и изменения, писал: «Нынешнее издание „Методологии“ ...отличается от издания 1968 г. довольно существенно. Сравнение опубликованного текста с рукописью позволило исправить многие более или менее важные ошибки, вкравшиеся в первое издание. На той же основе во многих местах восстановлена первоначальная редакция текста, отражающая мысли автора гораздо полнее, нежели опубликованная ранее версия»³⁶. Во второе издание введены два отсутствовавших ранее раздела—«Источниковедение как специальная область исследования» и «Проблема исторических понятий». Кроме того в приложениях воспроизведено семь статей В. Мошенской, публиковавшихся отдельно, но так или иначе связанных с содержанием ее основного методологического труда.

Второе издание «Методологии истории» Е. Топольского вышло из печати в 1973 г. без сколько-нибудь существенных изменений. До этого он выступил с некоторыми методологическими работами меньшего масштаба. На состоявшейся в апреле 1970 г. научной конференции в Познанском университете он сделал, например, доклад «Методология истории в произведениях В. И. Ленина»³⁷. В серии «Проблемы, полемики, дискуссия», выпускаемой издательством «Ксенжка и ведза», в 1971 г. вышла его брошюра «О достижениях исторической истины», которая представляет собой развернутую рецензию на книгу А. Шаффа «История и истина»³⁸. Наконец, в 1973 г. у Е. Топольского вышла в свет довольно объемистая и интересно написанная научно-популярная книга

³⁴ Ibid., s. 901—902.

³⁵ Maternicki J. Niektóre problemy..., s. 154.

³⁶ См.: Moszczeńska W. Metodologii historii zarys krytyczny. Warszawa. PWN, 1956, s. 19.

³⁷ Topolski J. Metodologia historii w dziełach Lenina.— W: Lenin a zagadnienia historii, języka i literatury. Poznań, Wyd. Uniw. im Adama Mickiewicza, 1971, s. 31—51.

³⁸ Topolski J. O dochodzeniu do prawdy w historii. Warszawa, KIW, 1971, 76 s.

«Мир без истории», в которой он весьма подробно рассмотрел вопрос о роли исторической науки в общественной жизни и ее месте в системе научного знания³⁹.

Из последующих работ Е. Топольского отмечу статьи об основных проблемах методологии истории и о «номотетическом» сознании историка⁴⁰. Особо следует назвать книгу «Марксизм и история», которая вышла в 1977 г., так или иначе вобрав в себя многие статьи, уже публиковавшиеся ранее⁴¹. Первая часть книги посвящена некоторым общеметодологическим вопросам, в частности классовой обусловленности исторических исследований, понятию «время» в исторической науке, возможности моделирования историком процессов экономического развития. Во второй части, озаглавленной «Проблемы марксистской теории исторического процесса», речь идет о кажущихся противоречиях действительности, которые снимает марксистская теория; о воздействии мыслей В. И. Ленина и его конкретных работ на историческую науку; о классовом характере исторического процесса. Третья часть книги содержит критику немарксистских концепций развития человеческого общества (М. Блока, Ф. Броделя, К. Леви-Стросса, М. Фуко, а также последователей концепций «психистории» и «антропологии культуры»). В последней, четвертой части разбирается несколько конкретно-исторических проблем, для решения которых успешно применялась марксистская методология. Разделы в ней озаглавлены: «Революция в новой и новейшей истории», «Экономическое развитие и формирование наций», «Элементы синтеза в истории городов», «Народная Польша — методологические проблемы ее истории», «Методологические основы региональных исследований в исторической науке», «Историки в отношении к социологии».

Хотя на книге отразилось включение в текст значительного числа работ, подготовленных в разное время для различных целей, она обладает внутренней цельностью и охватывает многие важные вопросы темы, обозначенной на обложке. «Главной мыслью книги,— писал Е. Топольский во введении,— является известное положение К. Маркса ... о том, что люди сами творят свою историю, но творят ее не в произвольно выбранных условиях, а в таких, которые они получили в наследство от прошлого. Эта главная мысль очерчивает и основные задачи книги. Они заключаются в интерпретации зависимостей, которые связывают действия отдельных личностей, групп людей, общественных классов с историческим процессом в целом»⁴². Рецензия, опубликованная в газете «Трибуна люду», дала этой работе Е. Топольского положительную оценку⁴³.

Рассмотрение тех научных результатов, которые содержатся в названных работах польских историков по методологии истории, целесообразно начать с понимания ими предмета исследования. Этот вопрос был отчасти затронут выше в связи с мартовской дискуссией 1969 г. Как материалы дискуссии, так и вся имеющаяся литература не оставляют сомнений в том, что расхождения по данному вопросу имеются не только между авторами двух обобщающих методологических монографий.

Наиболее горячим и последовательным сторонником точки зрения В. Мощеньской проявил себя Е. Матерницкий. Он отрицательно отнесся к тому широкому пониманию предмета методологии истории, которое дается в монографии Е. Топольского, «Не думаю,— заявляет Е. Матерницкий,— чтобы оно было правильно. Историческая наука как каждое общественное явление может быть предметом заинтересованности многих дисциплин (...). Объединение всех исследований, посвященных исторической науке, одним общим названием является ошибочным, ибо стирает разницу между вопросами собственно методологическими и всеми иными вопросами теории (философскими, социологическими, психологическими и т. д.). (...) Во всех случаях предмет исследования один

³⁹ I d e m. *Świat bez historii*. Warszawa, Wiedza Powszechna, 1972, 243 s.

⁴⁰ I d e m. *Podstawowe problemy metodologii historii*.— W: *Człowiek i nauka*. Warszawa, PWN, 1976, s. 297—311; i d e m. *O świadomości nomotetycznej historyków*.— *Studia Metodologiczne*, t. 17, s. 79—97.

⁴¹ I d e m. *Marksyzm i historia*. Warszawa, PIW, 1977, 468 s.

⁴² *Ibid.*, s. 7.

⁴³ *Kulesza M. Marksyzm wobec historii*.— *Trybuna Ludu*, 1977, 17.XI.

и тот же — историческая наука. Разница заключается в иной ориентации познавательного процесса. Специалист по методологии истории интересуется прежде всего применяемыми историком способами исследования, преимущественно в чистом виде (...). Остальные аспекты должны стать предметом изучения социологов и психологов (...). Надлежало бы также разграничить методологию истории и теорию истории»⁴⁴.

Точку зрения Е. Топольского поддержал во время мартовской дискуссии 1969 г. А.-Ф. Грабский. Позже он выступил со специальной статьей, в которой попытался определить то место, которое занимает в исторической науке ее теоретическая часть. «Во-первых,— констатировал он,— теорию в исторической науке можно понимать в смысле онтологическом (или метафизическом), т. е. как теорию самого предмета исторического познания — процесса общественного развития... Во-вторых, теорию ... можно понимать и в смысле эпистемологическом (гносеологическом), т. е. как теорию исторического познания (...). Насколько редко ставится под сомнение теория истории во втором значении слова, настолько же часто она спаривается в его первом значении»⁴⁵. Рассмотрев далее ряд конкретных примеров, относящихся к исторической науке различных эпох и различных стран, в том числе Польши, А.-Ф. Грабский сформулировал свое отношение к проблеме: «...Теория во втором из указанных выше значений находится в тесной зависимости от теории в первом значении и просто не существует за ее пределами. Ибо нельзя считать научно обоснованными взгляды того, кто провозглашает, будто истории вполне достаточно теории в эпистемологическом значении, так как многочисленные историографические примеры показывают, что ... за высказываниями такого рода всегда ставится (осознанно или неосознанно) какая-то онтологическая теория, какая-то философия истории»⁴⁶.

Думается, что обе системы аргументации имеют сильную и слабую стороны. Первая препятствует необоснованному отождествлению методологии истории с философией и социологией, но опасна тем, что может послужить исходным пунктом для недопустимого отрыва мировоззрения историка от тех приемов исследования, которыми он пользуется. Вторая, напротив, совершенно исключает противопоставления методологических установок ученого используемым им исследовательским приемам, но может толкнуть к отрицанию предметной специфики методологии истории, к неоправданному отождествлению ее с философией истории, с историческим материализмом.

Что касается актуальных и в советской науке споров о том, представители каких научных дисциплин имеют преимущественное право заниматься методологией истории⁴⁷, то такие споры идут и среди польских ученых. Авторы подавляющего большинства упомянутых выше методологических работ, решая этот вопрос в пользу историков, неизменно подчеркивают необходимость и реальную возможность их тесного сотрудничества с философами, социологами и т. д. Лакоично и с достаточной определенностью сформулировал их точку зрения Е. Матерницкий: «Методологией истории успешно может заниматься, пожалуй, только историк. Когда речь идет о теории исторического процесса, то необходимой становится и всесторонняя философская подготовка»⁴⁸.

Немало внимания в польской методологической литературе уделяется вопросу о месте истории в системе наук, о ее роли в общественной жизни. Этому вопросу посвящен ряд статей в периодических изданиях⁴⁹, о нем главным образом идет речь в упо-

⁴⁴ Maternicki J. Niektóre problemy..., s. 153.

⁴⁵ Grabski A.-F. Teoria i historia. Rozważania historiograficzne. — *Studia Metodologiczne*, t. 17 Poznań, Wyd. Uniw. im. Adama Mickiewicza, 1978, s. 5—6.

⁴⁶ Ibid., s. 30.

⁴⁷ Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 49—53; Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986, с. 26—27.

⁴⁸ Maternicki J. Niektóre problemy..., s. 154.

⁴⁹ См., напр.: Grzybowski K. Socjologia a historia. — *Historyka*, t. II, s. 30—37; Szymański S. O potrzebie stosowania metod filologicznych w badaniach historycznych. — *Historyka*, t. VII, s. 57—68; Szacka Z. Miejsce historii w świadomości współczesnego człowieka. — *Kwartalnik Historyczny*, 1975, № 2, s. 360—371; Kienie-

минавшей выше книге Е. Топольского «Мир без истории». Рецензируя ее, Я. Жарновский писал: «Работа Топольского является вкладом в дискуссию... о том, насколько необходимо историческое знание для современного мира и современной науки»⁵⁰.

В теоретико-методологических дискуссиях польских ученых не раз так или иначе затрагивался вопрос о понятии «общественно-экономическая формация» и его месте в исторической науке. Так, в рецензии на книгу «Мир без истории» Я. Жарновский упрекнул Е. Топольского в определенной недооценке методологической значимости этого понятия: «Как представляется, автор неправильно представил соотношение между устойчивой структурой и изменчивостью в историческом процессе. Боязнь обвинений в «структурализме» заставляла его подчеркивать динамический аспект, в связи с чем у него не хватило места для структурного аспекта, без которого вместо истории остается только густая сеть запутанных и малопонятных причинно-следственных связей. Ибо, излагая суть исторического материализма, никак нельзя пройти мимо теории общественно-экономических формаций, которая в историческом процессе как раз и представляет элемент структуры»⁵¹.

Думается, что некоторая недооценка теории общественно-экономических формаций действительно была свойственна тогдашним работам Е. Топольского. Подтверждением тому могут служить две его статьи, сначала опубликованные отдельно, а затем вошедшие в книгу «Марксизм и история». Одна из статей касается места революций в историческом процессе XVIII—XX вв., другая — роли экономического фактора в формировании буржуазных наций⁵². Статьи весьма любопытны по постановке вопроса, фактическому материалу и отдельным выводам теоретического характера. Однако в обоих случаях автор счел возможным обойтись без упоминания теории общественно-экономических формаций, хотя важнейшие из рассматриваемых им явлений органически связаны с переходом от одной формации к другой и только с учетом этого могут получить полную и всестороннюю оценку⁵³.

Отчасти указанное обстоятельство объясняется, вероятно, свойственной Е. Топольскому и не всегда точно дозируемой «логизацией» изложения, из-за которой в названных статьях на одну доску ставятся неоднотипные революции или сопоставляются этнонациональные общности, стоящие на различных этапах исторического развития. Надо отметить, что в более поздних работах Е. Топольского большое методологическое значение теории общественно-экономических формаций учитывается гораздо полнее. Так, в статье, посвященной общим закономерностям исторического процесса, он совершенно обоснованно заявил, что указанную теорию «надлежит признать одним из наиболее важных элементов адекватного действительности номотетического знания историка»⁵⁴.

Еще более показательна в этом смысле статья Е. Топольского «Современные методологические проблемы исторических наук». Касаясь состояния и перспектив изучения социально-экономических аспектов истории, он пишет в ней: «Важнейшей линией раздела здесь является несомненно отношение к историческому материалу, ибо социальная история может трактоваться и с каких-либо иных позиций. Главным критерием

---

wicz S. O etyce zawodu historyka.— Ibid., 1974, № 3, s. 517—527; Grabski A.-F. Historia wobec zagadnień świadomości współczesnego człowieka.— Ibid., 1978, № 2, s. 299—305; Karwacki W.-L. Wiedza historyczna w masach.— Ibid., s. 307—310.

⁵⁰ Żarnowski J. rec.: Jerzy Topolski. Świat bez historii.— Kwartalnik Historyczny, 1973, № 2, s. 410.

⁵¹ Ibid., s. 41.

⁵² Topolski J. Rozwój gospodarczy a formowanie się narodu.— Kwartalnik Historyczny, 1975, № 3, s. 531—539; idem. Rewolucje w dziejach nowożytnych i najnowszych.— Ibid., 1976, № 2, s. 251—267.

⁵³ См.: Барг М. А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI—XVIII вв.— Вопросы истории, 1975, № 9, с. 69—88.

⁵⁴ Topolski J. O świadomości nomotetycznej historyków, s. 92, 96.

раздела оказывается отношение к теории классов..., а также к теории общественно-экономических формаций, понимаемых в марксизме как глобальные модели исторического развития человеческого общества». Критикуя попытки создания буржуазной наукой «новых» концепций истории культуры, в частности путем введения понятия «цивилизация», Е. Топольский указывает, что в этом понятии «сохраняются противоречащие марксистской теории формаций реликты просветительно-позитивистской концепции прогресса», что действительно научную концепцию истории культуры могут предложить лишь историки-марксисты, «ибо только на почве марксизма существует теоретическая, а также и практическая возможность увязки истории культуры с социальной историей»⁵⁵.

Гносеологические вопросы методологии истории были довольно широко затронуты в пространной рецензии Е. Матерницкого на первое издание обобщающей монографии Е. Топольского. Одно из сделанных рецензентом замечаний относилось к провозглашаемому в монографии тезису о том, что все проблемы исторического познания являются в то же время и проблемами научного познания вообще. Е. Матерницкий, не возражая против этого тезиса по существу, настаивает, однако, на необходимости выделения особых характерных черт именно исторического познания. Никто, заявляет он, не может возражать против того, что такой чертой является его относительно большая опосредованность. Е. Топольский, как и некоторые другие, не только польские, авторы считает, что между историческими источниками и теми источниками данных, которыми пользуются ученые-естественники, с точки зрения гносеологии не существует принципиальной разницы. Не соглашаясь с этим, Е. Матерницкий пишет: «Всякие аналогии между опосредованностью познания у физика и у историка ошибочны. Приборы, которыми пользуется физик, являются чем-то иным, нежели источники, которыми пользуется историк»⁵⁶.

Ряд замечаний Е. Матерницкого касается того, что в монографии Е. Топольского сказано о применении научных гипотез и теорий в исторической науке. Рецензент считает практически бесполезной ту шестичленную классификацию научных гипотез, которую Е. Топольский вслед за Е. Гедыминном принял в монографии, и предлагает собственное их деление на три группы: 1) предварительные, 2) рабочие, 3) окончательные. Предварительные гипотезы, по мнению Е. Матерницкого, «имеют главным образом эвристические функции», рабочие гипотезы — это как бы «полуфабрикаты в работе историка», а окончательные гипотезы «исполняют одновременно роль научных суждений, отличаясь от них лишь меньшей степенью обоснованности». «Очевидно,— заявляет Е. Матерницкий,— каждая окончательная гипотеза может быть исходным пунктом для дальнейших исследований. В этом случае она изменяет свой статус и становится рабочей гипотезой». Говоря о научных теориях, Е. Топольский, по мнению Е. Матерницкого, допустил ошибку, пытаясь проанализировать какие-то конкретные суждения, не всегда обоснованно провозглашаемые теориями, но отказавшись фактически от выводов обобщающего характера, от определения того, что же можно считать теориями в исторической науке. «Уточняя понятие исторических теорий,— заявляет Е. Матерницкий,— можно было бы выявить не одну их особенность, а также очертить роль в исследовательской работе»⁵⁷.

Недостаточно ясными и плодотворными считает Е. Матерницкий положения Е. Топольского, относящиеся к содержанию и функционированию понятий «исторический факт»: «Как видно, автор отстаивает убеждение, что исторические факты не существуют объективно, а являются продуктом познающего их сознания. <...>Я не разделяю такой концепции». Однако несколько ниже Е. Матерницкий справедливо отмечает, что Е. То-

⁵⁵ *Idem*. Współczesne problemy metodologiczne nauk historycznych.— Kwartalnik Historyczny, 1974, № 3, s. 539.

⁵⁶ *Maternicki J.* Niektóre problemy..., s. 156.

⁵⁷ *Ibid.*, s. 158.

польский в своей монографии не всегда адекватно применяет собственные определения. «В дальнейших выводах,— заявляет рецензент,— автор неоднократно пользуется традиционным понятием исторического факта, видя в нем реально существующую частичку исторической действительности»⁵⁸.

Серьезные расхождения обнаружили между Е. Матерницким и Е. Топольским в понимании «источникового» и «внеисточникового» знания. Примененная Е. Топольским классификация исторических источников, по мнению Е. Матерницкого, «грешит отсутствием точности в понятиях и многими противоречиями». Что касается «внеисточникового» знания, то Е. Матерницкий считает, что, обоснованно критикуя позитивистский эмпиризм, приводящий к абсолютизации роли источников в историческом познании, Е. Топольский «впадает в противоположную крайность и абсолютизирует внеисточниковое знание»⁵⁹.

Вышеизложенное не претендует на исчерпывающую полноту, но представляется достаточным для того, чтобы стала очевидной весомость того вклада, который внесли ученые ПНР в разработку методологических и теоретических проблем марксистской исторической науки. Что касается перспектив и планов дальнейшего изучения методологии истории, то их попытался обрисовать Е. Матерницкий. В его статье, опубликованной в 1975 г., названы, в частности, следующие задачи: критический анализ специальной литературы с учетом школ и направлений, имеющих доминирующее значение в мировой науке; разработка проблематики исторического познания, включая вопросы интерпретации и оценки фактов, а также движущих сил и путей развития исторической науки; изучение вопросов, связанных с применением количественных методов и электронно-вычислительных машин в истории; дальнейшее развитие теоретического источниковедения; подготовка учебного пособия по методологии истории для университетов⁶⁰.

Общественно-политический кризис 1980—1982 гг. отрицательно сказался на развитии марксистской исторической науки в ПНР. Однако в сфере методологии истории свои опорные позиции она в общем сохранила⁶¹. Подтверждением тому служат, в частности, появившиеся за последние годы солидные монографии А.-Ф. Грабского и Е. Матерницкого в основном историографического плана, но в то же время широко вторгающиеся в сферу методологии истории⁶².

Характерным представляется в этом смысле научное творчество Е. Топольского, в особенности его книги «Историческая истина и модель в историографии» (1982), «Теория исторического знания» (1983), а также вышедшая в 1986 г. научная биография польского историка-марксиста Яна Рутковского (1886—1949)⁶³. В 1984 г. вышло в свет 3-е издание «Методологии истории» Е. Топольского. Как и в двух прежних изданиях, книга заканчивается выводом: «Все более настоятельной становится потребность развития теоретической истории. Это не означает, очевидно, отказа от прежней иссле-

⁵⁸ Ibid., s. 155—156.

⁵⁹ Подробнее см.: Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

⁶⁰ Maternicki J. Potrzeby badawcze w zakresie metodologii historii.— *Historyka*, t. V, s. 81—88.

⁶¹ Ориентироваться в новейших польских исследованиях по методологии истории помогает ежегодник «Обозрение методологической литературы», который начал выходить в Познани под руководством Е. Топольского. См.: *Przegląd literatury metodologicznej*, 1984, № 1; 1985, № 2; 1986, № 3.

⁶² Grabski A.-F. *Troski i nadzieje. Z dziejów myśli społecznej i politycznej XIX wieku*. Łódź, 1981; idem. *Perspektywy przeszłości. Studia i szkice historiograficzne*. Lublin, 1983; Maternicki J. *Historiografia polska XX wieku*. Cz. I. Lata 1900—1918. Ossolineum, 1982.

⁶³ Topolski J. *Prawda i model w historiografii*. Łódź, 1982; idem. *Teoria wiedzy historycznej*. Poznań, 1983; idem. *O nowy model historii*. Jan Rutkowski (1886—1949). Warszawa, 1986.

довательской практики. Нужна только теоретическая специализация. Должны найтись историки, главной задачей которых будет не фактографическое описание, а описание и прослеживание закономерностей, создание теоретических конструкций и формирование законов развития. Рядом с ними должны работать историки, заботящиеся о создании внутренне единой, не оторванной от теоретических построений общей картины исторического процесса. Теоретическая история должна бы быть попросту более теоретичной. А может быть, пути развития исторической науки будут иными. Во всяком случае задачи ее велики. От сознания этого сердце историка не может не забиться сильнее»⁶⁴. Приведенные слова несомненно адресованы автором не только своим соотечественникам, но и всем тем историкам, которые превозносят нарративную историю и скептически относятся к теоретическим и познавательным возможностям исторической науки. Это лишь одно из многих доказательств того, что польская литература по методологии истории заслуживает пристального внимания специалистов.

⁶⁴ Topolski J. Metodologia historii. Wyd. 3. Warszawa, 1984, s. 560.

В. А. ТВАРДОВСКАЯ, Б. С. ИТЕНБЕРГ

ПУТЬ УЧЕНОГО

**К столетию со дня рождения
Бориса Павловича Козьмина
(1888—1988)**

При жизни у Б. П. Козьмина не было ни юбилеев, ни посвященных ему юбилейных статей. Первые попытки оценить его роль в исторической науке и литературоведении предприняты в некрологах¹. А ведь в 1958 г., когда завершился жизненный путь этого видного ученого, исполнилось сорок лет его творческой деятельности — столь разнообразной и многоплановой. Признанный специалист в области русского освободительного движения, историк журналистики пореформенной России, Борис Павлович был исследователем, лектором и педагогом, организатором науки и музейным работником, сотрудником Института истории и ИМЛИ АН СССР, директором Литературного музея.

Б. П. Козьмин начал научную деятельность сразу после революции, в обстановке сравнительной творческой свободы 20-х гг., благотворной для становления его как историка. Зрелость исследователя пришлась на 30—50-е гг. — малоблагоприятные для науки, когда закрывались исторические журналы, изымались из изучения целые куски русской истории, когда «сверху» декретировались те или иные концепции, подлежащие лишь иллюстрации, но не проверке или критике. После XX съезда КПСС резко возросла творческая активность Б. П. Козьмина, возродилось множество не реализованных им ранее планов. Но это были последние годы жизни Бориса Павловича. Далеко не все замыслы ему удалось осуществить.

Попытаемся не только оценить вклад ученого в науку, но и сказать о его стремлениях, невостребованных временем, общественными условиями — ненаписанных им книгах, к созданию которых Б. П. Козьмин был внутренне подготовлен.

Твардовская Валентина Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР; **Итенберг Борис Самойлович** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

¹ См.: Вопросы истории, 1958, № 9; История СССР, 1958, № 5, с. 251—252; Литературное наследство, 1958, т. 64, с. 820—822.

Наследие историка имеет свою судьбу. Нередко труды весьма преуспевавших исследователей становятся достоянием исключительно историографии: к ним обращаются с целью напомнить о преодоленных ошибках, развенчанных концепциях. Но случается, что со смертью исследователя живой интерес к его наследию не пропадает — оно продолжает служить опорой новым поколениям историков. Так произошло с работами Б. П. Козьмина. На его труды не просто часто ссылаются в литературе — с ними полемизируют или солидаризируются: они до сих пор непосредственно участвуют в современном научном процессе, обогащают его.

Борис Павлович Козьмин родился в Москве 26(14) декабря 1888 г. в семье служащего. Получил юридическое образование (в 1910 г. окончил Московский университет), готовился к научной деятельности. В 1915 г. был призван в армию. После Октябрьской революции — уже в 1918 г. — начинает выступать в печати. Его первые шаги свидетельствуют о широте и зрелости исторических взглядов и знаний, которые могли быть результатом лишь длительного, вдумчивого и серьезного соприкосновения с историей. Возможно, что интерес к ней возник еще в студенческие годы и окреп под влиянием тех грандиозных событий, которые развернулись тогда в стране. Самоопределение историка совпало с революционным переворотом. По сути Борис Павлович никогда не был «начинающим» или «молодым исследователем», как часто у нас называют тридцатилетних. Суровое время, позволившее ему заняться наукой лишь в зрелом возрасте, сразу сделало его профессиональным историком — без скидки на стаж и опыт.

Б. П. Козьмин — активный деятель молодой советской журналистики. В 1918—1919 гг. он заведует историческим отделом «Вестника жизни» — органа ВЦИК. В 1919—1920 гг. состоит инспектором по делам печати при Политуправлении Реввоенсовета Республики, а в 1920—1922 гг. — в комиссии по истории Красной Армии. В 1924 г. Борис Павлович был избран действительным членом Академии художественных наук, преобразованной в Академию искусствознания. Здесь он заведовал отделом революционного искусства, одновременно работая в редакции «Вестника труда» (органа ВЦСПС) и сотрудничая в «Современнике», «Историко-революционном бюллетене». С 1922 г. Козьмин — в редколлегии «Каторги и ссылки», заведующий редакцией этого, наиболее значительного тогда историко-революционного журнала — органа Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В те же годы статьи и публикации Козьмина систематически появляются в журналах «Печать и революция», «Литература и марксизм», «Красный архив».

Обстановка в первых советских журналах по-своему отражала общий климат научной и литературной среды, духовную жизнь тех лет. Огромные задачи, вставшие перед исторической наукой, открывшиеся перспективы увлекли ученых, которым стали доступны закрытые при царизме архивы. Стремление создать научную историю революционного движения первой в мире социалистической страны сплотило немногочисленных тогда историков-марксистов. Они с готовностью и доверием сотрудничали с теми представителями старой интеллигенции, кто принял революцию. Наряду с этим журналы стремились вовлечь в авторскую работу непосредственных творцов истории. Так Б. П. Козьмин оказался в окружении участников Октябрьской революции, видных партийных деятелей, таких, как А. В. Луначарский, В. В. Осинский, Н. В. Крыленко, В. В. Куйбышев, Ю. Ларин, Н. И. Бухарин, Ю. М. Стеков и др. В «Каторге и ссылке» и в Обществе политкаторжан (секретарем которого он был), Козьмин познакомился с такими деятелями освободительного движения, как В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова, А. П. Прибылева-Корба, Н. А. Чарушин, А. В. Прибылев, М. Р. Попов, Л. Г. Дейч и многими другими.

Связей с журналистикой Борис Павлович никогда не прерывал, сотрудничая в литературных и исторических журналах, выступая в центральных газетах. Но эти первые полтора десятка лет интенсивной работы в редакциях историко-революционных органов печати оставили особый след в его развитии. Они приучили его быть в курсе всего нового в литературе, оперативно откликаться на самые разные темы, ори-

ентироваться на массового читателя — тогда только нарождавшегося, но уже заявившего о своем интересе к истории. Журнальная работа исключала раннюю узкую специализацию, по-своему опасную для вступающего в науку.

Историко-литературные и политические журналы тех лет, и среди них оба упомянутых «Вестника», особое внимание уделяли пролетариату — этому «классу-борцу», «классу-революционеру», «вечному и неутомимому герою»².

Б. П. Козьмин и начинал путь в науке как исследователь рабочего движения³. История пролетариата только складывалась, и в числе первых работ о нем были книги и статьи ученого, встреченные весьма положительно⁴. Еще не было трудов, которые автор мог бы популярно изложить, обобщить, откуда мог бы почерпнуть хотя бы основные сведения о формах борьбы пролетариата и его организациях. Все это предстояло добыть самому — непосредственно из источников: публицистики, материалов следственных дел, судебных процессов, воспоминаний современников и т. д. Козьмин, по сути, написал новаторскую работу — дал первое систематическое описание пореформенного рабочего движения в связи с общей социально-экономической эволюцией страны и внутренней политикой самодержавия⁵. Сильной стороной исследования явился четкий анализ рабочего законодательства — сказалось юридическое образование автора.

Юридические знания активно использованы Борисом Павловичем и в его обращении к Древней Руси. В 1918 г. выходит его брошюра «Народовластие в Древней Руси». В республиках Новгорода и Пскова автор ищет своеобразный прецедент самодержавия народа. В утверждении о том, что самодержавие на Руси не есть нечто извечное и неизбежно ей присущее, — пафос брошюры, хотя и недостаточно исторически обоснованный, но столь близкий современникам⁶.

Тема эта все же оказалась для Б. П. Козьмина случайной — в то время он основательно вживался в проблематику рабочего движения и, по-видимому, шел к обобщающей монографии о борьбе пролетариата. Постепенно расширялись хронологические рамки исследования, сначала сосредоточенного на 70—80-х гг. XIX в., затем доведенного до 1905 г. Историк основательно осваивал документальную основу проблемы, систематически откликаясь на публикации источников⁷. Как признанный специалист, он выступает с рецензиями на общие работы по истории рабочего класса (М. С. Балабанова, А. Гамбарова, Н. Н. Батурина, М. С. Ольминского, Д. Б. Рязанова, К. М. Тахтарова,

---

² См.: Вестник жизни, 1918, № 1. От редакции.

³ См.: Павлов Б. [Козьмин Б. П.]. Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги. М., 1918 (перездана в 1920 г. в Омске Сибирским отд. Госиздата); его же. Пролетарская борьба в России до революции 1905 г. М., 1919 (перездана в Киеве в 1921 г. на укр. яз.).

⁴ В откликах на брошюру Б. Козьмина отмечалось, что автор связал описание рабочего движения с «общехозяйственной эволюцией России начиная с эпохи 60-х годов до конца XIX века» (Вестник жизни, 1919, № 7). Говорилось об убедительном анализе рабочего законодательства автором, ярко показавшим бесправность пролетариата (Современник, 1922, № 1).

⁵ См.: Козьмин Б. Рабочее движение в России в XIX веке. Харьков, 1926; его же. Рабочее движение семидесятых годов.—Рабочее движение в России. Биографии виднейших деятелей, вып. 1. Харьков, 1926; его же. Рабочее движение второй половины восьмидесятых и девяностых годов.—Рабочее движение в России. Биографии виднейших деятелей, вып. 2. Харьков, 1926; его же. Вступительная статья в кн.: С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.—Л., 1928.

⁶ Павлов Б. [Козьмин Б. П.]. Народовластие в Древней Руси. М., 1918, с. 6.

⁷ См. обзоры Б. П. Козьминим документального издания «Архив истории труда в России» (Историко-революционный вестник, 1922, № 1, с. 91—92; Каторга и ссылка, 1923, кн. 5; 1924, кн. 1(8)). Отметим рецензии Б. Козьмина на воспоминания В. С. Панкратова (Печать и революция, 1923 кн. 4, с. 201—202) и Я. Шумяцкого (Каторга и ссылка, 1923, кн. 4, с. 271—272).

А. Ельницкого и др.), но не обходит вниманием и частные исследования местных историков и краеведов⁸.

Он отмечает отсутствие «цельной истории рабочего класса», говорит о необходимости обобщающего труда о нем⁹. Ощущением важности и перспективности темы борьбы пролетариата проникнут и написанный Б. П. Козьминным обзор журнала «Пролетарская революция»¹⁰. Характерно, что, откликаясь на библиографический указатель А. Шилова «Что читать по истории русского революционного движения?», Козьмин посчитал здесь недостатком невыделенность в специальную рубрику литературы о борьбе пролетариата¹¹.

Однако вопросы рабочего движения, крайне интересовавшие исследователя, постепенно вытеснялись в его работах более широкой проблематикой, касавшейся освободительного движения разночинского периода в целом. Собственно Б. П. Козьмин никогда и не рассматривал рабочее движение само по себе, изолированно от общего революционного процесса. Уже в статьях, посвященных первым рабочим организациям, заметно стремление Козьмина сопоставить их программу с программными принципами революционного народничества, понять внутреннее соотношение сил в революционном движении. Оставаясь в полемике «Северного союза русских рабочих» с «Землей и волей», автор обнаруживает знание народнической публицистики с характерным для нее в середине 70-х гг. аполитизмом. Четко и взвешенно он отдает предпочтение требованию демократических свобод, утверждая правоту рабочих, споривших с землевольцами¹².

Уже с начала 1920-х гг. тема разночинского периода освободительной борьбы является в рецензиях Б. П. Козьмина как самостоятельная. В первых же из них запечатлены и его серьезное знание документального материала и следы глубоких размышлений над проблемами общественной мысли этого периода. Симптоматично в этом смысле одно из самых ранних выступлений по теме народничества — рецензия Козьмина на публикацию «Исповеди» М. А. Бакунина, где в полемике с известным исследователем В. Полонским высказан собственный оригинальный взгляд на идеологию народничества. Козьмин спорит с Полонским на равных — как специалист — о соотношении искренности и тактики в «Исповеди». В противоположность Полонскому, он не подвергает сомнению искренность революционера, объясняя его позицию разочарованием в европейской буржуазной демократии, появившимися иллюзиями о возможности «демократического цезаризма»¹³. При всей спорности этих суждений они — свидетельство уже достаточно серьезного отношения к проблематике общественного движения XIX в.

Борис Павлович начал проявлять себя как многоплановый исследователь: осваивал разночинский этап борьбы в целом, а не какой-то отдельный его отрезок, интересовался

---

⁸ В поле зрения Козьмина-рецензента оказались труды по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске, Москве и Московской области, на Московско-Нижегородской железной дороге, в Калуге, Владимирской губернии и других районах.

⁹ См.: Павлов Б. [Козьмин Б. П.]. Из новейшей литературы по истории рабочего движения и марксизма в России. — Вестник жизни, 1919, № 3—4, с. 140—142. См. также его обзорную статью о книгах по истории пролетариата (Вестник труда, 1925, № 10, с. 191—192).

¹⁰ См.: Вестник труда, 1921, № 12, с. 183.

¹¹ См.: Каторга и ссылка, 1923, № 5, с. 256—258.

¹² Павлов Б. [Козьмин Б. П.]. Северный союз русских рабочих. — Вестник жизни, 1919, № 3—4. Та же проблема места, занимаемого рабочим движением в общей освободительной борьбе, ставится и в отклике Козьмина на кн. «Южнорусские рабочие союзы» (М., 1924). — Вестник труда, 1925, № 10, с. 192.

¹³ Рец. Б. П. Козьмина на кн. М. А. Бакунина «Исповедь» и письмо к Александру II. М., 1921. — Вестник труда, 1921, № 9, с. 152—157. Проникновение в специфику бакунизма проявляется и в отклике Козьмина на кн. Б. И. Горева «Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение» (Иваново-Вознесенск, 1922). — Каторга и ссылка, 1923, кн. 6, с. 315—316.

и лидерами и рядовыми участниками этой борьбы. Постоянное внимание он уделяет демократической журналистике и передовой литературе — он рано постиг их значение как первостепенного источника для изучения идейной жизни. Во всем многообразии этой тематики с начала 20-х гг. можно выделить проблему, к которой Козьмин сохранял устойчивый интерес: исследование «заговорщического», или, как его называют в литературе, «бланкистского», «якобинского» течения. Он выпускает монографию о П. Н. Ткачеве (до сих пор не потерявшую научного значения). Богато документированная книга содержала первые наблюдения и размышления о взглядах идеолога народничества¹⁴. Здесь уже сказалась методология, которой автор во многом придерживался и позднее — взгляды Ткачева анализируются в их неразрывном единстве, когда одни программные требования не могут быть поняты без других. Исследователь и вскрывает их органическую связь, превращающую его взгляды в систему, т. е. в мировоззрение. Козьмин обратил внимание на «экономический материализм» Ткачева — то новое качество для революционной мысли, когда она, прямо ссылаясь на К. Маркса, утверждала решающее значение в развитии общества социально-экономических отношений. Марксистом своего героя Козьмин не сделал, хотя, возможно, несколько преувеличил воздействие на него этой передовой научной теории¹⁵.

Концентрируя внимание на центральной идее П. Н. Ткачева — заговоре с целью захвата власти и декретировании «сверху» социальных преобразований, автор показал, как эти представления прямо вытекали из понимания решающего влияния экономики, преобразовать которую волевым ударом и значило для Ткачева изменить все направление развития общества. Вынося приговор существующему эксплуататорскому строю, признавая моральным лишь отрицание его устоев, Ткачев признавал любые средства борьбы с ним¹⁶. Козьмин не оправдывает такую позицию — скорее, пытается объяснить ее своеобразной логикой мышления Ткачева, но ничего не говорит о ее уязвимости и опасности (роли нравственных принципов в революционной борьбе в тогдашней литературе внимания почти не уделялось). Антисамодеждавая, антикрепостническая точка зрения, социалистический идеал революционера уже сами по себе обеспечивали ему симпатии историков и в значительной мере положительную характеристику. Симптоматично, что первые публикации Козьмина по «нечаевскому делу» (как и других авторов, писавших о С. Г. Нечаеве) не содержали столь резкого, безоговорочного осуждения, как впоследствии; ударение в них делалось на убежденности и стойкости этого революционера¹⁷.

¹⁴ См.: Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922. Несколько сокращенный и видоизмененный вариант работы был опубликован как приложение к «Вестнику труда» (1922, № 2, с. 3—40). В рецензиях М. С. Ольминского (в начале 1920-х гг. он печатался под криптонимом А. С.) (Каторга и ссылка, 1923, № 5) и М. Н. Покровского (Вестник Социалистической академии, 1923, № 2) обращалось внимание на малоизученность темы, важность ее для понимания эпохи 1860-х гг. Во то же время рецензенты весьма произвольно трактовали Ткачева. Если для критика «Каторги и ссылки» он «идеолог бунтарства» (что не находит подтверждения в работе Козьмина), то для Покровского — представитель мелкобуржуазной интеллигенции (что менее конкретно, чем характеристика этого революционера Козьминым как выразителя определенного течения в революционной демократии).

¹⁵ Точка зрения на Ткачева как на марксиста высказывалась и после выхода книги Б. П. Козьмина (см.: Кравцов Н. П. Н. Ткачев — первый критик-марксист. — На литературном посту, 1927, № 3, с. 22 и след.). Козьмину пришлось специально опровергать этот взгляд (Козьмин Б. П. Вступительная статья. — Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. 1. М., 1932, с. 34—37; его же. К вопросу об отношении П. Н. Ткачева к марксизму. — Литературное наследство, 1933, т. 7, с. 117—123).

¹⁶ См.: Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов, с. 88.

¹⁷ См.: его же. Около нечаевского дела (Памяти А. Д. Дементьевой-Ткачевой). — Каторга и ссылка, 1923, № 6, с. 55—63; его же. Нечаевец в ссылке (Письмо Е. И. и Л. П. Никифоровых к В. И. Засулич). — Там же, 1924, кн. 3, с. 158—160; его же.

Борис Павлович заинтересовался и П. Г. Заичневским, уже забытым по тому времени представителем «бланкизма». Статьи о нем, опубликованные в 20-х гг. в «Каторге и ссылке», составили монографию¹⁸, блестяще подтверждавшую, что в науке нет «мелких» тем, есть лишь неглубокое их раскрытие. В самом деле исследователь, написавший работу о немногочисленном кружке студенческой молодежи, выпустившем единственную прокламацию, сумел отразить сам дух того времени — общественную атмосферу на излете революционной ситуации. Сумел передать возбужденное состояние рвущейся в бой революционной молодежи, одержимой ненавистью к существующему строю, но смутно представлявшей себе, чем его заменить, готовой к самопожертвованию, но неспособной взвесить последствия переворота, к которому она призывала. В маленькой книжечке речь шла о сложном развитии революционной традиции в России, об отклонениях от нее, о подлинных и мнимых последователях Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена.

Б. П. Козьмин впервые в литературе анализировал противоречия в революционно-демократической среде 1860-х гг. Он показал П. Г. Заичневского «верным учеником» Н. Г. Чернышевского в понимании неизбежности революционной борьбы, в отрешении от иллюзий о возможности решить социальный вопрос «сверху»¹⁹. Однако автор раскрыл и принципиальные расхождения учителя и ученика во взглядах на движущие силы революции. Если идеолог революционной демократии видел их в народе, то Заичневский — в революционной интеллигенции, которая, по его убеждению, будет играть инициативную и решающую роль в политических и социальных преобразованиях. Разным был и подход к подготовке революции: пропаганда и организация масс у Чернышевского, заговор — в кружке Заичневского. Отмечая эти разногласия, исследователь заключает, что их достаточно для понимания, «почему редактор „Современника“ не мог положительно отнестись к прокламации „Молодая Россия“»²⁰, вышедшей из кружка двадцатилетнего Заичневского. Это, конечно, так, но нелишним было бы упомянуть и другие не менее существенные отличия, разделявшие этот кружок «зеленой молодежи» от того, кого они признавали вождем. Чернышевский никогда не призывал к истреблению старых эксплуататорских классов — такой призыв противоречил бы основным идеям и принципам великого гуманиста и социалиста. Бесшабашная беспечность «Молодой России» перед реками крови, что должны пролиться в организованном ею перевороте, — не менее важное свидетельство непоследовательного и поверхностного восприятия Заичневским и его окружением учения Чернышевского.

Весьма ограниченным было, как считал Б. П. Козьмин, и влияние на них А. И. Герцена. Правы ли П. Г. Заичневский и его товарищи, утверждая, что Герцен потерял веру в насильственные перевороты? — ставил Борис Павлович вопрос перед читателем и отвечал на него словами самого редактора «Колокола»: «Не веру в них мы потеряли, а любовь к ним». Историк доказывал, что, признавая неизбежность революционного насилия, необходимость революционных переворотов, Герцен видел в них «последнее средство», к которому можно призывать, когда другие возможности окажутся неприменимыми. Автор не спешит определить эти поиски «наименее болезненных средств» либеральными колебаниями²¹. Правда, в условиях советского общества, уже прошедшего через гражданскую войну, переживавшего тогда далеко не безболезненную для крестьянских масс «революцию сверху» и находившегося накануне других тяжелых

Неудавшаяся провокация. Новое о С. Г. Нечаеве. — Красный архив, 1926, т. 1 (XIV), с. 148—158; его же. Новое о С. Г. Нечаеве. Удавшаяся провокация. — Там же, т. 2 (XV), с. 150—163. Однако, высказывая определенное сочувствие «нечаевцам», видя в них революционеров, Козьмин восставал против «исторической реабилитации» методов борьбы Нечаева, сказавшейся, в частности, в кн. А. Гамбарова о нем (Козьмин и Б. П. История и фантастика. — Печать и революция, 1926, кн. 6, с. 96—108).

¹⁸ Козьмин Б. П. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М., 1932.

¹⁹ Его же. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, с. 247.

²⁰ Там же, с. 273.

²¹ См. там же, с. 268.

потрясений, историку не удалось сколько-нибудь основательно остановиться на этих размышлениях Герцена, как не удалось это сделать и в последующий период 30—50-х гг. Однако этот подход к анализу герценовских исканий не был ни забыт, ни отвергнут нашей наукой. Один из вдумчивых исследователей Герцена — А. И. Володин — рассматривает эти поиски ненасильственных средств общественных преобразований как сильную черту герценовского мировоззрения²².

Тема русского бланкизма в творчестве Б. П. Козьмина развивалась и усложнялась, созревала мысль об обобщающей монографии о русском яacobинстве. План такой книги не случайно появляется в бумагах историка последних лет — это была попытка осуществить давно задуманное и частично подготовленное²³. К этой цели Козьмин неуклонно продвигался в 1920—1930-х гг. в исследованиях о П. Н. Ткачеве, П. Г. Заичневском, «нечаевцах», харьковских и казанских заговорщиках 1860-х гг.²⁴, в статьях, публикациях, рецензиях, относящихся к «каракозовцам» («ишутинцам»), революционному подполью конца 1860-х гг., а затем и народовольцам²⁵.

Б. П. Козьмин нащупал важную тему для понимания сложного развития русского революционного процесса. Течение, которое он стремился всесторонне постичь, — заговорщичество («яacobинство») — не было ни основным, ни магистральным в русском освободительном движении. Но оно обнаружило поразительную жизнеспособность в условиях, когда массы еще не проснулись к политической жизни, когда в стране отсутствовали элементарные демократические свободы. То ослабевая, то вновь усиливаясь, заговорщическая тенденция не ушла из движения даже в его пролетарский период. Более того, настрой на то, чтобы декретировать «сверху» новые социальные порядки, решать судьбы народа без народа, за его спиной, — эти постулаты «заговорщичества» отчетливо проявились и в период господства сталинизма. Тема бланкизма, таким образом, давала пищу для размышлений отнюдь не только о 60—70-х гг. XIX в. в России. Да и интерес к этому течению у Козьмина не был ни односторонним, ни изолированным от других проблем русского освободительного движения. Узким специалистом по «бланкизму» он так и не стал, изучая его именно как часть движения разночинской интеллигенции, без которой нельзя понять все целое.

Внимание к этому целому — освободительному движению всего разночинского этапа, — как уже говорилось, составляло характерную черту ученого. Он выходил и за границы этого периода, обращаясь к истории декабристов и петрашевцев, раннего А. И. Герцена или к сюжетам пролетарского периода борьбы, но неизменно оставался верным тематике общественного движения пореформенной России. Основная тенденция его творчества — стремление постичь идеи и действия революционеров в их неразрывном единстве и взаимовлиянии. Для него характерна потребность уяснить развитие господствующей — народнической — идеологии во всей ее сложности и противоречиях. Б. П. Козьмин едва ли не первый из исследователей еще в 20—30-е гг. сумел показать многослойность, многосоставность этой идеологии, основанной на общих принципах.

Важнейшим источником для понимания идейных и общественных процессов была для него демократическая журналистика, одновременно ставшая и самостоятельным

²² См.: Володин А. В поисках пути в будущее. Лейтмотив идейного творчества А. И. Герцена. — Коммунист, 1985, № 9.

²³ См. подробнее: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России, с. 729.

²⁴ См.: его же. Казанский заговор 1863 года. М., 1929; его же. Харьковские заговорщики 1856—1858 гг. Харьков, 1930.

²⁵ См. рец. Б. П. Козьмина на кн.: Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. М.—Л., 1928.— Печать и революция, кн. 6, 1928, с. 193—194; Козьмин Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929; его же. Рец. на кн.: Худяков И. А. Записки каракозовца. М.—Л., 1930.— Каторга и ссылка. 1930, кн. 11, с. 186—188. Размышления исследователя о заговорщической струе в народовольчестве нашли выражение в его откликах на воспоминания народовольцев Н. К. Буха, Н. А. Морозова, А. Н. Баха, А. В. Прибылева, П. Куделли, П. С. Поливанова и др.

объектом изучения. Б. П. Козьмин извлек из «небытия» целый ряд демократических журналов, казалось, не оставивших следа в общественном развитии: наряду с «Современником», «Колоколом», «Русским словом», «Отечественными записками», наследие которых всегда находилось в центре его изучения, он обращается к «Русскому богатству», «Народной летописи», «Веку», «Устоям» и многим другим народническим органам с целью проследить эволюцию демократических идей. Безотрывно занимаясь творчеством Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Д. И. Писарева, историк рассказал и о таких забытых деятелях журналистики, как Г. Е. Благодетель, А. М. Скабичевский, П. П. Червинский и многих других, кто «двигал» демократические журналы 60—70-х гг.

Автор сам подтвердил глубокую связь своих исследований журналистики с изучением революционного движения. Книгу, вошедшую в себя статьи, посвященные упомянутым журналам 60—70-х гг., он назвал «От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Его интересует как опыт революционеров, их идейные искания учитывались и использовались в легальной журналистике, как она воздействовала на мысль революционного подполья. Смысл книги в целом он видел в том, чтобы дать представление о многообразии оттенков народнической мысли. Он подчеркивал, что народничество обнаруживает «глубокие внутренние расхождения», без учета которых в нем немисливо разобратся²⁶.

Этой же цели — воссозданию многосложной и многообразной, разветвленной идейной жизни пореформенного русского общества служат и историко-литературоведческие исследования Б. П. Козьмина. Один из первых он сделал историю необходимой частью литературоведческого анализа. Сотрудничая в «Литературном наследстве», он много способствовал научной разработке творчества революционных демократов и передовых писателей. Под его редакцией, с его вступительными статьями и комментариями в 30-е гг. выходят сочинения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, П. Н. Ткачева, Г. И. Успенского, М. И. Михайлова. Козьмин осуществил публикацию воспоминаний В. И. Засулич, Н. А. Морозова, П. Д. Боборыкина, А. М. Скабичевского, Е. Н. Водозовой, сопровождая их вступительными очерками и комментариями, имеющими всегда самостоятельную исследовательскую ценность.

И если история в литературоведческих работах Бориса Павловича не просто фон, а необходимое условие для раскрытия социального содержания творчества писателей-демократов, то и их произведения для исследователя — отражение исторического времени со всеми его «проклятыми вопросами». Ученый умел увидеть в отдельном эпизоде журнальной полемики проявление глубинной идейной жизни общества. Так, он подметил в споре «Современника» и «Русского слова», достигшем предельной остроты в 1863—1864 гг., отражение борьбы по коренным, не допускавшим компромисса, вопросам — о движущих силах и социальном типе развития России. Используя этот сравнительно ограниченный — и хронологически и тематически — материал, автор показал сдвиги, происходившие в сознании разночинской интеллигенции в период спада общественной активности, начавшееся разочарование в революционных возможностях народа²⁷. Для того времени это было новое слово об эпохе 60-х гг. XIX в.; но ведь и в 1940—1950-е гг. внутренние столкновения в революционно-демократической среде 1860-х гг. не получили столь яркого освещения в исторической литературе.

Однако, вырываясь во многом вперед в разработке некоторых проблем русской общественной мысли, историк не был свободен от тенденций, порожденных уровнем науки 20—30-х гг. Сам «раскол в нигилистах» Б. П. Козьмин склонен объяснять — в духе времени, с его господством в истории социологизирования — «столкновением двух

²⁶ См.: Козьмин Б. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории народничества. М., 1933, с. 9.

²⁷ См.: его же. «Раскол в нигилистах» (Эпизод из истории русской общественной мысли 60-х годов). — Литература и марксизм, 1928, № 2; его же. Из истории революционной мысли в России, с. 66.

различных социальных групп». И если «Современник» без Н. Г. Чернышевского превращался, с его точки зрения, в орган народнической, «мелкобуржуазной» идеологии, то «Русское слово» с его «западнической программой» и проповедью «индустриализации» в лице Д. И. Писарева защищало идеи, которые, хотя и не определялись как пролетарские, но воспринимались исследователем как могущие эволюционировать в сторону социализма²⁸.

Характеризуя Д. И. Писарева как революционера-демократа, руководствовавшегося социалистическим идеалом, Б. П. Козьмин опровергал оценку этого мыслителя в литературоведении 20—30-х гг.²⁹ Однако он не растворял взгляды передового критика в народнической струе, показывая особенности его мировоззрения, в котором социализм — лишь руководящая идея, а вовсе не приверженность какой-либо конкретной социалистической системе. Э. С. Виленская справедливо обратила внимание, что такое понимание Писарева Козьминым оказалось глубже и точнее, чем представленное в литературоведении 60-х гг. (Ф. Ф. Кузнецовым, Л. Э. Варустинным), которое целиком подводило его взгляды под определение народнических, не выявляя их специфики³⁰.

«Детская болезнь» социологизирования в исторической науке, которой переболело в пору 20—30-х гг. большинство ее представителей, была сравнительно быстро изжита Б. П. Козьминым, но в то время она давала о себе знать и в ряде других его исследований, проявляясь в поиске «классовых корней» различных групп и направлений общественной мысли второй половины XIX в. Так, в начале 20-х гг. Борис Павлович пытался привязать к разным социальным слоям идеологов народничества, определив П. Л. Лаврова как представителя «кающегося дворянства», выражавшего интересы мелкой буржуазии, а П. Н. Ткачева относя к разночинской демократии. Любопытна при этом попытка историка определить роль классового происхождения в той или иной идейно-политической позиции, его влияние на идеологию. В размышлениях на эту тему ощущается дыхание не только истории, но и живой современности с ее «лишенцами», всевозможными политическими ограничениями для представителей старых господствующих классов и их детей, с предстоящей ликвидацией кулачества «как класса».

Опираясь на классиков марксизма, Борис Павлович убеждал в начале 20-х гг., что как ни велика сила социального происхождения, классовой принадлежности над сознанием и мировоззрением людей, некоторым лицам удается превозмочь эту силу и в своей практической деятельности примкнуть к другому общественному классу, которому они совершенно чужды по своему происхождению. Бывают эпохи, когда такой «отход от класса», идеологический разрыв со своей общественной средой становится не единичным, а массовым, что наблюдается, когда на авансцену истории выступает новый общественный класс, к которому спешат примкнуть оторвавшиеся³¹.

В целом работы Б. П. Козьмина создавали впечатление о сложном, порой зигзагообразном пути развития освободительного движения. Исследователя интересовало не только продвижение на этом пути, но и отступление, не только победы и обретения, но и утраты и издержки. Отмечая высоту подъема революционной мысли и духа, он не прошел и мимо низменных моментов: его внимание к «нечаевщине» не было эпизодиче-

²⁸ См.: его же. Д. И. Писарев и социализм.— Литература и марксизм, 1929, № 4, с. 56—89; № 5, с. 121—151; его же. Из истории революционной мысли в России.

²⁹ См.: Кирпотин В. Я. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. Л., 1929. Эту оценку Писарева как представителя антисоциалистического направления в демократической мысли Кирпотин подтвердил в полемике с Козьминым (Кирпотин В. Я. Об изучении идеологий. Несколько методологических замечаний по поводу статьи Б. П. Козьмина «Писарев и социализм».— Литература и марксизм, 1930, № 2, с. 18—31).

³⁰ См.: Виленская Э. С. Мастерство ученого.— В кн.: Козьмин Б. П. Литература и история. М., 1969, с. 13—15.

³¹ См.: Козьмин Б. П. Ткачев и Лавров. Столкновение двух течений русской революционной мысли 70-х годов.— Воинствующий материалист, 1924, кн. 1, с. 291—338; его же. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта», с. 144.

ским³². Именно этот многотрудный ход революционного процесса, воссоздаваемый историком во всем его неприукрашенном реализме, более, нежели прямые утверждения, способствовал выводу о неодолимости и жизнеспособности революционной традиции в России, порожденной глубокими внутренними закономерностями.

Изучать же эти закономерности к середине 30-х гг. становилось все затруднительнее... Закрытие журнала «Каторга и ссылка», следовавшее после убийства С. М. Кирова, роспуск Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1935 г. стали своеобразным симптомом надвигавшихся перемен и в области исторической науки: свертывания исследований по истории освободительного движения, ограничения их тематики. Выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» с его сталинской концепцией революционного процесса окончательно определил эти ограничения, на долгие годы положив конец исследовательской разработке народничества. В «Кратком курсе» эта громадная полоса развития русской общественной мысли напрочь отсекалась от пролетарского периода движения: народничество характеризовалось здесь исключительно как «враг марксизма», как препятствие на пути его распространения, как вредная и ошибочная теория.

Все, что к концу 30-х гг. успел издать Б. П. Козьмин,— его книги, статьи, рецензии и публикации об освободительном движении 60—80-х гг. XIX в.,— все это вступало в резкое противоречие с концепцией «Краткого курса». Работы историка в своей совокупности как раз воссоздавали предшествующий социал-демократии разночинский период движения как в определенной мере эту последующую ступень его развития подготовивший: и своими исканиями, и опытом — пусть даже «отрицательным» — революционно-практической борьбы. Ученый последовательно и неуклонно воспроизводил в них ту самую полувековую историю «неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»³³, которая вместилась в разночинский период движения.

Соглашаясь, что «новый этап научной биографии Б. П. Козьмина наметился примерно со второй половины 30-х годов», вряд ли можно признать, что он «совпал с подъемом в развитии советской историографии», как и посчитать верным, что научная деятельность Бориса Павловича «с особой полнотой развернулась в 1936—1958 гг.»³⁴

Как и для всей исторической науки, этот период был для Б. П. Козьмина трудным и малоплодотворным. Думается, что он был по-своему драматичен для ученого, у которого отняты любимую тему. Да и всякая исследовательская работа оказалась опутанной всевозможными регламентациями и ограничениями, прямыми и косвенными запретами. Многое из того, что тогда создавалось историками, пришлось пересматривать и переписывать — слишком отразился в историографии 30—50-х гг. дух руководящих указаний «верного ученика В. И. Ленина» и «гениального теоретика», настойчиво искоренявшего разномыслие в любой области науки.

С 1946 г. до последних лет жизни Борис Павлович работает в Институте истории АН СССР старшим научным сотрудником сектора периода капитализма; одновременно (с 1948 г.) в Высшей партийной школе при ЦК КПСС читает лекции по истории русской журналистики 50—80-х гг. XIX в.

В 40—50-е гг. происходит определенная «унификация» тематики исследования разночинского периода освободительной борьбы в России — центром его изучения становится эпоха 1860-х гг. и прежде всего работы идеологов революционной демокра-

---

³² Среди работ о «нечаевщине» отметим ст. «С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг.» — Революционное движение 1860-х гг. М., 1932. Впервые показавшая во весь рост силы, противостоявшие Нечаеву в самой революционной среде, эта статья до сих пор активно используется в литературе.

³³ Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 8.

³⁴ Нифонтов А. С. Предисловие к книге: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России, с. 9.

тии — Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Народничество изымается из этого изучения как некий период упадка, регресса в русской общественной мысли.

Как уже говорилось, наследие Герцена и Чернышевского и ранее находилось в сфере исследовательских влечений Б. П. Козьмина. Но тогда он изучал и деятельность практиков движения, рядовых его участников, не ограничиваясь периодом 60-х гг., продвигался в своих разработках в 70—80-е гг. XIX в. В 20—30-х гг. он становится признанным специалистом эпохи 1860-х гг., создав ряд заметных исследований в этой области, выступив редактором ряда значительных изданий, посвященных шестидесятиникам³⁵. В 40—50-е гг. наследие Герцена и Чернышевского невольно оказалось главной, если не единственной темой этого многопланового и разностороннего историка. По-видимому, Козьмин продвигался к большой обобщающей монографии об эпохе 1860-х гг. с ее различными оттенками революционно-демократической мысли, разными направлениями передовой идеологии.

Проблема противоречий в революционно-демократической идеологии, разных направлений и течений в ней в те годы исследователей не привлекала. Историки и общественные деятели, писавшие о великих революционерах-демократах, сосредоточились на выявлении их разногласий с либерализмом. Б. П. Козьмину эта же проблема уже на рубеже 40—50-х гг. казалась более выясненной и менее сложной, чем исследование оттенков и течений передовой мысли, и он, едва ли не единственный, всерьез и надолго сделал своей эту непопулярную тогда тему.

Политическое мышление 40—50-х гг. считало внутренние противоречия признаком слабости, незрелости, видя силу идеологии в ее монолитности. Разномыслие вообще воспринималось как нечто опасное и недопустимое. И если в оценке насущных вопросов общественно-политической жизни внедрялся монополизм, то тот же подход господствовал и в обращении к прошлому, в восприятии идеологии освободительного движения. Она предстала в работах о революционерах-демократах (В. В. Ермилова, В. Я. Зевина, В. С. Кружкова, Д. И. Чеснокова, М. Т. Иовчука, И. Я. Щипанова, Я. А. Эльсберга и др.) в виде цельнометаллических и железобетонных конструкций. По сути взгляды таких разных идеологов крестьянской демократии, как Чернышевский и Герцен, Добролюбов и Писарев, были во многом в этих работах, задававших тогда тон в исторической науке, удивительно похожи. Говорилось лишь о степени последовательности и убежденности — большей или меньшей.

В статьях начала 50-х гг. Б. П. Козьмин, отмечая невнимание к вопросам взаимодействия течений внутри революционной демократии, взаимоотношений ее представителей, расстановки сил в революционно-демократическом лагере, ставит и решает их на примере Чернышевского и Герцена, «Современника» и «Колокола». Исследователь показывает, что расхождения между ними не были итогом простого недоразумения, а являлись результатами разного понимания вопросов о перспективах борьбы, о революционных возможностях народа, о потенциальных способностях самодержавия. Характеризуя Герцена и Чернышевского как представителей одного лагеря, противостояв-

³⁵ Кроме уже названных, отметим статьи в сб. «Материалы по истории революционного движения 60-х гг.» (М., 1922), а также в сб. «Революционное движение 1860-х гг.» (М., 1932), редактором которого был Б. П. Козьмин. Редактировал он и такие значительные для изучения эпохи издания, как кн. «Политические процессы 60-х годов» (М., 1923), библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», 1860-е гг. Заслуживают внимания и его публикации 30-х гг. в «Литературном наследстве» (т. 25—26), посвященные Н. Г. Чернышевскому, Д. И. Писареву, М. М. Антоновичу. Вот почему было бы неточным считать, что «к изучению оттенков революционно-демократической мысли» Б. П. Козьмин приступил в начале 50-х гг. (Вилленская Э. С. Мастерство ученого, с. 7), как и то, что он «поставил ряд вопросов, связанных с положением в демократическом лагере на рубеже 50—60-х годов XIX в.» «еще в 1936 г.» (т. е. в середине 30-х гг.) (Нифонтов А. С. Предисловие, с. 11). Тема революционной демократии 1860-х гг., как было видно, возникает в творчестве Козьмина с начала 20-х гг.

шего общему врагу, как приверженцев одной системы взглядов, историк посчитал важным проследить и то, в чем они расходились, так и не достигнув согласия. Такая постановка проблемы требовала пересмотра распространенной точки зрения, и статьи Козьмина не могли не быть полемичными. Исследователь опровергал мнение о единстве деятельности Чернышевского и Герцена, о практической их договоренности о совместных действиях. Такую точку зрения наиболее полно и ярко выразила М. В. Нечкина. Открылась полемика двух крупнейших, талантливых историков. Борис Павлович считал, что утверждения Милицы Васильевны не подтверждены документально³⁶. Отвечая ему, М. В. Нечкина сосредоточилась на доказательствах принадлежности Герцена и Чернышевского к одному — революционному — лагерю, убеждая, что Герцен, не будучи либералом, разделял революционно-демократическую позицию Чернышевского³⁷.

Но ведь именно этого, как нам представляется, Б. П. Козьмин не отрицал, неоднократно подчеркивая, что «Герцен никогда не был просто либералом», что сомнения Герцена — это не сомнения в необходимости коренных изменений и борьбы, а лишь в путях и средствах этой борьбы³⁸. Он полностью соглашался с характеристикой Герцена как революционера-демократа, считая заслугой М. В. Нечкиной то, что она справедливо восстала против еще недавно распространенного в нашей литературе мнения, «извращавшего политическое лицо Герцена»³⁹. Однако «борьба по одну сторону баррикады» для историка не исключала внутренних разногласий. Б. П. Козьмин, в частности, обратил внимание на то, что Герцен глазами современников воспринимался иначе, чем историками 50-х гг. Для современников (и Чернышевского) важна была его позиция в данный момент борьбы, а не выяснение его роли и места в этой борьбе в целом.

Милица Васильевна, по нашему мнению, фактически не опровергла ни одного из доводов Б. П. Козьмина. Оставляя в стороне его целенаправленные возражения, она доказывала по сути то, чего он и не думал оспаривать — идейную и политическую общность двух великих мыслителей. Подтверждения же их полного единогласия и совместных практических действий оставались в «антикозьминских» ее статьях по-прежнему шаткими. Право же, вслед за Козьминым трудно было согласиться с таким, например, доводом в пользу единомыслия идеологов революционного движения, как страстное негодование Герцена по поводу расправы самодержавия с Чернышевским. Козьмин резонно замечал, что его разделяли те из современников (в том числе и либералов), кто были просто порядочными людьми⁴⁰.

---

³⁶ См.: Козьмин Б. П. Выступление Герцена против «Современника» в 1859 г.— Известия АН СССР ОЛЯ, 1952, т. XI, № 4, с. 366—384; его же. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом.— Там же, 1953, т. XII, № 2, с. 137—157. Козьмин полемизировал со ст. М. В. Нечкиной «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» (Исторические записки, 1941, т. 10, с. 3—39).

³⁷ См.: Нечкина М. В. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861).— Известия АН СССР. ОЛЯ, 1954, т. XIII, вып. 1; ес же. О взаимоотношениях петербургского и лондонского центров русского освободительного движения в годы революционной ситуации (1859—1861). Там же, т. XIV, вып. 2.

³⁸ См.: Козьмин Б. П. А. И. Герцен в истории русской общественной мысли.— Известия АН СССР. Сер. истор. и филос., 1945, т. II, № 2, с. 100—117; его же. Из истории революционной мысли в России, с. 581.

³⁹ Козьмин Б. П. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом.— В кн.: Козьмин Б. П. Литература и история, М., 1969, с. 71. Н. Г. Сладкевич весьма произвольно осветил полемику Б. П. Козьмина с М. В. Нечкиной, утверждая, что последняя указала в ней на «сходность целей, общность задач издателей „Колокола“ и редакции „Современника“» (Сладкевич Н. Г. Освещение общественного движения в России 40—60-х годов XIX века в советской исторической литературе.— Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. 1. Л., 1967, с. 119).

⁴⁰ Козьмин Б. П. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом, с. 60.

Не мог принять Б. П. Козьмин и саму нечкинскую концепцию соотношения роли и места в движении этих двух его лидеров. У М. В. Нечкиной Герцен — персонаж, ведомый Чернышевским, им воспитуемый. По ее представлению, Чернышевский «боролся» за Герцена, «ломал» его, «воспитывал в нем революционера-демократа». Она говорит о его «упорном стремлении сломать в Герцене пережитки старого, подтянуть его к правильным позициям», о его борьбе против «либеральных срывов Герцена» с тем, чтобы «помогать ему стать на правильные позиции»⁴¹. По ее мнению, Герцен и был-таки сломлен — «сдался Чернышевскому», в результате чего демократ взял в нем верх над либералом. Выступая против этих утверждений, Козьмин по сути отвергал распространяемые в литературе тех лет попытки некоей «субординации» исторических личностей, по-своему тоже отражавшей политическое мышление тех лет с его культом и культиками, регламентацией — где, кому и зачем положено находиться в истории. В ряде работ о революционерах-демократах встречаются такие попытки «рассчитать» их по порядку номеров, твердо определив местонахождение. Авторы книг о Герцене (Я. А. Эльсберг, В. Я. Зевин, Д. И. Чесноков) числили его на втором — после Чернышевского — месте. В. С. Кружков отводил это «второе» место Добролюбову.

Для Б. П. Козьмина такой подход исключался. Герцен для него по своим масштабам, таланту, самобытности не мог восприниматься как личность второго разряда, как пассивный объект борьбы. В 1945 г. историк посвятил Герцену одну из самых сильных и ярких своих статей, где раскрыл «глубину его мысли, и исключительный блеск его литературного таланта, и смелость, с которой он умел ставить коренные проблемы мирозерцания, и безбоязненную последовательность, проявленную им в беззаветном служении народу»⁴². Такого Герцена невозможно себе представить воспитуемым, «ломаемым», «сдавшимся», подчинить внешнему воздействию.

В статьях Б. П. Козьмина и Чернышевский, и Герцен в своем диалоге, исполненном драматизма и напряженности, выступали на равных, оставаясь единомышленниками в главном и так и не согласившись в вопросах практических действий.

Останавливаясь на этой полемике в советской историографии начала 50-х гг., отразившей симптоматичные тенденции в исторической науке того времени, стоит обратить внимание и на сам стиль спора ее участников. Б. П. Козьмин упрекает коллегу-историка в недостаточной аргументации, в шаткости доказательств. Тщательно разбирая — один за другим — доводы М. В. Нечкиной, он стремится побивать их фактами, ссылкой на источники, не сопровождая дискусию обличающими указаниями (в духе времени), на чью мельницу льет воду его оппонент. М. В. Нечкина значительно более, чем конкретным опровержением точки зрения оппонента, занята характеристикой его позиции. Она обвиняет Б. П. Козьмина в том, что он «ухудшает историю», отступает от ленинской ее концепции, возрождает либерально-буржуазные оценки Герцена. Всего лишь год прошел со смерти И. В. Сталина, и в воздухе еще слышались отзвуки недавней кампании «борьбы с космополитизмом», в которой мелькали подобные же ярлыки, и поэтому эти обвинения вряд ли придавали положительный заряд научной дискуссии.

И все же при всех издержках полемика, вспыхнувшая по инициативе Б. П. Козьмина, в которой его поддержал Н. М. Дружинин и отчасти А. Г. Дементьев (пытавшийся занять компромиссную позицию), была плодотворна. И дело не только в том, что М. В. Нечкина уже не могла столь прямолинейно утверждать безоблачное единство идеологов революционной демократии, как это видно из ее последующих работ. Спор этот заставил многое переоценить, о многом задуматься настоящих и будущих историков: «1860-х годов».

Замысел монографии о «шестидесятниках» Б. П. Козьмина не осуществился, чему, по-видимому, способствовала и непопулярность его концепции движения, не соответство-

⁴¹ См.: Нечкина М. В. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации, с. 247, 262.

⁴² Козьмин Б. П. А. И. Герцен в истории русской общественной мысли; его же. Из истории революционной мысли в России, с. 578.

вавшая духу 30—50-х гг. Однако его статьи, посвященные революционному подполью, его идеологам, демократической журналистике 1860-х гг., в совокупности создают цельное представление об этом неповторимом отрезке русского освободительного движения, запечатлев плюрализм передовой общественной мысли на переломе русской истории. Борис Павлович в 1957 г. рассказывал одному из авторов данной статьи, что собирается взяться за новую монографию — «Журнал „Современник“ и его окружение».

В определенном смысле вырвавшись из тесных границ науки своего времени, поднявшись во многом над ее общим уровнем, Борис Павлович оказался все же несвободен от господствовавших в ней тенденций. В его работах отразилось характерное противопоставление эпохи 1860-х гг. последующему периоду движения как некоему упадку, регрессу в развитии прежде всего революционной мысли. Это искусственное разделение разночинского этапа освободительной борьбы на два разных по своей значимости периода, одному из которых (1860-м гг., сводимым по сути к первой революционной ситуации 1859—1861 гг.), ставилась положительная оценка, другому — отрицательная, противоречило ленинской концепции и периодизации движения. Идущее от «Краткого курса» с его уничижительной оценкой народничества, под которую, однако, родоначальники народнической идеологии не подводились, это разделение и противопоставление революционных поколений единого и цельного этапа борьбы, многократно отразившееся в трудах историков и обществоведов, присуще и работам Б. П. Козьмина 40—50-х гг., в частности его лекциям, прочитанным в ВПШ⁴³. Да и могла ли эта концепция тогда иметь своих противников и не быть поддержанной — ведь для этого необходимо было изменение в общественной атмосфере.

Хорошо знавший весь разночинский период движения, всех его деятелей, основные направления революционной мысли 60—80-х гг. XIX в., был ли Б. П. Козьмин искренним, когда вслед за другими отделял «шестидесятников» как правых революционеров от «семидесятников» как представителей мелкобуржуазной упадочнической идеологии?

В сознательном приспособленчестве к конъюнктуре его вряд ли можно заподозрить. Он был честным и добросовестным исследователем, озабоченным поисками истины, понимавшим свой долг в добывании исторической правды. Симптоматично, что в работах Б. П. Козьмина 40-х—начала 50-х гг. нет ни ссылок на сочинения Сталина, ни упоминаний его имени. Это странным образом выделяло его труды из подавляющего большинства исследований тех лет, где — вне зависимости от темы — эти ссылки становились неким обязательным приемом, своеобразным «видом на жительство», свидетельствующим о политической благонадежности, подтверждением верности тому, чему учил «гениальный вождь». Думается, Б. П. Козьмин был по-своему несвободен от сложившихся в научной среде стереотипов мышления, когда поддерживал концепцию, идущую вразрез с его ранними работами. И дело не только в страхе перед политическими обвинениями, неизбежными при расхождении с официальной точкой зрения. Царившая в науке «идеологическая дисциплина», мотивированная усилением идеологической борьбы в условиях капиталистического окружения, предполагала слепое, не осложненное сомнением доверие к установкам, идущим «сверху».

И все же Борис Павлович нашел тему, дававшую возможность написать правдивую книгу о народничестве!

Так в секторе истории СССР периода капитализма появилась плановая монография «Русская секция Первого Интернационала». С трудом проходила она через догматические препоны — при обсуждении рукописи многие оппоненты стремились удержать автора на укоренившихся представлениях. Б. П. Козьмину, однако, удалось отстоять свою концепцию, пересмотрев в ряде случаев и свои прежние суждения.

⁴³ См.: его же. Журналистика шестидесятых годов XIX века. М., 1948; его же. Русская журналистика 70-х — 80-х годов XIX века. М., 1948; его же. Журнально-публицистическая деятельность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. М., 1957.

Книга вышла через год после XX съезда КПСС и была воспринята исторической общественностью как свидетельство начавшихся перемен в изучении истории общественного движения пореформенной России. В основу своего исследования автор положил высказывания В. И. Ленина о попытке социалистов-народников перенести идеи Интернационала в Россию. Это и определило широту содержания книги.

Здесь читатель найдет не только анализ состава Русской секции Интернационала, ее программы и тактики, рассуждения о социализме и социальной революции, но и сможет составить представление о характере политической эмиграции на рубеже 1860—1870-х гг., ее связях с русским и международным социалистическим движением. В монографии рассматривались 60-е и 70-е гг. XIX в. в единстве, как части одного этапа освободительного движения в России, объединенного общей идеологией. Острее, чем в работах историка 20—30-х гг., поставлены здесь проблемы революционной этики, ее связи с политикой. Б. П. Козьмин дает резко отрицательную оценку «нечаевщине», показывая, какой огромный урон нанесла она престижу общественного движения в России и за рубежом⁴⁴. Первые в исторической литературе тех лет столь ярко и выразительно прозвучала мысль об опасности отделения политики от нравственности, своеобразно переключаясь с разоблачениями сталинизма на XX съезде. Книга о Русской секции Интернационала по сути продолжила давнюю, но вынужденно оставленную тему Козьмина — о многообразии и многовариантности крестьянской демократии. Деятели русской секции и выступают в ней как представители одного из ее течений. Автор не пытался «подтянуть» их под знамя марксизма. Его исследование как раз и показало несостоятельность существовавших представлений, преувеличивавших влияние на русских революционеров этой передовой теории в работах В. А. Горохова, Н. К. Каратаева, Р. Ш. Тагирова, И. С. Книжника-Ветрова и др.

Накопивший в период 40—50-х гг. немало отрицательных впечатлений в области изучения передовой мысли, Б. П. Козьмин протестует против упрощения, унификации процессов, в ней происходивших. Его критические замечания в чем-то и сейчас «ко двору»: зачислив изучаемого деятеля в ту или иную категорию, «исследователи» обычно ставят на этом точку и не находят нужным изучать черты своеобразия этого деятеля. Различные оттенки мнений, как правило, игнорируются, революционеры лишаются своей индивидуальности и оказываются во всем похожими один на другого. По убеждению историка, «это способствует приукрашиванию действительности, замалчиванию присущих ей противоречий»⁴⁵.

После XX съезда КПСС в Москве, по инициативе Института истории АН СССР, говорившаяся конференция, посвященная изучению народничества. Основным докладчиком поручалось выступить Б. П. Козьмину. Его обстоятельный доклад «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России», размноженный на роталпринте, должен был открыть обсуждение давно не изучаемой проблемы. Конференция так и не состоялась, но текст доклада был в 1959 г. опубликован в «Исторических записках»⁴⁶. Наконец-то после долгого замалчивания, фальсификации народничество становилось предметом подлинного научного исследования. Эта работа Бориса Павловича явилась этапным событием в истории изучения общественного движения пореформенной России. Она вскрыла полное неблагополучие в нашей науке: «За последние лет двадцать мы почти не имели серьезных работ по истории народничества. В частности, мы предпочитали обходить молчанием народничество 70-х и следующих годов, обрывая историю нашей общественной мысли и общественного движения на Чернышевском или, в лучшем случае, на Писареве, а от них переходили непосредственно к марк-

⁴⁴ См.: его же. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, с. 152—169, 271—278.

⁴⁵ Там же, с. 23.

⁴⁶ См.: его же. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России.— Исторические записки, 1959, т. 65.

сизму. Что касается тех работ, которые затрагивали эпоху 70-х и 80-х гг., то они имели, скорее, обличительный, нежели исследовательский характер»⁴⁷.

Б. П. Козьминным восстанавливалась ленинская концепция народничества. Убедительно доказано, что родоначальниками революционных народников были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, и этим отвергнута бытовавшая в последнее время антиисторическая тенденция противопоставления революционных демократов 60-х гг. народникам 70-х гг. В работе раскрывалось прогрессивное, основополагающее значение революционных народников, явившихся предшественниками русских социал-демократов. С большим знанием дела освещалась эволюция народников, связанная с процессом социально-экономического развития страны.

В этой решительной и смелой для своего времени работе, стремившейся возродить ленинский взгляд на преемственность в освободительном движении разночинского периода, были все же преодолены не все шаблоны предшествующего периода историографии. В частности, Б. П. Козьмин обнаруживает характерный для 40—50-х гг. подход к утопическому социализму как некоей слабости. Он вынужден доказывать второстепенное, подчиненное место утопических идей в реалистическом мировоззрении революционной демократии, чтобы не снижать высокой оценки этого мировоззрения. Здесь, несомненно, проявился сложившийся в 40—50-е гг. догматический взгляд на утопический социализм как на несущественную часть мировоззрения («оболочку» его), не имевшую серьезного отношения к его реальному содержанию. Позднее, в работах историков общественной мысли в 60-х гг., было показано активное воздействие утопических идей на демократические принципы идеологии, способствовавшее их радикализации. Но Б. П. Козьмину уже не суждено было читать эти исследования.

И все же последнее слово, сказанное Борисом Павловичем, было услышано и подхвачено. В Институте истории АН СССР при секторе истории СССР периода капитализма, возглавляемого Л. М. Ивановым, в январе 1961 г. была организована проблемная группа для изучения общественного движения пореформенной России. Она объединяла исследователей не только Москвы, но и ряда других городов. Начались регулярные заседания, на которых обсуждались доклады: о задачах изучения революционного народничества; о второй революционной ситуации в России; о периодизации «хождения в народ»; о деятельности «Народной воли» после 1 марта 1881 г.; о проблемах государства в идеологии «Народной воли» и др. Просуществовав более десяти лет, группа вынуждена была прекратить свою деятельность... Первый и единственный сборник трудов участников группы был посвящен памяти Б. П. Козьмина⁴⁸.

Прошло уже тридцать лет со времени выхода последней работы Б. П. Козьмина, где с такой силой сказалась его жажда правды в исторической науке, но многое, о чем с горечью говорил ученый, еще не перевелось в нашей практике. Та «перестройка» научной жизни, к которой он страстно призывал в последние свои годы, едва начавшись, была насильственно свернута, и в изучении общественного движения сказался тот же застой, что и в других областях истории.

Размышляя сейчас об исследовании истории освободительного движения, революционной традиции в России, нельзя не вспомнить Б. П. Козьмина, его горькие и трезвые наблюдения, его мечту о науке, независимой от административного вмешательства, от бюрократической опеки. Нельзя не вспомнить его стремление к постижению исторической истины во всей полноте и многообразии. Пробиваясь к исторической правде, он был свободен от своекорыстного расчета и конъюнктурных соображений, сохранив в самые трудные времена достоинство ученого, и тем самым поддержал честь советской науки.

---

⁴⁷ Его же. Из истории революционной мысли в России. С. 638.

⁴⁸ См.: Общественное движение в пореформенной России. Сб. статей. К 80-летию Б. П. Козьмина. М., 1965.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Б. А. РОМАНОВА

10 февраля 1989 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского историка Бориса Александровича Романова. Он получил прекрасную источниковедческую и общен историческую подготовку как специалист по Древней Руси на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где занимался в семинариях А. Е. Преснякова (доклады «Сословия Киевской Руси»¹ и «Смердий конь и смерд»), С. Ф. Платонова (доклады «О приписках Царственной книги и Никоновской летописи»² и об окладных единицах³), А. С. Лаппо-Данилевского (доклад «История кабального холопства»⁴), И. М. Гревса (по средневековой истории) и Э. Д. Гримма (по истории Рима). Научную работу Б. А. Романов начал, будучи еще студентом, опубликовав в 1908 г. свой первый печатный труд⁵, вышедший из семинария А. Е. Преснякова. Последнего Б. А. Романов считал своим учителем; до смерти А. Е. Преснякова в 1929 г. их связывали тесные дружеские узы.

После окончания в 1912 г. университета Б. А. Романов вплоть до 1917 г. преподавал в средних учебных заведениях Петербурга/Петрограда. Одновременно он работал над многими статьями по истории России феодального периода для «Нового энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и «Русской энциклопедии».

После Великой Октябрьской социалистической революции часть историков среднего и прежде всего молодого поколений обратилась к новой проблематике, которой старая наука избегала. Среди них в первых рядах оказался Б. А. Романов. Этому способствовало его поступление в 1918 г. в Главархив, где Б. А. Романов впоследствии стал заведовать отделом. Здесь молодой ученый непосредственно столкнулся с документальными материалами по истории финансов, банков, акционерных обществ, торговли и промышленности. Используя эти материалы, он впервые в историографии приступил к исследованию империалистической политики российского самодержавия конца XIX—начала XX в., главным образом на Дальнем Востоке. С этой работой связаны публикации исторических источников и отдельные статьи по истории внешней политики царизма. Итоговым на данном этапе исследованием являлась монография «Россия в Маньчжурии»⁶. Б. А. Романов применил здесь, как и в вышедшей спустя 20 лет книге «Очерки дипломатической истории русско-японской войны»⁷, для изучения огромного числа документов предреволюционной России источниковедческие методы исследования, разработанные на материале феодальной России. Принципиально новым был и методологический подход автора, детально проследившего непосредственную связь внешней политики с политикой внутренней, экономикой, ролью банков, ростом революционного движения. Фактически в этих книгах исследована империалистическая политика всех мировых держав — России, Англии, Германии, Франции, США. И хотя в момент выхода в свет книга «Россия в Маньчжурии» была недооценена⁸ (по-видимому, из-за того,

Панеях Виктор Монсеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 298 (Б. А. Романов), № 19.

² Там же, № 26.

³ Там же, № 22.

⁴ Там же, № 25.

⁵ Романов Б. А. Смердий конь и смерд (В летописи и Русской Правде). — Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1908, т. XIII, кн. 3, с. 18—35.

⁶ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928, X+607 с.+карта.

⁷ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л., 1947, 493 с.; изд. 2, испр. и доп. М.—Л., 1955, 695 с.

⁸ См.: Никифоров В. Н. Борис Александрович Романов (К восьмидесятилетию со дня рождения). — Народы Азии и Африки, 1969, № 3, с. 209.

что автор явно расходился с М. Н. Покровским в определении характера русско-японской войны), впоследствии, однако, ее признали выдающимся вкладом в исследование истории российского империализма⁹.

В то время Б. А. Романов много работал и над проблемами внутренней политики царизма, истории революционного движения в России в начале XX в., над изданием ряда документальных сборников и отдельных подборок источников по этой тематике.

С 1919 по 1927 г. Б. А. Романов также преподавал в Ленинградском университете. Служба в архиве и университете и одновременно исследовательская работа по истории русского империализма надолго оторвали ученого от изучения истории России эпохи феодализма.

Впрочем, арест в январе 1930 г. и осуждение в связи с так называемым академическим делом Платонова — Тарле на длительное время вообще прервали научную деятельность Б. А. Романова (он был реабилитирован 26 апреля 1957 г.). Возвратившись в августе 1933 г. со строительства Беломоро-Балтийского канала, не имея вплоть до 1941 г. разрешения на постоянное проживание в Ленинграде и штатной работы (в 1939 г. в связи с началом советско-финской войны его выслали из Ленинграда), Б. А. Романов перебивался поначалу случайными заданиями научного характера (главным образом внутренним рецензированием), а впоследствии договорными работами.

В середине 30-х г. Б. Д. Греков привлек Б. А. Романова к работе над академическим изданием «Правды Русской» (составление историографических комментариев)¹⁰ и учебным ее изданием (исторический и историко-правовой комментарий)¹¹. Одновременно Б. А. Романов готовил для коллективного труда «История культуры Древней Руси» главу «Быт и нравы», которая, однако, переросла допустимый для этого издания объем и была опубликована в 1947 г. отдельной книгой¹². Так ученый вернулся к тому, с чего начинал свой научный путь, — к исследованию истории Древней Руси.

Вернулся Б. А. Романов в то трудное для него время и к занятиям историей России эпохи империализма. В 1940 г. он по договору с издательством завершил работу над рукописью книги «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», которую и защитил в качестве докторской диссертации в 1941 г. (утверждение ВАКом датируется 21 июня 1941 г.). Только после этого (в июле 1941 г.) Б. А. Романов был зачислен на постоянную работу в Институт истории материальной культуры АН СССР, а затем, был переведен в Институт истории АН СССР, который в то время находился в эвакуации в Ташкенте. По возвращении в 1944 г. в Ленинград первоначально Б. А. Романов был занят подготовкой к печати написанных еще до войны трудов («Очерки дипломатической истории русско-японской войны», «Люди и нравы Древней Руси») и редактированием второго тома академического издания Правды Русской. Все эти три книги вышли в свет в 1947 г.

После этого Б. А. Романов оказался на распутье. Во-первых, необходимо было приступить к подготовке дополненного и исправленного издания «Очерков дипломатической истории русско-японской войны». Вместе с тем в ЛОИИ началась работа над академическим изданием «Судебников XV—XVI веков», в котором Б. А. Романову предложено было написать исследовательский комментарий к Судебнику Ивана Грозного. В результате ему пришлось почти одновременно заняться столь далеко отстоящи-

---

⁹ См., например, выступление А. Л. Сидорова на заседании, посвященном памяти Б. А. Романова (Ананьич Б. В. и Панеях В. М. Заседание, посвященное памяти Б. А. Романова. — Исторические записки, 1958, т. 62, с. 284); Никифоров В. Н. Указ. соч., с. 206—210.

¹⁰ Правда Русская. Комментарии. Составители: Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов. Под редакцией Б. Д. Грекова. Т. 2. М.—Л., 1947.

¹¹ Правда Русская. Уч. пос. М.—Л., 1940.

¹² Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.). Л., 1947; изд. 2. М.—Л., 1966.

ми друг от друга эпохами. И в этом проявилась уникальность его дарования. Вначале были опубликованы серии статей по обеим темам, а затем с перерывом в три года вышли из печати «Судебники...»¹³ и второе издание «Очерков...»¹⁴. При этом «Очерки...» только формально можно считать вторым изданием книги. По существу это была новая книга, вдвое превосходящая по объему первое ее издание за счет значительного расширения темы исследования.

С 1944 по 1951 г. Б. А. Романов работал по совместительству на историческом факультете ЛГУ. Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, «блестящая преподавательская работа Б. А. Романова... заслуженно принесла ему славу одного из лучших преподавателей исторического факультета и позволила ему воспитать целый ряд талантливых исследователей как древней, так и новейшей русской истории»¹⁵.

Борис Александрович Романов скончался 18 июля 1957 г. на семидесятом году жизни.

* * *

Обращаясь к трудам Б. А. Романова, в которых исследуются проблемы феодализма в России, нетрудно заметить, что они группируются главным образом вокруг двух периодов — Древняя Русь и 50-е гг. XVI в. (реформы 50-х гг. и Судебник 1550 г. прежде всего). Разумеется, в наследии ученого имеются отдельные работы, касающиеся и других периодов, но они не носят систематического характера. В настоящей статье мы ограничиваем свою задачу воссозданием воззрений ученого, относящихся к истории русского феодализма, имея в виду, что творческий путь Б. А. Романова в целом, источниковедческие принципы, на которых основываются его исследования, в частности приемы критики древнерусских текстов, особенности профессионального его мастерства, техники, по его определению, «исторического ремесла», приемы художественной реконструкции жизни XI—XIII вв., а также литературоведческие, культурологические и социально-психологические аспекты его работ получили уже освещение в нашей науке¹⁶.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Б. А. Романов в целом присоединился к концепции Б. Д. Грекова, согласно которой «Древняя Русь XI—XIII вв.» переживала «процесс классообразования, характерный для феодальной общественной формации», т. е. процесс сложения феодальных отношений¹⁷. При этом Б. А. Романов придерживался мнения, что формирование феодальных отношений происходило неравномерно и шло «одновременно вглубь и вширь»¹⁸. «Заре феодализации, с ее „творимыми“ (подстраиваемыми) вирами и продажами, резониством (ростовщичеством), порабощением и закабалением всяческих „сирот“»¹⁹, с князем — языческим властителем империи Рюриковичей

¹³ Судебник 1550 г. Комментарий.— В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.— Л., 1952, с. 181—340.

¹⁴ Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. Изд. 2, испр. и доп. М.— Л., 1955.

¹⁵ Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси».— В кн.: Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985, с. 484.

¹⁶ Валк С. Н. Борис Александрович Романов.— Исторические записки, 1958, т. 62, с. 269—289; его же. Борис Александрович Романов.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971, с. 8—38; Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси».— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.— Л., 1958, т. 15, с. 486—495 (то же в кн.: Прошлое — будущему, с. 469—485); его же. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России, с. 39—43; А н а н ъ и ч Б. В. и П а н е я х В. М. Указ, соч., с. 283—289. Список трудов Б. А. Романова см. в кн.: Исследования по социально-политической истории России, с. 382—386 (составители Р. Ш. Ганелин и В. М. Панеях).

¹⁷ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947, с. 5.

¹⁸ Там же, с. 139.

¹⁹ Там же, с. 20.

времени «вассалитета без ленных отношений или ленов, составлявшихся из даней»²⁰, автор противопоставляет «новые черты общественной эволюции XII—XIII вв.»²¹ Здесь ученый обращает внимание на то, что, оставаясь вождем, князь опирается на советников-«думцев», а главным предметом его политики и стимулом его поведения оказывается «всего только добывание столов в феодальной войне между отдельными группами разросшейся Рюриковой династии»²².

Принципиальное же отличие состоит в том, что источник повседневного существования княжого двора, «его хозяйственная база — уже не столько военная добыча, не кормление в полюдь, а „княжое село“ с тиуном и рядовичами»²³. Распространение и рост «княжого землевладения и земледельческого хозяйства», процесс «окняжения земли» становится, как показал Б. А. Романов, злободневным «в жизни феодального общества XII в.»²⁴ Таким образом, именно княжеский домен предстает в качестве экономической основы власти князя, который, эксплуатируя население этого домена, получает материальные ценности, необходимые для содержания своего двора.

Дружинное окружение князя — это, с одной стороны, «огнищанин» (согласно ст. 21 Краткой Правды), княжой отрок или конюх или повар (согласно ст. 11 Пространной Правды), т. е. «молодшая дружина», а с другой — бояре, «княжи мужи», т. е. старшая дружина²⁵. Б. А. Романов специально отмечает, что «в жизни не ограничивалось дело и этим двучленным делением»²⁶. Указав на два возможных пути формирования княжеской дружины — превращение «в княжого дружинника» «городского ремесленника», который жил «в княжом дворе-огнище на холостую ногу и на полном княжом иждивении», и принявшего православие сына варяжского «князя», который стал воспитателем Юрия Долгорукого, его «тысяцким», получил от него землю Суздальскую, имел свою дружину, княжескую по структуре, своего «боярского боярина»²⁷, — Б. А. Романов пишет: «Между этими двумя крайними типами... стояло, несомненно, несколько средних и переходных, располагавшихся чем дальше, тем четче, в некую вассальную иерархию с тенденцией к наследственности в быту». Господствующий класс, таким образом, состоял из «больших бояр, меньших бояр и нарочитых, или добрых людей, не входящих в дружину»²⁸.

В XI—XII вв. «нарушение феодальной верности», согласно наблюдениям Б. А. Романова, «не вошло еще в политический быт». Дружина «терпит вместе с князем, рискует вместе с ним, выигрывает и продвигается вместе». В то же время «живет она с ним не „на едином хлебе“, а в своих домах, владеет своими селами, куда и ездит „на свое орудие“, по своим хозяйственным делам, как и сами князья», хотя «известное число младшей дружины, отроков, жительствоет во дворе, в гриднице, всегда под боком и под руками у князя»²⁹.

Развитие феодальных отношений в эпоху Пространной Правды по сравнению с временем Краткой Правды проявляется, как показал Б. А. Романов, и в том, что изменяется место верви в системе норм Русской Правды, и следовательно, в системе общественных отношений феодальной Руси. По его наблюдениям, «из 9 статей Краткой Правды (ст. 19—27) об убийстве княжих людей и ст. 42 о покое вирном выросло... уложение об убийстве вообще и о практике вир. В частности, ст.ст. 3—8, очевидно, развиты из ст.ст. 19—20, но под другим углом зрения — не сугубой защиты огнищанина,

²⁰ Там же, с. 21.

²¹ Там же, с. 18.

²² Там же, с. 23.

²³ Там же, с. 24.

²⁴ Там же, с. 25—26.

²⁵ Там же, с. 146—147.

²⁶ Там же, с. 147—148.

²⁷ Там же, с. 148—151.

²⁸ Там же, с. 151.

²⁹ Там же, с. 163—164.

а ответственности верви за нарушение мира на ее территории³⁰. Следовательно, Пространная Правда в случаях, связанных с убийствами, которые влекли за собой платежи виры, переносит центр тяжести с огнищанина (княжа мужа) на регламентацию деятельности верви, тем самым отражая факт ее попадания в сферу феодальных отношений.

Существенным элементом эволюции феодальных общественных отношений является уже отмеченное выше вызревание «боярской привилегированной вотчины». Б. А. Романову принадлежит наблюдение, согласно которому «довольно точно» фиксируется момент, когда можно говорить уже о боярском землевладении как массовом явлении общерусского масштаба с полным социально-политическим весом³¹. Этот момент — XIII век, когда боярский двор в так называемой редакции XIII в. «Послания» Даниила Заточника, в отличии от «Слова» Заточника XII в., «введен в текст как существенное звено в биографических злоключениях потерпевшего героя»³². Наблюдение Б. А. Романова над позднейшей припиской к «Пространной Правде» XII в. к ст. 13 («также и за бояреск») ³³, да и поддержка им важной мысли А. Е. Преснякова о выдвигании в Пространной Правде на первый план всего боярского³⁴ придают выводу ученого большую убедительность. В наступательной же политике боярской сеньории ту же роль, что и княжий тиун в княжих «селах», играл «боярский тиун дворский» из числа холопов, и эта его служба повышала социальный статус такого холопа³⁵.

Процесс феодализации, как показал Б. А. Романов, захватывает и ремесло, но также довольно поздно. Он обратил внимание, в частности, на «позднее появление ремесленника в доменальном уставе» (именно в ст. 15 Пространной Правды), тогда как Краткая Правда «его не знает».

Значительное место в работах Б. А. Романова уделено не только представителям господствующего класса, но и низшим сословиям феодализирующегося общества, как находившимся в различной степени зависимости, так и принадлежавшим к „свободным“ слоям населения. Древнейшая форма зависимости на Руси — рабство. В рабской зависимости от землевладельцев находились челядины-холопы: «раб — это непременно принадлежность быта „свободных“», первоначально именно быта, «а не обязательно сельскохозяйственного производства»³⁶. Б. А. Романов рисует впечатляющую картину «внутренней работорговли с довольно быстрым оборотом», при которой челядин выступает в качестве предмета «целевых покупок для личной эксплуатации». Это — «раб, осевший, в конце концов, во дворе или хозяйстве своего господина»³⁷, холоп, который «прочно вошел... в состав „челяди“, „дома“ своего свободного господина»³⁸.

Подробно рассматривает Б. А. Романов и правовое положение холопа. Так, «господин волен был распоряжаться жизнью своего холопа абсолютно по собственному усмотрению», при этом «на бытовом языке холоп — „...скот“»³⁹. Полнота власти господина над холопом — «пережиток патриархального рабства», целиком принятый и церковью. «Отсюда, казалось бы, вытекало, — пишет Б. А. Романов, — что раб — это *instrumentum vocale*, неодушевленный предмет, только обладающий даром речи; отсюда отрицание за ним каких бы то ни было прав личности, гражданской дееспособности. Его свидетельские показания не имеют никакой силы... Он не имеет никакой собственности и не подлежит каким-либо государственным штрафам... За него отвечает господин и, разумеется, волен восполнять издержки, связанные с этой ответственностью, за счет раба».

³⁰ Правда Русская. Уч. пос., с. 57.

³¹ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 26.

³² Там же, с. 29.

³³ Там же, с. 26.

³⁴ Там же, с. 26—27; Правда Русская. Уч. пос., с. 55.

³⁵ Правда Русская. Уч. пос., с. 59.

³⁶ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 49.

³⁷ Там же, с. 51—52.

³⁸ Там же, с. 53.

³⁹ Там же, с. 54.

Жизнь, однако, «делала свое дело, а эта идеальная (и не специфически русская) правовая конструкция подтачивалась ею настолько, что само же право вынуждено было искать компромиссного выхода из создавшегося здесь противоречия»⁴⁰. Б. А. Романов показывает, что «холоп слишком заполнил повседневный быт господствующего класса, чтобы без него можно было обойтись даже в запретных для него по закону житейских положениях»⁴¹. Поэтому холопы в исключительных случаях были свидетелями в тяжбах между свободными, сопровождали своего господина, уходившего в монастырь. Обычными становятся холопы не только на службе во дворах их господ, но и на сельскохозяйственных работах. Кроме того, холопы занимали важное место в администрации феодальной сеньории (тиуны, конюхи, повара, дворские и т. д.)⁴².

Таким образом, Б. А. Романов приходит к выводу, что «на корню патриархального рабства... в XI—XII вв. вырос внутри феодального общества сложный холопий мир, приспособленный обслуживать все разновидности его потребностей»⁴³.

При этом Б. А. Романов отмечает, что в XII в. рабовладение «становится доступным широким слоям „свободных“ мужей, из числа тех „неимовитых“, которые в условиях крайнего обострения противоречий в рождающемся феодальном обществе при случае и сами опрокидывались в бездну... работного мира»⁴⁴.

Однако именно в таких условиях «корпус потомственных рабов, извне пополняемый за счет покупки и плена»⁴⁵, а затем и «через брак с рабой»⁴⁶, «оказался количественно совершенно недостаточным для удовлетворения растущего спроса феодального общества на рабочие руки». Поэтому появились «новые методы закабаления и насилия, каким шло его пополнение», которое создавали «и новые формы зависимости», трактующиеся феодалами «некоторое время в жизни» «как холопье состояние»⁴⁷. Таким образом, наряду с обельным холопом-рабом появился неполный челядин-закуп («закупный наймит»). Но закуп «не вошел еще полностью в компетенцию сеньориального суда», поскольку между ним и господином «стоит княжой суд» и этим он «ближе к свободе»⁴⁸. Пространная Правда (та ее часть, которую принято называть «Уставом о закупах») «ставит закупа... на тонкой грани между свободой и рабством» при бытовой близости закупа и холопов, «какую создавало для тех и других сожителство в боярщине — соединение, утончавшее эту грань»⁴⁹.

Согласно «Уставу о закупах», «закупничество — это сделка, ряд, договор, в основе которого лежала „купа“ или „цена“, которую закуп должен был и имел право вернуть, чтобы вернуть себе полную свободу». Но, как отмечает Б. А. Романов, «на деле это означало лишь возможность для него переменить господина, выкупиться у первого на „куны“, разысканные на стороне у второго, и сам закуп оставался все в том же круге „работного ярма“, хотя «оно было переменным»⁵⁰.

«„Устав о закупах“ говорит о значительной численности закупа и об их роли в качестве непосредственных производителей в феодальной вотчине»⁵¹, — констатирует Б. А. Романов и отмечает, что «Устав» предусматривает «использование закупа только на сельскохозяйственной страде... в двух основных положениях»:

1. Ролейного закупа, который «живет вне господского двора и работает на себя»

---

⁴⁰ Там же, с. 55.

⁴¹ Там же, с. 56.

⁴² Там же, с. 56—62.

⁴³ Там же, с. 63.

⁴⁴ Там же, с. 87.

⁴⁵ Там же, с. 64.

⁴⁶ Там же, с. 80—81.

⁴⁷ Там же, с. 65.

⁴⁸ Там же, с. 90.

⁴⁹ Правда Русская. Уч. пос., с. 65—66.

⁵⁰ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 293.

⁵¹ Правда Русская. Уч. пос., с. 65.

либо своим инвентарем, либо господским (платя за него в последнем случае оброк) и, кроме того, в обоих случаях отбывает барщину.

2. Закупа — сельскохозяйственного рабочего «на господском дворе», который «работает на господском поле, на господской скотине», ее он «ежедневно с работы приводит на господский двор», но на «этой же скотине работает... и для себя»⁵².

Идя вслед за Н. Хлебниковым, выдвинувшим гипотезу, согласно которой закуп вступал в зависимость вместе со своей землей⁵³, Б. А. Романов предложил весьма убедительное объяснение термина «отарица» как участка земли, который ролейный «закуп обрабатывает на себя». Это могла быть «своя земля» закупа, но также и «участок, выделенный господином за купу, как выражалось много позднее литовско-русское право, на „присевок“»⁵⁴. В этом случае становится понятной борьба вокруг «отарицы» как борьба за обезземеление ролейного закупа⁵⁵ и подводится прочная база под вывод о наличии у закупа собственного хозяйства (пашни). Ролейные закупы, подчеркивает Б. А. Романов, «в массе своей — те же смерды, только вступившие в частноправовую зависимость»⁵⁶, но сохранявшие «из своего смердьего прошлого особность своего (от господского) хозяйства»⁵⁷.

Однако смердов, замечает Б. А. Романов, «почему-то принято считать единственным контингентом, откуда вербовалось закупное наймитство». В закупы могли попасть и купец, и «свободный» муж, потому что в XII в. «в жизни феодального общества... на старую антитезу свободного и челядина наплыла антитеза богатого и убогого»⁵⁸.

И все же именно беззащитный смерд как «покоренный данник»⁵⁹ и «непосредственный производитель держал на своем хребте всю киевскую государственность»⁶⁰. Б. А. Романов рассматривает проблему смердов в Древней Руси под углом зрения наступления феодального порядка, особенно усиливавшегося в связи с реформой Ярославичей, в результате которой «штрафы за убийство стали источником государственного дохода»⁶¹. Эта система «государственных штрафов... пришла (с Ярославичами) вовсе не на смену полюдию и дани, а легла дополнительным грузом на всю массу „свободного“ сельского населения, безжалостно и быстро разоряя его, вынуждая его (поодиночке, но зачастую) менять свою свободу на феодальную зависимость в поисках хоть какой-нибудь защиты»⁶². Обстановка, «в которой работала феодальная машина закабаления и порабощения свободного землевладельца» с ее новой финансово-карательной системой вир и продаж, уподоблялась «военному набегу»⁶³.

Б. А. Романов показал, какая «пропасть лежала между... смердом и... господствующим классом феодального общества», отметив, что это было «постоянно подновляемое наследие эпохи постепенного покорения киево-полянским центром прочих восточнославянских племен»: «исходное отношение победителя и побежденного оставалось в XI—XII вв. для смерда, как и для бывших победителей, бытовой реальностью». Более того, смерд «с точки зрения этих киевских господ — это вроде как бы и не человек»: «если холоп равен мужику, то смерд равен зверю». «Первая попытка защитить... жизнь смерда и «его первое правовое признание» связаны с оценкой в Правде Ярославичей (в ст. 26) жизни смерда—«во столько же, сколько было назначено и за холопа»⁶⁴. Защи-

⁵² Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 90—91.

⁵³ Там же, с. 98; Правда Русская. Уч. пос., с. 70.

⁵⁴ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 98.

⁵⁵ Правда Русская. Уч. пос., с. 72.

⁵⁶ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 93.

⁵⁷ Там же, с. 96—97.

⁵⁸ Там же, с. 292—293.

⁵⁹ Там же, с. 123.

⁶⁰ Там же, с. 115.

⁶¹ Там же, с. 110.

⁶² Там же, с. 101.

⁶³ Там же, с. 113.

⁶⁴ Там же, с. 116.

та жизни смерда и его правовое признание рассматриваются Б. А. Романовым в контексте с общими явлениями общественно-политического строя Древней Руси, объединенными его учителем А. Е. Пресняковым в понятия «княжой права», «княжой защиты». Б. А. Романов выдвинул гипотезу, согласно которой в XI в. внутри господствующего класса происходила борьба течений «по основным вопросам внутренней политики феодального государства», и «вопрос о смердах» был одним из них⁶⁵. В частности, «ради расширения и укрепления общественной базы княжой власти» князья стремились поставить смерда под юрисдикцию своего личного суда, а не суда своих слуг и тем самым проявили заботу «о прямой защите смерда от расправы-наказания без прямого... полномочия княжой власти»⁶⁶. Это дало основание Б. А. Романову в метафорической форме говорить о Владимире Мономахе как о «ведомом пропагандисте смердолобия»⁶⁷. Мотивом такого «смердолобия» служило понимание «прогрессивными элементами господствующего класса («уными», новыми советниками князей)» реальной перспективы «распыления, феодального разорения и разбазаривания смердых кадров путем увода их в холопы и ухода их в закупы и вообще в частные дворы и хозяйства на почве совершенного беспорядка этого, попервоначалу колониального, в сущности, элемента»⁶⁸.

Именно потому, по мнению Б. А. Романова, «Правда» Ярославичей, в интересах «самого господствующего класса в целом»⁶⁹ «впервые выдвинувшая задачу правовой постановки смердьевого вопроса и, вводя смердов в „союз княжой защиты“, впервые же провозгласившая „свободу“ этой убывающей смердьеи массы, сделала признаком этой свободы личную ответственность смерда за преступления, платеж „продажи“, чем и отличила его от «всякого вида холопов»⁷⁰. Однако интенсивный «процесс разорения данника-земледедца, разложения общины, пауперизации, какую сеял вокруг себя в городе ростовщический капитал и расширения зоны дружинного землевладения» привел к тому, что в «господском дворе встречались и перемешивались со старым контингентом вечных холопов не только смерды, покидавшие — волею или неволею — свои села и пепелища, но и свободные городские элементы из опутанных ростовщическим капиталом купцов»⁷¹. Именно «ради разъединения грозивших слиться в одно городское и деревенское движения, направленных против господствующего класса в целом», встал «вопрос о вмешательстве феодального государства в жизнь господского двора и регулировании стихии порабощения и закабаления в практике господствующего класса». Поэтому Б. А. Романов присоединяется к точке зрения А. Е. Преснякова, согласно которой социальное законодательство Владимира Мономаха («Устав о закупах», «Устав о холопах», «Устав о резах» Пространной Правды) являлось попыткой «самозащиты социальных верхов от народного раздражения», т. е. «попыткой верхов путем самоограничения сохранить и укрепить на прочных основаниях самую возможность дальнейшей феодальной эксплуатации народных масс»⁷².

«Устав о закупах» «столь же ясно запрещает „роботить“ закупа, сколь настойчиво, очевидно, роботили его господа до того»⁷³. «Устав о холопах» являлся «как бы второй главой, написанной другой рукой, хоть в той же книге»⁷⁴, первой главой которой был «Устав о закупах»⁷⁵. Б. А. Романов показывает, как после неудачи поработительной политики господ в случае с закупом она была направлена (в стремлении обойти «Устав о закупах» и свести его на нет) на «новую категорию рабочих людей», которая фигу-

⁶⁵ Там же, с. 124.

⁶⁶ Там же, с. 126.

⁶⁷ Там же, с. 117.

⁶⁸ Там же, с. 128—129.

⁶⁹ Там же, с. 131.

⁷⁰ Там же, с. 129.

⁷¹ Там же, с. 71.

⁷² Там же, с. 72.

⁷³ Там же, с. 289.

⁷⁴ Там же, с. 286.

⁷⁵ Там же, с. 296.

рировала в ст. 111 Пространной Правды и получила известность в литературе под условным термином «вдач», Б. А. Романов называет ее тоже условно «милостынниками»⁷⁶. Смысл же «Устава о холопах» состоял в том, что «он хотел защитить от неволи» эту «новую категорию рабочих людей» — милостынников — и тем самым «направить свое острие туда же — в порабощительные маневры тех же господ», что и «Устав о закупах»⁷⁷.

Но, конечно, подчеркивает Б. А. Романов, «Устав о холопах» в целом не покушается «на самый институт обельного холопства», не имеет в виду «ограничить власть господ в отношении наличного кадра» обельных «или пополнение его со стороны из числа свободных». «Устав» «исходит из мысли о праве всякого свободного вступить в обельное холопство», требуя только «удостоверения добровольности этого акта со стороны свободного»⁷⁸.

Другим мотивом включения закупов и отчасти холопов в «союз княжой защиты» была, как показал Б. А. Романов, тревога в феодальных верхах, вызванная тем обстоятельством, что жертвами процесса классового образования могли оказаться и оказывались мелкие свободные «мужи», которые в результате превращались в холопов и закупов⁷⁹.

По мнению Б. А. Романова, руководящая верхушка господствующего класса при проведении политики «смягчения социальных противоречий» «полностью могла опираться на авторитет церкви и пользоваться ее идеологической поддержкой»⁸⁰, поскольку церковная политика ставила своей задачей «смягчение социальных противоречий и прививание господствующим верхам гуманистических навыков и идей в отношении к несвободным и социально слабым элементам общества»⁸¹. Конечно, и у церкви в этой ее политике был вполне материальный интерес, так как она из числа непорабощенных и незакабаленных нищих черпала свою рабочую силу⁸². И все же главное заключалось в том, что церковь предстала «в глубоко свойственной ей (и у нас, и на Западе) роли примирителя и укротителя повседневной игры человеческих страстей» в интересах всего феодального класса в целом⁸³.

Итак, в работах Б. А. Романова, посвященных истории Древней Руси, исследована вся совокупность общественных отношений в XI—XIII вв., дана характеристика основных сословий — челяди, смердов, феодалов светских и духовных, подвергнуты анализу важнейшие циклы статей Правды Русской, связанные с изучением основного характера общественных и политических отношений, — уставы о закупах, о холопах, о резах, о населении княжеского домена, об обидах и увечьях. Не отвергая феодальную природу общественного строя Киевской Руси, Б. А. Романов вместе с тем показал существенную роль в социальной структуре общества и в процессе генезиса феодализма холопства-рабства, выявив в то же время близость в положении феодально-зависимых людей и рабов, детально исследовал проблему перехода от свободного к несвободному состоянию в ходе нарастающего процесса классового образования, по-новому определил социальный статус смердов как «свободных» людей, связанных определенными отношениями с государством в лице князя. Таким образом, по сравнению с господствовавшими в конце 30-х и в 40-х гг. воззрениями, сложившимися, главным образом под влиянием работ Б. Д. Грекова, древнерусское общество в исследованиях Б. А. Романова предстает как более архаичное, находящееся на начальном этапе вызревания феодальных отношений и складывания классов, характерных для феодальной формации.

Именно эти особенности концепции Б. А. Романова вызвали первоначально, как он

⁷⁶ Там же, с. 87, 302.

⁷⁷ Там же, с. 296.

⁷⁸ Там же, с. 296—297.

⁷⁹ Там же, с. 286, 302.

⁸⁰ Там же, с. 68.

⁸¹ Там же, с. 291—292.

⁸² Там же, с. 302—303.

⁸³ Там же, с. 305.

отметил в одном из своих писем, длительный «заговор молчания» вокруг книги «Люди и нравы Древней Руси», а затем, в связи с печально памятной кампанией против так называемого антипатриотизма в науке и влияния буржуазной методологии,— резкие выпады против книги в целом и ее автора. Так, на состоявшемся обсуждении в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (апрель 1949 г.) в докладе И. И. Смирнова критика велась с позиций, зафиксированных в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова о «закрепощении смердов». Докладчик отметил, в частности, что схема процесса классового образования Б. А. Романова «в корне меняет наше представление о характере процесса феодализации, о путях и методах развития крепостнической зависимости крестьянства, о природе законодательства Киевской Руси, о политике государственной власти и о роли церкви киевской эпохи». Кроме того, в докладе содержались обвинения в «мизантропическом» характере книги, в чрезмерном внимании к сексуальным, интимным моментам, в том, что «картина, которую рисует Б. А. Романов, никак не отражает.. высокого уровня культуры Киевской Руси и не показывает прогрессивного характера исторических деятелей эпохи Киевского государства», которое в изображении Б. А. Романова рисуется «такими чертами и красками, которые никак не способствуют утверждению значения Киевской Руси как важнейшей эпохи в истории нашей Родины, а скорее могут вызвать обратный эффект». Отсюда И. И. Смирнов делал вывод, согласно которому Б. А. Романов «объективно оказался на ложных позициях», стоящих «в прямом противоречии» с задачей воспитывать «чувство национальной гордости нашей великой родины, чувство советского патриотизма». Именно поэтому, заключал свой доклад И. И. Смирнов, «книга Б. А. Романова является книгой, не могущей нас удовлетворить ни в какой мере»⁸⁴.

Л. В. Черепнин, причислив Б. А. Романова к школе учеников А. С. Лаппо-Данилевского, выдвинул против него (как и против А. И. Андреева и С. Н. Валка) обвинения методологического характера. По его мнению, «Б. А. Романов в своей книге „Люди и нравы Древней Руси“ возвращается к методам психологической и типизирующей интерпретации источников», развитым «буржуазным историком и источниковедом» Лаппо-Данилевским, и этой интерпретацией «подменяется» «классовый анализ источников»⁸⁵.

Лишь после кончины Б. А. Романова, начиная с 1958 г., благодаря выступлениям и статьям прежде всего С. Н. Валка, Д. С. Лихачева и В. Н. Бернадского⁸⁶ начался процесс «реабилитации» книги «Люди и нравы Древней Руси», в результате чего и стало возможным ее второе издание.

В то же время следует признать, что, с опозданием войдя в нормальный историографический контекст, концепция социального развития Древней Руси Б. А. Романова оказалась на периферии нашей науки, хотя многие частные выводы исследователя, прежде всего связанные с анализом норм Русской Правды, стали ее признанным достоя-

⁸⁴ Архив ЛОИИ, ф. 298 (И. И. Смирнов), оп. 1, № 284, л. 1—33. Впоследствии И. И. Смирнов, отметив, что он «коренным образом расходится с Б. А. Романовым в понимании процесса социально-экономического развития Древней Руси», отказался от крайне негативных оценок его книги в целом, указал на «сильное воздействие», оказанное на него исследованиями Б. А. Романова о Русской Правде и Древней Руси, признал, что «труды Б. А. Романова представляют собой новое слово в изучении» этой проблематики, и подчеркнул, что, «полемизируя с Б. А. Романовым», он «вместе с тем учился у него искусству исторического исследования» (Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.—Л., 1963, с. 4).

⁸⁵ Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — Вопросы истории, 1949, № 8, с. 51.

⁸⁶ Валк С. Н. Борис Александрович Романов. — Исторические записки, т. 62, с. 269—289; его же. Борис Александрович Романов. — В кн. Исследования по социально-политической истории России, с. 8—38; Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси», с. 486—495; его же. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник, с. 39—43; См. также выступление В. Н. Бернадского о Б. А. Романове как исследователе социальных отношений в Древней Руси (Ананьич Б. В. и Панеях В. М. Указ. соч., с. 287).

нием. В новой историографической ситуации, возникшей после XX съезда КПСС, когда выяснилось, что выстроенная Б. Д. Грековым история складывания феодализма в России не во всем оказалась достаточно аргументированной, и, в частности, был поставлен под сомнение ее основополагающий тезис о раннем возникновении крупной феодальной вотчины, логично было обратиться к исследованиям Б. А. Романова (а также С. В. Юшкова, С. В. Бахрушина, В. А. Пархоменко, М. Д. Приселкова, К. В. Базилевича, А. Н. Насонова, А. А. Зимина) и попытаться продолжить разработку концепции более позднего генезиса русского феодализма. Однако этого не произошло.

Сыграло, по-видимому, свою роль стремление сохранить вывод Б. Д. Грекова о раннем вызревании русского феодализма. Так, в работах Б. А. Рыбакова генезис русского феодализма без достаточных оснований удревляется в еще большей степени, чем у Б. Д. Грекова⁸⁷. Л. В. Черепнин выдвинул и обосновал концепцию государственной феодальной собственности и государственного феодализма в условиях Древней Руси⁸⁸, получившую интенсивную поддержку и широкое распространение (см. труды А. Д. Горского, С. М. Каштанова, В. И. Корецкого, В. Д. Назарова, М. Б. Свердловца), хотя вызвавшую также и критику (см. труды И. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, А. И. Копанева, Ю. Г. Алексеева, Н. Е. Носова, А. Л. Шапиро, И. Я. Фроянова, Д. И. Раскина). В рамках этой концепции ранний генезис феодализма не связывался с возникновением крупной феодальной вотчины. В таких условиях концепция Б. А. Романова оказалась как бы невостребованной.

Незадолго до выхода в свет в 1947 г. книги «Люди и нравы Древней Руси», было опубликовано большое исследование И. И. Смирнова о Судебнике 1550 г.⁸⁹ И. И. Смирнов пришел к выводу о том, что этот правовой кодекс являлся отражением антибоярской политики правительства Ивана IV 50-х гг. XVI в., опиравшегося на дворянство и посад. Б. А. Романов отзывался об этой работе с большим уважением, отметив на заседании группы истории СССР ЛОИИ в июне 1948 г., что в ней «Судебник этот предстает перед нами как документ, вышедший из пекла острой социально-политической борьбы на критическом этапе истории Русского государства»⁹⁰. Перед собой же Б. А. Романов поставил задачу помочь читателю уловить мельчайшие черты этой борьбы в тексте памятника, показать, что он «дает для понимания русской жизни в условиях его времени и для реконструкции существенных черт русского исторического процесса на данном этапе». По мере работы над Судебником 1550 г. Б. А. Романов все больше убеждался в необходимости исследования ряда капитальных вопросов, без чего обойтись, по его убеждению, было просто невозможно. Он и предпринял усилия в этом направлении, опубликовав ряд статей, в которых с опорой на Судебник 1550 г. подверглись анализу отдельные, прежде всего спорные, проблемы социально-экономической истории Русского государства середины XVI в.⁹¹

⁸⁷ О слабой доказательности построений Б. А. Рыбакова см. выступление А. П. Новосельцева (Круглый стол: историческая наука в условиях перестройки.— Вопросы истории, 1988, № 3).

⁸⁸ Подробно см.: Назаров В. Д., Советов П. В. Государственная феодальная собственность в России и Молдавии в советской послевоенной историографии и труды Л. В. Черепнина.— В кн.: Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987, с. 102—109.

⁸⁹ Смирнов И. И. Судебник 1550 г.— Исторические записки, 1947, т. 24, с. 267—352.

⁹⁰ См.: Валк С. Н. Борис Александрович Романов.— Исторические записки, т. 62, с. 278; его же. Борис Александрович Романов.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России, с. 31—32.

⁹¹ Романов Б. А. Судебник Ивана Грозного (По поводу исследования И. И. Смирнова).— Исторические записки, 1949, т. 29, с. 200—235; его же. К вопросу о земельной политике Избранной рады (ст. 85 Судебника 1550 г.).— Исторические записки, 1951, т. 38, с. 252—269; его же. О полном холопе и сельском поле в Судебнике Ивана Грозного.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 140—145; его же. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служивых кабалах XVI в.— Исторические записки, 1955, т. 52, с. 325—335.

Все они полностью или в сокращенном виде вошли в исследовательский комментарий к Судебнику⁹².

В последнем были также учтены, как отметил впоследствии И. И. Смирнов, результаты внутренней полемики между ним и Б. А. Романовым, частью письменной, частью устной, сопровождавшей весь период работы над комментарием⁹³. Эта полемика велась главным образом по вопросу об общей социально-политической направленности в законодательной работе 1549—1551 гг. В отличие от И. И. Смирнова, Б. А. Романов пришел к выводу, что Судебник 1550 г. не являлся документом, в котором отразилась антибоярская политика Ивана IV и что, настаивая на этом, И. И. Смирнов «несколько упреждает ход событий», видит уже в 50-х гг. «следы микропричины».

Б. А. Романов считал, то в сфере социальной «внутриклассовые интересы» еще не были «разрешены», почему и тексты статей Судебника «носят следы этой неразрешимости и закулисной борьбы, следы, требующие пристального внимания к расстановке борющихся сил»⁹⁴. Не отрицая «расхождения интересов крупных вотчинников и мелких помещиков уже в данный момент», Б. А. Романов констатирует в то же время, что невозможно «отрицать в составе правительства царя Ивана в 1550 г. ... представительства интересов „дворян-помещиков”»⁹⁵. Именно поэтому, по его мнению, социальные статьи Судебника носят компромиссный характер, что накладывает отпечаток и на весь кодекс. Общая точка зрения Б. А. Романова на Судебник 1550 г. примыкает в некоторой мере к оценке С. В. Бахрушиным политики Избранной рады, хотя последний высказал свою идею в общей форме, недостаточно ее аргументировав, а Б. А. Романов обосновал ее на материалах Судебника и последующего законодательства 50-х гг. подробно и последовательно.

Эта оценка Судебника и расхождение с концепцией И. И. Смирнова проявились, пожалуй, наиболее отчетливо при комментировании ст. 85, которая отразила общие тенденции в политике правительства Ивана IV в сфере феодального землевладения. Если И. И. Смирнов считал, что она ограничивала право родового выкупа и тем самым должна была способствовать переходу боярских земель в «чужие руки», т. е. в руки дворян-помещиков, то Б. А. Романов определил эти «чужие руки» в качестве рук монастыря. «Монастырский ростовщический капитал» представал здесь «в совершенно разнуданном виде, как грызун, принявший точить оборонный земельный фонд государства», а право родового выкупа вотчин в ст. 85 выступило как «всеобщее для вотчинников всех мирских общественных групп и масштабов орудие обороны против „стороннего человека“ в лице монастыря»⁹⁶. В «основных установках земельной политики правительства царя», таким образом, «п о к а не было ничего направленного „против княжат и бояр“ (в противоположность мнению И. И. Смирнова.— В. П.), т. е. к подрыву их вотчинного землевладения»⁹⁷.

В том же духе Б. А. Романов интерпретировал, например, и ст. 43 Судебника, касающуюся иммунитета, острне которой было направлено не против привилегированного землевладения вообще, а только против землевладения церковного⁹⁸, и новеллу о полном холопе в ст. 88, отрицая толкование ее И. И. Смирновым в плане защиты интересов помещиков от боярских вотчинниковых «обид»⁹⁹, и ст. 81 и 82, которые, по мнению И. И. Смирнова, направлены к защите детей боярских от угрозы закабаления, а по

⁹² Судебник 1550 г. Комментарий. — В кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 181—340.

⁹³ См.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, с. 309.

⁹⁴ Романов Б. А. Судебник Ивана Грозного, с. 235.

⁹⁵ Романов Б. А. К вопросу о земельной политике Избранной рады, с. 269.

⁹⁶ Судебники XV—XVI веков, с. 313.

⁹⁷ Там же, с. 315.

⁹⁸ Там же, с. 218—232.

⁹⁹ Там же, с. 319—325; Романов Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного, с. 140—145.

оценке Б. А. Романова — имели в виду трудовой резерв именно из состава детей боярских (неслуживых), каковой данные статьи гонят именно в кабальную зависимость¹⁰⁰. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Работа над Судебником 1550 г., несмотря на первоначальную нерасположенность Б. А. Романова к его комментированию, очень увлекла его и даже подтолкнула к размышлениям о воплощении давней мечты — написании работы о времени Ивана Грозного, быть может, в форме книги о людях и нравах XIV—XVI вв. (наподобие «Людей и нравов Древней Руси»)¹⁰¹, мечты, которой так и не суждено было осуществиться.

Среди трудов Б. А. Романова имеются и другие работы, посвященные ряду общих и частных проблем истории России эпохи феодализма. Отметим его рецензию на книгу С. Ф. Платонова «Борис Годунов»¹⁰², большое, посмертно изданное исследование о русском сельском поселении, написанное еще в середине 30-х гг. в качестве развернутой рецензии на книги Н. Н. Воронина («К истории сельского поселения феодальной Руси». Л., 1935) и С. Б. Веселовского («Село и деревня в Северо-Восточной Руси». М.—Л., 1936)¹⁰³, характером и исследовательскими задачами напоминающее знаменитые дореволюционные отчеты о присуждении Уваровских премий, примыкающую к нему источниковедческую статью о жалованной грамоте Олега Рязанского¹⁰⁴, очерк истории Великого княжества Тверского от его выделения в особое княжение (1246 г.) и до конца существования (1486 г.)¹⁰⁵, часть раздела (посвященную анализу письменных источников) о деньгах и денежном обращении для «Истории культуры Древней Руси»¹⁰⁶, рецензию на книгу Д. С. Лихачева о русском летописании¹⁰⁷. Принимал участие Б. А. Романов вместе с Д. С. Лихачевым в переводе на современный русский язык «Повести временных лет» для серии «Литературных памятников»¹⁰⁸. Наконец, Б. А. Романов подготовил к печати все три тома лекций, прочитанных его учителем А. Е. Пресняковым в Петербургском университете, проведя большую работу над сохранившимися их записями, в частности, проверил и дополнил все незавершенные детали рукописи (два тома были изданы¹⁰⁹, третий сохранился в корректуре и теперь намечен к изданию).

Труды Б. А. Романова, посвященные истории России эпохи феодализма, относятся к вершинным достижениям советской исторической науки. Все они явились результатом его подвижнической работы, отражают неповторимые черты личности этого замечательного человека и ученого.

¹⁰⁰ Судебники XV—XVI веков, с. 291—296.

¹⁰¹ Валк С. Н. Борис Александрович Романов.— Исторические записки, т. 62, с. 280.

¹⁰² Романов Б. А. [Рец. на кн.:] С. Ф. Платонов. Борис Годунов. Пг., 1921.— Дела и дни, 1921, кн. 2, с. 212—223.

¹⁰³ Романов Б. А. Изыскания о сельском поселении эпохи феодализма (По поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского).— В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л., 1960, с. 327—476.

¹⁰⁴ Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю.— Проблемы источниковедения. Т. 3. М.—Л., 1940, с. 205—224.

¹⁰⁵ Романов Б. А. Родина Афанасия Никитина — Тверь XIII—XIV вв. Историко-политический очерк.— В кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1948, с. 80—106.

¹⁰⁶ Романов Б. А. Деньги и денежное обращение.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.—Л., 1948, с. 370—381.

¹⁰⁷ Романов Б. А. [Рец. на кн.:] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.— Вестник Ленинградского университета, 1948, № 6, с. 136—139.

¹⁰⁸ Повесть временных лет. Перевод с 1016 и до конца.— В кн.: Повесть временных лет. М.—Л., 1950, ч. 1, с. 200—235.

¹⁰⁹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. М., 1938; т. II, 1939.

АКАДЕМИК Г.-Ф. МИЛЛЕР И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА XVIII ВЕКА

В русской историографии XVIII—XIX вв. вряд ли есть другой историк, который бы, как Г.-Ф. Миллер, и при жизни, и после смерти подвергался таким нападкам, суждения о котором были бы столь противоречивы, а научным наследием которого вместе с тем столь активно пользовались бы многие поколения специалистов, причем не только исследователей истории России эпохи феодализма, но и географов, этнографов, лингвистов, историков культуры и многих других. Пожалуй, нет смысла вновь повторять все то, что в разное время говорилось о Миллере, сравнивая различные позиции, опровергая те или иные положения. Автор настоящей статьи солидарен с мнением М. А. Алпатова, считавшего, что «„норманская“ теория, с которой давно и прочно ассоциируется имя Миллера... слишком часто заслоняла его несомненно значительный вклад в изучение истории России», в то время как «даже краткий обзор трудов и работ Миллера убеждает в многосторонности его интересов как историка и вряд ли позволяет считать, что названная „теория“ занимает в них главное место»¹. Интересные соображения, высказанные в последние годы тем же М. А. Алпатовым, Л. П. Белковец² и другими авторами, а также результаты изучения архивных источников позволяют подтвердить это мнение новыми фактами, вновь вернуться к вопросу о месте Миллера в русской историографии XVIII в.³

Диапазон научных интересов Миллера, как и других ученых-энциклопедистов — М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, был чрезвычайно широким. Внимание к его деятельности представителей различных специальностей связано не только с тем, что как истинный архивист Миллер хранил всякую, даже совсем бесполезную, на первый взгляд, бумажку, в результате чего возникли знаменитые «портфели» документов — коллекция, в которой в той или иной степени можно найти сведения едва ли не по любому вопросу, связанному с прошлым России. Дело в том, что ученый и сам оставил след в истории не только исторической науки. Так, во время Второй Камчатской экспедиции Миллер регулярно занимался астрономическими наблюдениями, результаты которых отсылал в Академию наук; первые уроки астрономии историк получил от самого И. Н. Деллеля⁴. Так же, как для Татищева, история России для Миллера была неотделима от географии. Ему мы обязаны изданием первого русского географического словаря, составленного Ф. А. Полуниным, но отредактированного и значительно дополненного Миллером. Именно он подготовил к печати и издал «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, и эту книгу также дополнив предисловием и картами собственного сочинения. Картография — еще одна, не оцененная по достоинству сфера деятельности ученого; он не только составил ряд карт, но и собрал сведения по истории русских «ландкарт» XVIII в., изложив их в специальной статье. Как неотделима была история от географии, так нераздельны были и история с этнографией. Этнографический мате-

---

Каменский Александр Борисович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного историко-архивного института.

¹ Алпатов М. А. Неуготимый труженик. О научной деятельности академика Г.-Ф. Миллера. — Вестник Академии наук СССР, 1982, № 3, с. 117. См. также: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII — первая половина XIX в. М., 1985, с. 19—27.

² Белковец Л. П. К вопросу об оценке историографических взглядов Г.-Ф. Миллера. — История СССР, 1985, № 4, с. 154—166.

³ Отчасти эта проблема уже затронута мною в статье «Г.-Ф. Миллер и наследие Татищева» (Вопросы истории, 1987, № 12, с. 154—158).

⁴ Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984, с. 78—79.

риал в изобилии имеется в «Истории Сибири», но не менее ценно и «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков»; многие этнографические материалы хранятся в «портфелях»⁵.

В историю отечественной лингвистики Миллер вошел прежде всего тем, что благодаря ему до нас дошли сведения о енисейских языках. Но историк не просто собирал те или иные лингвистические данные, но активно использовал их для решения научных задач. Практически во всех работах Миллера имеются замечания по этимологии отдельных русских слов и выражений; есть основания считать, что ученый принимал участие в работе Вольного Российского собрания по составлению «Словаря российского языка», а архивные материалы свидетельствуют и о намерении самостоятельно составить «Российский лексикон»⁶.

Изучая историю Сибири, Миллер не мог пройти и мимо археологических памятников. Сведения по археологии активно собирал в то время и Татищев, значение их хорошо понимали Ломоносов и многие другие, но первая специальная работа по археологии принадлежит перу именно Миллера⁷. Без имени Миллера невозможно представить себе и историю русской археологии. Помимо авторских сочинений своих современников (уже упомянутых трудов Полунина и Крашенинникова, а также «Истории Российской» Татищева и «Ядра Российской истории» А. И. Манкиева) Миллер издал Судебник Ивана Грозного с примечаниями Татищева, Степенную книгу, разрядные записи XVII в., переписку Петра I с Б. П. Шереметевым, проповеди Гавриила Бужинского. Он активно содействовал археографической деятельности Н. И. Новикова, снабжал его текстами исторических документов, представлял их для публикации в «Опыте трудов Вольного Российского собрания».

Издательская деятельность Миллера явилась непосредственным продолжением его деятельности журналиста. Приехав в Россию в 1725 г. двадцатилетним юношей, Миллер еще не успел зарекомендовать себя как ученый, ему предстояло искать свой путь в науке, но уже спустя два года он инициатор издания «Примечаний к Ведомостям» — первого русского литературного и научно-популярного журнала. Издавался этот журнал с января 1728 г. почти 15 лет, на его страницах печатались стихи Ломоносова и Тредиаковского, статьи Татищева и самого Миллера, сочинения по математике, химии, физике, философии и т. д. Журнал переставший выходить в 1742 г., но еще в том же XVIII столетии он трижды переиздавался. Если в отношении «Примечаний» Миллер выступил как их основатель, то в отношении другого журнала — «Sammlung Russischer Geschichte» — он уже выступил как редактор. Этот журнал был первым русским историческим журналом, хотя и на немецком языке. Но в XVIII в. немецкий язык знали все мало-мальски образованные люди и, следовательно, всякий, кто интересовался в то время русской историей, становился читателем журнала. А ведь именно на его страницах Миллер поместил не только ряд собственных сочинений, но и осуществил первую публикацию летописных текстов. Журналу суждено было сыграть важную роль и в ознакомлении Западной Европы с историей России. Собственно говоря, именно поездка самого Миллера за границу и подтолкнула его на мысль об издании журнала. В 1730—1731 гг. ученый побывал в Англии, Голландии и Германии, где он познакомился со многими видными учеными и был принят в члены ряда европейских научных обществ. Тесные связи с европейской наукой Миллер, никогда более за пределы России не выезжавший, сохранил до конца своих дней. Вот почему среди его корреспондентов —

⁵ О Миллере-этнографе см.: Косвен М. О. Г.-Ф. Миллер (к 250-летию со дня рождения). — Советская этнография, 1956, № 1; его же. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 г. — Труды Института этнографии. М. — Л., 1961, т. LXIV.

⁶ См.: Корнилова И. А., Каменский А. Б. «Собрание слов для Российской лексикона» академика Г.-Ф. Миллера. — В печати.

⁷ Миллер Г.-Ф. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных. — Ежемесячные сочинения, 1764, № 12, с. 483—515. Об археологических работах Миллера см.: Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986, с. 17—34.

не только астроном И. Н. Делиль и математик Л. Эйлер, знакомые Миллеру по совместной работе в Петербургской Академии наук, но и, например, знаменитый К. Линней.

Вернувшись в 1731 г. в Россию и начав в 1732 г. издавать «Sammlung Russischer Geschichte», Миллер, лишившийся в то время поддержки Шумахера, остро нуждался в укреплении своего научного авторитета. И вот, в 1733 г. он совершает решительный шаг, присоединившись ко Второй Камчатской экспедиции.

Десятилетнее пребывание ученого в Сибири расценено было потомками как своего рода научный подвиг. (Не случайно именно Миллер стал одним из героев поэмы К. Ф. Рыльева «Войнаровский».)

Нет нужды говорить о значении сибирской эпопеи Миллера, собранной им коллекции документов, на основе которой была написана «История Сибири», до сих пор сохранившая свою научную ценность. Особо подчеркнем колоссальное значение этой первой в истории отечественной науки археографической экспедиции для развития такой исторической дисциплины, как источниковедение. Ведь именно во время экспедиции в Сибирь Миллер открыл для науки делопроизводственные источники. Впоследствии они составили базу его трудов и по другим проблемам истории России.

Изданные в 1937—1940 гг. два тома «Истории Сибири» давно стали библиографической редкостью. Между тем А. И. Андреевым был подготовлен к изданию третий том, за которым должен был последовать и четвертый. Думаю, есть все основания утверждать, что научное издание полного текста «Истории Сибири» — насущная потребность исторической науки. Дело, столь блестяще начатое замечательными советскими историками С. В. Бахрушиным и А. И. Андреевым, должно быть доведено до конца.

Научные материалы, привезенные Миллером из Сибири, могли бы легко обеспечить ему безбедное существование и славу ученого на его родине, в Германии, или в любой другой европейской стране, но он решил иначе: в 1748 г. историк окончательно связал свою судьбу с Россией, приняв российское подданство. Быть может, год спустя он об этом пожалел. Говоря так, мы имеем в виду знаменитую дискуссию Миллера с Ломоносовым по «варяжскому» вопросу. Знакомясь с материалами дискуссии, вновь и вновь поражаешься научной прозорливости Ломоносова (свойству истинно гениального ученого!), ведь уровень развития исторической науки того времени не позволял тогда, да и много позже научно доказать его правоту.

Об этой дискуссии написано множество работ. И все же оценке дискуссии 1749 г. в нашей литературе не хватает объективности. Это понятно, поскольку, как отмечал М. А. Алпатов, «...варяжский вопрос родился не в сфере самой науки, а в сфере политики. Став затем научным, он не только не утерял свою прямую связь с политикой, но, напротив, навсегда оказался связанным со жгучими политическими и национальными проблемами современности»⁸. Но в том-то и дело, что Миллер к решению этого вопроса подходил именно как ученый, а имевшиеся в его распоряжении источники (которые он, кстати, в то время знал лучше Ломоносова), иного решения и не допускали. Миллера трудно заподозрить в намерении оскорбить русский народ, ибо его отношение к России и ее народу всегда было таково, что даже Шлецер, отнюдь не питавший к нему дружеских чувств, вынужден был назвать Миллера «горячим патриотом... в отношении достоинства России»⁹. Взгляды Миллера на «варяжский» вопрос впоследствии претерпели изменения. Он пришел к выводу о появлении Рюрика с братьями на Новгородской земле в качестве предводителей наемных дружин, позднее насильственно захвативших власть в Новгороде. Такая трактовка летописного рассказа о призвании варягов не потеряла своего научного значения и в наши дни. И, наконец, последнее, что необходимо сказать в связи с дискуссией 1749 г.; еще не все ее материалы введены в научный оборот, неизученным остается «журнал», который на протяжении всей дискуссии вел Миллер и который хранится в его «портфелях» в ЦГАДА.

⁸ Алпатов М. А. Русская историческая мысль..., с. 9.

⁹ Шлецер А.-Л. Общественная и частная жизнь. СПб., 1875, с. 25—26.

Политическая подоплека научного спора между учеными предопределили административный характер его завершения: «скаредная диссертация» Миллера была предана огню. Историк был нанесен ощутимый удар, от которого он в полной мере не оправился до конца жизни.

Следующий, длиною в десять лет этап научной деятельности Миллера связан с журналом «Ежемесячные сочинения», первый номер которого появился в январе 1755 г. В любом труде по истории русской журналистики, изданном в последние десятилетия, можно прочесть, что журнал этот был основан Ломоносовым, но редактором был Миллер. В некоторых работах уточняется, что назначение Миллера явилось следствием козней врагов Ломоносова. Характеризуя журнал, все без исключения авторы сходятся в его высокой оценке, но Миллер оказывается как бы ни при чем. Подобная трактовка впервые, по-видимому, была выдвинута П. Н. Берковым в его монографии «История русской журналистики XVIII века». Аргументы автора сводятся к следующему. В 1753 г. И. И. Шувалов, находившийся в это время в Москве, попросил Ломоносова прислать ему комплект «Примечаний к Ведомостям». Ломоносов исполнить просьбу не сумел, так как уже в то время журнал стал библиографической редкостью. В ответном письме Шувалову от 3 января 1754 г. Ломоносов высказал мысль о полезности издания Академией наук нового журнала. В том же 1754 году он написал статью «О должности журналиста». Именно эти факты дали возможность Беркову прийти к следующему выводу: «Вероятно, Шувалову идея Ломоносова пришла по душе, и ей был дан ход. Будучи всеильным в то время фаворитом Елизаветы, Шувалов, — очевидно, в неофициальном порядке — предложил тогдашнему президенту Академии наук гр. К. Г. Разумовскому издавать силами академиков журнал на русском языке»¹⁰. Легко заметить, что Берков здесь еще не утверждает, но лишь предполагает, и спорить с ним весьма затруднительно, ведь никакие факты ни в пользу его доводов, ни против неизвестны. Разговор Шувалова с Разумовским, конечно, мог состояться, хотя в равной мере допустимо, что его могло и не быть, а если он и произошел, то совершенно не обязательно, что в нем упоминался Ломоносов. Однако от предположения Берков переходит к утверждению: «... акад. Г.-Ф. Миллер... пользуясь связями с всеильным и враждебным Ломоносову Тепловым, захватил в свои руки редактирование „Ежемесячных сочинений“»¹¹. Между тем никаких фактов, подтверждающих это, повторяю, нет. Есть лишь одно обстоятельство, ускользнувшее от внимания Беркова. При обсуждении на заседании академической Конференции проекта журнала всем академикам было вменено в обязанность постоянно снабжать журнал материалами для публикации. При этом кто-то должен был собирать и обрабатывать все эти материалы и, таким образом, быть перед Академией ответственным за выпуск журнала. Кому сподручнее была подобная роль? По-видимому, тому, кто в силу своего положения в Академии был облечен правом требовать от своих коллег выполнения решений Конференции. Именно таково было положение Миллера, который с 1754 г. в течение 11 лет был конференц-секретарем Петербургской Академии наук.

Отстраненный от участия в журнале Ломоносов, по мнению Беркова, «отказался от прямого участия в „Ежемесячных сочинениях“. По крайней мере, за его подписью не напечатано за все время издания академического журнала ни одно произведение»¹². Правда, два его произведения в 1755 г. были напечатаны анонимно. Берков не заметил также и двух стихотворений Ломоносова, опубликованных в «Ежемесячных сочинениях» в 1764 г., а между тем под ними крупными буквами напечатано имя автора. Что же касается идеи создания журнала, то, надо полагать, она попросту, как говорится, витала в воздухе (в марте 1754 г. с аналогичным предложением выступил и Миллер)¹³.

¹⁰ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 83. Здесь и далее разрядка моя.— А. К.

¹¹ Там же, с. 84.

¹² Там же, с. 87.

¹³ См.: Примаковский А. П. Первый научно-популярный журнал в России.— Вестник АН СССР, 1955, № 5, с. 63—64.

Таковы факты и соображения, касающиеся истории журнала. Привести их было необходимо, но, в сущности, вопрос о том, кто его задумал, значительно менее важен, чем то, кто его издавал. Ведь взгляды редактора не могли не отразиться на выборе статей, авторов, определении лица журнала.

Характеризовать журнал в целом непросто, ибо в нем печатались и стихи, и проза, и статьи по физике, астрономии, метеорологии, биологии, геологии, агрономии, географии и т. д. Среди авторов «Ежемесячных сочинений» — В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, М. М. Херасков, П. И. Рычков, Ф. И. Соймов, С. А. Порошин, М. М. Щербатов, С. Я. Румовский и другие виднейшие представители русской науки и культуры того времени. На страницах журнала публиковались переводы из изданий ранних английских просветителей Р. Стила и Дж. Аддисона, из «Гражданина мира» О. Голдсмита, излагались теории К. Линнея и фон Юсти. Здесь же появились первые русские печатные переводы Вольтера.

Уже в первые месяцы существования «Ежемесячных сочинений» с его страниц прозвучал призыв заниматься русской историей. В статье «Сумнительства, касающиеся до Российской истории» Миллер рассматривает ошибку немецкого ученого И. Геснера, а затем предлагает своим читателям самим разобраться в поставленной задаче (речь шла о неточностях в хронологии ПВЛ) и прислать в редакцию журнала свои мнения, которые он как редактор готов опубликовать. Свой призыв Миллер повторяет вновь два года спустя в статье «Предложения как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве». Сочинения по истории России, написанные иностранными авторами, отмечает Миллер, полны ошибок, неточностей и просто несправедливых суждений и оценок в отношении русского народа. Происходит это из-за того, что иностранцы черпают сведения о России у своих же соотечественников, причем наибольшим доверием пользуются те, кто побывали в самой России. Последние же часто недовольны Российским государством, поскольку не нашли там легкого счастья. При этом ни на одном иностранном языке до сих пор не издана история России, написанная русским, да и на русском языке такого труда нет, и даже русская молодежь, интересующаяся историей своего отечества, вынуждена читать иностранных авторов. Как исправить положение? Миллер предлагает несколько способов. Во-первых, надо писать труды по русской истории. Начать же надо с издания того, что уже имеется, прежде всего летописей и «Истории Российской» В. Н. Татищева. И если создать крупный сводный труд по истории России нелегко, то полезно составлять историко-географические описания отдельных регионов, как сделал П. И. Рычков в своем труде по истории Оренбургской губернии. И, наконец, еще один способ — писать примечания на выходящие за рубежом книги о России.

Таково содержание статьи. Прежде всего надо заметить, что последнее предложение Миллера получило в России XVIII в. широкую поддержку, и сам историк был автором целого ряда примечаний на работы иностранных авторов. В статье обращают на себя внимание высокая оценка трудов Рычкова и призыв к изданию трудов Татищева, неоднократно повторявшийся на страницах журнала. Но вот еще одно обстоятельство, до сих пор остававшееся не замеченным исследователями. Статья появилась в марте 1757 г., в то самое время, когда правительство Елизаветы Петровны по инициативе И. И. Шувалова обратилось к Вольтеру с предложением написать историю России в царствование Петра I. Как известно, Ломоносову и Миллеру было поручено снабжать Вольтера необходимыми материалами. Ломоносов был обижен и пытался принудить Вольтера работать по предложенному им плану. Но, надо полагать, что Миллер был обижен не менее Ломоносова, ведь он к тому же официально носил звание русского историографа. В результате и появилась статья, основная мысль которой проста: русскую историю должны писать прежде всего свои, отечественные историки.

Статья 1757 г. — не единственная, где Миллер обращается к теме «иностранцы писатели о России». Еще в феврале 1755 г. он опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» небольшую статью «Рассуждение о двух браках, введенных чужестранными

писателями в род великих князей всероссийских». Она посвящена разбору двух сочинений, вышедших в Германии, в которых доказывалось происхождение рода русских великих князей и герцогов Брауншвейг-Люнебургских от одного корня в результате брака одного из киевских князей. Миллер тщательно анализирует показания различных иностранных источников, сравнивая их с данными русских летописей, отдавая при этом предпочтение последним. С одной стороны, считает Миллер, «российские летописи не так совершенны, чтоб нужды не было пополнять их из чужих известий», но делать это можно лишь в том случае, когда «дела так предлагаются, что подлинным известиям российским не прекословят, или по оным изъясняемы быть могут». Этот принцип Миллер иллюстрирует на примере двух разбираемых им работ и в результате приходит к выводу о том, что утверждения их авторов ошибочны. При этом историк замечает, что даже если бы иностранные авторы оказались правы, то к царствующему дому Романовых это все равно не имело бы никакого отношения. Это замечание указывает и на второй — политический смысл статьи, ведь она была написана в период царствования Елизаветы Петровны, пришедшей к власти как раз в результате свержения Брауншвейгской фамилии.

В 1761 г. на страницах «Ежемесячных сочинений» появляется новая работа Миллера — «Опыт новейшей истории о России», которая рассматривалась им как продолжение «Истории Российской» Татищева. Начинается эта работа с того, с чего сегодня начинается всякое историческое исследование, — с обзора источников. При этом, не разделяя еще источники в современном значении этого понятия и литературу вопроса, Миллер, однако, сразу же делит их по происхождению — на русские и иностранные, отмечая при этом, что иностранные авторы «слышали много несправедливо, худо разумели и несправно рассуждали». Далее автор характеризует «Летопись о многих мятежах», Степенную книгу, хронографы, разрядные и родословные книги, труды Татищева и Манкьева и, наконец, «архивные письма», вывезенные из Сибири. Таким образом, источниковая база «Опыта» была весьма широка, многие источники впервые вводились в научный оборот. Здесь уместно заметить, что, как недавно установлено С. С. Илизаровым, именно Миллер впервые в исторической науке употребил термин «источник». Илизаров отметил два случая использования этого термина в «Истории Сибири», а во время дискуссии с Ломоносовым один раз был употреблен его латинский эквивалент. При этом в дальнейшем ни Миллер, ни его оппонент к этому термину не прибегали, а следовательно, «его употребление для самого автора явилось едва ли не случайным». Впервые после Миллера термин «источник» на русском языке употребил Шлецер в 1767 г.¹⁴ Такой вывод представляется несколько поспешным. Во всяком случае, в 1758 г. в одной из статей, опубликованных также в «Ежемесячных сочинениях», Миллер снова использует этот термин, причем даже в несколько более близком к современному значении, чем в примерах, приведенных Илизаровым¹⁵.

Источниковедческие замечания Миллера безусловно способствовали развитию этой научной дисциплины, но не менее интересно и содержание «Опыта». Перед ученым стояла сложная задача описать события одного из самых трагических периодов русской истории. Но, как считал Миллер, «должность историка требует, чтоб о всем объявить беспристрастия», и поэтому, не пытаясь опровергнуть версию о «злодействах» Бориса Годунова, он, однако, признает в нем ум и способности незаурядного государственного деятеля. По мнению Миллера, в правление Годунова произошло укрепление Российского государства, его международного авторитета. Он особенно отмечает усилия Годунова по распространению просвещения, по борьбе с голодом, миролюбивую внешнюю политику. Однако погубили Бориса «ненависть, ревность, страх и подозрения, яко обык-

¹⁴ Илизаров С. С. О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. — Источниковедение отечественной истории, 1984. М., 1986, с. 201—202.

¹⁵ Ежемесячные сочинения, 1758, т. II, с. 204.

новенные спутники времяшников». Эти качества Годунова одержали верх в его характере, и в результате привели к падению. Таким образом, причины этого падения, по Миллеру, нравственного характера. Подобная точка зрения отличалась от позиции последователей Миллера — М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина.

Еще в предисловии к своему труду Миллер писал, что время, которому посвящен «Опыт», не такое, «которое великолепно представляется мыслям нашим, или которого память достойно бы было выхвалять потомству». Но история подобна картине, где мрачные события оттеняют события светлые. Так, разве можно было бы по достоинству оценить заслуги великих князей московских, собравших под своей державой Русь в единое государство, если бы этому не предшествовали мрачные времена раздробленности и монголо-татарского ига? Причем, если история призвана играть нравоучительную роль, то описание людских пороков может быть едва ли не полезнее описания добродетелей. «Человеку сродно,— пишет Миллер,— взирать на доброе дело... яко обыкновенное, без великого восторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Пускай порок примет вид добродетели, сколь долго может, время делает оной извесным и мерским». Эти, актуально звучащие и сегодня рассуждения автора первого в отечественной истории труда по истории Смуты ему не помогли: по распоряжению Конференции при высочайшем дворе публикация «Опыта» была прервана.

Спустя несколько месяцев Миллер начал печатать в «Ежемесячных сочинениях» другой свой труд, которому также суждено было сыграть существенную роль в историографии. Это было «Краткое известие о начале Новагорода». Тема новгородской «вольницы» занимает видное место в русской литературе XVIII в. О Новгороде каждый по своему писали А. П. Сумароков и Я. Б. Княжнин, Екатерина II и И. Н. Болтин, А. Н. Радищев. Последний, как убедительно показал С. Л. Пештич, пользовался статьей Миллера¹⁶.

Миллер довел историю Новгорода до середины XVII в., уделив особое внимание присоединению Новгорода к Москве. Историк предпринял и попытку описать общественное устройство Новгородской вехевой республики, указав при этом, что вехевой колокол «почитался защитоу города и явным свидетельством народной вольности». Вместе с тем, относясь к демократическим порядкам Новгорода с определенной долей симпатии, Миллер выступает здесь как сторонник централизованного государства и о присоединении Новгорода пишет с одобрением. В своей статье историк вновь коснулся вопроса о происхождении русского народа, на сей раз возводя славянскую государственность к племени роксоланов. Впервые в этой работе прозвучала и тема городских восстаний XVII в.

Названные статьи составляют лишь небольшую часть работ Миллера, опубликованных в «Ежемесячных сочинениях», и может создаться впечатление, что, пользуясь положением издателя, историк монополизировал право на публикацию в журнале исторических трудов. Однако, внимательно рассмотрев содержание журнала за все десять лет его существования, легко увидеть, что это не так. Миллер старался распределить материал в журнале довольно равномерно и в каждом номере помещать хотя бы одну статью исторического или географического содержания, причем непременно оригинальную, не переводную. Но таких статей было очень немного. Профессора Петербургской Академии наук не спешили выполнять данное при основании журнала обещание активно участвовать в его издании. Когда же оригинальные сочинения появлялись, Миллер с удовольствием уступал место. Так, например, в 1759 г. в «Ежемесячных сочинениях» не было ни одной его статьи, ибо в одиннадцати из двенадцати номеров печаталась «История Оренбургская» П. И. Рычкова. То же повторилось в 1762 г.: одиннадцать номеров заняты «Топографией Оренбургской» Рычкова и опять ни одной статьи Миллера. В 1763 г. на смену Рычкову приходит Ф. И. Соимонов: с января по ноябрь печаталась «История Оренбургская» Ф. И. Соимонова.

¹⁶ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. ч. II, с. 222.

тается его сочинение «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого».

Не имея возможности остановиться подробно на всех статьях Миллера в «Ежемесячных сочинениях», отмечу лишь, что и статья по этнографии народов Поволжья, и первая русская статья по археологии, и статья по истории русских ландкарт появились на страницах этого журнала. К этому следует добавить «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морям, с Российской стороны учиненных» (первая работа по истории географических открытий в Сибири и на Дальнем Востоке), «Известие о бывшем городе Низншанце», ряд статей по истории русско-китайских связей, главы из «Истории Сибири», статью «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оная». Можно с уверенностью сказать, что если «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник»¹⁷, а на протяжении XVIII — начала XIX в. комплект журнала дважды целиком переиздавался, то не последнюю роль в этом играли исторические труды Миллера. Именно в «Ежемесячных сочинениях» были опубликованы первые работы по целому ряду вопросов, открывшие начало изучения важнейших проблем русской истории эпохи феодализма. Исторические знания, причем не только о событиях и людях прошлого, но и об источниках и трудах по истории России впервые получили столь широкую аудиторию. Можно лишь пожалеть, что обстоятельства сложились таким образом, что 1764 г. стал последним годом издания журнала.

1 января 1765 г. указом Екатерины II Миллер был назначен главным надзирателем Московского воспитательного дома. В литературе высказывались различные предположения относительно причин, побудивших историка принять это назначение. Думаю, разгадка проста: Миллеру было уже 60 лет, возраст по понятиям XVIII в. весьма почтенный, в Петербурге у него было много врагов и много разных обязанностей, отвлекавших от основного дела — занятий русской историей. Еще в 1762 г. в одном из частных писем Миллер написал слова, удивительно современно звучащие и сегодня: «Протоколы заседаний, внешняя и внутренняя переписка, издание в свет „Комментариев“ и русского журнала, над которым я, не имея помощников, работаю восьмой уже год, отнимают у меня чрезвычайно много времени, а между тем силы меня покидают, и я едва в состоянии выносить работу до 12 и до часа ночи. Историк страны, о которой еще так мало написано, должен быть занят одною этою работою»¹⁸.

Москва сулила историку возможность спокойной службы и научных занятий. Однако бросать журнал было, видимо, все же жалко, и Миллер настоятельно просил Академию наук продолжать издание «Ежемесячных сочинений», обещая свою помощь и предлагая составить содержание на год вперед. При обсуждении судьбы журнала Ломоносов выступил с проектом издания вместо «Ежемесячных сочинений» ежеквартального журнала по вопросам экономики и физики. На вопрос же академической канцелярии, согласится ли кто-либо из профессоров продолжить издание «Ежемесячных сочинений», положительного ответа получено не было.

В решении Миллера перебраться в Москву определенную роль сыграло, по-видимому, еще одно обстоятельство — именно в Москве находились крупнейшие архивы того времени. Еще в 1746 г. в отвергнутом академическим начальством проекте исторического департамента Академии наук историк писал: «Весьма бы полезно было, чтоб историографу со своею экспедициею жить в Москве; ибо сей город за центр всего государства почесть можно, где всякие известия способнее и скоряе получены быть могут, также и в разсуждении того, что тамошняа архивы <...> историограф сам пересматри-

¹⁷ Болховитинов Евгений. Словарь русских светских писателей. М., 1845, т. II, с. 67.

¹⁸ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870, т. I, с. 387—388

вать имеет...»¹⁹. Вероятно, к этому же времени относится записка «Важности и трудности при сочинении Российской истории», черновик которой находится в «портфелях». В 24 пунктах этой записки перечислены важнейшие проблемы истории феодальной России, большинство из которых остается актуальным и по сей день. Среди них — происхождение варягов, история крещения Руси (по мнению Миллера, христианство появилось на Руси еще до Ольги), история славянской письменности, определение границ Киевской Руси в правление Святослава Игоревича и Владимира Святославича, изучение Русской Правды, феодальная раздробленность на Руси, история Рязанского, Муромского, Смоленского княжеств, княжение Юрия Долгорукого, история основания и строительства Москвы, история Великого княжества Владимиро-Суздальского, Новгородской республики, Тверского, Ростово-Ярославского и Нижегородского княжеств, генеалогия великих и удельных князей, история патриаршества²⁰. Некоторыми из этих проблем Миллер уже занимался сам, другие же и через двадцать лет после составления записки оставались неизученными. Сочетать работу над этими проблемами с обширной административной деятельностью шестидесятилетнему ученому было уже не под силу.

Попад в Москву, Миллер почти сразу же стал хлопотать о переводе в Архив Коллегии иностранных дел. При этом должность, которую он мог рассчитывать получить, была явно ниже той, которую он занимал при Воспитательном доме. Архив находился в непосредственном подчинении Московской конторы Коллегии иностранных дел, возглавлявшейся М. Г. Собакиным — крупным чиновником и поэтом-любителем, ничего, однако, не смыслившим в документальных богатствах, оказавшихся под его началом. Так, например, он полагал, что все «челобитческие дела» следует уничтожить, так как «тех людей и в живых нет и по челобитью их тогда ж решение чинено»²¹. Помимо Собакина в архиве имелись и другие столь же «опытные» архивисты. Миллера, однако, все это не останавливало. «Если я соглашусь принять на себя должность смотреть над архивами, — писал Миллер вице-канцлеру А. М. Голицыну 9 января 1766 г., — то, конечно, не для того, чтоб я хотел более жалованья, нежели теперь получаю и не для получения ранга. Я весьма доволен своим щастьем. Я не искал никогда наружной отмены, стремясь единственно только оказать услуги империи, которой я служу уже более сорока лет. Во-первых, я старался привести в совершенство российскую историю, которую, хотя мне должно было оставить, однако я, оставя оную с великим сожалением, льщусь опять войти в сие дело и трудиться также для Академии, от которой я получу пенсион, если буду употреблен к архивам»²². В конце марта желание историка было, наконец, удовлетворено: именным указом ему было повелено находиться при Архиве Коллегии «для разбору и описи дел».

Миллер сразу же активно взялся за работу. В рапорте в Коллегию от 5 июня 1766 г. он сообщал: «Первые дни препровождал я свидетельствованием архивы, в каком ныне состоянии находится и какие преж сего описи делам сочинены». И хотя «при сем разборе приключилась мне жестокая болезнь в голове, для которой я 26 мая из ноги кровь пустил...», но не желяя «время препроводить втуне», «сочинил я на французском языке примечания на лист короля французского Лудовика XIII, писанной к государю царю Михайлу Феодоровичу 1635 году»²³. Слущая месяц Миллер отправляет в Коллегию еще одну работу — «изъяснение краткого содержания» дневников генерала Патрика Гордона. С одной стороны, историк, видимо, всячески стремился доказать начальству свою полезность, с другой — демонстрировал научное значение архивных документов. Нетрудно представить чувства, испытанные Миллером, когда он ближе познакомился с составом архива, ведь он был первым профессиональным историком, пришедшим сюда, где еще ни один документ не был изучен.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 199, портфель 421, д. 4, л. 13.

²⁰ Там же, портфель 150, ч. 19, л. 381—381 об.

²¹ Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1946, т. 1, с. 7.

²² ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 42, л. 1—1 об.

²³ Там же, л. 143—144.

Тема «Миллер и архивы» заслуживает специального рассмотрения. Здесь же необходимо сказать, что ученым были высказаны интересные соображения о систематизации архивных документов и создании к ним научно-справочного аппарата, было немало сделано для разбора, описания и обеспечения сохранности документов. Еще в 1746 г. в проекте исторического департамента Миллер писал о необходимости изучения материалов, хранящихся в губернских, провинциальных и городских архивах; во второй половине 70-х гг., будучи уже управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел, ученый высказывался за объединение всех архивов страны под единым началом. Миллер явился воспитателем первого поколения русских архивистов — М. Н. Соколовского, Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского, под его руководством архив Коллегии превратился в научный центр, с которым были тесно связаны позднее члены Румянцевского кружка, Н. М. Карамзин, П. М. Строев и многие другие.

Московский период жизни Миллера был, пожалуй, самым благополучным. Именно в то время он прочно завоевал репутацию ведущего русского историка. Определенную роль в укреплении положения ученого сыграл и интерес к истории России со стороны Екатерины II. Уже вскоре после дворцового переворота 1762 г. Миллер был принят новой императрицей и преподнес ей комплект «Sammlung Russischer Geschichte»; вскоре ему было поручено помогать фельдмаршалу Миниху в написании его мемуаров. В 1767 г., когда Екатерина II прибыла в Москву для открытия Уложенной комиссии, Миллер вновь был принят ею, хлопотал о разрешении купить новое здание для архива Коллегии; по предложению императрицы историк был избран депутатом Уложенной комиссии от Академии наук. Деятельность Миллера в комиссии малозаметна, однако именно для нее он написал сочинение «О российском дворянстве», легшее позднее в основу его книги «Известие о дворянах». Дискуссии в Уложенной комиссии послужили, видимо, и толчком к обширной деятельности Миллера и его сотрудников по сбору историко-генеалогических материалов, благодаря чему в архиве были собраны ценнейшие материалы, оригиналы многих из которых не сохранились. По сути дела, речь впервые шла о воссоздании истории целого сословия²⁴.

В 1771 г. французский издатель Робине обратился к вице-канцлеру А. М. Голицыну с письмом, в котором предлагал русским ученым принять участие в дополнении нового издания Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера статьями о России. О письме Робине было доложено Екатерине II, которая повела Академию наук подготовить соответствующие статьи. На чрезвычайном заседании Академической конференции 17 августа 1771 г. исполнение этого приказа было возложено на Миллера. Историк активно взялся за дело, используя как свои старые работы, так и готовя новые. Распоряжение императрицы не застало его врасплох, так как еще за несколько месяцев до того женева издатель Крамер через русского посла в Гааге князя Д. А. Голицына просил об исправлении статей о России в Энциклопедии для нового ее издания, что также было поручено Миллеру. Историк прежде всего отослал в Петербург свою работу «О народах, издревле в России обитавших». «Мое намерение, — писал Миллер в Академию наук, — при сем касалось не до одних энциклопедистов, но до всякого роду читателей, следовательно, и до тех, которые о российской истории полное понятие получить желают, следовательно и до предбудущих российских историописателей, чтоб им подать повод к описаниям тех произражденей, которые по сие время несколько в темноте у нас остались»²⁵.

Распоряжение о написании статей для Энциклопедии застало Миллера в разгар работы над «Географическим лексиконом» Ф. А. Полунина. Историк заново написал для лексикона такие важнейшие статьи, как «Россия», «Москва», «Петербург», допол-

---

²⁴ См.: Каменский А. Б. О попытках составления родословной книги во второй половине XVIII в. — В кн.: Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985, с. 78—83.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, портфель 150, ч. 1, д. 24, л. 2.

нил многие другие статьи, используя труды Татищева и архивные материалы. Ко времени начала работы над статьями для Энциклопедии первые два листа лексикона уже были отпечатаны, и Миллер их также отослал в Академию наук для перевода на французский язык. В конечном счете участие русских ученых в Энциклопедии не состоялось, но ряд статей Миллером был написан, их черновики хранятся в ЦГАДА.

В одном из писем Миллера вице-директору Академии наук А. А. Ржевскому, написанном в связи с работой для Энциклопедии, историк как бы приоткрывает завесу над своей творческой лабораторией: «Я не из числа тех сочинителей, которые себя ласкают, якобы свои сочинения одним махом в совершенство привести могли. Сколь часто я оные вновь пересматриваю, то мне по моей от самолюбия отдаленной старости кажется, что подвержены многим недостаткам. Итак, я всегда в своих сочинениях много поправляю и, что после найдется, к делу служащее, приписываю»²⁶. Действительно, многочисленные черновики сочинений Миллера, сохранившиеся и в «портфелях» в ЦГАДА (ф. 199), и в архивном фонде Ленинградского отделения Архива АН СССР (ф. 21), свидетельствуют о кропотливой длительной работе буквально над каждой строчкой и позволяют проследить все этапы создания его научных трудов. Первые черновики читать практически невозможно из-за бесчисленных помарок, вставок, зачеркиваний, исправлений. Вторые черновики уже чище, с них рукописи переписывались набело переписчиком. Эти беловые рукописи Миллер вновь правил, а затем их вновь переписывали. При этом, если работа писалась по-немецки, историк всегда сам редактировал русский перевод, делая вставки и исправления, в результате которых текст подчас становился совсем иным, чем в немецком оригинале. Значительная часть работ Миллера была первоначально написана на родном ему немецком языке, однако некоторые сразу же писались по-русски. Среди них — книга «Известия о дворянах российских», созданная в 1776 г. по заказу Екатерины II.

Об историографическом и источниковедческом значении «Известия о дворянах» мне уже приходилось писать²⁷, здесь же необходимо сказать, что это был не просто первый в отечественной историографии труд по истории дворянства, но и первый труд по истории одного сословия. Само по себе появление подобной проблематики в русской историографии XVIII столетия было явлением прогрессивным, а высокий научный уровень поставил книгу в ряд выдающихся памятников исторической мысли. Не случайно ею и по сей день пользуются исследователи.

Однако историю создания далеко не всех сочинений Миллера можно проследить по архивным документам. Так, в них нет никаких следов работы ученого над историей Пугачевского восстания. Между тем именно Миллер являлся, как доказано специалистами, автором статьи «Надежные известия о мятежнике Емельяне Пугачеве и затеянном им бунте», опубликованной А.-Ф. Бюшингом²⁸. Это была первая в дореволюционной историографии попытка описания и анализа причин, хода и поражения крестьянской войны, да вдобавок предпринятая в то время, когда сама пугачевская тема находилась под запретом. Последнее и объясняет отсутствие в бумагах Миллера каких-либо черновиков этой работы. По-видимому, разбирая перед смертью свой архив и готовя его к передаче в Архив Коллегии иностранных дел, историк очистил его от всех документов, которые могли бы его скомпрометировать. Миллер-служащий был крайне осторожен даже перед лицом смерти, Миллер-ученый не мог пройти мимо интереснейшего и значительнейшего события, очевидцем которого ему довелось быть. Историк соб-

²⁶ Там же, л. 3 об.

²⁷ Каменский А. Б. История создания и публикации книги Г.-Ф. Миллера «Известие о дворянах российских». — Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982, с. 164—172; его же. О работе Г.-Ф. Миллера над источниками по истории и генеалогии дворянства. — Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986, с. 89—99.

²⁸ Блок Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л., 1949; Гвоздиков А. И. М. К изучению источников «История Пугачева» А. С. Пушкина. — Двадцать седьмая пушкинская конференция. Тезисы докладов. Оренбург, 1983, с. 12—13; Белковец Л. П. Указ. соч., с. 162—164.

рал целую коллекцию материалов о Пугачеве, известную в литературе под названием «пугачевского портфеля» Миллера. В нем первоначально находилась и рукопись «Летописи» П. И. Рычкова, который, видимо, был главным информатором Миллера о событиях крестьянской войны. Миллер публиковал сочинения Рычкова, рекомендовал его в члены Академии наук, состоял с ним в многолетней переписке. «Летопись» также была ему прислана для издания, однако осуществить его Миллеру не удалось. В ответ на предложение исправить свой труд в соответствии с требованиями цензуры Рычков отвечал: «... что я в свое сочинение вносил, сие все такая правда, которую и делами, и людьми доказать можно. Не угодно ли будет его превосходительству (имелся в виду куратор Московского университета И. И. Мелиссино.— А. К.), или вам из онаго сочинить другое такою методою, как пристойно для публики. Мое пускай остается в архиве»²⁹. Получив такое разрешение, Миллер не преминул им воспользоваться, значительно дополнив, естественно, свой труд и сведениями из других источников. Тема народного восстания не была для Миллера случайной. Вспомним, что еще в работе по истории Новгорода он коснулся проблемы городских восстаний; его позиция по крестьянскому вопросу была значительно более прогрессивной, чем у многих его современников и коллег. Более того, тщательный анализ взглядов ученого заставил Л. П. Белковца «связать само начало обсуждения крестьянского вопроса в России именно с именем Г.-Ф. Миллера»³⁰. Не повторяя всех аргументов Л. П. Белковца, замечу лишь, что выводы, к которым она приходит, несмотря на то, что речь идет лишь о сочинениях Миллера, опубликованных за границей, свидетельствуют о роли ученого не только в развитии русской исторической науки XVIII в., но и общественной мысли. Конечно, нельзя говорить о какой-либо оппозиции Миллера правительству. Однако многое, быть может, стало бы яснее, если бы сохранилась, например, безусловно существовавшая переписка Миллера с Н. И. Новиковым, уничтоженная, вероятно, учениками историка³¹. Многолетние отношения учителя и ученика, переросшие затем в дружбу собратьев по науке, связывали Миллера с М. М. Щербатовым (пятьдесят его неопубликованных писем хранятся в «портфелях») — криком режима «справа». В течение многих лет Миллер состоял в переписке и с А. Р. Воронцовым, родным братом Е. Р. Дашковой, известным своим покровительством А. Н. Радищеву. Но, помимо этого, Воронцов был автором первых переводов Вольтера, опубликованных в 1755 г. Он сам близко познакомился с Вольтером во время своего пребывания за границей. Став крупным сановником, которого, по свидетельству Сегюра, ненавидел Потемкин и боялись другие министры, Воронцов так же, как Щербатов, был враг роскоши, интересовался историей и обладал значительным собранием книг и рукописей. Не желавший служить Екатерине Воронцов вернулся на службу в качестве канцлера при ее внуке и был «атаманом» (выражение Г. Р. Державина) «молодых друзей» Александра I. Этот же Воронцов, обращаясь в 1781 г. к Миллеру с рядом вопросов исторического характера, писал, что «нет, конечно, в нашем отечестве человека, кто бы мог лутче вас преподавать мне в оных след и познание»³².

Такое обращение свидетельствовало о высоком авторитете ученого, и авторитет этот давно уже вышел за пределы России. Известный английский историк и путешественник Уильям Кокс, чьи произведения были популярны в России в конце XVIII в., так вспоминал о своем посещении Москвы в 1779 г., где на обеде у кн. М. Н. Волконского он познакомился с Миллером: «Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски,

²⁹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867, с. 148.

³⁰ Белковец Л. П. Указ. соч., с. 155.

³¹ О том, что это могло произойти, свидетельствует судьба родословных росписей, присланных Новиковым в Архив КИД для проверки. См.: Каменский А. Б. О попытках составления родословной книги... с. 82.

³² ЦГАДА, ф. 199, портфель 546, ч. 7, д. 27, л. 10—11.

по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с самыми малейшими подробностями русской истории прямо поразительно. После обеда этот выдающийся ученый пригласил меня к себе, и я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть ли не все сочинения о России, вышедшие на европейских языках; число английских авторов, писавших об этой стране, гораздо больше, нежели я думал. Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке»³³. Знакомство ученых не ограничилось лишь совместным обедом и приятной беседой после него: сохранилась переписка Миллера с Коксом, в которой историк отвечает на ряд вопросов своего коллеги по истории России, и в частности о русско-английских отношениях XVI в.³⁴

Ко времени знакомства Миллера с Коксом ему уже исполнилось 74 года, однако ученый не оставлял активной научной деятельности. Лишь за год до этого он совершил путешествие по городам Московской губернии. Поездка была санкционирована Коллегией иностранных дел и Академией наук. В результате появился цикл статей по истории Коломны, Можайска, Рузы, Звенигорода, Дмитрова, Троице-Сергиевой лавры и Переславля-Залесского, начиная с которых, по мнению современного исследователя, можно с уверенностью говорить о появлении, выделении и обособлении проблемы изучения древнерусского города в отечественной историографии³⁵. Утверждение это не совсем точно, ибо в проекте исторического департамента Миллер отмечал, что «должно прилежное пересмотрение учинить архивам знатных городов для сыскания из того их времени и лет причины их заложения и употребленных к тому способов и кем оные построены, также всяких потом происходивших случаев»³⁶. Позднее историк написал статью «Известие о бывшем городе Ниэншанце», а затем и труд по истории Новгорода.

Цикл статей о городах Московской губернии состоит из двух частей — путевого дневника и собственно исторических очерков о городах и монастырях. Что касается первого, то при его чтении легко убедиться, что его характер сильно отличается от большинства произведений этого жанра второй половины XVIII — начала XIX в. Путевой дневник Миллера лишен экспрессивных описаний красот природы и путевых встреч, каких-либо лирико-философских или общественно-политических размышлений. Сочинение Миллера — это не литературное произведение, но научный труд, составленный по определенной программе и включавший ряд обязательных компонентов.

Программу изучения отдельных населенных пунктов Миллер разработал еще во время своего пребывания в Сибири. До приезда в уездный город он посылал туда анкету, содержащую ряд вопросов, касавшихся истории строительства города, состава входящих в него слобод, сел и деревень уезда, численности населения, величины собираемых податей, цен на продукты, состава местного архива и т. д.³⁷ Позднее, в 1759 г., в качестве конференц-секретаря Академии наук Миллер составил для академического переводчика А. Дубровского, отправлявшегося в путешествие по России, специальную инструкцию. В ней, в частности, говорилось: «Сочинить ему всему пути журнал, в котором написать в каждой день которыми местами ездили, и место от места сколь далеко, так чтоб во оном журнале все города, крепости, слободы, горные и прочие заводы, монастыри, села, деревни, заставы, реки, речки, озера, горы, леса и прочие именитыя урочища написаны были с подлинным, или примерным разстоянием. При чем и того наблюдать надобно, какова дорога, гладка ли или гориста, или болотиста, прямая

³³ Коукс [Кокс] Уильям. По России и Польше в исходе XVIII столетия. — Русская старина, 1907, № 10, с. 182—183.

³⁴ ЦГАДА, ф. 199, портфель 546, ч. 2, д. 9; Архив князя Воронцова. М., 1884, т. XXX, с. 377.

³⁵ Илизаров С. С. Русский город глазами историков XVIII в. — Русский город. М., 1976, вып. 1, с. 154.

³⁶ ЦГАДА, ф. 199, портфель 421, д. 4.

³⁷ Там же, ф. 494, оп. 1, д. 625, л. 21—22 об.

ли или кривая, полями ли езда производилась или лесами, сухим ли путем или водою и пр. Каждое знатное место, яко города, крепости, заводы описать по их местоположению, укреплению, величине, числе церквей и домов обывательских, какое в них публичное строение... и в каждом месте каких чинов жители живут и сколько их каждого чина порознь»³⁸. Все задачи, ставившиеся перед Дубровским, решал и сам Миллер во время путешествия по подмосковным городам. Таким образом, очерки по истории городов Московской губернии явились результатом серьезной многолетней подготовки ученого.

Весь цикл, за исключением «Описания Коломны», в 1782—1783 гг. был издан на немецком языке в «Санкт-Петербургском журнале», а спустя несколько лет он был переведен на русский язык и в 1789—1790 гг. опубликован в журнале «Новые ежемесячные сочинения». При этом «Описание Звенигорода» и «Описание Саввино-Сторожевского монастыря» на русском языке не публиковались. Таким образом, одна из работ цикла не издавалась вовсе, а две напечатаны только по-немецки. Русские переводы были выполнены и опубликованы, когда Миллера уже не было в живых, по немецкому изданию, а между тем в «портфелях» имеются рукописи авторизованных, т. е. правленных рукой самого автора, русских переводов очерков. Их текст значительно отличается от опубликованного.

Столь же несчастливой оказалась судьба и многих других трудов Миллера, написанных в московский период его жизни. Так, «Известие о дворянах» было издано через семь лет после смерти автора по рукописи первой редакции книги, да еще с произвольными прибавлениями. Во второй половине 70-х гг. по заказу Адмиралтейской коллегии Миллер написал вторую часть статьи «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны učinенных». Первая часть была опубликована в 1758 г. в «Ежемесячных сочинениях», а в 1766 г. вышла в Амстердаме отдельным изданием на французском языке. Вторая же часть (она называется «Известия о новейших кораблеплаваниях по Ледовитому и Камчатскому морю с 1742 года») на русском языке до сих пор не издана. История Академии наук, написанная Миллером к пятидесятилетию ее основания и представляющая собой не столько научный труд, сколько воспоминания старейшего академика, была издана лишь в 1890 г., да и то по-немецки. Русского перевода до сих пор нет. Не издана и работа Миллера по истории царствования Федора Алексеевича, получившая в свое время высокую оценку Е. Е. Замысловского³⁹. Не переведены на русский язык многие работы Миллера, публиковавшиеся в «Магазине» Бюшинга, в том числе статья по истории Пугачевского восстания.

Ряд неизданных и неизученных трудов Миллера хранится в его личном архиве. Этот архив — одна из богатейших и известнейших коллекций документов по истории феодальной России. Известно, что незадолго до смерти Миллер продал свое собрание рукописей и библиотеку государству за 20 тыс. руб. Указом Екатерины II их было велено хранить в архиве Коллегии иностранных дел, куда они и поступили после кончины ученого. На часть из них были составлены реестры, копии которых отправлены в Петербург. Тогда же с некоторых документов были сняты копии для Екатерины II. Позднее фонд Миллера хранился вместе с рукописями библиотеки архива Коллегии в ее Рукописном отделе. В силу этого некоторые рукописи Миллера оказались в фонде ЦГАДА «Рукописный отдел библиотеки МГАМИД». Служащие архива рассматривали фонд Миллера как коллекцию документов по истории России и пополняли ее новыми документами. Так, здесь оказались материалы к истории царствования Павла I, взошедшего на русский престол через 13 лет после смерти Миллера. В начале 30-х гг. XIX в. документы фонда Миллера, относящиеся к Академии наук, были отправлены в Петербург, в академический архив. Это в конечном счете для судьбы фонда оказалось

³⁸ Там же, ф. 199, портфель 412, ч. 2, д. 19, л. 1.

³⁹ Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. СПб., 1871, с. 7—12.

достаточно благоприятным — отправленные в Петербург документы практически полностью сохранились до наших дней. Материалы «портфелей», оставшиеся в МГАМИД, были описаны в 40—50-е гг. прошлого века; этими описями (в машинописных копиях) пользуются и сегодняшние исследователи. Между тем квалифицированно описаны здесь лишь документы XVI—XVII вв., вывезенные Миллером из Сибири. Что же касается остальных документов, то зачастую заголовки описей не соответствуют реальному содержанию дел. На протяжении всего XIX столетия документы «портфелей» интенсивно использовались исследователями, причем порядок выдачи дел был не столь строг, как в наше время, и это привело к изъятию ряда документов из этого фонда. Так, например, известно, что знаменитый «пугачевский» портфель, документами которого пользовался Пушкин, попал в Государственный архив Российской империи, и в настоящее время хранится в соответствующем архивном фонде также в ЦГАДА. Исследователь, работающий сегодня в читальном зале ЦГАДА с описями фонда 199, обнаруживает в конце каждой из двух частей описи списки номеров отсутствующих дел. При сравнении этих номеров с рукописными оригиналами описей выясняется, например, что в «портфеле» № 130, часть I, дело 4 хранилась рукопись под названием «О лживом Дмитрии». Остается только гадать, что это было на самом деле, так же, как и «История о междоусобице» («портфель» № 150, часть VIII, д. 1). В «портфеле» № 151, часть I в настоящее время имеется семь единиц хранения документов о чумном бунте 1771 г.; часть II того же «портфеля» содержала еще 55 единиц хранения, относящихся к этому событию. Среди отсутствующих дел — «Канцлера гр. Воронцова наставления своему племяннику Александру Романовичу 1761 г.», «Письма к кн. Меншикову и другие пиесы, до Нарвы касающиеся 1704 и 1705 годов на 128 л. и четверках» и многие другие. Все эти обстоятельства открывают широкое поле деятельности для будущих исследователей как в плане поиска пропавших документов, так и по изучению имеющихся. Но и сейчас совершенно ясно, что «портфели» — бесценное достояние исторической науки, а их собирателя — Г.-Ф. Миллера еще долго будут добрым словом вспоминать многие поколения историков.

Автор нескольких десятков трудов по истории России, ученый с мировой славой, которым по праву могла бы гордиться его вторая родина, Миллер не нажил состояния, не был отмечен чинами, наградами. Лишь за два месяца до смерти историк, находившийся на русской службе уже около шестидесяти лет, получил чин статского советника и орден Владимира 3-й степени. Ровно за месяц до кончины Миллер написал «Представление в рассуждении архива к его сиятельству господину вице-канцлеру графу Остерману» — своего рода завещание ученого. «Когда я осмеливаюсь обратить свой взор на будущее, — писал Миллер, — вашему сиятельству объявляя свое мнение, в каком состоянии после смерти моей архив Коллегии некогда находиться имеет, то в сем ничто меня извинить не может, кроме долговременного моего опыта и моей ревности поспешествовать всеобщему благу». Далее Миллер рассказывает о том, в каком состоянии застал он архив в 1766 г., что было сделано для описания, систематизации, обеспечения сохранности документов. И, наконец, самое главное, ради чего, собственно, и написано «представление»: Миллер обеспокоен тем, кто возглавит архив после его смерти и просит поручить совместное директорство его ученикам — Н. Н. Бантыш-Каменскому и М. Н. Соколовскому. В заключение Миллер упоминает и о других служащих архива, беспокоится о судьбе «архивской» библиотеки, советует создать при архиве типографию⁴⁰. Под «представлением» дата — 11 сентября 1783 г. Ровно через месяц, 11 октября, Миллера не стало.

* * *

В небольшой статье невозможно дать подробный очерк жизни и творчества человека, чья деятельность заслуживает монографического исследования. Многое осталось

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 199, портфель 389, ч. 1, д. 2, л. 194—200 об.

за рамками статьи. Однако и то, о чем удалось сказать, убеждает, что Миллер не был просто, как его называли, «чернорабочим» (П. Н. Миллюков), «знаменитым трудолюбцем» (С. М. Соловьев) или «неутомимым тружеником» (М. А. Алпатов), собравшим в своих работах определенное количество исторических фактов, а в своих «портфелях» исторических документов. Это был один из крупнейших историков своего времени, трудами которого было положено начало изучения многих основополагающих проблем отечественной истории, введен в научный оборот как ряд важнейших конкретных документальных памятников, так и ряд видов исторических источников, заложены основы их изучения. Благодаря Миллеру значительное развитие получили отечественное источниковедение и археография, вспомогательные исторические дисциплины (в частности, генеалогия), некоторые смежные дисциплины (география, этнография, археология и др.). Велики заслуги Миллера в развитии русской журналистики: издававшиеся им «Ежемесячные сочинения» стали примером для подражания многим издателям последующих десятилетий. Неоценим вклад ученого в формирование верных представлений о России, ее народе и истории у виднейших представителей западноевропейской культуры XVIII в.

Миллера нередко упрекали в том, что он не создал такого обобщающего труда по истории России, как, например, Татищев, Щербатов и Карамзин. Но дело в том, что Миллер считал эту задачу выполненной Татищевым. В петербургский период своей жизни Миллер не располагал принципиально новой, по сравнению с Татищевым, источниковой базой. Нужно было изучить новые источники, ввести их в научный оборот, осуществить огромную подготовительную работу, чтобы создать основу для качественно нового труда. И Миллер осуществил эту работу, но сил на обобщение уже не было, и, хорошо сознавая это, он рекомендовал Екатерине II Щербатова как человека, способного выполнить эту задачу. Но необходимо подчеркнуть, что без работ Миллера появление труда Щербатова было бы невозможно. Основным видом научной продукции Миллера-ученого была статья. Этим он выделяется в историографии XVIII в., но этим он и гораздо ближе к современным историкам. И почти каждая статья Миллера была по сути маленькой монографией. В отличие от многих своих современников он не увлекался философией истории (этим он также близок к современному типу историка), но это не значит, что он был просто собирателем фактов, он умел видеть их в контексте общенсторических процессов, оценивать значение каждого факта для русской истории в целом.

Нет нужды говорить о том, какое громадное значение имело развитие исторической мысли XVIII в. для эволюции русского национального самосознания. Существенную роль в этом сыграли и труды Миллера. Было бы несправедливо полагать, что немецкое происхождение ученого ставит его как бы особняком в русской исторической науке. Человек, 58 из 78 лет своей жизни проживший в России, все их посвятив служению своей второй родине, ее народу и истории, бесспорно достоин того, чтобы его имя называлось в одном ряду с именами Татищева, Ломоносова, Щербатова и других крупнейших русских историков XVIII в.

Заметим в заключение, что многое еще предстоит сделать, прежде чем можно будет подвести итоги деятельности Миллера, и в первую очередь необходимо познакомить с его трудами широкие круги читателей.

ГУБЕРНСКИЕ УЧЕНЫЕ АРХИВНЫЕ КОМИССИИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Обращение представителей различных общественных слоев к опыту отечественной истории, к историко-культурному наследию прошлых веков обычно совпадает с переломными моментами в истории страны, с периодами могучего общественного подъема и развития демократических тенденций. Явлением такого рода, имеющим особую значимость, выступает история создания и деятельности в Российской империи конца XIX — начала XX в. тридцати девяти губернских ученых архивных комиссий (ГУАК).

В наше время, когда с ростом общественно-исторического сознания народа «увеличилась потребность подробнее знать и глубже осознать прошлое своей страны, его связь с настоящим»¹, стали активно осваиваться материалы целого ряда архивных комиссий, изучаться собранные ими коллекции. Это — одно из перспективных направлений изучения наследия ГУАК. Однако большой интерес представляет и изучение основных результатов деятельности губернских ученых архивных комиссий, их влияния на общественное сознание и культуру народа. Данное направление разрабатывается слабее, ибо требует исследования сложной системы общественных отношений, связей и максимально полного рассмотрения фактов, относящихся к проблеме.

Одним из перспективных путей в определении вклада ГУАК в развитие общественно-исторической мысли России, на наш взгляд, является изучение характера их публикаторской деятельности, с помощью которой не только решались просветительские задачи, но и осуществлялось влияние на развитие отечественной исторической науки. Развитие исторической мысли свершалось в тесной связи с деятельностью ученых архивных комиссий².

Характер публикаторской деятельности ГУАК во многом определялся причинами их создания и условиями их существования, отвечал тем целям и задачам, которые ставили перед собой губернские архивисты. В свою очередь, эти цели и задачи, как и динамика изданий комиссий, по-своему отражали развитие глубинных общественных процессов. Ряд характерных моментов этой связи выявляет количественный анализ изданий архивных комиссий. Он показывает моменты взлетов и падений в их издательской деятельности.

Анализ публикаторской деятельности архивных комиссий требует определения характера ее сочетания с другими видами деятельности: поисково-исследовательской, архивной, музейной, библиотечной.

При изучении любой стороны деятельности ГУАК нельзя упускать из виду людей. Большое наследие, которое оставили архивные комиссии, является плодом коллективных усилий как местных исследователей-краеведов, так и известных столичных ученых.

Инициатива создания ГУАК принадлежала известному российскому археографу Н. В. Калачову, который с 1877 г. являлся директором Императорского археологического института. До 1912 г. они находились в подчинении Археологического института а затем были переданы под руководство Русского исторического общества (РИО)³.

Макарихин Валерий Павлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

¹ Шмидт С. О. 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР. — Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1981 г. М., 1982, с. 240.

² Тельчаров А. Д. Фонд Владимирской ученой архивной комиссии. — АЕ за 1985 г. М., 1986, с. 229.

³ Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России. — АЕ за 1974 г. М., 1975, с. 45—46.

22 июня 1884 г. на учредительном собрании в Твери в присутствии теперь уже академика и сенатора Н. В. Калачова было заслушано предложение управляющего Министерством внутренних дел от 3 мая 1884 г. об открытии архивной комиссии, адресованное тверскому губернатору. В предложении сообщалось, что император всероссийский по предложению Комитета министров «в 13 день апреля 1884 года, высочайше соизволил на учреждение в виде опыта в губерниях: Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской — губернских ученых архивных комиссий и исторических архивов на предложенных министром внутренних дел основаниях, предоставив ему, министру, в случае надобности и имеющихся средств, разрешить открытие подобных же учреждений и в других губерниях»⁴.

Так начала создаваться в России «общественная архивная служба, нигде в мире не существующая, а в нашем обществе проявляющая ныне свою деятельность в двадцати губернских архивных комиссиях, из которых каждая заключает в себе от 50 до 250 ученых членов», — писал в 1902 г. Д. Я. Самоквасов⁵.

Статус губернских архивных комиссий в системе научно-исторических обществ и учреждений был своеобразным. «Основания», на которых была построена деятельность комиссий, состояли из восьми пунктов. Первый из них гласил, что комиссии создаются для «сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении»⁶. Задачей комиссии ставилось собрание и приведение в порядок означенных архивных документов. В пункте пятом их обязанности раскрывались подробнее: а) разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению, для выделения из их числа тех, которые представляют научный интерес и подлежат передаче в исторический архив; б) составление к таковым документам и делам надлежащих описей и указателей; в) расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для научных занятий.

В правилах оговаривалось, что архивные комиссии создаются по взаимному соглашению директора Археологического института и губернатора «как из служащих, так и не состоящих на службе в губернии лиц, могущих быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу»⁷. Губернатор являлся непререкаемым почитателем губернской ученой архивной комиссии. Ежегодные отчеты о своей деятельности комиссия должны были представлять в Петербург в Археологический институт. Институт информировал об их деятельности Императорскую Академию наук. Расходы на деятельность комиссий выделялись из средств Археологического института и «местных пожертвований в пользу науки». В финансировании деятельности комиссий участвовали губернские и уездные земские организации. Принимались пожертвования от отдельных лиц. (Частые финансовые затруднения привели позднее к тому, что собрания ряда комиссий в начале XX в. приняли решение о ежегодной уплате членских взносов действительными членами ГУАК⁸. От уплаты освобождались почетные члены и члены-корреспонденты.)

Некоторые права на инициативную работу комиссий предоставлял пункт седьмой. В нем оговаривалось, что архивные комиссии, «независимо от прямой своей обязанности, могут, по местным обстоятельствам, включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины»⁹. Права на исследовательскую работу и собственные научные выводы, таким образом, почти не предусматривались.

⁴ Открытие Тверской ГУАК. Тверь, 1884, с. 1.

⁵ Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. Кн. 1. М., 1902, с. 15.

⁶ Гацкий А. С. Историческая записка об учреждении в Нижнем Новгороде губернской ученой архивной комиссии (1884—1887). Н. Новгород, 1887, с. 21.

⁷ Там же.

⁸ Государственный архив Горьковской области (далее ГАГО), ф. 1411, оп. 822, д. 68, л. 1—3.

⁹ Гацкий А. С. Указ. соч., с. 21.

Издательская деятельность ГУАК *

Год	Число изданий						
1886	8	1894	18	1902	28	1910	24
1887	16	1895	24	1903	37	1911	31
1888	28	1896	16	1904	23	1912	51
1889	28	1897	20	1905	34	1913	54
1890	25	1898	38	1906	28	1914	41
1891	27	1899	25	1907	17	1915	31
1892	19	1900	30	1908	11	1916	23
1893	24	1901	31	1909	31	1917	17

* Таблица составлена по: Шведова О. И. Указатель Трудов губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, с. 377—453. Материалы «Указателя» коррелировались с данными каталогов Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (г. Москва) и сведениями из отчетов ГУАК.

Именно как ученых общества рассматривали себя представители провинциальной исторической мысли, делая акцент на слове «ученые»¹⁰. «Комиссия давно перестала жить тем, что обозначено словом „архивная“, — говорил в 1909 г. председатель Рязанской ГУАК С. Д. Яхонтов. — ...Мы делаем, однако ж, науку, мы делаем дело ученое...»¹¹.

Между тем, изучая деятельность комиссий, как дореволюционные, так и советские исследователи акцентируют внимание на архивной функции их¹², что можно объяснить той неопределенностью оснований, на которых открылись и действовали архивные комиссии, и что косвенно отражает весьма драматическую историю их тридцатилетнего существования.

История губернских ученых архивных комиссий дает в высшей степени интересный материал для исследования проблемы кризиса буржуазной исторической науки в России, который «не представлял собой некоего всеохватывающего упадка»¹³. Это подтверждает количественный анализ издательской деятельности губернских ученых архивных комиссий Российской империи за время их существования (см. табл. 1).

В целом развитие публикаторской деятельности комиссий со времени их создания до 1914 г. шло по нарастающей. Периодами взлетов в публикации сборников и отдельных изданий были 1888—1889 гг. (по 28), 1898 г. (38), 1903 г. (37), 1905 г. (34), 1909 г. (31), 1912 г. (51) и 1913 г. (54). Спады в издательской деятельности, связанные с определенными процессами в социально-экономической и общественно-политической жизни страны, пришлось на первую половину 90-х гг. XIX в. (19, 18, 16), на 1899 г. (25), 1902 г. (28), 1904 г. (23), 1908 г. (11) и 1910 г. (24). Резкий спад начался в 1914 г. в связи с началом первой мировой войны. Издательская деятельность 29 губернских ученых архивных комиссий России, как видим, была тесно сопряжена с важными

¹⁰ См., напр.: Открытие Тверской ученой архивной комиссии. с. 1; Гацкий А. С. Историческая записка об учреждении в Нижнем Новгороде губернской ученой архивной комиссии, с. 24, 25. Открытие Симбирской ученой архивной комиссии. Симбирск, 1895, с. 4—5.

¹¹ Юбилей двадцатипятилетия Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Рязань, 1911, с. 9, 11.

¹² См.: Самоквасов Д. Я. Указ. соч., гл. 1; Бржостовская Н. В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела. Автореф. канд. дис. М., 1951; Корнева И. И., Талызина Е. М., Элштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России. Уч. пос. М., 1969, гл. 4.

¹³ Ковальченко И. Д., Шикло А. Е. Основные тенденции в развитии исторической науки в России в эпоху империализма. — Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX — начало XX в.). М., 1985, с. 15.

историческими событиями (прежде всего революции, война), но для нее был характерен момент «запаздывания».

История губернских архивных комиссий не только подтверждает и ярко иллюстрирует факт расцвета эмпиризма в российской науке, приводившего ко все большему несоответствию с теоретическим уровнем познания, она открывает особую область кризиса — глубокое расхождение исторической науки российских центров и провинций. Особо следует отметить тот факт, что в условиях мощного капиталистического формационного натиска общественная мысль различных слоев и лагерей, существовавших в российском обществе, обратилась к изучению национального исторического опыта. Для деятелей провинциальной исторической мысли — членов ГУАК — слово «старина» сделалось центральным историко-политическим понятием, своеобразным идейно-нравственным паролем.

Обращение к «родной старине», к «родной почве» вовсе не носило отвлеченный характер, оно было связано с вопросом о судьбе страны. Народ обращается к своей памяти «в моменты заминок своей жизни», он как «умный хозяин в былом опыте ищет указания для будущего»¹⁴. Тысячи членов губернских архивных комиссий России и их добровольных помощников приняли действенное, активное участие в изучении исторического опыта, в сохранении и изучении памятников старины, избежав «модного буржуазного скептицизма и мертвящей схоластики», о которых писал В. И. Ленин, критикуя взгляды П. Струве¹⁵.

Деятельность в условиях развивающегося капитализма, который круто ломал общественные устои и традиции, обусловила критическое отношение членов ГУАК к существовавшим историческим теориям. Сотрудники архивных комиссий предпочитали надежную почву исторических фактов и, осуществляя колоссальную работу по выявлению и обработке исторических источников, пытались самостоятельно разобраться в сути происходивших когда-то и грядущих событий. Эмпиризм, погоня за историческими фактами, отвечавшие духу позитивистской методологии, в конечном результате привели губернских архивистов к ситуации «повторения пройденного». Однако анализ источников и желание познать суть вещей позволили им поставить ряд важных исторических проблем и решить их на достаточно высоком уровне. Видный деятель Нижегородской ученой архивной комиссии писатель В. Г. Короленко уже в 90-е гг. прошлого века ставил задачу не гнаться за важными историческими открытиями, не увлекаться поиском «крупных, ярких и новых исторических фактов», а видеть свой долг в «скромном, кропотливом, но массовом и систематическом суммировании мелких, повседневных бытовых и юридических черт, в своей совокупности восстанавливающих картину исчезнувшей жизни»¹⁶.

Поставив высокую задачу сохранения национального единства, губернские ученые архивные комиссии занимались преодолением существенного разрыва между уровнем науки российских центров и историческими представлениями массы народа, в котором был еще высок процент неграмотных и полуграмотных. Члены ГУАК с гордостью подчеркивали свою высокую «просветительскую» миссию¹⁷. Они даже создали своеобразную теоретическую основу своей деятельности, которую можно охарактеризовать как «областническую».

Провинция, пробудившаяся в результате реформ 60-х гг. XIX в., вскоре потребовала общественных прав на собственное мнение и собственную историю. С ростом общественного самосознания все более острой становилась проблема взаимоотношений центра

¹⁴ Юбилей двадцатипятилетия Рязанской губернской архивной комиссии, с. 3; Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Иркутск, 1913, с. V.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 25, с. 44.

¹⁶ См.: Двадцатипятилетие Нижегородской ГУАК. Н. Новгород. 1913, с. 34—35.

¹⁷ Заседание 14 ноября 1899 г. в день завершения десятилетия Ярославской ГУАК. Ярославль, 1899, с. 61; Журнал заседания Костромской ученой архивной комиссии 1907 г. Кострома, 1908, с. 99.

с российскими провинциями. Особенно ярко это проявилось в середине 70-х гг. в полемике секретаря Нижегородского статистического комитета, редактора «Нижегородского сборника» А. С. Гациского с писателем и историком Д. Л. Мордовцевым по вопросу о судьбе провинциальной печати.

С анализом состояния печати в российских провинциях Д. Л. Мордовцев выступил в 1875 г. в журнале «Дело». Он отмечал как чрезвычайно характерное явление поразжающий рост ряда российских центров, которые вытягивают из провинции все талантливое и жизнеспособное, а окраины «должны оставаться вдовствующими во всех отношениях»¹⁸. Писатель пытался раскрыть механизм действия этой центростремительной силы, которой повинуются человек и которая убивает равенство. При этом Д. Л. Мордовцев ссылаясь на печальную судьбу провинциальной печати.

Редактор «Нижегородского сборника» в свою очередь отозвался на статью открытым письмом с броским названием «Смерть провинции или нет?» В нем автор доказывал, что наряду с законом централизации действует и закон децентрализации. Рост центров он объяснял не их положением, а просто лучшими условиями жизни.

А. С. Гациский, назвавший себя «областником», горячо выступил в защиту прав российской провинциальной печати на собственное мнение и на самостоятельную жизнь. «Разве областная провинциальная печать не может иметь своего мнения и не по одним областным, но и государственным вопросам,— спрашивал он,— разве решение государственных вопросов никогда не принадлежало провинции, разве, наконец, не провинция суть силы и бессилия своего центра... бесчисленного множества своих центров...?»¹⁹

Нижегородский публицист горячо протестовал против обращения провинций в «гигантского олуха», против непризнания за провинцией «ея человеческих прав». Основания для такого протеста А. С. Гациский видел в недавно появившейся возможности такого протеста, о которой лет двадцать назад «и не подозревали», а также в факте бурного развития провинциальной печати в 60-х гг. XIX в. («Камско-Волжская газета», «Сибирь», «Киевский телеграф», «Киевлянин», «Донская газета», «Новороссийский телеграф» и др.)²⁰. Однако наиболее веским аргументом, к которому обратилась провинция для защиты своих прав, была сама российская история. Нижегородский редактор, конечно, упомянул о великом подвиге нижегородского ополчения, освободившего в 1612 г. Москву от поляков и возродившего русскую государственность. Обращение к истории, поиск исторических фактов о прошлом своих областей, оценка их роли и значения в общерусской истории стали характерными чертами развития провинциальной общественной мысли. Этот интерес, окрашенный радужными чертами местного патриотизма, стал важным побудительным мотивом в деятельности губернских ученых архивных комиссий.

А. С. Гациский в противовес Д. Л. Мордовцеву выдвинул идею о нарастании роли «провинциальных центров», таких, как Казань, Киев, Иркутск, Саратов, Самара, Нижний Новгород, и обосновывал для них возможность заявить право на «автономию». Он предлагал создать крупные земские статистические центры в нескольких соседних губерниях, «экономические и земские интересы которых наитеснейше взаимосвязаны»²¹. Со статистикой, с массовыми источниками связывались особые надежды, однако статистика, обобщенная в масштабах всей страны, считал Гациский, лишает отдельные области их «физиономии», поэтому обобщать следует данные областей «однородных», а не всех подряд. Однако основательная разработка проблем региональной истории в связи с общероссийским историческим процессом началась лишь с созданием губернских ученых архивных комиссий.

¹⁸ Мордовцев Д. Л. Печать в провинции.— Дело, 1875, № 9, с. 49—51.

¹⁹ Гациский А. С. Смерть провинции или нет? (Открытое письмо Д. Л. Мордовцеву). Письмо 1. Н. Новгород, 1876, с. 7.

²⁰ Там же, с. 21.

²¹ Гациский А. С. О земских статистических центрах. Ярославль, 1877, с. 3—4.

Основную массу среди членов ГУАК составили представители местной либеральной интеллигенции. Входили в их состав государственные чиновники, священники, студенты, представители торгово-промышленной верхушки²². В составе комиссий не было представителей рабочего класса и крестьянства. Тем не менее профессор Д. Я. Самоквасов писал с возмущением, что после смерти Н. В. Калачова, в 90-е гг. XIX в., «местный интеллигентский элемент в составе комиссий сменился элементами провинциальной толпы»²³. Комиссии быстро росли численно: в 1888 г. Тверская ГУАК насчитывала 35 человек, а в 1900 г. — уже 103 (среди них 6 князей, 1 граф, 1 барон и 10 лиц духовного звания); Нижегородская ГУАК имела в своем составе в 1888 г. 76 членов, а в 1912 г. — 330 (из них 176 иногородних); в состав Саратовской ГУАК в 1905 г. входило 211 человек; Симбирская ГУАК насчитывала 135 членов (из них 12 почетных); Иркутская ГУАК состояла к 1913 г. из 10 человек, еще менее членов насчитывала Якутская комиссия²⁴.

В состав почетных членов российских губернских ученых архивных комиссий входило несколько иностранцев: барон де Бай (Франция), профессора Ингерхольм и Альмквист (Швеция). Известны три женщины, активно работавшие в архивных комиссиях. Это председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова, Т. О. Соколовская, исследовавшая историю русского масонства XVIII—XIX вв., и О. Х. Агренева-Славянская, член Тверской ГУАК.

Чрезвычайно ценные сведения дает рассмотрение географии представительства в той или иной комиссии. Она говорит о том, что архивные комиссии не стремились замкнуться в губернских рамках. Комиссии имели весьма обширные и представительные связи. Связи эти перекрещивались, комиссии наладили между собой постоянные контакты и обмен изданиями. Таким образом, губернские ученые архивные комиссии создали сеть, охватывавшую самые дальние уголки страны. Нижегородская ГУАК вскоре после возникновения насчитывала в своем составе 42 нижегородца и 69 иногородних членов (из Петербурга — 10, Москвы — 11, Ярославля — 2, Ростова — 1, Иваново-Вознесенска — 1, Твери — 2, Макарьева — 1, Городца — 1, Вятки — 2, Бугуруслана — 1, Казани — 10, с. Полчанниновка — 1, Саратова — 3, Царицына — 1, Вольска — 1, Николаевского хутора — 1, Новочеркасска — 1, Тамбова — 4, Каменец-Подольского — 1, Горбатова — 1, Киева — 3, Рязани — 2, Вязьмы — 1, Мстеры — 1, Владимира — 3)²⁵.

Симбирская ГУАК имела к 1915 г. своих представителей в следующих российских и зарубежных городах и селах: Париж (1), Варшава (1), Брюссель (2), Гапсаль (1), Стокгольм (1), Петербург (9), Москва (11), Вышний Волочек (1), Тверь (1), Нижний Новгород (2), Курмыш (4), Ардатоз (1), Алатырь (4), Пенза (1), Сенгилей (1), Томск (1), Харбин (1), Мамадыш (1), Промзино (1), Бугульма (1), Казань (3), Самара (1), Саратов (3), Астрахань (2), Сызрань (3), Мелекес (1), Пятигорск (1), Тамбов (1), Херсон (1), Одесса (1), Грязи (1), Киев (1), Корсунь (2), Жадовск (1), с. Треньга (1), с. Пятна (1)²⁶.

Губернские ученые архивные комиссии создавались с 1884 по 1917 г. (Приморская комиссия в силу ряда обстоятельств возникла в 1921 г.). В их возникновении не было какой-либо ритмичности, они образовывались по мере готовности местных исторических

²² В 1906 г. Костромская ГУАК утвердила в звании действительных членов фабрикантов из Родников Красильщикова, Иванщикова. — Журналы заседаний Костромской ГУАК. Кострома, 1909, с. 43.

²³ Самоквасов Д. Я. Указ. соч., с. 24—25.

²⁴ Отчет о деятельности Тверской ГУАК за 1900 г. Тверь, 1901, с. 3; Двадцатипятилетие Нижегородской ГУАК, с. 16; Празднование двадцатипятилетнего юбилея Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1912, с. 11; Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 1, с. I—II; Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области. Якутск, 1916; Отчет Симбирской ГУАК за 1915 г. Симбирск, 1917, с. 12.

²⁵ ГАГО, ф. 1411, оп. 822, д. 2, л. 22—25.

²⁶ Отчет Симбирской ГУАК за 1898 г. Симбирск, 1899, с. 37—38; ... за 1905 г. Симбирск, 1906, с. 21—23; ... за 1915 г. Симбирск, 1917, с. 8—9.

сил, при наличии материальных средств и по мере содействия властей и общества, прежде всего губернского и местных земств. Важное значение имело наличие в губернии источниковой базы для работы комиссий. Так, Псковская и Якутская комиссии, например, возникли поздно и почти одновременно: одна в древнем, старописьменном краю, другая — в далекой малолюдной Сибири. Обе успели выпустить лишь по одному сборнику. Причиной было в первом случае то, что источниковый материал был исчерпан другими научными обществами и учреждениями и в значительной части просто уничтожен, а в другом — едва нашлись научные силы, которые под руководством отставного чиновника Е. Д. Стрелова издали сохранившиеся акты Якутской области в количестве 65 единиц²⁷. Выпуском «Макарьевского Стоглавника» в 1912 г. ограничилась деятельность Новгородской ГУАК, и выпуском тома «Трудов» — Иркутской²⁸.

Из 39 ГУАК, открытых до революции 1917 г., труды в виде сборников и отдельных изданий выпускали 29 комиссий. Сборники носили название «Трудов», «Известий» или «Действий». Периодически малыми тиражами комиссии выпускали журналы заседаний и отчеты. Годы основания губернских архивных комиссий, количество выпущенных ими сборников и отдельных изданий отражены в таблице 2.

Особенно плодотворной была издательская деятельность комиссий Волго-Окского региона и Юга Европейской части России. Наибольшее число изданий (без учета журналов и отчетов) обеспечили архивные комиссии, возникшие в конце XIX в.: Тверская — 101, Рязанская — 99, Тамбовская — 74, Нижегородская — 70, Таврическая — 59, Владимирская — 57. Из комиссий, возникших в начале XX в., наиболее активными оказались Вятская (44) и Полтавская (38). Всего удалось учесть по каталогам выпуск 496 сборников и 401 отдельных изданий. С учетом шести переизданий трудов их общее число составляет 903.

Сотрудники губернских ученых архивных комиссий подразделяли деятельность своих общественных учреждений на два вида: а) внутренняя деятельность, связанная с научными задачами и требованиями; б) внешняя, направленная на популяризацию, пропаганду местных исторических знаний²⁹.

Деятельности по просвещению и воспитанию населения («простолюдинов») архивные комиссии уделяли особое внимание. Она требовала не меньшего приложения сил, чем стремление «угадать» историческую необходимость³⁰.

Главным направлением внутренней деятельности ГУАК было сохранение от гибели исторических материалов, приведение их в порядок и научная обработка. Для этого создавались исторические архивы, где дела сосредоточивались и приводились в «возможный» порядок. Кроме архивов различных губернских и уездных учреждений комиссии обследовали и обрабатывали фамильные и частные архивы, добывали документы, связанные с историей края, из центральных архивов и даже из-за границы. Так было с материалами по истории Смутного времени, которые собирали нижегородские архивисты.

«Общая масса документов, опубликованных комиссиями, — отмечают советские археографы, — велика, и перечислить их не представляется возможности»³¹. За двадцать пять лет существования Рязанской архивной комиссии было разобрано 223 099 дел, из них оставлено на хранение 15 983 дела³². Нижегородская комиссия к 1912 г. сосредоточила в трех башнях Нижегородского кремля 113 328 дел, а в дальнейшем, утратив счет,

²⁷ Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.). Т. 1. Якутск, 1916; Сборник Псковской ГУАК. Вып. 1. Псков, 1917.

²⁸ Труды Новгородской ГУАК. Вып. 1. Новгород, 1912; Труды Иркутской ГУАК. Вып. 1.

²⁹ Двадцатипятилетие Нижегородской ГУАК, с. 11.

³⁰ Юбилей двадцатипятилетия Рязанской ГУАК, с. 13.

³¹ Корнева И. И., Талызина Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии, с. 22.

³² Юбилей двадцатипятилетия Рязанской ГУАК, с. 5.

Годы основания ГУАК и число их изданий*

ГУАК	Год основания	Изданных сборников	Отдельных изданий	Всего
1. Тверская	1884	—	101	101
2. Рязанская	1884	54	45	99
3. Тамбовская	1884	58	16	74
4. Орловская	1884	40	—	40
5. Костромская	1885	6	30	36
6. Саратовская	1886	26	18	41
7. Нижегородская	1887	46	24	70
8. Таврическая	1887	57	2	59
9. Оренбургская	1887	35	3	38
10. Пермская	1888	12	15	27
11. Ярославская	1889	13	24	27
12. Калужская	1891	22	—	22
13. Симбирская	1895	—	44	44
14. Черниговская	1896	10	1	11
15. Бессарабская	1898	3	—	3
16. Владимирская	1898	18	39	57
17. Воронежская	1900	4	9	13
18. Пензенская	1901	3	—	3
19. Екатеринославская	1903	10	—	10
20. Курская	1903	2	—	2
21. Полтавская	1903	15	23	38
22. Вятская	1904	44	—	44
23. Новгородская	1904	1	—	1
24. Витебская	1908	6	5	11
25. Смоленская	1908	4	2	6
26. Иркутская	1911	3	—	3
27. Тульская	1913	2	—	2
28. Псковская	1916	1	—	1
29. Якутская	1916	1	—	1
Всего		496	401	897 (+6 переизданий)

* Таблица составлена по: Шведова О. И. Указатель. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, с. 377—453.

измеряла объем архива длиной полок в башнях — 1 верста и 125 сажен³³. «За два месяца работы в облаках тончайшей гнилой пыли... — сообщал правитель дел комиссии В. И. Снежневский, — я вынес убеждение, что человек, не интересующийся этим делом, или бы сбежал, если он человек с честью, или же бы ничего не сделал»³⁴. Тверская архивная комиссия к 1900 г. обработала 70 480 дел, из них 6278 были отобраны в архив комиссии³⁵. Таким образом, архивные комиссии берегли для нас бесценные архивы, которые важны для изучения «местной истории», а в отдельных случаях и «общей истории страны»³⁶.

Местная общественность высоко ценила работу губернских архивистов, которые трудились безвозмездно в свободное от работы время, однако представитель центра профессор Д. Я. Самоквасов склонен был обвинять комиссии в плохом выполнении

³³ Двадцатипятилетие Нижегородской ГУАК, с. 22.

³⁴ Действия НГУАК, т. 7. Н. Новгород, 1909, с. 22.

³⁵ Отчет Тверской ГУАК за 1900 г. Тверь, 1901, с. 34.

³⁶ Корнева И. И., Талызина Е. М., Эпштейн Д. М. Указ. соч., с. 220.

архивных функций и даже в «повальном разрушении исторических архивов»³⁷. Он критиковал губернские комиссии за их материальную бедность, за бесконтрольность, некомпетентность работников и за то, что у них не было определенного плана и единого метода в описании дел. О. И. Шведова, оправдывая деятельность провинциальных архивистов, которые в одиночку боролись со страшным «настроением» архивного дела в России, отмечала, что «иначе и быть не могло»³⁸.

Общественная архивная служба была одним из главных направлений деятельности губернских ученых архивных комиссий России, однако их вовсе не следует обвинять в том, что они «ничего нового в разработку археографических приемов не внесли»³⁹. Губернские ученые архивные комиссии, занятые спасением исторических архивов, такие задачи перед собой и не ставили. Их разрешением занималась специальная Археографическая комиссия⁴⁰.

Архивная работа комиссий естественно выливалась в публикации архивных документов и исследования. Архивные комиссии не желали оставаться на уровне добычи «сырья». Из общего количества отдельных изданий ГУАК (401) публикации архивных документов составили, по нашим подсчетам, около 14%. Сложнее учитывать объем архивных публикаций в сборниках ГУАК. Так, в составе 6 томов «Костромской старины» из 51 публикации — 11 архивных (всего 880 документов). В 46 выпусках «Действий» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии количество публикаций архивных материалов различного объема составляет 43,4%. Выпуском «Актовой книги Стародубского городского уряда 1693 г.» под редакцией В. Л. Модзалевского (1914 г.) исчерпалась издательская деятельность Черниговской архивной комиссии. Выпусками архивных документов ограничились комиссии Новгородская и Якутская. Тем не менее мы видим, что основной массив публикаций архивных комиссий составляют вовсе не архивные источники («сырье»), а публикации иного рода. Это необходимо учитывать при объективной оценке деятельности губернских ученых архивных комиссий России.

Представляется весьма заманчивой попытка определить на материалах какой-либо комиссии процент научно-исследовательских публикаций. Однако это сделать чрезвычайно трудно. Сказывается различный уровень таких работ (от серьезных исследований, выполненных на уровне современной им методики, до очерков с элементами исследования), а также наличие дезориентирующих заголовков у целого ряда вполне научных работ («К истории...», «Из истории...», «Материалы для...», «Заметки о...»). По нашим подсчетам, объем публикаций «исследований-очерков» в 46 выпусках «Действий» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии составил около 42%. Среди них исследования В. И. Снежневского «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля 1861 г. и первые годы после нее», «Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском уезде», работа А. А. Савельева «Нижегородская дума конца XVIII — начала XIX в. в роли цензора нравов», труд А. И. Звездина «Из истории Баташевских заводов», «Материалы к биографии И. П. Кулибина» В. Г. Короленко, публикации А. С. Гацкого, В. И. Сторожева, А. Ф. Можаровского, А. В. Смирнова, А. Дахновича, Н. И. Драницына, А. Я. Садовского, И. И. Вишневого, Н. Н. Иорданского, П. В. Тополева, В. Е. Чешихина и многих других.

Губернские ученые архивные комиссии опубликовали много описей архивных документов, указателей, библиографий, каталогов, путеводителей. Традицией был выпуск юбилейных и памятных сборников в связи с важнейшими событиями отечественной истории, в честь видных исторических лиц, выдающихся местных деятелей науки и культуры.

³⁷ Самоквасов Д. Я. Указ. соч., с. 34.

³⁸ Шведова О. И. Указатель..., с. 378.

³⁹ Корнева И. И., Талызина Е. М., Эпштейн Д. М. Указ. соч., с. 223.

⁴⁰ См.: Брачев С. Петербургская археографическая комиссия и ее деятельность в области издания источников русской истории. — Вестник ЛГУ, № 20. Сер. истор., яз., лит. Вып. 4, 1979, с. 108.

Не оставили печатных трудов губернские комиссии Бессарабская, Закавказская, Казанская, Киевская, Ковенская⁴¹, Петербургская, Уфимская, Херсонская.

Важным направлением деятельности ГУАК было создание музеев. Вначале они формировались «естественным» путем, затем их пополнение стало целенаправленным. Особую гордость архивистов составлял музей Тверской губернии, который в 1888 г. уже насчитывал более 7,5 тыс. предметов и рукописей, а за год его посетило 6435 человек⁴². Большие силы вложила в создание Гончаровского музея Симбирская архивная комиссия. Имелись музеи и в других губерниях.

Библиотеки, создававшиеся при архивных комиссиях, имели важное значение как для научной работы, так и для местных любителей старины. Формировались библиотеки за счет взаимного обмена изданиями, покупки книг и рукописей и частных пожертвований. Библиотека Тверской комиссии составляла в 1900 г. около 5 тыс. томов, Саратовской в 1905 г.— 15 тыс., Нижегородской в 1917 г.— около 30 тыс. книг.

Губернские ученые архивные комиссии вели археологические раскопки на территориях своих областей, боролись с местными кладонскаателями, постоянное внимание уделяли вопросам охраны памятников старины и постоянно тревожили по этим вопросам губернское начальство и епархиальное ведомство. Многие памятники истории и культуры сохранились до нашего времени благодаря энергии и настойчивости губернских архивистов. В Нижнем Новгороде и Рязани сотрудники комиссий организовали планомерную фотографическую съемку старинных памятников. Собирались фотопортреты видных деятелей провинциальной науки и культуры, среди которых не последнее место занимали сами деятели ученых архивных комиссий. С целью пропаганды исторических знаний, воспитания патриотических чувств и бережного отношения к памятникам старины проводились выставки под девизом «Из родной старины».

Большое воспитательное значение имела организация празднования крупных национальных юбилеев и местных знаменательных дат. В Поволжье, например, широко отмечалось 700-летие со дня рождения великого князя Юрия Всеволодовича, 300-летие освобождения Москвы Нижегородским ополчением во главе с Минниным и Пожарским, 100-летие 1812 года. Собирались материалы и воспоминания свидетелей к 50-летию юбилею отмены крепостного права. Нижегородская ГУАК отмечала столетие со дня рождения А. С. Пушкина, 50-ю годовщину со дня смерти Н. А. Добролюбова⁴³. Специальные заседания и выпуски «Действий» НГАУК были посвящены памяти местных историков-краеведов Н. И. Храмовского и А. С. Гацкого, а также известного писателя, историка и этнографа П. И. Мельникова-Печерского. Все это поднимало авторитет комиссий и придавало их общественно-политической деятельности демократическую окраску.

Благодаря заботам губернских ученых архивных комиссий многие деятели «университетской» науки вольно или невольно были привлечены к научной и просветительской деятельности в пользу российских провинций. Важным фактом для истории исторической науки в России является то, что губернские ученые архивные комиссии, образовавшие сеть общественно-исторических учреждений и прошедшие четыре областных архивных съезда⁴⁴, сами, путем избрания в почетные члены, выделяли лидеров отечественной исторической науки. Например, в апреле 1888 г. в состав Нижегородской ГУАК был избран выдающийся русский историк профессор В. О. Ключевский⁴⁵. Тогда же из-

⁴¹ Ковенская комиссия отсутствует в «Указателе» О. И. Шведовой. Однако, судя по архивным документам, Нижегородская ГУАК неоднократно высылала в Ковно свои издания. См.: ГАГО, ф. 1411, оп. 822, д. 274, л. 14 об.

⁴² Отчет Тверской архивной комиссии за 1888 г. Тверь, 1889, с. 10.

⁴³ Действия НГАУК, т. 12, вып. 2. Н. Новгород, 1912, с. 1—2.

⁴⁴ Первый областной археологический съезд состоялся в Ярославле (1901 г.), второй — в Твери (1903 г.), третий — во Владимире (1906 г.), четвертый — в Костроме (1909 г.).

⁴⁵ ГАГО, ф. 1411, оп. 822, д. 2, л. 6 об.

вестия об избрании были посланы К. Н. Бестужеву-Рюмину, Н. П. Загоскину, Д. Л. Мордовцеву. Позднее были избраны В. И. Семевский, Д. Н. Анучин, Е. В. Барсов, А. Ф. Бычков, С. Ф. Платонов⁴⁶. Профессор С. Ф. Платонов был наиболее авторитетной фигурой в поволжских архивных комиссиях. Он выступал в Костроме и Нижнем Новгороде с лекциями, редактировал сборник документов по истории Смутного времени. В состав НГУАК были приняты С. Б. Веселовский, А. А. Шахматов, Д. И. Иловыйский, М. В. Довнар-Запольский, С. Ф. Ольденбург, Н. В. Покровский, В. А. Городцев, И. Е. Забелин и ряд других ученых⁴⁷.

Звучали в деятельности и трудах губернских архивных комиссий и верноподданнические нотки. Нередко напоминания об истории царствующего дома имели вполне прозаическую причину — стремление комиссий выбиться из «весьма неудовлетворительного» материального положения, на которое само правительство их и обрекло, не выделив требуемых 15 тыс. руб. в год на организацию государственной архивной службы, не оказав даже законодательной поддержки.

Грандиозный опыт по созданию общественной архивной службы в России конца XIX — начала XX в. и сохранению исторического достояния российских провинций «неожиданно удался»⁴⁸. Причиной этому послужила не воля «высочайших» указов, а сила могучего общественного подъема, активность и инициатива многочисленных деятелей провинциальной исторической мысли, объединенных в губернских ученых архивных комиссиях. Правильнее было бы характеризовать их как массовые научно-исторические и просветительские организации российских провинций.

Провинциальная историческая мысль в эпоху кризиса буржуазной исторической науки в России не только подтвердила свое право на существование, но и открыла новые возможности ее дальнейшего развития. Плодотворная деятельность ГУАК оставила яркий и неповторимый след в истории исторической науки. Бескорыстный и беззаветный труд губернских архивистов способствовал развитию демократических тенденций в общественно-политической жизни России конца XIX — начала XX в.

---

⁴⁶ Там же, л. 8.

⁴⁷ Там же, д. 274, л. 34.

⁴⁸ Юбилей двадцатипятилетия Рязанской ГУАК, с. 8.

Е. ТОДОРОВА

СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНОГО МОРЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(Историко-географическое исследование)

В исторической науке давно установлено, что с XII в. итальянские купцы не только плавали по Черному морю, но и создавали свои колонии на его берегах¹. Именно они оставили нам и первые источники — средневековые морские компасные карты и карты-

---

Елисавета Тодорова — болгарская исследовательница, медиевист.

¹ Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; Heyd G. Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel Medio Evo. Vol. I—II. Venezia, 1866; Heyd W. Geschichte des Levanthandels in Mittelalter. Vol. I—II. Stuttgart, 1878—1879; Brun Ph. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie.— In: Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg, VIIe série, X, 9, 1886; Brătianu G. La mer Noire. Des origines à la conquête ottomane. München, 1969.

портоланы, дающие возможность детально ознакомиться с географическими объектами береговой линии. Они содержали точную информацию, благодаря которой при общей скудости источников по этой эпохе мы можем подробно реконструировать черноморскую береговую топонимию, или названия отдельных местностей и городов на побережье. Археологические исследования, развертывавшиеся на протяжении последних десятилетий в рассматриваемом районе, также дают возможность для правильной локализации встречающихся в источниках топонимов.

Уже больше столетия береговая полоса Северного Причерноморья не была объектом целостного историко-географического исследования, хотя после Ф. К. Бруна подобные попытки предпринимались². Однако эти работы ограничивались только сведениями средневековых морских карт, ставших известными за последние два столетия, а не опирались на достаточно широкую базу источников, которыми располагает современная наука.

Господство в Средиземноморье принадлежало морским республикам Венеции и Генуе, и именно там начали составлять морские карты еще в конце XIII в.³ Само Черное море и его побережье отражены уже в самых ранних образцах этих карт. Черное море изображено на самой старой, так называемой Пизанской компасной карте, на отдельных картах в атласах первого известного морского картографа Пьетро Веконте, на картах его брата Перино Веконте, а также на большинстве сохранившихся до сего дня морских карт и атласов XIV—XVII вв. (всего их насчитывается свыше 500)⁴. Эти карты были созданы в результате многочисленных черноморских плаваний. А использование компаса давало возможность передать конфигурацию Средиземноморского и Черноморского побережий с завидной для того времени точностью⁵.

Обычно на подобного рода картах, и в частности северного побережья Черного моря, имеется подробная топонимия, отражающая названия городов, крепостей портов, рек (или, точнее, их устьев), заливов и мысов того времени. Однако наиболее надежная информация, дающая возможность определить вид топонима и его локализацию, содержится в портоланах или текстовых описаниях побережья, служивших для создания карт-портоланов и дополнявших подробностями их графические изображения. Точно так же в наши дни во время плавания моряки пользуются современными морскими картами и лощиями, т. е. словесными описаниями морских объектов.

Средневековые портоланы лишь недавно стали объектом специального внимания историков и филологов, прежде всего для историко-географических исследований⁶. Некоторые из них уже опубликованы, например, самый старый из итальянских портоланов

² Брун Ф. К. Черноморье. Ч. 1—2. Одесса, 1879—1880; Багров Л. Перечень древних карт Черного моря. Петроград, 1914; Коновалова И. Г. Итальянские навигационные пособия XIII—XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983, с. 30—50.

³ О создании и использовании средневековых морских карт и портоланов см.: Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters. Berlin, 1909; Motzo B. R. Il Compasso da navigare. Opera italiana della metà del secolo XII. Prefazione e testo dal codice Hamilton 396.— Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell' Università di Cagliari. VIII, 1947, Prefazione passim; Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985, с. 81—91.

⁴ Guarnieri G. Geografia e Cartografia Nautica nella loro evoluzione storica e scientifica (dalle origini al sistema Mercatoriano corretto). Genova, 1956; I dem. Le correnti del pensiero geografico nell' Antichità classica e il loro contributo alla cartografia nautica medievale. Vol. I—II, Pisa, 1968; Todorova E. Medieval Genoese Nautical Cartography on the West Black Sea Coast.— Etudes balkaniques. XVI, 2, 1981, p. 118—131.

⁵ Motzo B. R. Op. cit.

⁶ Năsturel P. Așezarea orașului Vicina și țărmul de apus al Mării Negre în lumină unui portulan grec.— SCIVA, VIII, 1957, p. 295—305; I dem. Le littoral roumain de la mer Noire d'après le portulan grec de Leyde.— Revue des études roumaines, XIII—XIV, 1974, p. 121—134; Todorova E. More about Vicina and the West Black Sea Coast.— Etudes balkaniques, XIV, 2, 1978, p. 124—138.

нов XIII в.— *Il Compasso da navigare*⁷, венецианский портолан XIII—XIV вв.⁸, все греческие портоланы⁹; остальные же известны пока только по рукописям. Из всех известных ныне портоланов сведения о Черном море содержат лишь упоминавшийся выше самый ранний из итальянских портоланов, а также венецианский, краткий греческий, второй греческий и лейденский портоланы. Описания Черного моря, заимствованные из портоланов, находим также в итальянской Космографии 1550 г., рукопись которой хранится в Библиотеке Лауренциана во Флоренции¹⁰, в рукописном итальянском портолане начала XVII в. из Мадридской национальной библиотеки¹¹, а также во французской рукописи XVII в. (1669 г.), хранящейся в Парижской национальной библиотеке¹² (см. Приложение). Отдельные участки Черноморского побережья описаны в портолане Ридзо и Грациозо Бенниказы¹³, в рукописном французском портолане конца XV в.¹⁴ и еще в одном, сохранившемся в рукописи XVI—XVII вв., из библиотеки «Берио» в Генуе¹⁵, но в них нет данных о северном побережье.

Кроме того, определить географические объекты на северном побережье Черного моря помогает также сопоставление содержащихся в перечисленных портоланах сведений с данными современных им морских карт и других источников¹⁶.

Северное побережье Черного моря может быть разделено на две хорошо обособленные в географическом и гидрографическом отношении зоны¹⁷. Первая из них включает береговую полосу к северу от дельты Дуная до мыса Херсонес, а вторая — весь южный берег Крыма от мыса Херсонес до Керченского пролива. Условия для мореплавания в первой из них были менее благоприятными, чем во второй, и поэтому все карты это отразили графически — побережье окружено точками и крестиками, означавшими опасные места. И в самом деле, сюда впадает несколько полноводных рек; образующие ими наносы, а также суровые зимние холода делали почти невозможным для некоторых видов кораблей в античные и средние века плавание между дельтой Дуная и Херсонесом. И тем не менее, если судить по тому, что этот район изображается на средневековых картах и описывается в портоланах, мореплавание здесь существовало, но, разумеется, только в летние месяцы и только для определенных типов кораблей. В этот период гавани на южном берегу Крыма регулярно посещали суда, шедшие из Средиземного моря, Перы (Константинополя) и других черноморских портов, в том числе и из портов самого Керченского полуострова.

⁷ Motzo B. R. Op. cit., p. 129—137.

⁸ Nani-Mocenigo F. Un itinerario marittimo medievale.— *Nuovo Archivio Veneto*, XXI, 1911, p. 5—36.

⁹ Delatte A. Les portulans grecs. Liège — Paris, 1947. Описание Северного побережья Черного моря в кратком греческом портолане дано на с. 291, во втором греческом портолане — на с. 232—234, а в лейденском портолане — Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, Bruxelles, 1958, p. 39—44.

¹⁰ Firenze. Biblioteca Laurenziana. Mss. Med. Pal. 127, f. Ir — v.

¹¹ Madrid. Biblioteca Nacional. Ms. 1072, f. 200 v — 201 v.

¹² Paris. Bibliothèque Nationale. Ms. Fr. 741, f. 354—358.

¹³ Kretschmer K. Op. cit., p. 418—420, 467—469.

¹⁴ Paris. Bibliothèque Nationale. Ms. Fr. 25376, f. 35 r — 36 r.

¹⁵ Genova. Biblioteca civica «La Berio». Ms. Mr. VI. 4, 32, f. 71 v — 73 r.

¹⁶ Elie de la Primaudaie F. Etudes sur le commerce au Moyen âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies génoises de la Krimée. Paris, 1848, p. 217—229; Canale M. Periplo ottoplo del Mar Nero ossia indicazione dei diversi luoghi di quello, menzionati nelle otto antiche carte geografiche esistenti nell' I. R. Biblioteca di Vienna. Genova, 1855; Desimoni C., Belgrano L. Atlante idrografico del Medio Evo, posseduto dal prof. T. Luxoro.— *Atti della Società Ligure di Storia Patria*, V, 1867, p. 246—253; Thomas G. Periplus des Pontus Euxinus. Nach Münchener Handschriften.— *Abhandlungen der philol.-philolog. Classe der K. Bayer Akademie der Wissenschaften*, 10, 1866, p. 237—243; Брун Ф. К. Указ. соч., с. 72—97; Kretschmer K. Op. cit., p. 642—644.

¹⁷ Лоция на Черно море. Варна, 1956. При локализации большей части топонимов использованы данные именно этой лоции, а также карты Атласа автомобильных дорог «Черноморское побережье и Кавказ», М., 1976. Были учтены результаты исследования В. П. Зенковича «Берега Черного и Азовского морей». М., 1958.

Хронологические рамки настоящего исследования продиктованы датировкой использованных источников — от середины XIII в. примерно до 1669 г. Само составление морских карт и портоланов требовало хорошего знания побережья, в них достаточно точно зафиксированы его состояние и очертания на момент создания карты, даже если она не датирована. То же самое, естественно, относится и к рукописям XVI в., когда итальянские, греческие и другие черноморские корабли, как было доказано в недавнее время, продолжали плавать в бассейне Черного моря¹⁸. Французский портолан XVII в., имеющий стратегическое значение (о чем свидетельствуют некоторые пассажи его текста), также передает состояние побережья на время составления рукописи, хотя установлено, что образцом для него послужил либо лейденский портолан, рукопись которого датируется 1553 г., либо его архетип или копия. Следовательно, систематизированные в настоящей статье данные о состоянии средневековой географии Черного моря относятся к пятивековому периоду, на протяжении которого топонимия рассматриваемого района не претерпела существенных изменений, если судить по сохранившимся итальянским, греческим и французским вариантам. Далее, поскольку в предшествующих работах мы уже останавливались на вопросах топонимии, связанных с дельтой Дуная¹⁹, здесь мы не будем их касаться и начнем с рассмотрения топонимов местности непосредственно за ее самым северным (Килийским) рукавом.

* * *

Салине. Это первый топоним, обозначенный севернее дельты Дуная почти на всех морских картах, а также во втором греческом, в мадридском и французском портоланах. Он означает место, где добывают соль, что соответствует и названию современного поселения — Тузлы. И поскольку название *Салине* всюду дано во множественном числе, оно, по-видимому, включает все находящиеся в этой части побережья озёра (лиманы Сасык, или Кундук, озера Шаганы, Алибей и Бурнас), на которых в средние века добывали соль²⁰.

Фалконаре. Хотя это название встречается на всех средневековых черноморских картах и упоминается в трех портоланах (во втором греческом, в мадридском и лейденском), остается неясным, означает ли оно поселение, залив или мыс. Тот факт, что в лейденском портолане дается расстояние между ним и Маврокастро (сама цифра утеряна), свидетельствует о том, что это был важный ориентир в мореплавании. Вот почему не исключено, что Фалконаре было средневековым названием мыса Бурнас, где в более позднее время находилась гавань²¹. Основания для такой локализации нам дает форма мыса (если исходить из современных карт), напоминающая клюв хищной птицы, что соответствует значению как итальянского *Falconare*, так и греческого *Γεράκιφαλα* названий, означающих в переводе 'клюв сокола'.

Маврокастрон (совр. Белгород Днестровский). Давно локализован и изучается археологами²². Согласно сведениям портоланов, город находился в бухте, глубоко вдаю-

¹⁸ Inalcik H. The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans.— *Arheion Pontou*, 35, 1979, p. 74—110.

¹⁹ Тодорова Е. Au sujet du delta Danubien pendant le Moyen âge.— *Etudes balkaniques*, XXI, 1, 1986, p. 57—67. См. также: *Etudes balkaniques*, XIV, 2, 1978, p. 124—138; XVI, 2, 1981, p. 118—131.

²⁰ Лоция на Черно море, с. 115—116. Более подробные данные из портоланов — варианты названий, расстояния и направления см. в таблице в конце текста.

²¹ Там же, с. 116—118.

²² Божилев И. Анонимът на Хазе. България и Византия на Долни Дунав в края на Х в. София, 1979, с. 57—71; Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XII—XV вв. Кишинев, 1979, с. 67—69; Кравченко А. А. Производственные комплексы Белгорода XIII—XV вв.— В кн.: *Античная Тира и средневековый Белгород*. Киев, 1979, с. 115—135; Мезенцева Г. Г. Раскопки в Белгород-Днестровской крепости.— В кн.: *Археологические открытия 1980 г.* М., 1981, с. 283—284.

щейся в материк, так что до него доходили только лодки или небольшие корабли, которые нагружались там солью. Портолан италийской Космографии сообщает, что к северу от Maurocastro находилось устье реки Днестр (*fiume tortolo*, а на некоторых картах — *fl. turlo*). По данным лейденского портолана, город назывался Аспрокастро, так как крепость его со стороны моря выглядела белой (*πύργος ἄσπρος*).

Кератарница. В лейденском портолане этот ориентир отмечен на очень близком расстоянии от Днестровского лимана (20 миль). Его название встречается на некоторых морских картах XVI в., вероятно, он находился в устье реки Барабой.

(Ла) Джинестра и Мавро Неро. Если первый топоним есть на всех морских картах и в большинстве портоланов, то второй встречается сравнительно редко на картах²³, а в лейденском портолане оба топонима даны как однозначные. По нашему мнению, это средневековые названия двух лиманов около Одессы — Куяльнического и Хаджибейского. Из-за близкого соседства их устьев средневековые мореплаватели принимали их за один лиман. А в лиманы мореплаватели заходили только в случае шторма, или для ночевки, а также для пополнения запасов провизии и свежей воды.

Флор де лис. По-видимому, в средние века так называли устье Тилигульского лимана, расположенного к северу от современного села Сычавка. Тот факт, что название это встречается на всех картах и почти во всех портоланах (в которых указаны и расстояния до него), показывает, что это было хорошее убежище для кораблей. Второй греческий и мадридский портоланы специально добавляют, что Флор де лис — город.

Барбарексе. Под этим названием на средневековых картах и в портоланах обозначаются как остров Березань, так и Березанский лиман, тем более, что в лейденском портолане это специально указано (*Περτρῶζη . . . ποταμός . . . καὶ νήσιον*).

На средневековых морских картах Днепробугский лиман обычно представлен как дельта реки, составленная из двух, трех и даже более рукавов. В портоланах XVI—XVII вв. и на некоторых картах названия этих рукавов соответствуют названиям рек Colando (Буг), Deglio или Serpo (?) и Lusse, или Elyos (Днепр). И если на картах XIV в. отмечены названия только двух рек — Vouo (Буг) и Elexe (Днепр), в более поздних источниках топонимия этого ареала, значительно богаче. Рядом с западным берегом Буга обычно встречается надпись Grote de topo, что, вероятно, означает наличие каких-то гротов, известных итальянским мореплавателям. Около острова, образованного двумя «рукавами дельты» иногда появляется надпись porto de bo[uo]. Нельза утверждать, существовала ли здесь когда-либо гавань или нет, так как в портоланах нет никаких указаний на это. Но анонимный испанский монах первой половины XIV в. в своих путевых заметках (результат путешествия по всему известному в то время европейскому миру) утверждает, что посетил гавань, находившуюся у подножья высокой горы, рядом с которой протекала река Лузур (Днепр). Кроме традиционного для средневековья представления о том, что, впадая в море, эта река образует дельту, автор упомянутого источника сообщает, что она берет свое начало из русских гор²⁴.

Поблизости от действительного устья Днепра на картах топоним *Elexe* повторяется; по-видимому, это название гавани, соответствующее, по всей вероятности, известному из русских летописей *Олешью*²⁵. Здесь обычно локализуется и встречающийся в

²³ См., напр., опубликованную карту: Stevenson E. L. Atlas of Portolan Charts, facsimile of a manuscript in British Museum. N. Y., 1911, map. № 4, the Black Sea.

²⁴ Libro del conocimiento de todos los reynos y tierras que son por el mundo y de las señales y armas que han cada tierra y señorio por sy y de los reyes y señores que los proveen, escrito por un franciscano español a mediadas del siglo XIV. Madrid, 1877 (= Barcelona, 1980), p. 102 — «puerto de lobo que es vna sierra muy alta y cerca la toda vn rio que dizen lusur que nasce de los montes rexos».

²⁵ См.: Секульский А. Л. К локализации летописного Олешья. — СА, 1980, № 1, с. 64—73.

генуэзских документах кастел *Иличий*, или *Лерици*, который в XV в. находился во владении семьи Сенарега²⁶.

Загори — Закори. Согласно представлениям авторов средневековых морских карт, на протяжении всего берега к югу от Кинбурна до Каркинитского залива располагались несколько островов, самый западный из которых носил название *Zacori*, или *Zagori*, средний — *Megatico*, или *Megarico*, а самый восточный — *I. Rosa, Rubea, Rasinas, Cagose*, или «остров птиц» (*tò Νῆσι τῶν Πουλιῶν*)²⁷. *Ponta de Braco* из самого раннего итальянского портолана и *Ponta de Jazoro*, или *Gazor* из второго греческого и мадридского портоланов, по-видимому, были средневековыми (соответственно для XIII и XVI вв.) названиями мыса полуострова Кинбурн и (или) самой западной точки Тендровской косы. Кроме мыса Газор мадридский и второй греческий портоланы упоминают и залив Газор, под которым следует, вероятно, предполагать современный Егорлыцкий залив (так полагал еще Ф. К. Брун, исходя из звукового соответствия названий)²⁸, и Тендровский залив, которые образуются между сушей и Тендровской косой. Оба портолана сообщают, что в этом бассейне — острова, мели, рукава (что соответствует его современной гидрографической характеристике), а величина его окружности — 60 миль. Мадридский портолан характеризует его как озеро (лассо).

Пидея. Мадридский и второй греческий портоланы помещают Пидею в 45 милях к юго-западу от восточной оконечности Газора (Тендровской косы), причем специально упоминается, что это город. Мы не сомневаемся в существовании и значении этого портового города, тем более что на большинстве компасных карт он обозначен красными чернилами. Интересные данные о нем мы находим также у анонимного испанского монаха, посетившего его в первой половине XIV в. По его мнению, Пидея была областным центром, подчиненным татарскому хану Узбеку²⁹.

Достаточно надежных данных для локализации этого порта нет. Все зависит от того, как далеко в XVI в. простиралась Тендровская коса. И все же можно предположить, что либо Пидея — средневековое название современного Заливного порта, либо она находилась в западной части теперешнего Тендровского залива, при условии, если Тендровская коса была пересечена проливом, разделившим ее на две части, — упоминавшиеся выше «острова» Газори (Закори) и Мегатико. В поддержку последнего предположения можно привести упоминание острова *Aridea* (т. е. острова около Пидеи) в лейденском портолане. Согласно этому источнику, *Aridea* — низкий голый остров, на берегу которого находилась одинокая сосна, а в 20 милях за этим деревом глубина моря достигала 8—12 метров. О городе под названием Пидея в этом источнике не говорится, но указано, что в 15 милях от берега, в глубине залива находился порт под названием *Мадарикон* (*Μαδαρικόν*). Здесь же указано также, что к юго-западу от этого порта у подножья заросшей лесом горы можно было найти воду для питья, но если бы моряки не сумели найти этого места, они вынуждены были бы пойти в *Сокори*. *Сокори*, видимо, один из вариантов произношения Закори (Газори), или самой западной точки Тендровской косы (или мыса полуострова Кинбурн). Французский портолан на том же месте упоминает *Сиколопо* — город «с хорошим портом при всех ветрах, находившимся неподалеку от леса, из которого брали деревья для изготовления карамуселей или использовавшихся в этих местах кораблей»³⁰. Все это дает нам основания допустить, что в последнем случае, вероятно, речь идет о порте Очаков.

²⁶ Lopez R. S. Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938, p. 362, 437—438; Ballard M. La Romanie génoise (XIIe — début du XVe siècle). Vol. I—II, Genova, 1978, p. 161—162.

²⁷ Stevenson E. L. Op. cit.; Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, p. 42—43.

²⁸ Брун Ф. К. Указ. соч.

²⁹ Libro del conocimiento, p. 102 — «desde puerto es vna ciudad que dizen pidea y es cobeça del Reynado y trae señales como vxieto porque es su vasallo».

³⁰ Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments. p. 42; BNP, Ms. Fr. 741, f. 355 — «Sicolopo est vne ville ou il y a bon port pour toutes sortes de temps, ou il y a vne grande forest ou on fait quantité de caramoscils, ou vaisseaux à l'usage du Pays».

Голфо де Негрополи. Это название в средние века относилось к большому заливу, простиравшемуся к востоку от Изола Роса (совр. остров Джарылгач) и Глосиды (вероятно, нынешней Бакальской косы) или Каркинитского залива. Гидрографические условия в нем неблагоприятны для плавания кораблей, и поэтому на всех компасных картах он усеян точками, означавшими мелли и опасности. Характерные для него миражи дополнительно затрудняли навигацию в этом районе, и средневековое название залива переводится как 'залив мертвых' (или 'залив города мертвецов').

Согласно второму греческому и мадридскому портоланам, «все вокруг болота и поля», а согласно лейденскому — «весь залив хорош для остановки, имеет хорошее и чистое дно с глубиной 8 метров». Анонимный испанский монах уверяет нас, что он «был в гавани Нигропила, которая является очень большим заливом в Черном море»³¹. На основании приведенных данных можно считать, что Каркинитский залив в XIII—XVII вв. был известен именно как залив, без упоминания какого бы то ни было поселения на его берегах.

Гросеа — Глосида — Гросида. Топоним, встречающийся на всех картах-портоланах, означающий, по-видимому, далеко выступающую в море песчаную Бакальскую косу. Она имела существенное значение для мореплавания, и поэтому в портоланах XVI—XVII вв. указаны расстояния от нее до всех портов, мысов и островов в этой части Черного моря (т. е. между мысами Гарханкут и Кинбурн).

Варанголимен. Название это встречается на всех морских картах и, хотя вторая часть слова означает «порт», сам город, по-видимому, находился на мысе между нынешними бухтами Ярылгачской и Узкой. В мадридском и втором греческом портоланах *Варополи* означает только мыс, а в лейденском — только гавань, причем хорошую, хотя тут же указывается другая гавань, находящаяся к северо-западу от нее, под названием *Καλὸν λιμὴνα* ('хорошая гавань'), и отмечается, что на мысе между этими двумя гаванями находилась «груда камней, напоминающая башню». Эти камни, являющиеся, как мы знаем, руинами древней крепости, и в наше время служат указателем при входе в Ярылгачскую бухту, которая для авторов портолана, очевидно, была «хорошей гаванью». И по сей день она является такой гаванью для небольших кораблей и опасна только при западных ветрах³². Французский портолан сообщает, что *Barangiopoli* был «городом, расположенным под мысом, а к северо-востоку от него находился островок, называемый Казоре»³³, и тем самым уточняет местонахождение города в XVII в.

Рософар. Так именовался в средние века мыс Тарханкут, или западная оконечность Крымского полуострова, на которой, по-видимому, с древних времен находился маяк. Судя по переводу этого названия во втором греческом портолане *Κόκκινον Φαράρι*, он был назван так из-за красноватого цвета утесов, составляющих мыс, на котором установлен маяк. Однако форма *Ροσοφόρον φάρος* в лейденском портолане, возможно, указывает на связь с русскими. Во французском портолане установлено различие между двумя мысами острова: Тарханкут — *Cap de Rapogmu* (ныне Прибойный) и *Sardays* (ныне Тарханкут) с уточнением, что *Cap de Rapogmu* называется *Rozafali*.

Однако трудно установить, что именно подразумевали средневековые мореплаватели под названием «мыс готов» (*ἄβρο τοῦ Γότζεσ, sauo de Gozes*), который, согласно второму греческому и мадридскому портоланам, находился в 100 милях к югу-юго-востоку от Пиден. Судя по сведениям испанского монаха, *Готия* было одним из названий Тарханкутского полуострова, так как у него сказано, что это «мыс в Черном море, а на

³¹ Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, p. 42; Libro del conocimiento, p. 102 — «e desde fuy al puerto de nigropila que es vn golfo muy grande del mar mayor».

³² Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, p. 42—43; Лоция на Черном море, с. 185—187.

³³ BNP, Ms. Fr. 741, f. 355 — «Barangiopoli est une ville assise dessus vn Cap au pointe, et du costé de Grec il y a vne petite isle appellé Cazore».

другом его конце — море Таны»³⁴, и, таким образом, этот автор обозначает две конечные точки Крымского полуострова. Но возможно также, что автор этого источника, как и авторы второго греческого и мадридского портоланов, в данном случае имели в виду не самую западную точку Крымского полуострова (полуостров Тарханкут), а его южную оконечность, где в горных районах между Херсоном и Солдайей в средние века жили крымские готы³⁵.

Трине — Керкенити. Этот топоним встречается на большинстве морских карт. Он обозначен между Рософаром и Салине и, по-видимому, передает старое название Евпатории или озера Донузлав. Согласно портолану, включенному в итальянскую Космографию, Трине расположен в 80 милях от Рософара, тогда как согласно лейденскому и французскому портоланам — только в 30 милях от него. Лейденский портолан также указывает, как войти в его гавань: Керкенити расположен между двумя мысами, а в глубине залива, в который можно было войти с юго-востока, находилась крепость.

Французский портолан называет весь залив к юго-востоку от Рософара «большим заливом москвитов»³⁶ и сообщает о наличии в нем острова. В этой гавани, согласно тому же источнику, находились город и порт Кросите, вход в которые был с северо-востока, но войти туда можно было только мимо западного мыса, так как в середине залива имелись подводные скалы. Можно было также стать на якорь у входа в залив.

Только во французском портолане после Кросите обозначен еще один залив, называемый Паурмин, у которого было хорошее дно и поэтому в нем можно было стать на якорь. Вот почему, если под *Кросите* мы подразумеваем озеро Донузлав, то Паурмин, вероятно, было прежним названием бухты Евпатории³⁷.

В некоторых списках *Libro del conosciemento* анонимного испанского монаха сообщается о том, что после того как путешественник проехал мыс Готия, он вошел через узкий проток (*angustura*) в «море Трине, которое находилось между этим мысом и мысом Генс»³⁸. Возможно, под мысом Генс следует подразумевать восточный мыс у входа в озеро Донузлав (место, где сегодня находится поселок Мирный), но только в том случае, если Трине — Керкенити находилось на этом озере. Последнее, однако, недостаточно ясно из-за краткости сообщения рассматриваемого источника, а также и из-за того, что за этим пассажем следует лагуна, возникшая при редактировании путевых заметок и заполненная текстом о готах, в котором смешиваются море Таны с морем Трине. Вот почему единственно правильное решение вопроса о береговой линии и топонимии этого района в средние века могут дать результаты археологических исследований озера Донузлав и окрестностей Евпатории, тем более, что нельзя пренебречь устойчивостью топонима *Керкенити* — античного названия нынешней Евпатории.

Салине. Этим топонимом (так же, как и в местности между дельтой Дуная и Днестровским лиманом) обозначены озера, в которых добывали соль, расположенные к юго-востоку от Евпатории, причем расстояния до них указаны во всех портоланах.

³⁴ *Libro del conosciemento*, p. 103 — «E desde fuy al cabo de gotia que lo cerca del vn cabo el mar mayor y del otro el mar de letana...»

³⁵ Васильев А. А. Готы в Крыму. — Известия ГАИМК. VI. Ленинград, 1927, с. 276—281; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 80—82; е го же. Крым в средние века. М., 1973, с. 78—135.

³⁶ BNR, Ms. Fr. 741, f. 355 — le grand Golfe de Moscouie; f. 356 — «ou il y a vne isle dedans, et le plus forain du Susdict Cap de Panormy est appellé Rozafali, mais voulant suivre le susdict Cap cent milles, ou est tout lieu de plage, et de pays guere hauté, car c'est tout de bas fonds. Apres suivant la coste allant à Ponent et Lebeche deuers le cap susdict de Rozafali tu trouueras certains lieux, ou est la ville de Crositte, ou il y a lieu pour encren, mais à la bouche du Port, qui est deuers Maistral il y a vn escueil, ou sech au milieu, qui est cause qu'on ne peut entrer que du costé de Ponent, et passer bien proche le cap, et doubtant ledict tu trouueras le Golfe de Paourmine, ou on peut encren par tout, car le fond est net. Et partant du Cap susdict de Rozafali allant droit à midy à vingt cinq milles tu trouueras le Cap de Sordays, ce Cap est le plus forain de tous».

³⁷ Лоция на Черно море, с. 189—196.

³⁸ *Libro del conosciemento*, p. 103 — «E dende en el mar de trina pase por una angustura que es en esta gotica e el cabo de gens...»

Между солеными озерами и мысом Херсонес на большинстве карт и портоланов встречаются топонимы *Алфета* и *Каламита*. И если местонахождение Каламиты хорошо известно (совр. Инкерман), то Алфету — Фету — Авлиту следует, по-видимому, искать близ устья реки Бальбек, к северу от мыса, обозначенного во французском портолане *Ру*³⁹. Согласно тому же источнику, в обоих заливах можно стать на якорь, но только не при юго-западном ветре, поднимающем большие волны. А в лейденском портолане сообщается, что в бухтах от мыса Херсонес до Авлиты могут перезимовать корабли любого вида.

Херсонес (совр. Севастополь). Обозначение его на картах XIV — начала XV вв. красными чернилами указывает на важную роль, которую Херсонес как портовый и городской центр продолжал играть в ту эпоху. Однако после разгрома монголами в 1399 г. *Херсонес* постепенно исчезает с карт и портоланов (окончательно к середине XV в.)⁴⁰, так как актуализация информации на средневековых морских картах опаздывает в среднем на 50 лет. Поэтому Херсонес обозначен как порт только в самом раннем из итальянских портоланов.

В позднейших навигационных пособиях под названием *Херсон* (надпись на картах черной краской) следует подразумевать мыс Херсонес. И только лейденский и французский портолан сообщают целый ряд подробностей о мысах и бухтах современного Севастопольского залива, причем во французском находим замечание о том, что в бухтах можно останавливаться только при хорошей погоде. Согласно лейденскому портолану, Херсонесская гавань имела удобный вход и была хорошим убежищем для любого вида кораблей и предоставляла возможность перезимовать в ней.

На большинстве компасных карт отмечен также и маяк (*fanario, fano*), существовавший когда-то на западной оконечности мыса Херсонес.

Чембало — Символон (ныне Балаклава). На картах XIV в. Чембало — прежде всего, мыс и вход в залив, которые обозначены черными чернилами. Только как мыс Чембало отмечен в самом раннем из итальянских портоланов, в то время как в позднейших (во втором греческом и в мадридском) наряду с мысом упоминается и город. Лейденский портолан характеризует его как хороший порт с узким входом с юга, перед которым в море находился утес, а за ним, на берегу, — крепость. Французский портолан сообщает об имеющихся хороших якорных стоянках, но находившихся на некотором удалении от берега из-за возможной опасности для судов во время шквала быть выброшенными на мель или берег. Обозначение Чембало на позднейших компасных картах красными чернилами и упомянутые выше указания портоланов подтверждают тот факт, что расцвет этого города начался с середины XIV в., т. е. с образования в нем генуэзской колонии⁴¹.

Удобные для мореплавания заливы по всему южному берегу Крымского полуострова и множество поселений, существовавших там в средние века (достаточно вспомнить хотя бы Рубрука и Абулфеду, сообщавших о наличии еще в XIII—XIV вв. сорока крепостей между Херсонесом и Солдайей⁴²), очевидно, не могли быть исчерпывающим

³⁹ Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments. p. 41; BNP, Ms. Fr. 741, f. 356—«Du Cap de Sordays au Cap Corosquis autrement appelé le Cap... (sic). Et par ce chemin tu trouveras le Golfe d'Aosseti et le Cap Roux, et passé iceluy tu trouveras vn autre Golfe appelé Calamaty, et autre petits lieux, et par tout cesdicts deux Golfes on peut encreer (f. 357) mais garde toy du trauersier, qui est Lebeche, car il y fait de grands vents, et grande mer».

⁴⁰ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII—XIV вв. М., 1950; его же. Средневековый Крым, с. 80—103; его же. Крым в средние века, с. 9—12, 30—32, 57—77, 86—103.

⁴¹ Там же, с. 127—128. См. также: Balard M. La Romanie génoise, p. 157.

⁴² Willelmus de Rubruc in: Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de Géographie de Paris. Vol. IV. Paris, 1838, p. 222 — «et sunt quadraginta castella inter Kersonam et Soldaiam...»; Géographie d'Aboulféda. Trad. M. Reinaud. Vol. II. Paris, 1848, p. 282.

образом отражены на картах. Ограниченное пространство в форме треугольника (а именно таким образом обозначался Крым на компасных картах) давало возможность отметить только самые важные из них. Вот почему и для этого участка Черноморского побережья больше подробностей можно найти в описаниях портоланов, хотя и в них не помечен ряд гаваней, известных Идриси⁴³, а также тех, в которые генуэзцы назначали своих консулов (например, Ялта)⁴⁴.

Из многочисленных мысов южного берега Крыма на морских картах обозначены только Айа, Саia и Сан Тодеро. Возможно, они соответствуют современным названиям *Аю-Даг* и *Ай-Тодор*. Реже на картах (например, на карте Грациозо Бенниказы с 1471 г.) встречается топоним *Санто Яни*, который, вероятно, означал мыс Сарыч — самую южную точку полуострова. Однако во втором греческом и мадридском портолане указан только мыс San Gioanne, где находилась крепость под названием *Sancto Theodoro*. И поскольку современный мыс Ай-Тодор ограничивает с севера бухту Алупки, можно допустить, что это название носил и упомянутый поселок Алупка.

Однако средневековые моряки не посещали места, которые и сегодня опасны для мореплавания. В этом убеждает нас лейденский портолан, который упоминает мыс Айа только как ориентир и сообщает его приметы для распознавания с моря. Судя по этому портолану, под мысом Айа автор подразумевал всю южную оконечность Крыма, и этим он не отличается от авторов других портоланов и средневековых морских карт. Античные авторы так же ошибались и не различали отдельных мысов Южного Крыма⁴⁵.

Гурузувиты (совр. Гурзуф). Существование Гурузуфа хорошо известно в средние века. Его крепость сохранилась до наших дней. Тем не менее его название очень редко появлялось на морских картах (оно есть, например, на упомянутой выше карте Грациозо Бенниказы с 1471 г.). И только лейденский портолан сообщает, что близ него находились острова, называемые *Ἄγιος Ἰσίδωρος*, у которых существовала якорная стоянка. В нем даже точно описывается, как следует кораблю пристать: с носом, повернутым к островам, и с якорем, брошенным по направлению к суше. В 4 узлах к юго-западу от этих островов находился утес. При необходимости сойти на берег следовало плыть между этим утесом и берегом, где было безопасно⁴⁶.

Пагрополи — **Багрополи** (ныне Партезиты). Отмечен на всех морских картах как важный город и порт. Самый ранний из итальянских портоланов и портолан, включенный в итальянскую Космографию, только упоминают его, в то время как второй греческий и мадридский портолан поясняют, что там есть город, расположенный на мысе (или полуострове), к северо-востоку от которого в море находился маленький островок, и именно там была гавань этого города. Согласно лейденскому портолану, Пагрополи можно распознать по низкому голому и округлому острову, находящемуся перед ним⁴⁷; к XVII в. он утратил свое значение, и французский портолан упоминает его наряду с другими «незначительными местами» между мысом Херсонес и Кафой.

Алуста — **Лусте** (ныне Алушта). Это название находим в большинстве карт-портоланов, а описание — только в лейденском. В последнем указано, как можно распознать Алусту с моря: по высокой горе, на вершине которой — большое плато, а северо-западные склоны ее образуют крутые обрывы к морю. Название этой горы — *Καζήβαροον* (вероятно, совр. Чатыр-Даг)⁴⁸.

Солдая — **Солдадеа** (ныне Судак). Хорошо известны как местонахождение сохранившейся до наших дней солдайской крепости, так и роль этого портового города в

⁴³ Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960, с. 101.

⁴⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Крым, с. 118.

⁴⁵ Агбунов В. М. Загадки Понта Эвксинского. М., 1985, с. 33—42.

⁴⁶ Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, p. 40.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.; см. также: Лощия на Черно море, с. 218—219.

средние века⁴⁹. Вполне естественно, что на компасных картах название *Солдайя* показано красным цветом. В самом старом из итальянских портоланов, во втором греческом и мадридском портоланах Солдайя указана только как остановка, тогда как в лейденском дано расстояние до нее, она помечена как ориентир. Гавань, согласно этому источнику, находилась в 4 милях к юго-западу от нее, куда можно было войти с северной стороны (?). Над этой гаванью поднималась голая округлая красноватого цвета гора под названием *Пуркан* (вероятно, прежнее название горы Сокол)⁵⁰.

Меганоме — **Меган Онома**. Мыс, ограничивающий с юго-востока Судакскую бухту, еще в средние века носил имя *Меганом*. И поскольку этот мыс служил ориентиром («большой полуостров, который со стороны моря выглядел, как остров», по лейденскому портолану), название его дается на всех морских картах, так же, как и на портоланах.

Калитра — **Халита** и **Сипипидима** — **Елафоподима**. Между Солдайей и Кафой в самом раннем из итальянских портоланов и в лейденском помимо *Меганоме* даются еще два топонима: *Калитра* — *Калита* — *Халита* и *Сипипидима* — *Елафоподима*. Формы *Калитра* и *Сипипидима* встречаются на большинстве морских карт, а также в некоторых генуэзских документах. На основании того, что расстояния между ними, мысом Меганоме и Кафой приблизительно одинаковы, можно допустить, что Калитра находилась в бухте Коктебель, а Сипипидима — в бухте Якорной, вероятно, около современного села Планерское. Лейденский портолан сообщает, что берег на всем протяжении от Кафы до Солдайи благоприятен для мореплавания, а Калитра и Сипипидима — хорошие гавани. За Калитрой на суше находилась округлая гора, изрытая рвами, из-за чего она выглядела издали как крепость. Эта гора называлась *Тузин* (вероятно, совр. Чалька), и поэтому и Калитра носила еще название Тузин⁵¹.

Кафа — **Каффа** (ныне Феодосия). Это — хорошо известный портовый город как в прошлом, так и в настоящее время. В средние века он играл ведущую роль в этом районе⁵² и поэтому обозначен почти на всех морских картах и портоланах. Второй греческий и мадридский портолан даже указывают мысы, ограничивающие ее залив: Панорми (совр. мыс Или, или Кинк Атлама) и два малых острова с востока, их названия передаются по-разному в различных портоланах — *Choschis*, *Colosques*, *Κόχαις*, *Γλαροστάσιον*. Расположенный неподалеку от этих островков мыс Опок на средневековых картах называется *Чиприко* (так он назван и в самом раннем из итальянских портоланов), тогда как в остальных случаях обозначен соответственно как *Caprera*, *Cra-pera*, *Κληρικόν*.

Согласно лейденскому портолану, в заливе Кафы имелось еще одно удобное для акостирования место. Это — *Завида*⁵³, название, встречающееся также на некоторых

⁴⁹ Секиринский С. А. Очерки истории Сурожа. Симферополь, 1955; Νυσταζοπούλου Μ. Γ. Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Ἡρασιονίῳ πόλει Σολδαία ἀπὸ τοῦ Π' μέρους τοῦ ἸΕ' αἰῶνος. Ἀθήναι, 1965; Секиринский С. А., Воробьев О. В., Коганашвили К. К. Судакская крепость. Симферополь, 1971; Висоцки С. О. Генуэзская фортеция в Судак. Киев, 1972; Якобсон А. Л. Средневековый Крым, с. 118—120; его же. Крым в средние века, с. 124—126; Фронд жуло М. А. Раскопки в Судак. — В кн.: Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 139—150.

⁵⁰ Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, p. 40; Лоция на Черно море, с. 220—221.

⁵¹ Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, p. 39—40; Лоция на Черно море, с. 221—223.

⁵² Якобсон А. Л. Средневековый Крым, с. 108—118; его же. Крым в средние века, с. 110—124; Bratianu G. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire. Paris, 1929; idem. La mer Noire; Старокадомская М. К. Очерки по социально-экономической истории генуэзской Кафы конца XIII — первой половины XV в. Автореф. канд. дис. М., 1950; Balard M. Les Génois en Crimée aux XIIIe—XVe ss. — In: Arheion Pontou, 35, 1979, p. 201—217; idem. La Roumanie génoise, p. 114—118; Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain. Caffa génoise et ottomane. — In: Le paysage urbain au Moyen âge. Lyon, 1981, p. 79—131.

⁵³ Delatte A. Les portulans grecs. II. Compléments, p. 39. Лоция на Черно море, с. 228—230.

морских картах. Завида, по-видимому, находилась близ современного мыса Чауда, в названии которого, возможно, сохранились реминисценции средневекового топонима (или же итальянцы воспринимали топоним *Чауда* как *Завида*).

Все портоланы отмечают хорошие качества порта Кафы. Так, согласно лейденскому портолану, он имел «прекрасную гавань, причем в любом месте залива можно было бросить якорь и плавать безопасно». Второй греческий и мадридский портоланы определяют Кафу как зимний порт, где, по всей вероятности, могли перезимовать корабли; ведь навигация в этот сезон практически невозможна, что видно из сочинения посетившего в 1438 г. Кафу испанского путешественника Перо Тафура, засвидетельствовавшего, что зимой залив и находившиеся в нем корабли замерзли⁵⁴.

Французский портолан XVII в. сообщает, что пришедшие в Кафу корабли «обычно становились носом к островкам Короскес, а якорь бросали в сторону города»⁵⁵. Но это — очевидная ошибка составителя, переводчика или переписчика текста этого портолана, в котором есть множество заимствований из лейденского. А в лейденском портолане подобная ориентация кораблей дана для Гурзуфа. Кроме того, вряд ли могли занять такое положение те двести кораблей, которые насчитал в заливе Кафы Ибн-Батута в 1322 г.⁵⁶

Каваларии — Кавалиер. Согласно компасным картам и портоланам, был последним мысом на Черноморском побережье Крыма. Под этим названием следует подразумевать современный мыс Кыз-Аул, над которым возвышается гора Опук, упомянутая в лейденском портолане. Отсюда во втором греческом и мадридском портоланах отсчитываются пеленги или расстояния для прямого плавания через море к Трапезунту (совр. Трабзон), Керасунту (совр. Керасун), Лиллопотамо (совр. Казыл Ирмак), Синопу (совр. Синоб) и Амасре.

За этим мысом начинается Керченский пролив, в котором находились обозначенные на морских картах и в портоланах мыс Аспромити (перед самой бухтой) и порт города Боспоро (совр. Керчь).

Таковы сведения, которые можно почерпнуть о географии и гидрографии северного побережья Черного моря в эпоху позднего средневековья из сохранившихся пособий по навигации. Они затрагивают широкий круг вопросов, которые могут быть разрешены совместными усилиями археологов, филологов, палеографов и историков, хорошо знающих как особенности местности, так и данные ономастики и историю каждого отдельного местечка на северном побережье Черного моря.

---

⁵⁴ Tafur P. Andaçias e viajes de un hidalgo español. Barcelona, 1982, p. 169 — «Esta çiudad de Caffa es tan fria en el invierno, que las naos se yelan dentro en el puerto».

⁵⁵ BNP, Ms. Fr. 741, f. 358 — «La Caffa est vne grande ville au bord de la mer ou audeuant d'icelle il y a deux islots appellees les Colosques, et en iceux est le lieu ordinaire ou encrent les vaisseaux qui vont la mettant les prouis dessus iceux et les encrens deuers la ville».

⁵⁶ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, с. 280.

Compasso da navigare, prima 1296	Portulan grec abrégé 1534	Cosmografia italiana 1550	Portulan grec II, 1573	Portolano de Madrid, 1605—1634	Portulan de Leyde, 1553	Portulan français 1669	Люция Черного моря
	Μαυρόκαστρον 50 m. 1/4ENE	Moncastro 60 m. N	Ἄλικαι Φαλκονέραι Μονόκαστρο 80 m. NEN	Saline Falconere Monocastro 80 m. 1/4 NEN	Γερακόφαλα Ασπρόκαστρον 20 m. ENE Κερατάριζα 40 m. 1/4 ENE Ξενίστρα Μαύρο νερό 100 m. NEE	Salines Montcastre	Тузла м. Бурнас Белгород Днестров- ский
	Τξενέστρα 30 m. NNE	Ginestra 50 m. NNE					Одесса
	Φιόρ δελίτζι 50 m. NEE Βαρβαρίζι	Fior de lix 20 m. NE Barbarexe 120 m. NE	Φιορδελίτζε 60 m. NEE Βαρβαρέσες 60 m. NEE	Fordeglicij 60 m. NNE Lanbaressi		Fleur de Ligny 60 m. NNE Bandrisy	устье Тилигульско- го лимана Березань
			Κολάντε 25 m. W—E Λύκος 5 m. Λουζίν 40 m. 1/4 WSW	Colando fl. 25 m. Deglio o Serpo fl. 5 m. de Lusse fl. 40 m. 1/4 WSW	Περπερίζι (ποταμός και νησι) Σοκόρι 20 m. ENE	Colande 28 m.	устье Буга
Elxe 110 m. SEE		Golfo di fonte Serexo 120 m. SSE Lendene 90 m. NE	μπουντα τοῦ Γαζῶρ κάβο τοῦ Γαζῶρ κάβο τοῦ Λεβάντι τοῦ Γαζῶρ 15 m. NE—SW Πιδέα 35 m. SSE	ponta de Jazoro Golfo de Gasaro Cauo de Levante de Gassaro 15 m. NE—SW Bidia 35 m. SSE	Ἐλυσος ποταμός	rivière de Luze	устье Днепра
Ponta de Bra- co		Pidea 20 m. E Megarico 50 m. SW			Σοκόριν Μαδαρικόν	Sicolopo 40 m.	Кинбурн Тендров- ская коса Егорлыцкий залив
			Νησι τῆς Ρόσας	Isola di Rassinias	Ἄπιδεια 30 m. Νησι τῶν Πουλίων	isle Caroze	Джарылгачская коса Каркинитский залив
		Golfo di Nigropoli	κόρφος τῆς Νεγροπίνας	Golfo de Negro- pinas	Ἄντιγρόπολις		

Compasso da navigare, prima 1296	Portulan grec abrégé 1534	Cosmografia Italiana 1550	Portulan greo II, 1573	Portolano de Madrid, 1605—1634	Portulan de Leyde, 1563	Portulan français 1669	Лоция Черного моря
		Golfo di Comania	Γροσσία 55 m. 1/4 SWS κάβο τῆς Βαρόπολις 75 m. SE—NW κάβο τοῦ Γότζες κάβο τοῦ Φαναριοῦ Κόκκινο Φανάρι	Grosseau 55 m. 1/ SWS Cauo de Varopolis 75 m. SE—NW Cauo de Gozes Cauo de Fanale	Γλοσσίδα 40 m. 1/4 SWS Καλόν λιμῆνα Βαραγγικόν λιμῆνα 30 m. SE	Crositte Barangiopoli Cap de Panormy ou Sardays ou Rozafali	Бакальская коса Ярылгачская бухта Узкая
Saline 30 m. NEN		Crosfar 80 m. SE Trine 90 m. SSE	Τζορτζανάτζι	Fanale rosso	Ῥουσαικόν φάρος 30 m. SE Κερκινίτη 9 m.	Crosittes Golfe de Paourmine Golfe de Moscouie 70 m. NEE Salines	п-ов Тарханкут м. Тарханкут
Cursona 12 m. NEN			Ἄλικαί Ἄλφέτα Καλαμίτα	Saline	Ἀλική 62 m. Ἄβλίτα 52 m.	Aosseti Cap Roux Calamati	м. Прибойный оз. Донузлав Евпатория
Fanario 20 m. NEN Capo de Cembali 20 m. ESE		Chersoneso 90 m. S Cembaro 80 m. NE	Τζάπο 15 m. κάβο δὲ Φάρο κάβο δὲ Τζίμπαλο 50 m. SW	Zapo 15 m. Cauo di Faro Cauo di Zimbalo 50 m. SW Zimbalo	Μίγα ρεῦμα Ἅγιος Κλήμης Ἅγιος Πάντες Φανάρι	Camba Cap Cavallier 70 m.	оз. Сасык, Сакское, Чайка, Кызыл Яр Бальбек Инкерман Севастополь м. Херсонес Балаклава м. Фиолент Балаклав
Saia 20 m. E					Σύμπολος Ἄγία		м. Айя м. Сарыч

Compasso da navigare, prima 1296	Portulan grec abrégé 1534	Cosmografia italiana 1550	Portulan grec II, 1573	Portolano de Madrid, 1605—1634	Portulan de Leyde, 1553	Portulan français 1669	Лоция Черного моря
Sancto Todero 20 m. NEN Pagropoli 40 m. NE		Pongopoli 70 m. NE	Ἅγιος Ἰωάννης Ἅγιος Θεόδωρος Μπαγκρόπολι 40 m. 1/4 NEN	San Gioanne S. Theodero Bagropoli 40 m. 1/4 NEN	Ἅγιος Ἰσιδωρος Γουρζούβις Παγουρόπολι Ἄλοῦστα 50 m. Ἄθλιβος 4 m. Σουγδαία 6 m. Μέγαν ὄνομα Χαλίτα	Barille	м. Ай-Тодор Гурзүф Партениты Алушта
Sodania 10 m. E Meganome 20 m. NE Callita 10 m. NE Sipipidimma 30 m. ENE Caffa 35 m. E Zavida 30 m. NE		Meganome 50 m. NEN	Σολδαγία 50 m. 1/4 NNE	Soldaya 50 m. 1/4 NNE	Ἐλαφοπήδημα 6 m. Καφᾶ 36 m. Τζαβίδα 10 m. Γλαροστάσιν		Судак м. Меганом б. Коктебель
		Caffa 20 m. NE	Πανόρμι κάβο Καφᾶ 35 m. 1/4 SSE	cavo de Panormi Caffa 35 m. 1/4 SEE	Χαλίτα	Caffa 40 m.	Феодосия м. Чауда
			Νησιά ταις Κόκαις 50 m. ENE	Isole de Choschis 50 m. 1/4 ESE cauo Crapera 25 m. NNE cauo Caualleros 30 m. ENE Vospero	Κυπερικόν	Colosques	Корабль Камень м. Опук
Ciprico 20 m. NEE Cavalarij 50 m. N Vospero		Bosforo	κάβο Καβαλιέρ 30 m. ENE Βόσπορος	Vospero	Καβελάρη 60 m. Βόσπορος	cap Cabriere 25 m. Vospero	м. Кыз-Аул Керчь

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. С. СЕ Н Я В С К И Й. СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА СССР. М., «Мысль», 1987, 270 с., тир. 15 000

Автор рецензируемой монографии пытается проследить развитие союза рабочих, крестьян, интеллигенции в экономической, социальной, политической и духовной сферах; в свою очередь, каждая сфера рассматривается в трех аспектах: как объект политики партии и Советского государства, как особая система социальных связей между основными социальными группами общества и, наконец, как результат их взаимодействия, источник развития и прогресса.

Специальная глава посвящена методологии. Теоретическое осмысление исторического пути союза рабочего класса с остальными трудящимися предшествует конкретно-историческим разделам, открывает возможность постижения долговременных тенденций, более предметного раскрытия специфики 60—80-х гг. Значительное место уделено понятийному аппарату — инструментарию любого обществоведческого исследования, от точности которого, адекватности объекту во многом зависят и результаты. К сожалению, еще одному важному слагаемому — источниковедческим аспектам — повезло меньше.

Эти исходные плюсы и минусы во многом определили достоинства и недостатки собственно исторических глав монографии. Как считает автор, в начале 60-х гг. союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции характеризовался окончательной сформированностью социального состава, отличался высокой степенью социальной однородности, зрелостью социальных связей (с. 59—60). Этому соответствовала и политика, выработанная XXII—XXVI съездами КПСС. При рассмотрении ее «союз-

нических» аспектов в руководстве экономикой, социальной, политической, духовной жизнью прослеживаются взаимосвязи между новыми условиями, возникшими в стране, и соответствующими конкретными мерами и предпочтениями.

Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что в политике и практике 60-х и 70-х гг., как и в партийных документах тех лет, обществоведческих исследованиях социальная структура схематизировалась. Подчеркивалась главным образом высокая степень социальной однородности, общность коренных интересов рабочих, крестьян, интеллигенции и явно недооценивалась значимость интересов специфических.

Экономическая политика, как справедливо отмечает автор, это «решающий регулирующий фактор дальнейшего упрочения и развития» союзнических отношений (с. 70). Рассматриваются претворение в жизнь решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, последствия неудачи экономической реформы, а также первые меры по коренной перестройке экономики во второй половине 80-х гг. Подчеркивается, что в политике КПСС, политике совершенствования социализма сливаются воедино воля рабочего класса и его союзников.

Экономические и социальные основы политики и практики сближения классов освещаются в книге с позиции абсолютизации государственной собственности, а магистральный путь дальнейшего объединения интересов рабочих и крестьян видится автором в повышении уровня колхозно-кооперативной собственности до уровня общенародной. Перенесение этой общей формулы на реальный исторический процесс, ко-

торый никогда не был зеркальным отражением закономерностей общественного развития, мешает раскрытию реальной картины. По существу формула уводит от рассмотрения таких жгучих вопросов отношений между рабочим классом и крестьянством, как нарастающая в 60—70-е гг. неэквивалентность обмена между промышленностью и сельским хозяйством. Широко известно, например, что обслуживавшие сельское хозяйство отрасли индустрии долгие годы, по выражению специалистов-аграрников, «паразитировали на нем», изымали неоправданно большие прибыли, а сельхозпредприятия терпели огромные убытки*. Нарушались и принципы оплаты по количеству и качеству труда, что сказывалось на отношениях между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и специалистами — с другой.

Вместе с тем в разделах, рассматривающих собственно отношения между тремя общественными силами, много говорится и о позитивных, и о негативных явлениях экономической, социально-политической, культурной жизни, о факторах, нарушающих гармонию их интересов. Так, раскрывая процессы сближения рабочих, крестьян, интеллигентов в сфере труда, автор рассматривает неблагоприятные тенденции, связанные с технократическими перекосами в его организации, порождаемые остаточным принципом выделения ресурсов и т. п.

Читатель ищет ответа на вопросы о противоречиях в отношениях рабочих, крестьян, интеллигенции. Но находит ответы далеко не всегда. Справедливости ради следует заметить, что два—три года назад, когда создавалась монография, наше обществоведение до этого попросту не дошло. Как нам представляется, речь должна идти не только о влиянии «факторов застоя», ошибок и др., но и о тех реальных противоречиях, которые присущи самой социальной структуре, о их воздействии на межклассовые отношения, в частности, о различиях в уровнях, темпах со-

циального развития рабочих, крестьян, интеллигенции.

Уместно поставить вопрос о методах изучения, объективного освещения противоречивого хода общественных процессов. Автор в ряде случаев как бы проникает в ткань явления, где позитивное и негативное оказываются внутренне связанными, приходят в противоречие и между собой, и с требованиями времени. Именно так рассматривается реализация союза рабочих, крестьян, интеллигенции в ходе развития советской политической системы, социалистической демократии, в государственной и негосударственной формах которой в наибольшей степени проявляется сущность союза (с. 181—182).

Демократические завоевания первых поколений советских людей, составившие предмет их законной гордости, стимулировавшие активность масс, — не «вечный двигатель». Быстрый социальный рост всех классов и групп, их образования, культуры, заметное сближение по этим признакам в 60—70-е гг. показали, что не может быть автоматической трансформации таких качеств в общественно-политическую активность. Робость, хвостизм в развитии социалистической демократии порождали инертность, равнодушие, что, в свою очередь, стимулировало рост бюрократизма, заорганизованности.

В результате, на наш взгляд, ослабевают общественные связи вообще, в том числе и «союзные», появлялись отдушины для гипертрофии групповых интересов. Действовали различные силы — и консолидирующие социальную базу общенародного государства, и размывающие ее. Автор делает упор на первые, оперируя главным образом количественными показателями — ростом численности советского актива, внештатных отделов, увеличенном удельного веса рабочих в составе депутатов Советов и т. д. (с. 186—187). Но в противоречие с этими благостными цифрами приходит содержательный материал книги, раскрывающий меры, принимаемые после XXVII съезда КПСС по революционному обновлению политической системы, развитию демократии, гласности. Читатель понимает, что шаг в правильном направлении сделан. Но изучение факторов торможения,

* Некоторые проблемы развития общества в 70-е годы. Действие механизма торможения. — Вопросы истории КПСС, 1988, № 2, с. 118, 119.

влияющих на союзнические отношения в политической области, требует продолжения. И вовсе не потому, что они были определяющими, а потому, что длительное время игнорировались.

Интерес представляют характеризующие в работе различные аспекты функционирования союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в духовной сфере. Более явно проявлялась, по мнению автора, тенденция к сближению классов в системе распределения, потребления и восприятия культурных ценностей, в их отношении к такому важному элементу духовного производства, как культурное наследие. Читатель находит интересные факты, раскрывающие данное положение.

Ведущая роль рабочих в духовной сфере, отмечается в книге, определялась не только и не столько непосредственным их участием в создании духовных ценностей, но прежде всего формированием условий для дальнейшего развития социалистической культуры, опосредованным влиянием через систему «передаточных механизмов», идеологическим лидерством и т. д. (с. 229). Удачно в целом раскрывается созидатель-

ная работа рабочих и крестьянства в духовной сфере. Жаль только, что подобающего места не заняли сюжеты, связанные с моралью и нравственностью — важнейшими элементами духовной жизни, последствия недооценки которых мы испытываем сейчас.

Значение рецензируемой книги в целом, на наш взгляд, состоит в том, что она подняла широкий круг вопросов фундаментальной проблемы, утвердила ее понимание как совокупности связей, отношений всех составляющих союз сил, их интересов, социалистических целей и идеалов. Часть таких вопросов автор осветил удачно на путях творческого использования идей и положений XXVII съезда. Вместе с тем книга высветила тупики старых подходов, обозначила направления, требующие дополнительного исследования. Она подвела нас к пониманию того, что социальное развитие ведет к исчерпанию одних проблем в отношениях между классами, социальными группами и рождению других.

А. З. Ваксер

А. Г. КАВТАРАДЗЕ. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ. 1917—1920 гг. М., «Наука», 1988, 277 с., тир. 10 000

Привлечение военных специалистов для обороны нашей страны в первые годы Советской власти явилось крупной и неординарной акцией партии и государства, сыгравшей важнейшую роль в строительстве и боевой деятельности Красной Армии, а в конечном счете — и в победоносном исходе гражданской войны. Нельзя сказать, что эта тема обойдена вниманием историков. За последние четверть века появилось немало статей, посвященных военным специалистам. О них говорится и в ряде книг по истории Октябрьской революции и гражданской войны, строительства Красной Армии. Однако эта тема еще не была предметом специального исследования.

Монография А. Г. Кавтарадзе — первая в советской историографии попытка создания труда, раскрывающего узловые вопросы проблемы привлечения командного состава старой русской армии к военному строительству и защите Советского государства.

Автор рассказал о судьбах российского офицерства в революции и гражданской войне, по крайней мере той его части, которая служила Советской власти. Цель и задачи исследования требовали достаточно широкой источниковой базы. Нужны были новые архивные документы и справочные материалы. Работа в основном и базируется на таких источниках. Подавляющее их

большинство впервые вводится в научный оборот, что позволило автору рассмотреть ряд важных аспектов темы в ином свете по сравнению с другими историками.

Учитывая сложность и многоплановость проблемы, а также ограниченный объем монографии, автор не ставил перед собой задачи исчерпывающе осветить все стороны темы. обстоятельно рассмотрев проблему в целом, он сосредоточил основное внимание на анализе наиболее важных вопросов, а также на тех сюжетах, которые были ранее слабо разработаны и требовали дополнительного изучения. Следует согласиться с позицией автора, который, будучи связан объемом монографии, ограничился рассмотрением, так сказать, «верхнего слоя» офицерского корпуса старой армии (генералы, штаб-офицеры /полковники и подполковники/ и офицеры Генерального штаба), т. е. той категории военных специалистов, привлечению которой в Красную Армию В. И. Ленин, ЦК РКП(б) и Советское правительство уделяли особое внимание.

Представляет интерес проведенный автором анализ офицерского корпуса русской армии накануне Октября. У нас мало работ на эту тему, и они носят фрагментарный характер. А. Г. Кавтарадзе, привлекая обширный архивный материал, пришел к заключению, что значительная часть российского офицерства получила «личное дворянство» за службу в армии (а «потомственное дворянство» — при производстве в чин полковника) и лишь небольшой процент (во всяком случае, менее десяти) был связан имущественными, родовыми и иными узами с родовитым дворянством и буржуазией (преимущественно офицеры гвардии). Особенно «полевел» офицерский корпус в годы первой мировой войны, когда вследствие громадных потерь кадрового состава (особенно в обер-офицерском звене) и значительного увеличения численности вооруженных сил в него влилось свыше 200 тыс. офицеров военного времени из разночинной интеллигенции, мелкой буржуазии, крестьянства и т. д. В офицеры после окончания школ прапорщиков были произведены тысячи унтер-офицеров и солдат; многие унтер-офицеры и солдаты, отличившиеся в боях, получили

первый офицерский чин и без окончания таких школ. К осени 1917 г. офицером мог стать практически каждый, кто имел какое-то образование (даже низшее) и по состоянию здоровья был годен к службе в армии.

Это обстоятельство в значительной мере повлияло и на отношение российского офицерства к Октябрьской революции. Между тем во многих работах можно прочесть, что офицерский корпус старой армии накануне Октября представлял собой единую контрреволюционную силу, которая враждебно встретила Октябрьскую революцию и сразу же выступила против нее с оружием в руках. Автор рецензируемой книги отказался от подобного стереотипа. Опираясь на факты, он пришел к выводу, с которым нельзя не согласиться: подавляющее большинство русского офицерства в отношении революции заняло не враждебную, а выжидательную позицию (или вообще не заняло какой-либо определенной позиции). Лишь около 3% от общей численности офицерского корпуса (примерно 250 тыс. человек) сразу же после Октября выступило с оружием в руках против Советской власти. Так, например, в казачьих войсках генерала П. Н. Краснова в бою под Пулковом в октябре 1917 г. их было не более 100, в Добровольческой армии к концу 1917 г. — свыше 2 тыс. человек. Интересен установленный автором (по послужным спискам) факт, что из 70 генералов и старших офицеров, стоявших у истоков так называемого «белого движения», только пятерых можно отнести к помещикам. Это опровергает бытующее в литературе мнение о том, что офицеры Добровольческой армии принадлежали к капиталистам и помещикам.

Позже произошли существенные изменения. В результате слома старой армии (введения выборного начала и ущемления командных прав офицеров, уравнивания их по правовому и материальному положению с солдатами, увольнения без пенсий и выходных пособий, лишения казенных квартир и т. д.) десятки тысяч генералов и офицеров, оставшихся «не у дел» рассеялись по территории бывшей Российской империи. В результате отклонений от ленинского курса на использование знаний

и опыта военных специалистов в интересах Советского государства (что было законодательно закреплено V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г.), беспричинных арестов, системы заложничества, расстрелов без суда многие бывшие офицеры стали склоняться на сторону «белого движения». Еще большую роль сыграл военно-географический фактор. Значительная часть российского офицерства оказалась на территориях, где образовались белогвардейские, буржуазно-националистические и другие правительства, которые мобилизовали офицеров в свои армии. Так, в лагерь контрреволюции попало примерно 40% от общей численности офицерского корпуса. Примерно 30% служило в Красной Армии и столько же не принимало участия в вооруженной борьбе (уклонились от мобилизации, перешли на положение гражданских лиц, умерли, погибли, эмигрировали).

Большую исследовательскую работу провел автор для установления численности военных специалистов, служивших в Красной Армии. В нашей литературе по этому поводу приводятся самые различные цифры — от 30 тыс. до 130 тыс. человек. На основе архивных документов исследователь пришел к цифре в 75 тыс. человек. Эта цифра называлась и некоторыми другими историками, но не подкреплялась достоверными источниками и поэтому не могла быть предпочтительнее других показателей. Привлекает внимание и то, что автор впервые указал на такой источник комплектования Красной Армии военными специалистами, как привлечение на службу офицеров разгромленных белых армий (особенно колчаковской и денкиннской). А таких офицеров пришло в Красную Армию 14 тыс. человек, из них 12 тыс. принимали участие в советско-польской войне 1920 г. и ликвидации врангелевщины.

Не менее интересны страницы книги об использовании военных специалистов. Как показали подсчеты, во время гражданской войны 85% командующих основными фронтами и 82% командующих армиями в грошом были генералами и офицерами царской армии. Они же занимали почти все должности начальников штабов фронтов и армий. Это характеризует роль

военных специалистов в победах на фронтах гражданской войны, а также и то, сколь мудро и смело поступила партия, поставив на службу революции такую отнюдь не революционную силу, как бывший генералитет и офицерство.

В монографии выражено несогласие с таким пониманием дефиниции «военные специалисты», которое следует из «Советской военной энциклопедии» (т. 2, с. 274) и повторено в первом и втором изданиях энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». Доводы автора о том, что в категорию «военных специалистов» следует включать только бывших генералов и офицеров (как кадровых, так и военного ведомства, или, как их именовали, «классных чинов»), на наш взгляд, вполне обоснованы.

Автор делает попытку показать сущность понятия «военные специалисты», возникшего в условиях гражданской войны и упраздненного после ее окончания (в 1922 г.). Однако нельзя согласиться с тем, что бывшие генералы и офицеры становились военными специалистами только после зачисления их на службу в Красную Армию. Они были таковыми и в старой Армии. В Красной Армии они не «становились» военными специалистами, а, утратив воинские чины, стали именоваться таковыми в соответствии с профессиональной подготовкой.

В книге справедливо, на наш взгляд, высказывается сомнение в правильности точки зрения тех историков, которые в своих работах отождествляют понятия «военные специалисты» и «военная интеллигенция». Нельзя не согласиться и с утверждением исследователя о правомерности понятия «военная интеллигенция».

Привлекают внимание новые материалы о деятельности Особых комиссий по учету бывших офицеров (1919—1920 гг.), о военных специалистах в «корпусе Генерального штаба РККА», о численности «корпуса», о самом понятии о нем, другие находки автора по исследуемой проблеме.

Несколько критических замечаний. Одним из существенных недостатков работы является, по нашему мнению, то, что взаимоотношения и совместная деятельность «военных специалистов» и «политических

комиссаров», роль последних в формировании новых политических взглядов бывших генералов и офицеров и становлении их как командиров и военачальников армии социалистического государства не получили необходимого отображения. Несмотря на то, что хронологические рамки монографии ограничиваются 1920-м годом, автору все же следовало в заключении хотя бы кратко оценить деятельность и роль бывших военных специалистов в строительстве Советских Вооруженных Сил и развитии советской военной теории в 20—30-е гг., а также сказать об их судьбе в связи со сталинскими репрессиями

против командного состава Красной Армии в 30-х гг. К сожалению, в книге встречаются и редакционные погрешности.

Вышедшая монография будет способствовать дальнейшей разработке проблемы и различных ее аспектов, например, привлечения на службу Советской власти представителей командного состава русского военно-морского флота, что в данной работе не было предметом исследования.

В заключение хотелось бы отметить удачное оформление книги.

В. М. Иванов

П. Л. ВАРГАТЮК, В. Ф. СОЛДАТЕНКО, П. М. ШМОРГУН.
В ОГНЕ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ. Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление ленинской стратегии и тактики в трех российских революциях. Киев. Изд-во политической литературы Украины. 1986, 626 с., тир. 8000

Изучение истории трех российских революций продолжает оставаться важной задачей советских обществоведов. Ленинский завет о том, что у истории нашей революции «больше всего надо учиться, в ее ход и в ее классовое значение больше всего надо вдумываться»¹, по-прежнему актуален.

Наша историческая наука располагает обширной литературой, освещающей деятельность большевистской партии в трех российских революциях. Историкография истории трех революций на Украине складывалась постепенно из исследований о деятельности большевиков в первой российской революции, Февральской буржуазно-демократической революции, Великой Октябрьской социалистической революции².

При этом значительную роль в разработке темы сыграли труды, освещающие проблему союзников пролетариата в этих революциях, историю борьбы за аграрную программу большевиков, за солдатские массы, Советы, анализирующие роль большевистской печати, революционное сотрудничество украинских и русских рабочих и крестьян в борьбе против самодержавия и буржуазии³. Назрела необходимость со-

---

И. Ф., Солдатенко В. Ф. В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. Киев, 1980.

³ См.: Кошик А. К. Рабочее движение на Украине в годы первой мировой войны и Февральской революции. Киев, 1965; Чирко В. А. Коммунистическая партия — организатор братского сотрудничества народов Украины и России в 1917—1922 гг. М., 1967; Лихолат А. В. Под ленинским знаменем дружбы народов. Единство действий трудящихся Украины и России в борьбе за победу и укрепление Советской власти. М., 1970; Сабдырев И. Л. Борьба большевиков за ленинскую аграрную программу на юге Украины и в Молдавии (1903 г.—февраль 1917 г.) Кишинев, 1972; Якупов

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 215.

² См.: Шморгун П. М. Большевистские организации Украины в годы первой русской революции. М., 1955; Харитонов В. Л. Лютнева революция 1917 р. на Україні. Харків, 1966; Смолинчук А. И. Большевики Украины в борьбе за Советы (март 1917 г.—январь 1918 г.). Львов, 1969; Варгатюк П. Л., Кура с

здания комплексного исследования по рассматриваемой теме. Рецензируемый труд в значительной мере способствует достижению такой цели.

Нужно отметить далее, что в историографии трех революций на Украине в большей степени изучены внутрипартийная жизнь большевистских организаций, работа партии в пролетарской среде, направленная на осуществление гегемонии пролетариата в революционном процессе, в меньшей степени раскрыты идеологическая деятельность партийных организаций, их политическая связь с центральными органами партии, роль в рассматриваемых событиях непролетарских слоев, интеллигенции, демократического офицерства, студенчества. Попытка сосредоточить внимание на последних сюжетах определяет во многом степень новизны рецензируемой книги.

Заслуга его авторов в том, на наш взгляд, что они прежде всего рассматривают такие недостаточно изученные вопросы, как влияние центральных органов партии на деятельность большевистских организаций Украины, осуществление единой общепартийной стратегии и тактики; состояние агитационно-массовой, идейно-воспитательной, особенно устной агитационно-пропагандистской работы. Исследуются внутрипартийная жизнь большевиков Украины в период между двумя буржуазно-демократическими революциями, опыт большевиков по укреплению союза рабочего класса с непролетарскими слоями, особенно с беднейшим крестьянством Ук-

раины на этапе социалистической революции, партийное руководство борьбой крестьянства за решение аграрного вопроса, деятельность партийных организаций по вовлечению в революционную борьбу демократического офицерства, городских средних слоев, молодежи, женщин. Характеризуется процесс слияния антивоенного движения с другими революционными потоками, их объединение в борьбе за политическую власть — читатель получает представление об отношении большевиков к буржуазной и мелкобуржуазной демократии в ходе трех российских революций, о борьбе против политических противников, буржуазных, мелкобуржуазных, в том числе буржуазно-националистических партий и организаций, а также о взаимоотношениях с временными попутчиками. Рассматриваются формы и методы работы украинских большевиков в массах, диалектика смены и сочетания таких форм и методов.

Если в историографии ранее освещалась борьба большевиков в 1917 г. отдельно против каждого из враждебных течений (правого и «левого» ревизионизма, троцкизма) как важная предпосылка победоносной социалистической революции, то в монографии впервые осуществлен целостный подход к освещению этой проблемы. В значительной степени новая источниковая база работы — протоколы солдатских комитетов, донесения, доклады, отчеты комиссаров Временного правительства — позволила глубоко рассмотреть вопросы идейно-организационного сплочения и роста рядов большевистской партии, становления ее организационной структуры, разветвления внутрипартийной демократии. Материал, отражающий политические настроения масс в марте — октябре 1917 г., извлечен из переписки военно-цензурных учреждений. К документам, содержащим наиболее ценные сведения о работе большевиков и привлеченным авторами, относятся протоколы собраний, подписанные большевиками, членами местных Советов, резолюции митингов, постановления комитетов, официальные документы за подписями большевистских комиссаров и представителей ВЦИК и Совета Народных Комиссаров, листовки, воззвания.

Н. М. Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия. Киев, 1972; Курас И. Ф. Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. Киев, 1978; Королев Б. И. Советская историография идейно-политической работы большевиков Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1979; Дешинский Л. Е. Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте. Деятельность большевистской партии по завоеванию солдатских и матросских масс Юго-Западного, Румынского фронтов и Черноморского флота в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Львов, 1982.

Новизна разделов книги, посвященных борьбе РСДРП(б) за создание политической армии социалистической революции, состоит в комплексном рассмотрении деятельности РСДРП(б) по завоеванию пролетарских, крестьянских и солдатских масс на путях к Октябрю.

Учитывая особенности развития революции на Украине, авторы продолжили исследование таких вопросов, как деятельность большевиков по руководству национально-освободительным движением, развитию в нем интернационалистских тенденций и превращению в такой фактор, который служил умножению силы социалистической революции. Отношение большевиков к национально-освободительному движению — составная часть стратегии и тактики партии в буржуазно-демократической и социалистической революциях. На страницах книги показана деятельность местных партийных организаций, направленная на осуществление национальной политики большевистской партии, принципы пролетарского интернационализма; полнее, нежели в предшествующей историографии, отображены характер и движущие силы национально-освободительного движения на Украине, его связь с классовой борьбой пролетариата, подчиненность целям буржуазно-демократической и социалистической революций.

Авторы исходят из того, что революционные события на Украине — часть общероссийского революционного процесса, а большевики этого региона — один из отрядов всероссийской партии нового типа, и учитывают, что именно в историческом опыте борьбы местных партийных организаций было общим, присущим всей партии, а что — особенным, вытекавшим из революционной борьбы исследуемого региона. Так, они отмечают, что двоевластие, установившееся в стране после Февральской буржуазно-демократической революции, имело на Украине некоторые особенности, обусловленные действиями националистической буржуазии, ее партий и организаций, которые предприняли попытки хоть немного потеснить русскую буржуазию, обеспечить с нею равное «право» на власть, на эксплуатацию украинских трудящихся. В то же время созданная в

начале марта 1917 г. буржуазно-кулацкая Центральная рада никогда не представляла собой некую «третью силу», якобы имевшую принципиальные расхождения с Временным правительством. Они совместно составляли единый контрреволюционный лагерь, боровшийся против дальнейшего развития революции на Украине и по всей России.

Основанная на обширной источниковой базе, монография содержит анализ современной литературы, посвященной истории борьбы большевиков Украины в трех российских революциях. При этом особое внимание обращено на новейшие труды по проблемам политических и социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, эволюции капитализма в России, складывания государственно-монополистического капитализма, изучения политики российской буржуазии, кризиса верхов. Книга насыщена новой интересной информацией. Авторы привели сделанные на основании собственных подсчетов данные о распространении произведений В. И. Ленина, нелегальной литературы и большевистских газет, об издании листовок, направлении в организации профессиональных революционеров, о встрече с вождем партии представителей большевистских организаций Украины (с. 107, 324, 339—340, 377, 404—406 и др.).

Отрадно, что содержание рецензируемой работы отличает персонификация — показаны исторические личности, порой неизвестные или незаслуженно забытые, самоотверженная деятельность которых была неотъемлемой частью живой ткани революционного процесса, увенчавшегося победой в борьбе с сильным и опытным врагом.

Не все равнозначно в рецензируемом труде. Он только бы выиграл, на наш взгляд, если бы в нем с большей глубиной, с привлечением нового материала был разработан вопрос об объективных и субъективных предпосылках трех российских революций.

Нет в монографии, к сожалению, серьезного анализа точек зрения ряда современных историков по спорным вопросам, например, об участии непролетарских пар-

тий в социалистической революции. И не могут, конечно, заменить их несколько подстрочных уточнений фактического характера (с. 50—51, 269, 296). Между тем в исторической литературе существуют разные точки зрения, в частности о количестве политических лагерей после победы Февральской буржуазно-демократической революции⁴.

Мало приведено нового фактического материала в монографии, который показал бы, что работа большевиков в армии и гарнизонах в 1917 г. не была лишь сплошным триумфом, а явилась по сути борьбой с меньшевиками и эсерами, представителями партий крупной буржуазии. Не случайно с этой проблемой связаны многочисленные фальсификации в буржуазной историографии, отражающие стремление принизить значение столь ценного истори-

ческого опыта. В частности, советологи усматривают в большевистской пропаганде среди солдат и матросов «подстрекательские мотивы», направленные на «разложение армии» и «разжигание анархии», утверждают, что якобы особую роль в революционных событиях Октября 1917 г. играли дезертиры — «наиболее активные элементы, лично заинтересованные в быстрейшем окончании войны». В этой связи заметим, что в книге уровень критики буржуазных и буржуазно-националистических трактовок истории большевистских организаций и революционной борьбы на Украине не всегда соответствует освещению той или иной проблемы.

При всем сказанном рассматриваемая монография, на наш взгляд, существенно пополнила историографию истории Великой Октябрьской социалистической революции.

В. А. Кувшинов, А. С. Смольников

⁴ См.: Вопросы истории КПСС, 1985, № 10, с. 121.

Ю. И. КИРЬЯНОВ. ПЕРЕХОД К МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ. Рабочий класс накануне первой российской революции. М., «Наука», 1987, 240 с., тир. 1850.

Исследование истории рабочего класса, его социальной активности — одно из магистральных направлений изучения истории дореволюционной России. Особый интерес представляет рассмотрение переломных периодов в развитии пролетариата, в частности времени перерастания экономической борьбы рабочего класса в политическую.

Главная тема рецензируемой монографии — переход пролетариата к массовой политической борьбе. В содержащемся в книге историографическом очерке определены этапы изучения проблемы в целом и ее компонентов. Наряду с освещением этой проблемы в работе проведен корреляционный анализ показателей стачечного движения и социального, экономического и политического развития пролетариата, охарактеризованы место и роль первых четы-

рех лет XX в. как в истории борьбы российского пролетариата, так и в международном рабочем движении.

Структура работы, обусловленная проблемно-хронологическим подходом к разработке темы, в общем удачна. Но, к сожалению, этот подход автором полностью не соблюден — особняком стоит глава о революционном движении пролетариата в годы русско-японской войны (1904 г.). Понять желание автора специально изучить настроение и поведение, социальную активность рабочих в период войны можно, но в итоге допущены повторы: к характеристике стачек и демонстраций 1904 г. он вынужден обращаться дважды.

На основе тщательно отобранного материала в книге рассматривается вопрос о численности, составе и положении пролетариата в стране. Отмечается, что само-

державный строй в России нес народным массам, и прежде всего пролетариату, не только политический, правовой, но и тяжелый экономический гнет. Вместе с тем, как подчеркивается в работе, не только и не столько экономическое положение последнего было причиной качественных изменений в характере рабочего движения первых лет XX в.— прежде всего росла сознательность и организованность рабочих, что происходило в значительной степени под влиянием революционной социал-демократии.

Автор рассматривает деятельность партийных организаций различных направлений в среде рабочих и обстоятельно характеризует роль революционной социал-демократии в политическом просвещении и воспитании рабочих. Центральное место отведено показу деятельности В. И. Ленина и его соратников, а также руководимой им газеты «Искра» и искровских организаций и групп. Вводятся в научный оборот данные о соотношении арестованных и ссыльных по партийной принадлежности; согласно этим данным, «влияние социал-демократов по сравнению с другими политическими течениями, в частности с социалистами-революционерами, было преобладающим» (с. 175). О расширении и усилении влияния революционной социал-демократии свидетельствует увеличение числа выпускаемых прокламаций (с. 182). На этот счет приводятся годовые показатели выпуска социал-демократических листовок в 1895—1904 гг., отложившихся в коллекции Музея Революции СССР. Однако нельзя не упрекнуть автора в том, что он использовал в данном случае далеко не все возможности (в работе не нашли отражения опубликованные сборники прокламаций, коллекции листовок ЦГАОР СССР, Библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В работе представлены сведения о числе рабочих, вступивших в партию в указанный период (с. 182). Показателем усиления воздействия социал-демократии на рабочих служат и содержащиеся в книге данные статистики уличных демонстраций рабочих.

На добротном фактическом и статистическом материале основан вывод исследо-

вателя о том, что деятельность социал-демократии способствовала развитию и расширению политического начала в рабочем движении, перерастанию экономической борьбы пролетариата в политическую и в конечном счете углублению революционного кризиса в стране.

Проблема соотношения стихийности и сознательности решается в монографии посредством анализа различных форм рабочего движения, его развития в условиях деятельности искровских организаций, направлявших движение пролетариата в русло сознательной политической борьбы. В этой связи существенное место отведено исследованию истории стачечной борьбы и демонстраций. Убедительно, на основе материалов «Хроники» рабочего движения составлена статистика стачек в 1901—1904 гг. (по губерниям, по годам). Она говорит о значительном увеличении в 1901—1904 гг. количества стачек и участвовавших в них рабочих по сравнению с официальной статистикой, исходившей из данных фабричных инспекторов. Вместе с тем справедливо мнение автора, что исследование в этом направлении должно быть продолжено. То, что не все аспекты проблемы достаточно освещены, подтверждают материалы состоявшейся в 1983 г. в Одессе конференции, посвященной 80-летию всеобщих стачек в городах Юга России летом 1903 г.¹ Автор дает определенное политическое значение стачке, которое, на наш взгляд, можно признать удачным (непомянуто только, почему оно дано в подстрочном примечании — с. 83—84).

В книге отмечается, что в ходе Всеобщей стачки на Юге в 1903 г. пролетариат различных промышленных центров предъявлял экономические требования, и это осознанно или неосознанно соединялось с политическим протестом, а всеобщие стачки принимали революционную окраску. Забастовки рабочих в Азербайджане, Грузии, на Украине были зародышем массовой революционной стачки, сошедшей экономической и политической борьбу, явились крупным шагом на пути совместных действий рабочих разных националь-

¹ Историчні дослідження. Вітчизняна історія. Вип. 13. Київ, 1987.

ностей. Ростовская (1902 г.) и Всеобщая стачка на Юге России (1903 г.) «были первыми выступлениями, заставившими рабочих задуматься над положением пролетариата как класса.. вселили в них веру в свои силы» (с. 101—104).

Автор преодолел бытовавший в литературе схематичный подход к рассмотрению стачечного движения начала XX в. как фона, на котором развивалась политическая борьба пролетариата. Не противопоставление экономической и политической борьбы, а их прямая, непосредственная связь выявляют тенденцию перерастания экономических выступлений пролетариата в политические при благоприятных обстоятельствах.

В монографии представлена статистика первомайских стачек и политических демонстраций. Впервые в литературе сделан подсчет первомайских выступлений в 1901—1904 гг. (по годам, по промышленным центрам) — 117 первомайских стачек и 81 политическая демонстрация явились показателем развития политической борьбы российского пролетариата. Это имеет важное значение для освещения вопроса о формировании классового сознания рабочих. Отметим, что в зарубежной литературе, посвященной рабочему движению первых лет XX в., бытует утверждение, будто в то время даже рабочие Петербурга проявляли лишь «цеховое сознание»².

Статистические данные привели автора к выводу о том, что первомайские стачки как одна из форм политических выступлений рабочих имели не всегда совпадающую с общим ходом стачечного движения тенденцию развития. Показателем 1904 год, когда общее количество всех стачек и число участвовавших в них рабочих падает, а число первомайских выступлений и уличных демонстраций возрастает. Это, по справедливому заключению автора, было свидетельством нараставшего революционного кризиса накануне 1905 г. (с. 88).

Впервые в нашей литературе исследуются в полном объеме количественные и

качественные показатели демонстрационного движения в 1901—1904 гг. В работе внимание сосредоточено не на описании и характеристике отдельных (хотя и крупных) выступлений, а на всем комплексе этой формы политической борьбы. Для определения количественного роста и географического размаха демонстраций в России в начале XX в. автор приводит сравнительные с предшествующим периодом (1895—1900 гг.) данные. Количество уличных демонстраций рабочих в 1901—1904 гг. более чем в 7 раз превысило их число в 1895—1900 гг. А если учесть среднегодовые показатели (как наиболее сравнимые), то превышение было более чем 10-кратным (с. 135).

Но количественные показатели не являлись определяющими. Внимание читателя привлекается прежде всего к качественным характеристикам. Автор справедливо указывает, что демонстрации способствовали политическому просвещению масс, укреплению сознания необходимости свержения самодержавия, завоевания политических свобод, установления демократической республики. Демонстрации способствовали пропаганде лозунга борьбы за 8-часовой рабочий день, а первомайские выступления — еще и пролетарской солидарности рабочих. Демонстрации сыграли важную роль в распространении антивоенных настроений.

Демонстрации начала XX в., по определению автора, прочно вошли в арсенал средств борьбы пролетариата, стали наряду со стачкой «обычной» формой рабочего движения. Путем сравнения устанавливается, что в первые годы число стачек в 7—10 раз превышало число демонстраций, но в 1904 г., при общем уменьшении числа стачек до 200, число демонстраций возросло до 175. Но дело не только в количественном росте демонстраций: по справедливому замечанию автора, они «приковывали к себе внимание масс, втягивали в революционное движение тех, кто ранее принимал участие лишь в экономической борьбе» (с. 144—145). «Уличные демонстрации более „чутко“, чем стачка, отражали политическое настроение рабочих, развитие революционного кризиса» в канун 1905 г. (с. 148).

² Об этом пишет, например, С. Смит, касаясь Обуховской обороны в Петербурге. См.: Smith S. Craft Consciousness Petrograd, 1917.—History Workshop. Oxford, 1981, № 11, p. 34—35.

В монографии, естественно, основное внимание уделено политическому аспекту в рабочем движении, связанном в большинстве случаев с партийным руководством, с организацией того или иного выступления. Однако, в отличие от многих предшествующих работ, в монографии заметное место отведено освещению «стихийного элемента» в движении.

В книге предпринята интересная попытка выявить связь между стачечным движением (численностью стачечников) и некоторыми сторонами социального, экономического и политического развития рабочих; корреляционному анализу этого вопроса посвящена специальная глава (с. 111—125). Автор приходит к заключению, что доля стачечников в различных отраслях промышленности находилась в обратной связи с долей женщин ($-0,27$), положительно и существенно зависела от грамотности ($0,48$), отрицательно — от средней продолжительности рабочего дня в отрасли ($-0,55$). При общем низком жизненном уровне пролетариата «ведущая роль в стачечном движении принадлежала рабочим грамотным и выше среднего оплачиваемым, меньше занятым изнурительным трудом», заключает Ю. И. Кирьянов, интерпретируя приведенные выше показатели (с. 123). Указывается, что размах движения, число стачечников почти во всех отраслях фабрично-заводской промышленности были более высокими в связи с общими и «сильными» репрессивными мерами (увольнение), чем с частичными (с. 121). К сожалению, в корреляционном анализе автор не использовал погодные показатели политического характера, такие, как распространение листовок, численность партийных организаций, количество демонстраций (соответствующие данные есть в книге — с. 181—182). Создается впечатление, что корреляционный анализ был проведен ранее, чем были собраны данные, характеризующие воздействие социал-демократии на рабочих.

Становление и развитие пролетариата России как класса, переход его к массовой политической борьбе на рубеже XIX—XX вв. повлекли за собой изменение его места и роли в освободительном движении страны и мировом революционном

процессе (с. 183), — этот вывод автора вытекает из исследования в целом.

Полагаем, что, как всякое серьезное научное исследование, монография Ю. И. Кирьянова не только не «закрывает» проблему, но способствует ее дальнейшей разработке. Заслуживают специального изучения нелегальные собрания рабочих. Дальнейшего исследования требуют вопросы структуры пролетариата, взаимоотношений различных слоев в процессе борьбы. В этой связи важно в дальнейшем выявить социально-психологические процессы, происходившие в различных слоях пролетариата как в ходе борьбы, так и под влиянием массовой политической агитации.

В исторической литературе нередко встречаются утверждения, что в начале XX в. «на арену политической борьбы выходит рабочий класс», что доказывается и в рецензируемой монографии. Но такой вывод и такие действия предполагают две противоборствующие стороны. В их борьбе, в самом «механизме борьбы» с обеих сторон применяются различные приемы и методы, обусловленные именно этой стадией схватки. В данном же случае получается, что исследование включает в себя сначала отдельно, так сказать, одну сторону (пролетариат), затем другую (силы, противостоящие ему в борьбе).

В этом плане, в частности, не все аспекты тактики и практических действий со стороны зубатовщины и гапоновщины всесторонне исследованы в работе. Вряд ли можно принять всерьез положение, заимствованное автором в одной из книг, о том, что в составе рабочих Петербурга в связи с проводившимся призывом во время русско-японской войны якобы имели место такие изменения, которые способствовали оживлению деятельности в столице приверженцев «полицейского социализма», в частности Гапона, «умело использовавшего усиление религиозных чувств в рабочей среде под влиянием войны» (с. 152). В целом этот тезис перенесен искусственно — то, что было характерно для обстановки в годы первой мировой войны, оказалось распространенным на период русско-японской войны.

Есть в монографии погрешности в цифровых показателях: несовпадение, напри-

мер, данных о числе антивоенных демонстраций в общей таблице и в таблице, приведенной в главе о русско-японской войне.

Оценивая монографию в целом, отметим,

что она вносит серьезный вклад в разработку одной из важных проблем рассматриваемого времени.

М. Н. Белов

Л. И. БОРОДКИН. МНОГОМЕРНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. Изд-во Московского университета, 1986, 188 с., тир. 1720

В рецензируемой книге рассматривается комплекс вопросов, связанных с применением методов многомерного анализа в исторических исследованиях. Читатель найдет здесь квалифицированное и достаточно доступное для историка объяснение логических и математических аспектов этих методов, интересное освещение опыта их использования отечественными и зарубежными историками, познакомится с результатами собственных изысканий автора на уровне многомерного анализа.

Историк, пишущий о применении математических методов, придерживается, как правило, принципа «от проблемы — к методу», т. е. идет тем путем, которым он пришел к математике. Л. И. Бородкин избрал, по моему оправданно, другой принцип — «от метода — к проблеме», что дало ему возможность всесторонне охарактеризовать методику и технику многомерного анализа. Достоинство книги в том, что эффективность методов демонстрируется на одном и том же материале — на данных о социально-экономическом положении сельского хозяйства в 50 губерниях России на рубеже XIX—XX вв., изучение и обработку которых он проводил вместе с И. Д. Ковальченко. Замечу, что автор пожертвовал в известной мере занимательностью ради глубины анализа и — благодаря обработке одних и тех же данных разными методами — сумел вполне убедить читателя в эффективности многомерного анализа.

Исследователь продемонстрировал, как решаются вопросы, которые историк, использующий традиционные методы, мечтает поставить:

1. Провести классификацию, а на ее основе — типологию, районирование 50 губерний (в принципе любых исторических объектов) по 6—19 признакам (в принципе по любому числу признаков) с помощью кластерного анализа. Автор приводит результаты районирований по общему развитию на основе 19 признаков и по социальному развитию — на основе 8 признаков.

2. Оценить степень типичности губерний, входящих в разные социальные типы, по совокупности значений 8 признаков с помощью поискового алгоритма размытой классификации.

3. Разделить 50 губерний по преобладанию в них черт помещичьей или крестьянской буржуазной эволюции с помощью дискриминантного анализа.

4. Определить основные черты, которые детерминировали внутреннюю структуру регионов с помощью факторного анализа.

5. Определить применительно к 17 регионам уровень развития каждого из них также с помощью факторного анализа.

6. Построить объяснительные математические модели для каждого социально-экономического «параметра», т. е., другими словами, найти математическую зависимость между всеми признаками губерний с помощью уравнений множественной регрессии.

Для полноты картины автор демонстрирует также использование метода многомерного шкалирования, контент-анализа (на примерах из практики других исследователей) и метода групп в текстологических исследованиях. Справедливости ради нужно отметить, что контент-анализ

в чистом виде не является методом многомерного анализа. Это — метод качественно-количественного анализа текста, хотя он и может быть приспособлен для изучения многомерного исторического объекта. Что же касается метода групп, используемого автором для классификации текстов «Закона Судного людем», то, по моему мнению, он не является методом многомерного анализа, поскольку решает проблему типологии текстов только по одному признаку — ошибкам в тексте.

Интересный замысел книги оказался в значительной мере реализованным, хотя, на мой взгляд, с некоторыми пробелами и недочетами.

Полезный обзор советских и зарубежных исследований (с. 36—52) не сбалансирован, так как конструктивная критика содержится лишь в разборе зарубежных работ. Это оставляет впечатление, что «у них», как всегда, ошибки, «у нас», как всегда, все в порядке.

При проведении районирования с помощью кластерного анализа было бы полезно объяснить: почему в качестве единицы анализа принята губерния, а не уезд; какое межкластерное расстояние является большим, какое маленьким и почему. Думаю, что читателю хотелось бы увидеть, как конкретно губернии объединились в кластеры, т. е. дендрограмму на губернском уровне. Оставляет некоторое неудовлетворение отсутствие всестороннего обоснования отбора признаков для общей и социальной типологии губерний, так как указаны руководящие принципы отбора, но не показано, как они применялись.

Районирование губерний по 19 признакам представляется надежным и убедительным, но объяснено новое районирование недостаточно полно. Вместо того чтобы сделать упор на его оригинальности и новизне, акцент делается на преемственности относительно принципов районирования, разработанных предшественниками автора, хотя типология по 19 признакам, без сомнения, лучше и объективнее, чем по 1—3 признакам или сравнительно с районированием, основанным на интуиции. Стремление к преемственности — и в названиях регионов — типов губерний, а сами названия иногда мне кажутся неудач-

ными. Например, по типу аграрной структуры районы названы Промышленным, Степным, Прибалтийским и т. д., т. е. в первом случае термин имеет отраслевой характер, во втором — ландшафтный, в третьем — указывает на местоположение региона. Не просматривается никакого единства принципа.

Наверное, полезно было бы специально подчеркнуть, что в ряде случаев многомерный анализ имеет дело со скрытой информацией и поэтому дает косвенные доказательства и оценки, которые вследствие этого носят вероятностный, опосредствованный характер. Например, при определении доминирующей тенденции в социально-аграрном развитии 50 губерний пришлось обращаться к сложной теории размытых множеств только потому, что отсутствовала прямая информация о развитии аграрного капитализма в губерниях, т. е. данные о распространении и характере наемного труда в помещичьем и крестьянском хозяйствах. Напомним, что все губернии, кроме Смоленской, были отнесены к развивающимся преимущественно по прусскому или американскому пути, основываясь на 6 признаках, которые лишь косвенно могли об этом свидетельствовать: 1) доля дворянской земли, 2) доля проданных частновладельческих земель, 3) отношение арендованной крестьянской земли к наделной, 4) доля безлошадных и однолошадных дворов, 5) доля многолошадных дворов, 6) поденная плата рабочим. При этом был применен следующий остроумный прием. Если по совокупности 6 признаков губерния более походила на четыре эталонных губернии прусского типа, то делалось заключение, что в этой губернии доминировал прусский путь развития; если же губерния более напоминала шесть эталонных губерний американского типа, то принималось, что в ней преобладал американский путь развития (с. 102—104). Но эта приближенность связана не только с тем, что использовались лишь шесть показателей, как пишет автор, а с тем, что, во-первых, выбранные признаки лишь косвенно характеризуют тип аграрного развития, а, во-вторых, с тем, что не объяснено, какими критериями определялся выбор эталонных губерний.

Позволим себе два замечания, связанных с разделом, посвященным факторному анализу 50 губерний. Следовало бы подчеркнуть, что интерпретация факторов приходится на грани искусства и науки и никогда не может быть однозначной. Далее, мне кажется, интерпретация некоторых факторов сделана словно скороговоркой (с. 108—111), вследствие чего читателю не вполне ясно, почему факторы названы так, а не иначе. Например, почему пятый фактор назван «Положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих», включая три признака: 1) количество продуктивного скота на душу населения, 2) поденная плата сельскохозяйственным рабочим, 3) доля проданных частновладельческих земель (с. 109)? Автор указывает, что количество продуктивного скота в данном случае служит показателем материального положения крестьян, поденная плата — показателем положения рабочих (с. 110—111). Второй тезис убедителен, а первый вызывает сомнения, ибо о многих из 19 признаков можно сказать, что они характеризуют положение крестьян. Не объяснено также, почему в данный фактор попал третий признак. На всем этом приходится останавливаться потому, что название факторов теснейшим образом связано с их интерпретацией, а интерпретация факторов — самое главное и спорное в факторном анализе. Полагаю, что на интерпретацию факторов, да еще в книге о методике, не стоило жалеть ни места, ни энергии.

Аналогичный упрек в недостаточной подробной и убедительной интерпретации полученных результатов в еще большей мере относится к параграфу, посвященному регрессионному анализу социально-экономических показателей 50 губерний. Здесь

практически только констатация того, что дает математический анализ, вся же интерпретация возложена на читателя (с. 128—135). Если автор преследовал такую цель, то об этом следовало бы сказать.

Л. И. Бородкин провел интересную и полезную работу по сопоставлению результатов обработки одной и той же информации с помощью трех методов факторного анализа. Известно, что разные методы нередко дают разные результаты, и это, как правило, говорит об их проблематичности. Как мне кажется, большая работа немало потеряла из-за одного, в сущности, пустяка: результаты сравнения методов факторного анализа в таблице 20 (с. 123) даны с изменением ранее принятой нумерации признаков, что не оговорено. Поэтому у читателя сложится мнение, что в данном случае три метода факторного анализа дают различные результаты, тогда как на самом деле результаты сходны.

Наконец, еще одно замечание, которое относится уже не к автору, а к издательству, книга издана очень плохо — серая бумага, никуда не годная брошюровка (после первого же чтения книга разваливается на отдельные листы), нечеткая печать, слабое художественное оформление. Книга, по моему мнению, будет долго служить справочным пособием для многочисленных читателей. Быстрая ее распродажа показала, что тираж явно мал.

В заключение отмечу, что Л. И. Бородкин написал актуальную, оригинальную и полезную книгу, которая заполняет существенный пробел в нашей историко-методической литературе. Она без сомнения будет способствовать развитию исследований по обсуждаемой проблеме.

Б. Н. Миронов

Р. Г. ХАЧАТРИАН. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И АРМЕНИЯ. Ереван, 1987, 363 с., тир. 2400

В течение столетий Россия складывалась как многонациональное государство. Уже Киевская Русь включала по меньшей мере около двадцати народностей и этни-

ческих групп. Изучение путей складывания и функционирования многонационального государства имеет большое политическое, научное, культурное значение и должно

идти в нескольких направлениях. Еще не во всех случаях глубоко и основательно выяснены обстоятельства вхождения народов в состав России. Не менее актуальная задача — проследить корни, истоки дружбы народов, которая в дореволюционную эпоху прежде всего проявлялась в образовании экономических, производственных, культурных связей.

Как показали работы современных исследователей, продуктивным оказалось определение вклада представителей русской науки в исследование тех или иных аспектов жизни народов как в нашей стране, так и за ее пределами¹. Такая постановка проблемы имеет важное значение, ибо помогает раскрыть новые грани русской историографии, показать ее интернационалистский характер. Это важно и потому, что роль русской науки в изучении истории нерусского населения России и стран и народов других континентов еще далеко не раскрыта.

Вот почему привлекает внимание рецензируемая книга. Интерес к Армении и русско-армянскому сближению возник в русской исторической науке не случайно. Он питался давними торгово-экономическими связями обоих народов, политическими интересами, единоверием, взаимным обогащением культурными ценностями. С конца XVII в. и особенно в первой трети XIX в. этот процесс обрел новую остроту и в 1828 г. завершился присоединением Восточной Армении к России².

В ходе повествования автор не отрывает развитие историографии от социально-экономических и политических отношений в каждую конкретную эпоху. Он придерживается общепринятой периодизации русской исторической науки, учитывает такие факты, как переселения армян в Россию, международные обстоятельства в русско-армянских отношениях, ход освободительного движения в Армении.

¹ Напр.: Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973; Иванов В. Н. Русские ученые о народах Северо-Востока Азии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1978 и др.

² См.: Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. Ереван, 1978.

Свое исследование Р. Г. Хачатрян основывает на трудах русских и армянских историков, привлекает опубликованные и архивные документы, вводит в научный оборот материалы русской научной периодики XVIII в. и др. Исследователь использовал огромную литературу по ориенталистике вообще и по истории армяно-русских отношений и разносторонних связей между обоими народами в частности.

Рассматривая ранний период русской историографии (до конца XVII в.), автор пишет: «Многие материалы по истории Армении, содержащиеся в русских источниках летописного периода, особенно относящиеся к гражданской истории, преемственно перешли в русскую историческую науку» (с. 81). К такому выводу он пришел в результате изучения летописей, хронографов, хождений, сказаний, азбуковников и других источников.

В азбуковниках — этих своеобразных энциклопедических словарях той эпохи — давалось понятие об армянском языке, приводились сведения по топонимике и ономастике. В трудах по всемирной истории, какими являются хронографы, автор не только выявил материалы об Армении, но и установил, что «как по количеству, так и по выбору узловых моментов» они «заслуживают серьезного внимания. Изучение материалов об Армении в хронографах привело нас к выводу, что составители постоянно обновляли, редактировали, дополняли материалы, относящиеся к Армении» (с. 62).

В книге скрупулезно анализируются записки путешественников. Оказывается, в «Хождении купца Федота Котова в Персию» (1623—1624 гг.) впервые упомянут город Ереван (Раван) (с. 65). Котов пытался по-русски передать армянскую азбуку. Автор объясняет это «практическим интересом русских торговых кругов к армянскому языку в связи с большой ролью армянских купцов в восточной торговле России и необходимостью делового общения с ними» (с. 67). Интересные сведения о горе Арарат и попытках восхождения на нее дает другой русский паломник Василий Гагара (с. 69—72). С точки зрения установления армяно-русских контактов в 50-е гг. XVII в. рассмотрены в книге за-

писки духовного писателя XVII в. Арсения Суханова, прежде всего его «Проскинитарий».

Изучив совокупность сведений об Армении в летописный период, автор приходит к справедливому мнению об их ценности, богатстве фактического материала, который послужил хорошей основой для русских историков XVIII в.

Центральное место в монографии занимает освещение истории Армении и русско-армянских отношений (XVIII — первая четверть XIX в.). Говоря о новом этапе русской историографии, автор констатирует ее более высокий теоретический уровень, расширение источниковой базы, круга авторов.

Много ценных материалов по теме исследователь обнаружил в письмах и бумагах Петра I, восточная политика которого, как он верно отмечает, нуждается в более полном изучении.

Прежде всего в монографии рассматриваются основы для русско-армянского сближения, их экономический, социально-политический, культурный аспекты; в итоге делается убедительный вывод о причинах русской ориентации армянского освободительного движения.

Обращается внимание на использование уже в начале XVIII в. таких своеобразных вещественных памятников, как древнеармянские архитектурные сооружения и эпиграфы, обнаруженные на месте г. Булгара дьяком А. Михайловым, и на последующие комментарии относительно этой находки русских ученых.

Подробно, с привлечением новых архивных материалов рассмотрены в книге археографические, лингвистические и другие изыскания В. Н. Татищева, который не только «ввел в обращение и дал научные комментарии к материалам, относящимся к Армении», но и «поставил в принципе вопрос о значении армянских источников для русской исторической науки» (с. 133).

Рассматривается все увеличивавшееся количество материалов по истории русско-армянских отношений, истории и культуре Армении в русской периодической печати, особенно в научной периодике (с. 135). При этом автор учитывает, конечно, классовый характер прессы. Он анализирует

данные об Армении в календарях, месяце-словах и других изданиях Академии наук России. В них напечатали свои заметки такие ученые, как В. Ф. Зуев, Я. Я. Штелин, И. М. Стриттер и другие (с. 151). Уделяется внимание работам русских историков середины и второй половины XVIII в.: Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, А. Л. Шлещера. Отмечается возникновение в русской общественной мысли и историографии нескольких направлений: дворянского, буржуазного и просветительского. Примечательны были работы представителей нарождающейся буржуазии в лице М. Д. Чулкова, И. И. Голикова, П. И. Рычкова, Ф. О. Туманского и др. Автор приходит к заключению, что «Чулков впервые систематически и последовательно разработал историю русско-армянских торгово-экономических отношений».

Научное сотрудничество русских и армянских историков отнесено в работе к первой четверти XIX в. Важное место отводится трудам Н. М. Карамзина. В «Истории государства Российского» использованы армянские источники, в частности, большое внимание уделено наследию Мовсеса Хоренаци (с. 223), в «Истории» которого содержались сведения о славянах (с. 229).

На страницах книги анализируется роль русской исторической литературы в русско-армянском сближении. Объясняя возникновение русской ориенталистики, автор отмечает: «Тяжелая борьба русского народа против нашествий, идущих с Востока, многовековый гнет восточных завоевателей поставили Россию перед необходимостью лучше изучить народы Востока». Однако «эта борьба не заслонила от русской общественной мысли культурных ценностей Востока и понимания его роли в истории» (с. 262).

В работе поставлена проблема возникновения и развития русской ориентации армянского освободительного движения. Под таким углом зрения автор последовательно рассматривает накопление материалов в русских исторических сочинениях о тяжком положении армянского народа под бременем чужеземных завоевателей, его стремлении к освобождению, его многовековой борьбе и формировании в русской

общественной и исторической мысли сочувственного отношения к чаяниям армян. Новые грани затронуты автором и в известном труде А. И. Лызлова «Скифская история», и в журнале Н. И. Новикова «Городская и деревенская библиотека». Диапазон исследований истории, культуры, языка, литературы Армении в русской общественной и исторической мысли с течением времени значительно расширяется, а тем самым углубляется ее гражданственность, гуманистическая направленность, ее влияние на русскую и армянскую общественность.

Оригинальная, насыщенная новым фактическим материалом, рецензируемая монография, интернационалистская в своей основе, читается с большим интересом.

Надо отметить не вполне удачную структуру монографии: в последней, третьей главе книги автору приходится вновь возвращаться к тем источникам и трудам авторов, которые уже были частично охарактеризованы в первых двух главах. Не совсем выдержана в книге нижняя хронологическая граница темы: рассматривая работы Н. М. Карамзина и М. Т. Каченовского (умершего в 1842 г.), исследователь в то же время упускает из виду такие важные факты, как создание Лазаревского института и вообще деятельность Лазаревых, ни слова не говорит об интересном проекте развития связей России с Закавказьем А. С. Грибоедова и П. Завилей-

ского, других фактах³. Очевидно, логичнее было бы рассмотреть весь комплекс материалов по теме до 1828 г., т. е. до присоединения Восточной Армении к России. Не всегда четко разделяется в работе историография и общественная мысль. Разумеется, оба эти понятия взаимосвязаны, но есть и отличия — в источниковой базе, и в направлении их изучения⁴. Для работы с материалами русской прессы ощутимую помощь могла бы оказать книга А. Н. Неустроева⁵.

Итак, ракурс, избранный автором для анализа русской историографии применительно к Армении, представляется плодотворным и может быть использован аналогичным образом относительно изучения истории других народов и регионов как нашей страны, так и зарубежных государств.

Е. В. Чистякова

³ Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903; Грибоедов А. С. Соч. Л., 1945, с. 555—634; Базиянц А. П. Лазаревский институт восточных языков. М., 1959.

⁴ Богданов А. П., Чистякова Е. В. Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России во второй половине XVII века.— Вопросы истории, 1986, № 4.

⁵ Неустроев А. Н. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к истории разысканий о них. СПб., 1898.

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ. БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ КРЕСТОНОСНОЙ АГРЕССИИ НА БЕРЕГАХ БАЛТИКИ в XII—XIII вв. Л., «Наука», 1978, 245 с., тир. 5650; его же. БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ ШВЕДСКОЙ ЭКСПАНСИИ В КАРЕЛИИ. Конец XIII — начало XIV вв. Петрозаводск, «Карелия», 1987, 141 с., тир. 3000; его же. БОРЬБА РУСИ ЗА СОХРАНЕНИЕ ВЫХОДА К БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ В XIV ВЕКЕ. Л., «Наука», 1987, 176 с., тир. 7400

Подробное исследование рассматриваемых в рецензируемых книгах событий в их взаимосвязи, на основе привлечения всех возможных (кстати, весьма немногочисленных) источников, ранее не проводилось

в отечественной историографии; обращения С. С. Гадзяцкого и В. Т. Пашуто¹ к

¹ Гадзяцкий С. С. Карелия и Карелия в новгородское время. Петрозаводск,

изучаемой теме было вызвано более общими задачами. Поэтому изданные в последнее десятилетие три монографии И. П. Шаскольского в определенной мере восполняют лакуны в историографии и привлекают внимание ко все еще слабо разработанным проблемам внешнеполитических связей Древней Руси со Скандинавскими странами. Каждая из этих работ посвящена определенному этапу русско-шведских военно-политических отношений конца XII — первой четверти XIV в. и продолжает одна другую.

Первая из них освещает предпосылки шведского наступления в Восточной Прибалтике и перипетии первых десятилетий военных столкновений двух держав в Приладожье вплоть до Невской битвы и завоевания шведами Центральной Финляндии в 1240—1250-е гг.

Сразу же отметим, что лишь немногие из событий русско-шведских взаимоотношений (и не только военно-политических) этого и последующего времени нашли сколько-нибудь полное отражение в письменных источниках. Русские и шведские памятники донесли отрывочные, крайне путанные, хотя иногда и весьма красочные известия, которые не могут воссоздать всю картину связей Руси и Швеции. Значительная часть этих сведений, вероятно, утеряна безвозвратно. Тем ценнее каждая, даже малейшая крупинка информации. Кропотливое, тщательное исследование и сопоставление таких сведений позволили автору с большой степенью достоверности восстановить по крайней мере некоторые (как мы полагаем, важнейшие) эпизоды истории этих взаимоотношений и протянуть тонкие нити связей между ними. В первой книге такими центральными эпизодами, поддающимся восстановлению, являются первый крестовый поход шведов в Финляндию (1157 г.), Сигтунский поход новгородцев (1187 г.), шведское нападение на Приладожье и Невская битва, второй крестовый поход. Автор подробно исследует каждый из этих сюжетов и как самостоятельное целое, и как одно из звеньев в

цепи взаимосвязанных событий. Содержащийся в работе критический анализ существующей — по преимуществу зарубежной — историографии показывает весь спектр возможных интерпретаций каждого сюжета.

Вторая книга посвящена наступлению шведов в 1290-е гг. на Западную Карелию, основанию Выборгского замка, попыткам шведов продвинуться на восток, вплоть до Ладожского озера, и (в кратком изложении) заключению Ореховецкого мира (1323 г.). Эта книга, в отличие от первой и третьей, предназначена как для специалистов, так и для более широкого читателя, что обусловило ее особый характер. Изданная в Карелии, она должна была охватить карельские сюжеты — в результате, с одной стороны, образовалась хронологическая лакуна, приходящаяся на 1260—1270-е гг., не освещенная ни в первой, ни во второй книге. Хотя автор и поясняет, что в это двадцатилетие военных действий не велось (с. 227), тем не менее отношения Руси и Швеции продолжались, и их характеристика вряд ли оказалась бы лишней в исследовании. С другой стороны, события первой четверти XIV в. рассматриваются как здесь, так и в третьей книге (более подробно и обстоятельно). Стремление автора к популярности изложения привело к сокращению историографического и источниковедческого разделов, что, впрочем, для специалистов не играет существенной роли, поскольку источники для этого периода остаются теми же, что и для предыдущего, а они были подробно рассмотрены в первой книге.

Наконец, в третьей книге освещаются события первой половины XIV в. (включая поход короля Магнуса в 1348 г.), причем особое внимание уделяется обстоятельствам заключения и содержанию Ореховецкого договора 1323 г. Таким образом, хронологическая последовательность изложения, общие задачи изучения и однотипность (в целом) структур книг определяют их цельность как единого исследования.

К достоинствам трудов автора следует отнести привлечение как письменных, так и археологических источников. Письменных источников, отражающих в той или иной

1941; Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; его же. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

форме шведские крестовые походы в Финляндию, крайне мало; все они многократно использовались, и извлечь из них какую-либо новую информацию почти невозможно. В первой книге обстоятельно характеризуются шведские, финские, русские памятники (хроника, летописи) и документы папской курии. По возможности приводятся фрагменты текстов (в переводе), что позволяет судить о контексте событий и их характере.

В исторических исследованиях ранне-средневековой проблематики все больше используется археологический материал. Особенно важно это в случаях, когда письменные источники не содержат необходимых данных или малоинформативны.

В исследовании И. П. Шаскольского таким вопросом являются отношения финского населения (суоми, еми, корел) с русскими и шведами. Письменные источники практически ничего не сообщают о межэтнических контактах, поэтому археологические материалы — единственно возможный источник информации, и автор широко привлекает его.

Таким образом, в отечественной историографии впервые появилось специальное исследование сложного полуторарового периода русско-шведских отношений. Задача, которую поставил перед собой автор, — изучение военной конфронтации Руси и Швеции на берегах Балтийского моря — успешно решена. Строгое следование теме позволило углубить анализ отдельных событий. И все же освещение рассматриваемых событий оказывается подчас более кратким, чем хотелось бы, особенно во второй и третьей книгах.

Так, несколько в стороне остались другие формы контактов Руси и Швеции, в частности торговые отношения (хотя в первой книге автор и уделяет им ряд страниц), которые, конечно, находились в зависимости от общей военно-политической обстановки, но, видимо, не столь жесткой: например, борьба в 1180—1190-е гг. в Финляндии не помешала заключению торгового мира между Новгородом и Готландом, как ныне считается, в 1191 г.² Осу-

ществлялись торговые связи (разумеется, с какими-то нарушениями) и в последующее время. В XII—XIII вв. отмечаются культурные связи обеих стран, о чем свидетельствуют среди прочего древнерусские влияния в церковной живописи и архитектуре на Готланде³. Даже эти факты показывают, что русско-шведские отношения второй половины XII — начала XIV в. не исчерпывались военными столкновениями.

Другой вопрос, не нашедший последовательного освещения в рецензируемых книгах, — это связь шведской экспансии в Восточной Прибалтике с немецкой и датской агрессивней на землях к югу от Финского залива. И то, и другое наступление велось одновременно и под одним и тем же знаменем крестовых походов против язычников. Причем, если для 1240-х гг. автор оговаривает взаимосвязь этих движений, по крайней мере, в планах папской курии, то в дальнейших событиях она не прослежена совсем. Между тем этот, почти не затронутый в международной историографии, вопрос⁴, как нам представляется, проливает свет и на конкретные проблемы международного положения Руси, и на формирование внешнеполитических отношений в Европе того времени, и на историю находившихся в даннической зависимости от Руси народов.

Чрезмерно строгое ограничение хронологических рамок исследования сказалось на анализе предпосылок и причин шведской экспансии в Восточной Прибалтике в первой книге (с. 33—37). Автор справедливо называет одной из главных побудительных причин — стремление овладеть «побережьями, лежащими вдоль торгового пути из Балтийского моря внутрь России, и установление шведского контроля» над ними (с. 35). Однако было бы желательно пояснить, чем объясняется, что такое стремление стало особенно острым во второй половине XII в.: ростом ли торговой активности германских торговых городов и Висбю (Готланд), образовавших позднее, в XIV в., Ганзейский союз, либо

³ Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981, 299—469.

⁴ Взаимосвязанность этих акций отмечал В. Т. Пашуто. См.: Пашуто В. Т. Героническая борьба..., с. 173—190.

² Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде. XII—XVII вв. М., 1986, с. 29—31.

другими обстоятельствами? Существенным мотивом в данном случае, видимо, была потребность в колонизации или, по крайней мере, в данническом подчинении финского населения Восточной Прибалтики, поставлявшего продукты охоты (в первую очередь меха), рыболовства и т. п., которые затем поступали на внешние рынки. Вместе с тем сомнительным кажется предположение (его гипотетичность автор оговаривает сам) о том, что «слабость феодального класса в Швеции явилась предпосылкой шведской феодальной экспансии» (там же): ведь практически одновременно — и в значительно более широких масштабах — начинается немецкая и датская агрессия в Юго-Восточной Прибалтике, а на Ближнем Востоке набирает силу крестовое движение. Вряд ли причины крестовых походов заключались в «слабости» феодального сословия Франции или Германии в XII в. Думается, что и для Швеции внутренние, социально-экономические причины экспансии более сложны и связаны, скорее всего, с процессами перехода от раннего к развитому феодализму.

К числу причин шведской экспансии на восток следует, на наш взгляд, все же отнести и отвергнутые автором миссионерские мотивы. Автор, бесспорно, прав, говоря, что лозунги приобщения язычников к истинной вере был до определенной степени прикрытием глубинных экономических и социальных причин крестовых походов (с. 33—34). Однако в средние века, в условиях господства религиозного сознания миссионерская деятельность была немаловажным стимулом. Причем проповедь «истинного» христианства могла распространяться не только на язычников, но и на представителей иных ветвей христианства: арианства, православия и др. Поэтому, думается, автор несколько упрощает ситуацию, говоря о фиктивности миссионерских причин на том основании, что корелы, например, были частично крещены русской администрацией.

Наконец, восточное направление шведской экспансии в XII—XIV вв. имело глубинные исторические корни. Этнокультурные связи восточноскандинавского и финского населения на берегах Балтийского моря восходят к бронзовому веку; уже в

вендельскую эпоху (VI—VIII вв.) археологические материалы свидетельствуют о проникновении скандинавов на восточное побережье Ботнического залива, на Аландские острова, в Восточную Прибалтику. Это колонизационное движение на восток (так же, как и на север от Свеаланда)⁵ было естественным процессом в период становления раннефеодального государства в Швеции, столь же закономерным, как и, например, восточнославянская колонизация территорий, занятых финским населением в междуречье Оки и Волги, на северо-востоке и северо-западе Восточно-европейской равнины, как новгородская колонизация Заволочья и Подвинья. Недостаток источников (фактически этот процесс изучается только по археологическим данным) не позволяет детально проследить все этапы как шведского проникновения на западнофинские земли с запада, так и русского — с востока. Однако очевидно, что этот процесс с разной степенью интенсивности продолжался и в первые века второго тысячелетия н. э. В конце же XII в. шведские и русские интересы в этом регионе пришли в столкновение, так как промежуточная, не освоенная ни шведами, ни русскими территория была исчерпана. В исторической перспективе русско-шведский конфликт второй половины XII—XIII в. предстает как столкновение двух феодальных государств, борющихся за сферы влияния в пограничном регионе.

Хотя затронутые вопросы, строго говоря, выходят за рамки рецензируемого исследования, они, тем не менее, вытекают из него; это показывает, насколько важна, обширна и многогранна сама тема рассматриваемых трудов.

Глубоко и обстоятельно исследовав военно-политический аспект противостояния Руси и Швеции во второй половине XII—первой половине XIV в., автор заложил основу для дальнейших исследований историков, внес существенный вклад в изучение внешней политики Древней Руси.

Е. А. Мельникова

⁵ Anderson A. The Scandinavian colonisation of the North Swedish Interior. 500—1500 A. D. Oxford, 1985.

Н. Я. ГУЩИН, В. А. ЖДАНОВ. КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ. Новосибирск. «Наука», 1987, 295 с., тир. 1100

Интерес на Западе к истории советской деревни, методам решения Коммунистической партией аграрно-крестьянского вопроса носит устойчивый характер. В последнее время этот интерес со стороны зарубежных авторов усилился¹. Внимание советологов все больше привлекают региональные аспекты развития нашей экономики, и сельского хозяйства в частности². Выход рецензируемой книги представляется поэтому своевременным. В ней впервые дается анализ немарксистских трактовок истории советской сибирской деревни на всех этапах ее развития начиная с 1917 г.

Сильной стороной работы является анализ методологических аспектов рассматриваемых проблем. Давая краткую характеристику советологии как науки, авторы, в частности, обоснованно указывают, что она имеет не только пропагандистскую, но и научно-прикладную функцию. В книге выделяются три направления буржуазной историографии (реакционное, умеренно-консервативное и либеральное), дается характеристика основным западным «моделям» развития советского общества.

Авторы используют не совсем удачную формулировку «советская историография критики буржуазной литературы» при определении предмета своего исследования. Они совершенно справедливо критикуют советскую литературу, посвященную рассмотрению буржуазной историографии сельского хозяйства СССР за отсутствие дифференцированного подхода, невнимание к методологическим основам советологии, сведение ее к антикоммунистической пропаганде (с. 34—35, 40).

Действительно, научную полемику у нас часто заменяет навешивание ярлыков («фальсификаторы», «злопыхатели», «клеветники», «враги», «недоброжелатели» и т. д.), вся советология трактуется как антикоммунистическая, а для опровержения буржуазных концепций используются вырванные из контекста цитаты, намеренно оглуляющие наших оппонентов³. Не случайно поэтому Н. Я. Гушин и В. А. Жданов подробно останавливаются на ленинских принципах критики буржуазной историографии (объективность, партийность, наступательность, историзм, системность), которые чрезвычайно важны именно сейчас.

В книге подробно освещается буржуазная историография советской сибирской деревни начиная с кануна Октября и до наших дней. При этом обоснованно выделяются

¹ См., напр.: Wadekin K.-E. Landwirtschaft und Nahrungsgütersektor: Chancen für Gorbatschov's Agrarpolitik.— Osteuropa, 1986, № 8, S. 646—662; Gagnon M. Gorbachev and the Collective Contract Brigade.— Soviet Studies, 1987, № 1, p. 1—23; Goldman M. Gorbachev's Challenge Economic Reform in the Age of High Technology. N. Y., 1987, etc.

² См., напр.: Siberia and the Soviet Far East: Strategic Dimensions in Multinational Perspective. Stanford, 1987, etc.

³ См.: «Современная немарксистская историография и советская историческая наука». Беседа за «круглым столом» (История СССР, 1988, № 1).

следующие этапы в истории крестьянства и села в Сибири: период Великой Октябрьской социалистической революции; гражданской войны и интервенции; нэп; социалистическое преобразование сельского хозяйства; Великая Отечественная война; послевоенное восстановление сельского хозяйства и освоение целинных земель; развитие современной сибирской деревни (60—80-е гг.). Некоторые проблемы, например, критика буржуазных интерпретаций хлебозаготовительного кризиса конца 20-х гг., даются в нашей литературе, по сути дела, впервые. По каждому из указанных периодов авторы привлекают широкий спектр работ как западных, так и советских историков, опираются на собственные исследования.

Обобщая приведенный в книге анализ, Н. Я. Гушин и В. А. Жданов отмечают, что для консервативной буржуазной мысли характерны гипертрофирование особенностей исторического развития сибирской деревни, утверждения о колониальной зависимости Сибири от центра, о прозябании крестьянства и бесперспективности сибирского сельского хозяйства, предпочтительности буржуазного развития региона, неприемлемости сибирского опыта для развивающихся стран. В действительности специфика Сибири, как справедливо подчеркивают авторы, это специфика региона, ранее отсталого в экономическом и социально-культурном отношении, где социалистическое преобразование сельского хозяйства и его дальнейшее развитие были связаны с преодолением дополнительных трудностей. Это обуславливает особое внимание к Сибири, ее агропромышленному комплексу со стороны партии и правительства (с. 254—255).

Несомненными достоинствами работы являются глубокое знание авторами истории сибирской деревни, оперирование большим количеством убедительных фактов, привлечение значительного числа западных источников. Умело применяется в работе дифференцированный подход к буржуазной историографии, показывается, что для целого ряда авторов (Ф. Кокен, Р. Девис, Э. Кингстон-Манн и др.) характерно расширение проблематики, внимание к экономической истории, объективистский характер концепций. Вместе с тем справедливо отмечается усиление влияния в советологии в конце 70-х — начале 80-х гг. консервативного крыла. Авторы хорошо показывают также эволюцию взглядов буржуазных историков, преемственность их концепций.

Вместе с тем хотелось бы высказать и ряд замечаний. Выделение авторами четырех основных моделей развития советского общества — «русской исключительности», «преемственности» в духе «исконно русских традиций», «прагматического волюнтаризма» и «институционализации марксизма» (с. 9—10) — представляется не совсем корректным, ибо проведено не по одному логическому основанию.

В работе верно подмечено, что анализ буржуазной историографии развития сельского хозяйства Сибири продуктивен лишь тогда, когда связан с рассмотрением всей концепции социально-экономической истории СССР. Однако в ряде случаев авторы чрезмерно приводят материал, посвященный советской деревне в целом, в результате чего повторяется анализ, уже сделанный другими авторами. Особенно это сказалось в шестой главе. Вместе с тем недостаточно используется для анализа, например, талантливое исследование К. Хамфри, посвященное экономике, общественным отношениям и религии в сибирской деревне⁴.

Книга, к сожалению, грешит излишним прямолинейным опровержением буржуазных концепций, есть в ней и, так сказать, несколько облегченное представление о некоторых аспектах истории и современного состояния нашей деревни. Вряд ли обоснованно, в частности, негативное толкование мнения А. Ноува о том, что «урало-сибирский метод хлебозаготовок», предложенный Сталиным в 1928 г., «раз и навсегда покончил с тем тонким психологическим балансом, на основе которого держались отношения партии и крестьянства» (с. 130). Обсуждения заслуживает и утверждение Р. Миллера о том, что «насильственная коллективизация представляла собой резкое ускорение» всей

⁴ Humphrey C. Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Oxford, 1983.

программы социалистического преобразования деревни, «что было равносильно отказу от стратегии постепенности и убеждения» (с. 160).

Нельзя оценивать как «дискредитацию» и тезис П. Грегори и Р. Стюарта о том, что остаточный принцип системы оплаты по трудодням и политика заготовок представляли собой «способ давления на сельское хозяйство с целью получения необходимой поддержки, которая требовалась для нужд индустриализации» (с. 178). В последних работах советских историков дается более объективное, диалектическое рассмотрение этих проблем⁵.

Несколько упрощенно трактуется в книге и ситуация в современном советском, в том числе и сибирском, сельском хозяйстве. В более глубоком рассмотрении нуждались утверждения буржуазных авторов о низкой экономической эффективности аграрного сектора экономики СССР, излишней централизации планирования, недостатках механизации и др. Хорошо известно, что наша партия с особой глубиной и критичностью вскрывает сейчас положение дел в стране, и в аграрно-промышленном секторе экономики в частности. Поэтому «черно-белая» полемика с Западом все больше оказывается несостоятельной. Впрочем, указанный недостаток присущ не только рецензируемой работе (тем более, что в эпоху гласности наше понимание прошлого и настоящего стремительно углубляется, и представления, зафиксированные в той или иной книге, также быстро могут устареть), а в той или иной степени всей литературе, посвященной анализу советологических теорий.

Вину за такое положение дел несут и наши историки, экономисты, социологи, занимающиеся проблемами советской деревни. Надо прямо сказать, что значительная часть работ советских авторов безлика, компилятивна, содержит простой пересказ партийно-государственных документов, в лучшем случае проиллюстрированный примерами, приукрашивает положение дел в сельском хозяйстве, обходит трудные, проблемные вопросы, не ищет путей их решения и сильно уступает в этом публицистике А. Стреляного, Ю. Черниченко, И. Васильева.

Всем нам необходимо решительно избавляться от рецидивов «примитивно-разоблачительного» подхода к буржуазной историографии, переходить к подлинно научной исторической критике, сопоставлению и обмену мнениями, выработке новых идей.

А. Л. Айзенштадт

---

⁵ См., напр.: Данилов В. Октябрь и аграрная политика партии.— Коммунист, 1987, № 16, с. 28—38.

У А И Т С. ИСТОКИ РАЗРЯДКИ. Генуэзская конференция и отношения Страны Советов с Западом. 1921—1922. Кембридж, 1985, 255 с.

В апреле—мае 1987 г. минуло 65 лет с тех пор, как в Генуе, в палатце Сан Джорджио, собрались представители 34 государств для того, чтобы обсудить меры по «экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы» и, главное, разрешить так называемый «русский вопрос». Осознав бесперспективность попыток вооруженной борьбы против Советской России, страны Запада были вынуждены отказаться от курса на ее экономическую блокаду и дипломатическую изоляцию. Необходимость восстановления разрушенного войной хозяйства европейских государств и укрепления внутреннего положения Советского государства диктовали урегулирование «русского вопроса».

Этой важной вехе в отношениях Советского государства со странами Запада посвящено исследование доктора политических наук в университете Глазго С. Уайга

«Истоки разрядки. Генуэзская конференция и отношения Страны Советов с Западом. 1921—1922»*.

Автор считает, что ни в одном из современных исследований не предпринимались попытки «поставить проблемы международной дипломатии этого периода в целом или хотя бы под углом зрения развития отношений между Советами и Западом» (с. VII). Восполнение этого пробела является центральной задачей работы С. Уайта.

Исследование основано главным образом на материалах из правительственных архивов и архивов министерств иностранных дел Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Германии, США, дополненных личными документами государственных деятелей этих стран (таких, как Чемберлен, Ллойд Джордж, Керзон, Мильеран, Пуанкаре, Ратенау, Шанцер и многие другие). Автор использовал сборники документов и парламентские документы стран Запада, прессу и другие источники, относящиеся к Генуэзской конференции.

Выражая озабоченность относительно недоступности советских государственных и частных архивов для западных исследователей, С. Уайт вместе с тем отмечает наличие многочисленных документальных публикаций, включающих не только серию «Документы внешней политики СССР», но и сборники документов советско-германских, советско-польских, советско-чехословацких отношений, материалы президиума Госплана, содержащие прежде не публиковавшиеся «документы первостепенной важности» (с. IX). Автор привлек также материалы советских партийных и государственных органов, прессы, труды В. И. Ленина.

Широкий круг источников дополнен хранящимися в западных архивах перепиской Г. В. Чичерина, документами Л. Б. Красина, Л. Д. Троцкого. Автор привлек эмигрантскую прессу и даже материалы западных разведок, правда, подчеркивая, что «такого рода источники должны использоваться с особой тщательностью» (с. X).

Как справедливо отмечает С. Уайт, передовым умам капиталистического мира (в частности, М. Кейнсу) и раньше было ясно, что без участия Советской России невозможно ни урегулирование мирового хозяйства, ни разрешение вопросов международной политики. Далеко не последнюю роль в изменении политики стран Антанты по отношению к Советской России, подчеркивает Уайт, сыграло положение в Германии: как опасались союзники, она «могла пасть жертвой той же заразы, которая поразила Россию» (с. 16).

Однако автор не учитывает, что изменения в позициях Запада носили тактический характер: установление экономических отношений с нашей страной рассматривалось прежде всего как средство для продолжения борьбы против Советской власти иными, кеворууженными методами. Об этом свидетельствуют и многие приведенные в книге С. Уайта факты. Так, национальную трагедию России — голод 1921 г. — правительства Англии и Франции попытались использовать для того, чтобы в обмен на кредит добиться от Советского правительства признания всех долгов царского и Временного правительств, возмещения иностранцам убытков, причиненных в результате национализации, и т. д. (с. 34).

Подготовка к Генуэзской конференции шла в условиях острой дипломатической борьбы, которой посвящена значительная часть исследования С. Уайта. Союзники выступили с идеей создания международного консорциума по «экономическому восстановлению» России в составе Англии, Франции, США, Германии, Бельгии и Италии. С помощью консорциума страны Антанты рассчитывали не только разрешить свои проблемы (50% доходов Германии от торговли с Советской Россией должны были идти на выплату репараций), но и закабалить Страну Советов. Поэтому советские

---

* White S. The Origins of Detente. The Genoa Conference and Soviet Western Relations 1921—1922. Cambridge, 1985, 255 p. См. предыдущие работы автора: White S. Britain and the Bolshevik Revolution. L., 1979; Political Culture and Soviet Politics. L., 1979; White S., Gardner G., Schöpflin G. The USSR: Portrait of Superpower. L., 1982.

представители с самого начала дали понять, что создание подобного консорциума представляет политическую угрозу и имеет своей целью эксплуатацию России на полуколониальной основе. Они предложили создать несколько консорциумов в разных областях России на приемлемых для Советского правительства условиях (с. 76).

С. Уайт подробно анализирует процесс выработки и принятия предварительных дипломатических договоренностей между союзниками. Это прежде всего касается заседания Верховного совета Антанты в Каннах в начале января 1922 г., когда было принято решение об условиях участия в Генуэзской конференции. Шесть пунктов так называемых каннских условий были сформулированы таким образом, чтобы заставить Советскую Россию признать долги царского и Временного правительства еще до созыва конференции.

Вместе с тем автор показывает, что позиции союзников в вопросе об урегулировании отношений со Страной Советов были далеки от полного единства. С. Уайт объясняет это особенностями структуры внешнего долга России западноевропейским державам: в Великобритании он в основном затрагивал интересы государства (и поэтому правящие круги обладали большей самостоятельностью в решении этого вопроса), а во Франции — преимущественно частных лиц, среди которых было немало крупных банкиров и промышленников, оказавших сильное давление на правительство. Положение Италии в этом вопросе было ближе к положению Англии, а Бельгии — к Франции. Поэтому Англия и Италия прежде всего стремились к расширению торговли с Советской Россией с целью экономического оживления и сокращения безработицы и проявили большую гибкость в переговорах (с. 27).

Франция занимала более жесткие позиции и в отношении Германии, требуя установления контроля над германским бюджетом, валютной системой и экспортом и угрожая оккупацией Рура в случае прекращения репарационных выплат. Правительства Бриана, а затем Пуанкаре добивались заключения антигерманского пакта с Англией, подкрепленного военными гарантиями. Однако Англия не торопилась «связывать себе руки в Европе» (с. 60).

Важным этапом подготовки к конференции автор считает переговоры двух премьер-министров — Ллойд Джорджа и Пуанкаре — в Булони 25 февраля 1922 г., где были «устранены наиболее серьезные препятствия к реализации предложения о созыве международной конференции, во всяком случае в том, что касалось межсоюзнических отношений» (с. 73).

К числу несомненных достоинств книги С. Уайта следует отнести анализ расстановки внутривосточных сил в Англии, Франции и Германии накануне конференции и их влияния на ход переговоров. Любопытно замечание автора о том, что лорд Керзон, называемый в Советской Исторической Энциклопедии одним из наиболее активных участников Генуэзской конференции, в действительности на ней не присутствовал (с. 126).

Исследование внутривосточной ситуации сделано в книге и в отношении Советской России. Страна подводила итоги первого года осуществления новой экономической политики. Многие члены партии, в том числе некоторые видные ее руководители, неправильно оценили переход к нэпу как измену коммунистическим принципам, ничем не обоснованную уступку частному капиталу. Подготовка к Генуэзской конференции была также расценена ими как уступка буржуазному Западу. Подобные опасения были высказаны, в частности, на Чрезвычайной сессии ВЦИК 27 января 1922 г., где утверждался состав делегации на конференцию.

На основании архивных данных С. Уайт рассказывает о том, что расхождения в оценках предстоящей конференции имелись и у членов советской делегации. Так, А. А. Иоффе и Г. Я. Сокольников полагали, что конференцию необходимо использовать как форум для политической пропаганды и меньше внимания уделять экономическим вопросам, ибо перспектива пролетарской революции в Европе, по их мнению, была тем вероятнее, чем больше нарастала нестабильность капитализма. Раздавались

голоса и в пользу развития исключительно собственных ресурсов для экономического восстановления. Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов и Л. Б. Красин, напротив, полагали, что иностранный капитал жизненно необходим Советской России для восстановления транспорта, сельского хозяйства, большинства отраслей промышленности (с. 113).

Советское правительство согласилось принять канские условия за основу переговоров. Как справедливо подчеркивает С. Уайт, различия в мнениях среди членов советской делегации не помешали ей с честью выполнить возложенные на нее нелегкие обязанности. Большую роль в этом сыграло твердое и последовательное руководство В. И. Ленина, который из Москвы внимательно следил за ходом переговоров. По признанию большинства из 800 журналистов, освещавших ход заседаний, среди которых были Э. Хемингуэй — от «Торонто стар» и М. Кейнс — от «Манчестер гардиан», делегация Советской России доминировала на конференции (с. 21).

Невозможно согласиться с выводом С. Уайта о том, что Рапалльский договор между Советской Россией и Германией, заключенный в ходе конференции, имел чисто символическое значение и «не оправдал надежды его сторонников и страха противников» (с. 167). Договор был основан на принципах полного равноправия и мирного взаимовыгодного экономического сотрудничества, что определило его политическое значение. Обе стороны аннулировали все претензии друг к другу, восстанавливали дипломатические отношения и выходили из экономической изоляции. Рапалльский договор был признан специальным постановлением ВЦИК от 18 мая 1922 г. образцом взаимоотношений между странами различных общественно-политических систем.

Генуэзская конференция закончилась, не принеся практических результатов, и переговоры были продолжены в июне — июле 1922 г. в Гааге (Нидерланды), но и они ничего не дали из-за упорного стремления западных держав навязать свои условия. Представляется, что именно этот бесперспективный курс западной дипломатии завел работу Генуэзской конференции в тупик, а не те факторы, которые С. Уайт считает основными причинами ее провала. В их числе он называет несбывшиеся надежды союзников на переорождение Советского государства в связи с эзпом; недостаточную информированность о позициях Советского правительства; организацию работы конференции по комиссиям и комитетам с ограниченным числом участников (что имело свои «негативные последствия» в виде Рапалльского договора); пассивность большинства делегаций в усилиях преодолеть застой в работе конференции; слабость позиций политических лидеров Запада у себя на родине; отсутствие единства взглядов не только между Западом и Советской Россией, но и между западными державами, а также нежелание США участвовать в конференции (с. 204—206). Конференция не могла решить поставленных перед ней проблем, отмечает С. Уайт, не потому, что «они были неразрешимы, а потому что те, кто стремился сделать это, оказались слабее своих противников» (с. 210).

В последующие годы, заключает автор, развитие отношений между Советской страной и странами Запада определялось двумя подходами — «холодная война» и рядка. Генуэзская конференция, как полагает С. Уайт, явилась моделью второго подхода.

Главная цель, стоявшая перед Генуэзской конференцией, пишет автор, заключалась в развитии отношений сотрудничества между Востоком и Западом на основе уважения национального суверенитета каждой стороны, развития торговли и укрепления политической стабильности и мира. Подобная цель «остается в центре международной политики и поныне» (с. 211). С этим основополагающим выводом работы английского историка можно полностью согласиться.

С. Уайт провел тщательное и глубокое исследование, но, к сожалению, остался в плену многих стереотипов. Так, он полагает, что противоречия между «революционной пропагандой и нормализацией дипломатических отношений с остальным миром были важнейшим фактором, осложнявшим отношения между Советами и Западом в начале

20-х годов и позже» (с. 25). В действительности же, как явствует из материалов самой книги, основную роль играли иные, более глубокие факторы.

Говоря о мировой политике послеоктябрьского периода, С. Уайт использует термин «новая дипломатия». Причиной ее появления он считает «демократический дух времени» (с. 10). На наш взгляд, автор не учитывает принципиально нового характера советской внешней политики, того огромного воздействия, которое оказала Октябрьская революция на международные отношения.

Именно первый декрет Советской власти — Декрет о мире, внешнеполитическая деятельность Советского государства утверждали новые принципы международных отношений, внедряли в дипломатическую практику методы открытой дипломатии, отказа от дипломатии тайной, антинзредной. Именно поэтому империалистические державы, сохраняя традиционный характер своей дипломатической деятельности, осуществляемой тайно, за спиной народов и вопреки их интересам, были вынуждены провозгласить «новую дипломатию» и придать ей видимость широкой гласности. Отсюда и знаменитые 14 пунктов президента США Вильсона, о которых неустанно напоминает С. Уайт, и Лига Наций, и международные конференции, которые империалистические государства использовали для того, чтобы диктовать свою волю малым и порабощенным народам, выступая на этих форумах единым фронтом и обеспечивая тем самым необходимые им решения, прикрываясь при этом рассуждениями о демократии. Эту политику страны Антанты пытались использовать и на Генуэзской конференции.

Некоторые вопросы, связанные с работой Генуэзской конференции, не нашли отражения в книге С. Уайта. В недостаточной степени показана роль США, которые хотя и не принимали непосредственного участия в конференции, однако оказывали значительное влияние на ее ход извне. Ряд экономических вопросов, рассматривавшихся в Генуе, таких, как «нефтяной» вопрос, вынесены автором за рамки исследования.

Однако обширность использованного архивного материала, по большей части впервые введенного в научный оборот, широта охвата проблем, связанных с Генуэзской конференцией, интересные, пусть и не всегда беспспорные выводы исследования С. Уайта, запоминающиеся портреты крупных политических деятелей и дипломатов, наконец, увлекательный стиль изложения несомненно привлекут внимание читателей.

Р. С. Шакиров

БЭН ЭКЛОФ. РУССКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ШКОЛЫ. Чиновничество, деревенская культура и народная педагогика, 1861—1914. Беркли — Лос-Анджелес: изд-во Калифорнийского ун-та, 1986, 652 с. *

Исследование культуры русского крестьянства, его общественного сознания все больше привлекает внимание современных исследователей. В работах советских историков¹ констатируется недостаточная изученность данной тематики, диктующая необходимость восполнения имеющихся пробелов. При этом подчеркивается сложность, неоднозначность проблемы. Во-первых, это традиционализм как один из основных призна-

* Ben Eklof. Russian Peasant Schools. Officialdom, village culture and popular pedagogy, 1861—1914. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1986.

¹ См.: Краснобаев Б. И. Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в.— В кн.: Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985, с. 27; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986, с. 3.

ков культуры крестьян, их враждебность к меняющейся культуре внешнего мира — факт, который «не может быть оценен одной какой-либо формулой, он требует многостороннего подхода и анализа». Во-вторых, несомненная способность крестьянской культуры к развитию и связь между нею и общенациональной культурой, причем первая в этом взаимодействии была не только объектом, но и субъектом процесса, «одним из самых полнокровных источников», питавших национальную культуру².

В книге профессора Индианского университета (США) Бэна Эклофа, посвященной развитию начального образования в русской дореволюционной деревне, предпринята попытка по-новому взглянуть на культурные и исторические процессы в России через изучение роли в них крестьянства, его мировоззрения и отношения к культуре, образованию и т. д. По мнению автора, распространенный в западной историографии взгляд на традиционную деревенскую культуру как замкнутую и неподвижную, враждебную любым изменениям, приводит, по крайней мере, к двум серьезным ошибкам. Во-первых, инициатива в распространении грамотности и школ приписывается только внешним силам, а во-вторых, утверждается, что именно в результате этого вмешательства извне происходят изменения в сельском хозяйстве и крестьянском сознании (с. 3). В отличие от авторов предшествовавших работ по истории просвещения в России, в центре внимания Б. Эклофа не столько политика правительства, хотя он и прослеживает ее эволюцию во второй половине XIX — начале XX в., сколько поиск ответа на вопрос, каковы были реальные итоги этой политики в результате ее столкновения с психологией и традиционным жизненным укладом крестьянства. Б. Эклоф выявляет инициаторов создания и развития школьной системы в деревне, роль сельского учителя в процессе образования и степень его влияния на жизнь общины, исследует феномен так называемой народной педагогики и его связь с результатами школьного дела в России, анализирует реальные приобретения и потери для крестьянства от получения не только высшего или среднего, но даже законченного начального образования. Таким образом, автор как бы поворачивает разными гранями проблему отношений крестьянской общины и внешнего мира, проникновения культуры и ценностей последнего в патриархальный мир деревни. Новизна постановки вопроса в сочетании с тщательным изучением внушительного корпуса источников позволили Б. Эклофу прийти, по нашему мнению, к столь нетрадиционным и интересным выводам.

Заслугой американского исследователя прежде всего является выяснение роли земства в развитии школьной системы³. «Очень похоже, что в период между 1864 и 1890 гг. крестьяне сами были движущей силой распространения грамотности, зафиксированного официальной статистикой», — пишет автор (с. 84). Это было связано с деятельностью возникавших повсеместно вольных крестьянских школ, или школ грамоты, где детей обучали местные грамотеи или отставные солдаты. В результате грамотность становилась достаточно распространенным явлением даже в тех уездах, где не было официально зарегистрированных начальных школ. Поэтому, считает Б. Эклоф, рост числа школ, по официальным статистическим данным, к 1890 г. отражал лишь регистрацию уже существовавших крестьянских школ грамоты, которые теперь становились земскими или церковно-приходскими. Крестьяне при этом продолжали, как и раньше, нести основную тяжесть расходов по их содержанию: около 43% — к концу столетия (с. 88), а до конца 80-х гг. XIX в. — до 30% расходов, числившихся за земством (с. 86).

Финансовые трудности были причиной слабой активности земства в организации сельских школ вплоть до середины 90-х гг. XIX в. Но несомненен крупный вклад зем-

² Краснобаев Б. И. Указ. соч., с. 28, 30.

³ Одновременно с рецензируемой книгой вышла работа Н. М. Пирумовой «Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в.» (М., 1986). Автором поставлен вопрос о деятельности земства по организации сельских школ, но специально он не рассматривается. Эта тема затрагивается и в работе Н. М. Ушаковой «Земское народное учительство Урала времени двух буржуазно-демократических революций» (Автореф. канд. дис. Свердловск, 1984).

ства в деле управления школьным образованием. И хотя Министерство народного просвещения стремилось максимально подчинить себе все начальное образование, что проявилось, в частности, в учреждении в 1869 г. института инспекторов народных училищ, однако реальной силой, осуществлявшей постоянный контроль за начальным образованием, было земство с его налаженной системой сбора информации, участием в работе местных училищных советов (которыми оно фактически руководило), различными школьными комиссиями, канцеляриями и другими органами опеки. Наконец, земство оказывало огромное влияние и на самих инспекторов, которые не могли обойтись без его помощи. В целом Б. Эклоф считает возможным говорить о «высокой степени контроля за сельскими школами со стороны местных органов», и даже удвоение числа правительственных инспекторов в 1908 г. не изменило этого положения. «Уровень активности земств, таким образом, определялся не степенью свободы, предоставляемой им правительством, а мерой их приверженности делу народного образования» (с. 154).

Последнее утверждение автора, однако, не может быть принято без оговорки, которая по существу вытекает из его рассуждений — о переходе инициативы в деле организации начального образования от крестьянской общины к земству, а затем к правительству (с. 84—119). Автор выделяет три этапа в развитии школьной системы: первый — открытие повсеместно крестьянских вольных школ; второй — земство приступает к организации школ и берет на себя часть расходов по их содержанию; третий — правительство (особенно после 1908 г.) пытается усилить свое влияние посредством увеличения количества инспекторов, а также с помощью прямых ассигнований на строительство и содержание сельских школ (с. 119). Таким образом, в конце XIX в. земство вносит весомый материальный вклад в дело народного образования. Активизация земской школьной политики произошла, в частности, вследствие постепенного (с конца XIX в. и до 1914 г.) увеличения правительственных ассигнований на земские нужды (с. 93). Речь идет поэтому о финансовой зависимости земства от правительства, которая и определяла степень его свободы в создании органов, осуществлявших контроль за школами. Если же эта свобода и была значительной, то только потому, что, как верно отмечает автор, между земским и правительственным элементами в школьном деле не было противоречий на протяжении всего рассматриваемого периода (с. 95, 115).

В 90-е гг. XIX в. для всей образованной части русского общества был характерен переход с позиции стороннего наблюдателя и контролера на позицию активного проводника идеи всеобщего начального образования. Официальные круги вслед за общественностью признали необходимость этой меры для дальнейшего развития производительных сил страны, укрепления ее военной мощи, а также для предотвращения той социальной опасности, которая, по их мнению, возникла в условиях распространения среди крестьянства «дикой грамотности» (с. 109—110). Учебные программы, составленные прогрессивными деятелями просвещения, предполагали, что крестьянские дети должны быть «вырваны из традиций и предрассудков их семей и общины», «окультурены». Другими словами, ставилась задача не просто обучения детей грамоте, а воспитания «ребенка в целом», привития ему «современных ценностей», т. е. замены традиционной крестьянской культуры официальными ценностями и традициями (с. 170).

Отношение самих крестьян к проблеме образования, как показано в книге Б. Эклофа, отличалось большим постоянством, чем взгляды правительства и даже земцев. В целом для крестьян было характерно понимание пользы грамотности, которую они, правда, не всегда отождествляли с обучением в школе (с. 263). В этом кажущемся противоречии отразилась специфика народной педагогики, «открытие» и анализ которой составляют, несомненно, одно из достоинств книги. Здесь, по мнению автора, скрыты причины неудачи «верхов» в воплощении в жизнь программы всеобщего начального образования, а именно в той ее части, которая имела целью преобразование мировоззрения крестьян.

Б. Эклоф считает, что действительные изменения в мировоззрении происходят не от грамотности как таковой, а от длительности пребывания в системе официального

образования (с. 474). Крестьянская педагогика четко отделяла одно от другого. Цели крестьян отличались от целей создателей школьной системы: чтобы дети могли не просто читать, а понимать содержание; не просто писать, а уметь составить письмо; чтобы не очень задумывались над проблемами внешнего мира и не отвлекались от крестьянского труда. К этому необходимо добавить и стремление крестьян свести к минимуму расходы на обучение, и их крайнее недоверие к действиям помещика или чиновника (с. 263). Этими установками обуславливались те характерные черты и результаты развития начального образования в России, которые впервые анализируются автором книги.

Важное наблюдение Б. Эклофа касается разницы между количеством школьных мест и реальным числом обучаемых. Последнее значительно превосходило первое вследствие повсеместного стремления крестьян сократить срок обучения с 4-х до 2—2,5 лет, чтобы освободить места как бы для второго потока учеников (детей более старшего возраста, не принятых в школу ранее). По мнению Б. Эклофа, учитывая эту особенность, можно получить более полную картину распространения образования, чем та, которую обычно рисуют историки, основываясь на данных о крайне низком проценте учащихся по отношению ко всему населению страны. По данным автора, полученным на основе «Однодневной переписи» Министерства внутренних дел 1911г., 42% сельских детей школьного возраста было охвачено обучением (с. 293). Интересна попытка автора сравнить качество обучения детей в России и на Западе. Рассматривая в своей работе некоторые аспекты этой проблемы (например, вопрос об уровне профессиональной подготовки учителей, о чем речь пойдет ниже), Б. Эклоф подчитал, что количество учеников на одного учителя в русской школе в среднем были приблизительно в два раза меньше, чем в Западной Европе или США (с. 306—307). Таким образом, вывод автора, что степень распространения школ в России была гораздо выше, чем это представлялось ранее, достаточно обоснован. При этом Б. Эклоф подчеркивает существенную деталь: единственно важным фактором для поступления крестьян в школу была ее доступность (удаленность от места жительства и наличие мест) (с. 314).

Последнее наблюдение оттеняет другое заключение автора, сделанное им вслед за некоторыми современниками: ни рост числа школ, ни льготы по набору в армию для имеющих свидетельство об окончании школы не повлияли на мнение крестьян о продолжительности обучения в школах — только менее $\frac{1}{3}$ крестьянских детей училось 3 года и более. Причем традиционно подчеркиваемая связь между бедностью крестьян и их уходом из школы справедливо представляется автору более сложной, чем это кажется на первый взгляд. Ведь, по данным источников, независимо от благосостояния или занятий родителей, региона, дети оставляли школу приблизительно на определенной стадии обучения (овладев навыками чтения, письма и счета). Большинство из них не достигало еще 12—13 лет — возраста, когда они начинали приносить доход хозяйству. Автор видит причину в отношении родителей к учебе — в их боязни оставить ребенка на длительный срок в распоряжении представителя другой культуры и в опасении, что документ об окончании школы может лишить хозяйство рабочих рук. «Крестьянская педагогика была философией выживания, стратегией приспособления к условиям враждебного и меняющегося мира» (с. 478).

Насколько обоснованным был такой подход, свидетельствует глава, посвященная результатам школьного дела. Главный из них заключается в том, что школа подготавливала уход из деревни и, следовательно, по мнению автора, способствовала еще большему ее отрыву от процессов, происходивших в обществе, усилению патриархальной власти общины (с. 470). Этот вывод представляется важным не только потому, что он подводит итог исследованию. Он наводит на размышления о той роли, которую сыграла община в судьбах русской деревенской культуры в период, когда объективные социально-экономические процессы и политика «верхов» были направлены на разрушение этой культуры. Опросы учителей показывали, что даже то моральное влияние образования, которое испытывало на себе ничтожное количество крестьян, окончивших школу, меньше всего отражалось на их экономическом укладе, семейных отношениях и граждан-

ском поведении (с. 432). Б. Эклоф справедливо видит здесь сопротивление общины, ее стремление к самосохранению через консервацию традиционных жизненных устоев крестьян. Признавая это, следует, однако, подчеркнуть, что оценка подобного явления вряд ли может быть лишь отрицательной. Вероятно, последствия такой «политики», проводимой общиной, были сложнее, чем это видится автору: «бунтарство, примитивная анархистская враждебность ко всем образованным и привилегированным представителям „верхов“» и «волна беспорядков, которая смела старый режим» (с. 481). Тот факт, что община смогла «растворить в себе деревенскую школу и подчинить ее своим интересам» (с. 482), говорит, на наш взгляд, о том, что община взяла на себя регулирующую функцию в отношениях с официальной культурой.

Сложность механизма взаимодействия деревни с внешним миром хорошо видна и на примере вопроса о роли сельского учителя в жизни деревенского общества. По мнению Б. Эклофа, минимальная профессиональная подготовка учителей (которая в то же время не уступала этому показателю в странах Западной Европы и США) (с. 202) вполне отвечала тем требованиям, которые перед ними выдвигались: обучение основам грамоты. Что же касается авторитета учителя в деревне, то здесь решающую роль играли его происхождение, возраст, материальное и семейное положение. Автор считает, что, за исключением крестьян-учителей, имевших свое хозяйство и семью, большинство учителей по своим характеристикам не могло претендовать на существенную роль в деревенской жизни. Чрезвычайная незащищенность учителя от произвола местных властей, а также его материальная зависимость от общины не позволяли ему стать связующим звеном между общиной и внешним миром (с. 237). Заметим, что в нашей литературе появилась несколько иная оценка как частных моментов, так и вопроса о роли учителя в целом. Так, Н. М. Пирумова, анализируя в своей работе учительство как один из отрядов земской интеллигенции, отмечает тенденцию повышения квалификации учителей земских школ, независимость их положения от социального происхождения, определенное влияние, которое они оказывали не только на детей, но и на взрослое население деревни через просветительскую деятельность⁴.

Автор коснулся в своей книге и вопроса о роли церковно-приходских школ в распространении начального образования в России, отведя ему небольшой раздел. Б. Эклоф пришел к выводу, что, несмотря на явное предпочтение, которое крестьяне отдавали земским школам, это было продиктовано лишь желанием избежать дополнительных расходов, а не разницей в программе или качестве обучения (которая, по его мнению, была незначительной). Автор считает, что роль церковно-приходских школ неоправданно принижена историками в результате недостаточно критического прочтения источников (с. 176).

Очевидно, все эти непростые проблемы нуждаются в дальнейшем анализе с привлечением новых источников. Книга Б. Эклофа является серьезным вкладом в изучение культуры русского крестьянства, она открывает широкие перспективы дальнейшей разработки этой интереснейшей темы.

Л. Г. Захарова, В. Б. Краснова

---

⁴ См.: Пирумова Н. М. Указ. соч., с. 55, 57, 185.

ПЕРВАЯ СОВМЕСТНАЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ XVI—XVII ВЕКОВ

Сотрудничество советских и финских историков имеет давние и прочные традиции. С середины 1960-х гг. проводятся двусторонние симпозиумы по широкому кругу проблем, а с 1971 г. организуются научные совещания более узкого профиля, посвященные специальным вопросам социально-экономической истории. Несомненно полезной для развития исторической науки обеих стран явилась и такая форма сотрудничества, как обмен учеными для работы в архивах и библиотеках, чтения лекций. В целях организации и регулирования контактов советских и финских историков в 1970 г. в рамках Советско-финляндской межправительственной комиссии по научно-техническому сотрудничеству была создана советско-финляндская рабочая группа по научному сотрудничеству в области истории. При подписании очередного соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией Финляндии в мае 1980 г. было отмечено, что одной из проблем, представляющих взаимный интерес, является изучение отдельных периодов истории Карелии.

Расширение и укрепление научных связей между историками двух стран сделали возможной идею совместной публикации источников. Она принадлежит известному финскому историку, автору нескольких фундаментальных исследований по истории Карелии, руководителю Карельского исследовательского института при университете города Йоенсуу Хейкки Киркинену и видному советскому историку Карелии, в период подготовки данной публикации являвшемуся заведующим сектором истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, кандидату исторических наук А. С. Жербину. Они стали координаторами работ совместного советско-финляндского научно-исследовательского проекта «Региональные исследования в области истории», к выполнению которого в 1981 г. приступили Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР и Карельский исследовательский институт при университете города Йоенсуу.

Было решено начать выявление источников по истории Карелии XV—XVIII вв. в архивах СССР и Финляндии, а также Швеции, с целью опубликования наиболее важных из них с точки зрения историков двух стран. К изданию предлагались различные документы: поземельные книги, списки переселенцев Корельского уезда, таможенные книги, карты, судебные книги. В результате двусторонних консультаций была достигнута договоренность о том, что на первом этапе совместной работы будут изданы материалы писцового делопроизводства по Северо-Западной и Западной Карелии из советских и финских архивов.

В 1987 г. совместно подготовленный историками Петрозаводска и Йоенсуу сборник «История Карелии XVI—XVII вв. в документах» был опубликован в Финляндии офсетным способом¹. Советская часть издания была представлена финской стороне в виде оригинала-макета, отпечатанного на пишущей машинке со сменными шрифтоносителями, т. е. готовой к безнаборному воспроизведению. В соответствии с предварительной договоренностью часть тиража (500 экз.) в настоящее время передана из Финляндии в Советский Союз.

Составителями сборника с советской стороны явились сотрудники Института языка, литературы и истории И. А. Чернякова и Г. М. Коваленко², с финской стороны — видный исследователь истории Карелии XVI—XVII вв. профессор Веёло Салохей-

¹ Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500 ja 1600 luvuilta: История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Joensuu — Petroskoi, 1987, 625 s.

² Г. М. Коваленко с 1984 г. работает в Ленинградском отделении Института истории СССР, продолжая участвовать в подготовке издания.

мо. Научное руководство и редактирование советской части осуществили ведущие научные сотрудники Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР А. И. Копанев и А. Г. Маньков.

Финская сторона включила в публикацию переписные книги Корельского уезда (Кексгольмского лена) 1590, 1618 и 1631 гг. и список запустевших церквей, часовен, монастырей и мельниц также по территории Корельского уезда, сопроводив их географическим указателем.

Советская часть публикации представлена материалами писцового делопроизводства по Корельскому уезду Водской пятины, тяготевшим к нему Лопским погостам и причисленной в XVI в. к последним в податном отношении Шуерецкой волости 1539, 1568, 1587/88, 1597 и 1598 гг. и сопровождается кратким пояснительным словарем и взаимно дополняющими друг друга указателями — именным и географическим. Именной указатель землевладельцев снабжен цифровым порядковым рядом, что позволило включить в географический сведения о совладельцах деревень (цифра в круглых скобках вслед за названием указывает на позицию в именном указателе). Такая структура указателей определена спецификой источников. Готовя публикации, составители в целом ряде случаев столкнулись с невозможностью уверенного отождествления наименований населенных пунктов, упомянутых в разных описаниях одной и той же территории. Оно затруднено тем, что во-первых, многие местные наименования деревень и водных объектов прибалтийско-финско-саамского происхождения были искажены русскими писцами и переписчиками и, во-вторых, наименования деревень Корельского уезда в подавляющем большинстве случаев носили чисто описательный характер и не были устойчивыми. Нередко разные деревни назывались одинаково, но еще чаще в наименование одной и той же деревни вносились дополнительные, уточняющие ее местоположение сведения, что создавало впечатление нового, не встречавшегося ранее названия. Дробность поместного и земческого землевладения в Корельском уезде еще более увеличивала опасность значительного увеличения числа деревень в указателе против действительного. Доли одной и той же деревни оказались записаны за разными владельцами в нескольких местах писцовой книги, а название могло при этом значительно меняться. Критерии отождествления по обожному окладу и именам проживавших в этих деревнях крестьян в таких случаях недостаточны. Составители сочли более надежным отождествление населенных пунктов с учетом их принадлежности определенному кругу землевладельцев, поскольку совладельцы деревень всегда перечислены. При работе с описанием Лопских погостов, где никогда не было поместий, отождествление населенных пунктов в ряде случаев стало возможно благодаря наличию ценнейших сведений о вариантности названий многочисленных в этой части Карелии озер, собранных С. В. Григорьевым и Г. Л. Грицевской в «Каталоге озер Карелии» (М.—Л., 1959). Признанная устойчивость гидронимии и относительная редкость населенных пунктов позволили использовать географическую карту для локализации волостных центров книги Лопских погостов 1587/88 г., искажения географических названий в которой оказались наиболее значительными.

Опубликованные материалы, будучи использованы вместе с писцовой книгой Водской пятины 1500 г. (опубликована И. Д. Беляевым еще в 1852 г.), дают богатейший материал для широкого исследования социально-экономического развития Корельского уезда в XVI—XVII вв.: всех отраслей сельского хозяйства, социальных отношений и налогового пресса, демографических процессов, расселения и национального состава населения, возникновения, роста и исчезновения населенных пунктов. Публикация является ценным источником для исследователей топографии, топонимики и ономастики.

Авторский коллектив проекта «Региональные исследования в области истории» надеется успешно продолжить совместную работу по выявлению и изданию источников по истории Карелии. Карельский исследовательский институт университета Йоенсуу обратился в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР с предложением приступить в ближайшее время к подготовке сборника документов по

истории Карелии XVII в. Предполагается привлечение источников и из шведских архивов. Знакомство с микрофильмами, полученными Карельским исследовательским институтом из Государственного архива Швеции, позволяет констатировать, что там также хранятся ценные материалы по истории Карелии, до сих пор не использованные советскими учеными. В их числе — дозорная книга Корельского уезда 1615 г., писцовые книги Корельского уезда 1637 и 1652/53 гг., реестр переселенцев 1643—1653 гг., извлечения из судебных книг за 1627—1649 гг.

Финская сторона проявляет особую заинтересованность в опубликовании материалов по истории переселения карел в Россию в 1617—1658 гг. Их издание могло бы лечь в основу совместного исследования по переселенческому движению карел.

На следующем этапе работы над проектом «Региональные исследования в области истории» представляется целесообразным опубликовать еще один том материалов писцового делопроизводства и одновременно вести работу по выявлению источников по переселенческому движению карел. В новую публикацию с советской стороны могли бы быть включены писцовые книги Заонежских погостов 1582/83 и 1616—1619 гг., с финской стороны — дозорная книга Корельского уезда 1615 г. и писцовые (поземельные) книги Корельского уезда 1637 и 1652/53 гг.

Продолжение работы над совместным советско-финляндским проектом позволит ввести в научный оборот новые архивные материалы, будет способствовать углубленному изучению истории Карелии и укреплению научных и дружественных связей между СССР и Финляндией.

Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НОВГОРОДСКОГО АКТОВОГО МАТЕРИАЛА НАЧАЛА XVII В. ИЗ ШВЕДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА*

Одним из наиболее трагических эпизодов в истории средневекового Новгорода явилась его оккупация шведами в 1611—1617 гг. Давно известные специалистам источники о повседневной жизни обитателей крупнейшего провинциального центра России под властью иноземных захватчиков весьма скудны. Среди причин, обусловивших такую ситуацию, главной является утрата новгородских архивов (в результате вывоза части их в Швецию, а также вследствие пожара губернской канцелярии в 1809 г.).

Восполнить до некоторой степени пробел в наших знаниях о состоянии Новгорода оккупационного периода позволяют сведения, сообщаемые недавно опубликованной Описью 1617 г. Этот интереснейший документ обнаружен в фонде «Сношения России со Швецией» ЦГАДА и подготовлен к печати В. Л. Яниным и М. Е. Бычковой¹. Однако в нем отразилось в основном положение в городе, сложившееся уже непосредственно к моменту возвращения Новгорода в состав Российского государства по условиям Столбовского мира.

Тем большую ценность представляют подлинные актовые материалы, освещающие со многими подробностями жизнь новгородцев практически за весь почти шестилетний период существования оккупационного режима, введенные теперь в научный обиход.

* Nordlander I. Real estate transfer deeds in Novgorod, 1609—1616. Text and Commentary (Acta Universitatis Stockholmiensis, Stockholm Slavic Studies, vol. 18). Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1987, IX, 171 p., 2 l. ill.

¹ Опись Новгорода 1617 года.— Памятники отечественной истории, вып. 3. М., 1984.

ход шведской исследовательницей Ингегерд Нордландер. Рецензируемая книга, представленная как докторская диссертация к защите на Отделении славянских и балтийских языков Стокгольмского университета, является одновременно комментированным изданием актов перехода из рук в руки недвижимости в Новгороде 1609—1616 гг., находящихся ныне в Шведском Национальном архиве. Тексты, помещенные в публикационном разделе книги, передаются печатным кирилловским шрифтом и сопровождаются только двумя фотовоспроизведениями скорописных подлинников.

Судьбы данного архивного комплекса определялись бурными событиями начала XVII в. После вероломного захвата Новгорода шведскими войсками (взявшими город штурмом 16 июля 1611 г.) их предводитель Якоб де Ла Гарди стал фактическим его наместником. Ему принадлежала реальная власть в городе, где в то же время продолжал функционировать местный административный аппарат. По заключении Столбовского мира 1617 г. Якоб де ла Гарди, эвакуируя свои войска, увез с собой часть новгородских правительственных архивов сначала в Лифляндию, а затем, в 1628 г., в Швецию. Более двух столетий эти документы лежали безвестно в королевском архивохранилище в Стокгольме, пока не были обнаружены там в 1839 г. С. В. Соловьевым. Впоследствии историки не раз обращались к материалам «Новгородского оккупационного архива»². Но использование последних в полной мере становится возможным только после тщательной проработки и публикации на современном научном уровне. Осуществление именно этой задачи взяли на себя шведские русисты в рамках издания «Стокгольмских славянских исследований». В указанной серии вышли сначала «Новгородские кабальные книги 1614—1616 гг.» — две регистрационные книги заемных контрактов, детально изученные и подготовленные к печати Х. Сундбергом³, а теперь, благодаря стараниям И. Нордландер, — «Акты передачи недвижимости в Новгороде 1609—1616 гг.».

Как показывают документы, шведская оккупация Новгорода не отразилась на структуре и принципах функционирования органов городского управления. Оказавшись подчиненными королевскому наместнику, они продолжали работать по-прежнему. В частности, регистрация контрактов по купле-продаже недвижимости регулярно производилась в возглавляемых русскими дьяками канцеляриях согласно давно установленному порядку. Без особых затруднений удаётся, как отмечает И. Нордландер, представить себе процедуру составления и последующего официального утверждения актов передачи недвижимого имущества в Новгороде начала XVII в. Желавшие оформить законным образом такого рода сделку, как правило, обращались за помощью к профессионалам — площадным подьячим, но иногда прибегали и к услугам иных грамотных лиц, достаточно сведущих в составлении подобных документов. Согласованный обеими заинтересованными сторонами и зафиксированный письменно договор-купчая предъявлялся заведующим соответствующей канцелярией одному или двум дьякам. Получивший одобрение документ вносился с полным воспроизведением его текста в специальную «купчую книгу», что сопровождалось уплатой пошлины, обычно 3-процентной (назначавшейся из расчета один алтын с рубля).

И. Нордландер публикует три купчие книги, в которые внесены 114 прошедших регистрацию документов, а также 23 отдельных оригинальных акта. Вместе они представляют собой единый в тематическом и хронологическом отношении комплекс⁴.

² Ср.: Черепнин Л. В. Материалы по истории Русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. XVII. М. — Л., 1961, с. 454—470.

³ Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614—1616. Text and Commentary (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1982.

⁴ Исключения здесь составляют три закладных акта на недвижимость и одна челобитная о закреплении брошенного двора за новым хозяином.

В книгах цитируются документы, датированные с 3 сентября 1611 г. по 22 августа 1613 г., а разрозненные купчие грамоты распределяются внутри более широкого промежутка времени — со 2 августа 1609 г. (10 из них написаны еще до прихода шведов) по 11 апреля 1616 г.

Данная группа памятников письменности дает подчас уникальную информацию о современных им условиях экономической, а отчасти и политической жизни в оккупированном шведами Новгороде. Содержание актов купли-продажи, подчеркивает И. Нордландер, очень ярко отражает обстановку, сложившуюся в завоеванном городе — весьма трудную и тревожную для его обитателей.

Весьма существенным представляется шведской исследовательнице тот факт, что новгородские купчие грамоты заключают в себе обильные сведения по исторической топографии и микротопонимии одного из крупнейших русских средневековых городов. Каждый такой акт содержит помимо описания недвижимого имущества еще и подробное указание его местоположения. Наиболее привычными ориентирами при локализации городских усадеб служили для составителей купчих сторона — левая или правая — какой-либо конкретной улицы (при обязательной конкретизации маршрута движения по ней) и ссылка на хозяев соседних дворовладений (ср., напр., с. 86, 1-26: «...а стоит тот двор на Дослане улицы, идучи от Волхова реки на гору по левой стороны, подле Микитина двора кузнецова, а по другую сторону двор Федосея отъезжего купчины, против Васильева двора сапожника...»). Нередко дополнительно упоминаются близлежащие церкви и монастыри, городской оборонительный вал, берега Волхова и соединявший их мост и т. п. (ср. с. 89, 1-30: «...а стоит тот мой приказной двор брата моего Ивановской в Щурове улице, от реки от Волхова в поле идучи, по левой стороне, подле Онаньина двора кожевника, а лицом к реке к Волхову, через вал против Бориса и Глеба...»).

Когда речь шла о лавке на городском Торгу, непременно указывалось, в каком ряду она находилась (ср. с. 122, 1-74: «...а стоят те мси обе лавки в одной связи в мясном ряду, идучи от Николы Чюдотворца х курятному ряду на большой ряд, подле Васильевской лавки мясниковы, а по другую сторону подле Власовы лавки Опарина, а лицом против мясного ряда, а задом те обе лавки стоят к Пятницы Великомученицы на Дворицах...»).

И. Нордландер справедливо констатирует, что купчие грамоты наряду с летописями, писцовыми и лавочными книгами предоставляют в распоряжение историка наибольший объем топонимических данных для реконструкции плана древнего Новгорода.

Но пояснение, локализирующее положение недвижимости, — всего лишь один из целого ряда пунктов, систематически образующих в своей совокупности содержание документов. Стандартизированный формуляр актов купли-продажи включал в себя также: поименный перечень участников и свидетелей сделки, иногда мотивацию ее (обычная причина продажи — бедность дворовладельца, отсутствие возможности выплачивать полагающиеся налоги⁵), указание на тип недвижимой собственности (двор, дворовое место, лавка, прилавок в торговом ряду, лавочное место), реестр надворных построек, перечисление переходящих к новому хозяину особо ценных бытовых предметов и произрастающих на усадебной земле плодовых деревьев и огородных культур и т. д. и т. п. При внесении в книги купчих, прошедших регистрацию, фиксировались дата их оформления и имена дьяков. В некоторых случаях в качестве официального посредника, передающего документ на утверждение и запись в регистрационную книгу, выступает представитель уличанской администрации — «староста улицы» или «сотский ули-

---

⁵ Мотивировать требовалось только передачу земли, включенной в систему налогообложения. Без объяснения причин продавались «белый двор» и «белое место», лавка и лавочное место, а также недвижимость, приобретаемая дьяком или подьячим.

цы». Обязательно называлась продажная цена собственности, которая очень сильно колебалась (от одного рубля и менее до 50 рублей).

Очень важным моментом в содержании купчей являлось заявление продавца о том, что его недвижимость не была ранее заложена кому-либо. Если же все-таки обнаруживалась задолженность прежнего владельца, то он обязан был погасить ее. В 9 случаях купчей оговаривались условия, регулирующие право продавца продолжать жить на его прежнем двореждении постоянно или в течение ранее оговоренного срока.

Крайне важна информация рассматриваемых И. Нордландер актов для изучения состава надворных построек городских усадеб в Новгороде рубежа XVI—XVII вв. Как известно, многочисленные органические остатки, в том числе всевозможные предметы из дерева, прекрасно сохранились в насыщенном влагой новгородском культурном слое. Множество законсервировавшихся таким образом фрагментов деревянных строений обнаружено археологами при долголетних раскопках. Однако эти материалы относятся преимущественно к строительным ярусам X—первой половины XV в. Причиной тому — сооружение в XVIII в. городской дренажной системы, осушившей верхние напластования культурного слоя, отложившиеся позднее середины — конца XV в. В лишившемся влаги грунте остатки деревянных зданий подверглись процессу гниения и безвозвратно погибли. Поэтому археология дает очень мало материалов по новгородскому домостроительству XVI—XVII вв. И данные письменных источников, уже в силу своей специфики обращая особое внимание на многие детали застройки в жилых кварталах города и в его особом, торговом, районе, здесь трудно переоценить.

В описаниях недвижимости встречается около 50 различных обозначений строений. Историк русской архитектуры купчие дают возможность проанализировать состав надворных построек, характерный в различных вариантах для Новгорода эпохи позднего средневековья. Удастся наметить, в частности, несколько типов городской усадьбы, отличающихся друг от друга как набором жилых и хозяйственных строений и их взаимным расположением, так и особенностями устройства самих зданий (ср. «изба наземная», «горница на подклете» и т. д.). Представленная в купчих богатая строительная терминология отражает разнообразие функций сооружений (ср. «баня», «мыльня», «поварня», «кузница», «погреб», «ледник», «сушило», «мшаник», «печь», «колодец» и т. д.), схему их планировки (ср. с. 144, II-8: «...горница на подклете, да сени, да подсенье, да клеть на подклете, да в той же связи лестница...»), конструктивные и декоративные детали (ср. с. 145, III-1: «...повалушка тритцать венцев с мостом, а другой повалушке семнатцать венцов с потоки и с курицы...»; с. 144, II-8: «...а у клетки вверху и высподи личинные замки...»).

Описания лавок, констатирует И. Нордландер, содержат мало сведений об их устройстве. Зато названия тех рядов, в которых они находились на Торгу, красноречиво говорят о наиболее популярных видах товаров: рыбный просольный и свежий, мясной, курятный, сушеной и пирожный, льяной, шубный, ременной, шапочный женский, подошвенный, железный, саадачный, коробейный, ветошный, свечной, бобровый и т. д. Нельзя не сказать и о том, что постоянные указания в актах на род занятий участников сделки купли-продажи обоих видов недвижимости — дворов и лавок (или их мест) — позволяют по наименованиям отдельных профессий составить представление о степени специализации ремесленного производства и иных сфер трудовой деятельности горожанина-новгородца. Среди приобретателей и владельцев усадеб оказываются уроженцы других русских городов, ближних и дальних: Старой Руссы, Орешка, Корелы, Торжка, Вязьмы и Москвы. Выходец из Твери покупает лавку для торговли в свечном ряду. Всего в купчих упоминается около 600 лиц (из них примерно 60 женщин), что существенно пополняет новгородский просопографический материал рубежа XVI—XVII вв.

Описывая состояние недвижимости, рассматриваемые документы нередко говорят о пожарах и сожженных домах. В ряде случаев уточняется, что городские усадьбы пострадали от огня именно во время «немецкого взятия». Некоторые из этих дворов

надежно локализируются на территории Неревского конца на Софийской стороне и вокруг Антониева монастыря на Торговой стороне, то есть как раз в тех районах города, которые, согласно другим источникам, подверглись разрушениям в ходе штурма 16 июля 1611 г. Встречаются в актах и упоминания о гибели в бою со шведами новгородцев — прежних обитателей усадеб.

Лишь в двух документах фигурируют лица, известные как видные деятели той эпохи. Купчая, датированная 31 июля 1612 г., свидетельствует о продаже двора гостя Степана Иголкина его женой. Сам Степан Иголкин находился тогда с дипломатической миссией в Швеции (с. 121, I-72: «...сказал Василий Трусов: как де гость Степан Иголкин поехал в Свию для государя королевича и поедучи приказал жене своей Устинье двор свой, в котором жил брат его Иван Иголкин, продати...»). Упомянутые там два брата Иголкины, а также дьяк Третьяк Копнин, зарегистрировавший один из контрактов в своей канцелярии 11 октября 1611 г. (с. 139, II-1), были членами делегации, отправившейся 25 декабря 1611 г. из Новгорода в Стокгольм для обсуждения вопроса о передаче российского престола одному из сыновей шведского короля Карла IX. Василий Трусов, являвшийся, судя по цитированному выше акту, лицом, близким к братьям Иголкиным, выступает политическим деятелем той же ориентации как участник переговоров с принцем Карлом-Филиппом в Выборге летом 1613 г.

Оценивая в целом значение изданного И. Нордландер комплекса новгородских купчих грамот 1609—1616 гг., можно согласиться с мнением исследовательницы, что «акты продажи представляют здесь весьма слабое отражение политических событий, но они снабжают значительной информацией о повседневной жизни в городе и дают нам редкую возможность увидеть реалии бытия некоторых индивидуумов» (с. 61). Введение этих архивных материалов в научный обиход заметно расширяет источниковую базу изучения позднесредневекового Новгорода.

А. А. Молчанов

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

Свищёв М. А.— Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе	3
Пережогин В. А.— Из опыта развития научно-производственных объединений Москвы (60—80-е гг.)	24
Безин М. А. (Вологда) — Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1959—1965 гг.)	37
Бордюгов Г. А.— Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20—30-е годы)	60
Герасименко Г. А.— Крах земского самоуправления в России	74
Ячменихин К. М. (Чернигов) — Структура Новгородских военных поселений и их управление в 1818—1831 годах	90

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Дьяков В. А.— Разработка учеными ПНР теоретико-методологических проблем исторической науки (1945—1980)	103
Твардовская В. А., Итенберг Б. С.— Путь ученого. К столетию со дня рождения Бориса Павловича Козьмина (1888—1988)	115
Панеях В. М. (Ленинград) — Проблемы истории России эпохи феодализма в научном наследии Б. А. Романова	131
Каменский А. Б.— Академик Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века	144
Макарихин В. П. (г. Горький) — Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX—начале XX века	160
Тодорова Е. (НРБ, София) — Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья (Историко-географическое исследование)	170

Критика и библиография

Ваксер А. З. (Ленинград) — А. С. Сенявский. Социальная основа СССР	185
Иванов В. М.— А. Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг.	187
Кувшинов В. А., Смольников А. С.— Л. П. Варгатюк, В. Ф. Солдатенко, П. М. Шморгун. В огне трех революций. Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление ленинской стратегии и тактики в трех российских революциях	190
Белов М. Н. (Кострома) — Ю. И. Кирьянов. Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой российской революции	193
Миროнов Б. Н. (Ленинград) — Л. И. Бородкин. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях	197
Чистякова Е. В.— Р. Г. Хачатрян. Русская историческая мысль и Армения	199
Мельникова Е. А.— И. П. Шаскольский. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв.; его же. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII — начало XIV вв.; его же. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке	202

История СССР за рубежом

Айзенштадт А. Л. (Мичуринск) — Н. Я. Гушин, В. А. Жданов. Критика буржуазных концепций истории советской сибирской деревни	206
Шакиров Р. С.— Уайт С. Истоки разрядки. Генуэзская конференция и отношения Страны Советов с Западом. 1921—1922	208
Захарова Л. Г., В. Б. Краснова.— Бэн Эклоф. Русские крестьянские школы. Чиновничество, деревенская культура и народная педагогика, 1861—1914	212
Коваленко Г. М. (Ленинград), Чернякова И. А. (Петрозаводск) — Первая совместная советско-финляндская публикация документов по истории Карелии XVI—XVII веков	217
Молчанов А. А.— Новая публикация новгородского актового материала начала XVII в. из Шведского Национального архива	219